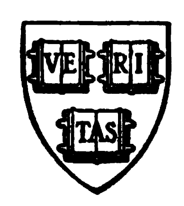

VE RI
TAS

Покорно просятъ исправить слѣдующія опечатки:

Стран.	*Біографія.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ.*
27	Хераскова	род. въ 1773 г.	род. въ 1733 г.
40	Фонвизина	род. въ 1774 г.	род. въ 1744 г.
76	Давыдова	род. 17 іюля	род. 16 іюля
»	»	† въ 1830 г.	† въ 1839 г.
101	Бестужевъ	† въ іюлѣ	† 7 іюля
123, послѣдн. строка	Пушкина	Походная жизнь	Народная жизнь
138	Полежаева	род. въ 1806 г.	род. въ 1805 г.
169	Языкова	† 20 декабря	† 26 декабря
280, вторая строка сверху	Михайлова	и киргизской княжны.	и женатаго на киргизской княжнѣ.
375	Сурикова	† 25 августа	† 25 апрѣля

Кромѣ того:

1) Портретъ М. А. Марковичъ (Марко-Вовчокъ) слѣдуетъ считать на стр. 286-а, а не на стр. 486-а, какъ это ошибочно значится въ алфавитномъ указателѣ и въ заголовкѣ портрета.

2) Н. А. Некрасовъ и въ біографіи (стр. 331), и въ алфавитномъ указателѣ названъ „Николай Александровичъ", а надо—Николай Алексѣевичъ.

Дозволено цензурою. Москва, 20 января 1901 г.

ЦИНКОГРАФИЧЕСКІЯ КЛИШЕ
портретовъ исполнены въ
художественной мастерской
ОТТО РЕНАРА.

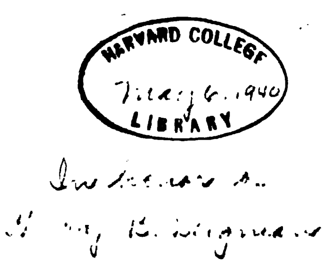

МОСКВА.
Типо-литографія Т-ва **И. Н. Кушнеревъ и К°**, Пименовская ул., соб. д.
1901.

Галлерея русскихъ писателей.

Текстъ редактировалъ И. Игнатовъ.

Изданіе
С. Скирмунта.
Москва. 1901.

На вѣчную память
другу-товарищу
Гиршу Израилевичу Гурвичу

Натанъ Еліесев. Бернштейнъ
Михель Іосифовъ Левинъ
Шоломъ Кушелев. Под…

Минскъ
Января 12-го дня 1903 г.

Настоящее изданіе имѣетъ въ виду представить читателямъ собраніе портретовъ русскихъ писателей, работавшихъ въ области изящной литературы и критики. Въ этомъ собраніи фигурируютъ и великіе русскіе писатели, и авторы меньшей величины, и даже писатели малозначительные. Несмотря на присутствіе многихъ второстепенныхъ писателей, намъ, вѣроятно, сдѣланъ будетъ упрекъ въ неполнотѣ изданія, такъ какъ на одной высотѣ съ писателями, помѣщенными въ настоящемъ собраніи, и даже выше нѣкоторыхъ изъ нихъ, стоятъ другіе, не вошедшіе въ «Галлерею». Причины, по которымъ послѣдніе не помѣщены въ настоящемъ изданіи, многочисленны. Во-первыхъ, издатель, несмотря на всѣ старанія, не могъ найти нѣкоторыхъ портретовъ. Въ числѣ писателей, отсутствующихъ по этой причинѣ, попадаются лица, игравшія въ свое время не маловажную роль въ русской литературѣ; безъ нихъ «Галлерея» во всякомъ случаѣ является неполной. Таковы, между прочимъ, М. А. Антоновичъ, И. А. Кущевскій, Н. С. Соханская и нѣкоторые другіе, какъ сошедшіе со сцены, такъ и современные писатели. Второй причиной отсутствія нѣкоторыхъ портретовъ была слишкомъ поздняя ихъ доставка: помѣщеніе ихъ повлекло бы за собой новую задержку въ выпускѣ и безъ того крайне затянувшагося изданія. Третья причина заключалась въ желаніи дать возможно бо̀льшее количество изображеній современныхъ авторовъ: портреты писателей, уже сошедшихъ со сцены, еще могутъ быть найдены въ разныхъ изданіяхъ, а портреты современниковъ, насколько намъ извѣстно, собранными вмѣстѣ до сихъ поръ не появлялись. Но въ издаваемомъ нами собраніи встрѣчаются также пропуски и не обусловленные ни одной изъ вышеназванныхъ причинъ, и вызванные только необходимостью ограничиться опредѣленнымъ числомъ портретовъ. Само собой понятно, что эта необходимость заставила насъ выбирать между одинаковыми по значенію, взглядамъ и настроенію писателями тѣхъ или другихъ, руководствуясь личной оцѣнкой. Оцѣнка читателей, разумѣется, можетъ отли-

чаться отъ нашей, и тогда неизбѣжно возникнутъ возраженія и вопросы, почему помѣщенъ тотъ, а не другой писатель. Избѣжать подобныхъ упрековъ невозможно ни при одномъ выборѣ. За всѣмъ тѣмъ въ нашей «Галлереѣ» найдутся, вѣроятно, дѣйствительно важные пропуски и недостатки, и, если они намъ будутъ указаны, мы постараемся исправить ихъ въ слѣдующемъ изданіи.

Какъ мы уже сказали, въ «Галлерею» вошли только портреты писателей, работавшихъ въ области изящной литературы и критики; тѣмъ не менѣе нами сдѣланы исключенія для нѣкоторыхъ лицъ, писавшихъ и въ другихъ областяхъ. Такъ, напр., желаніе полнѣе представить эпоху сороковыхъ годовъ заставило насъ помѣстить портретъ Грановскаго.

Къ каждому портрету приложены краткія свѣдѣнія о жизни и литературной дѣятельности соотвѣтствующаго писателя. Составители біографій, помимо чисто біографическихъ данныхъ, имѣли также въ виду дать понятіе и о томъ мѣстѣ, которое каждый писатель занимаетъ въ русской литературѣ; но задача эта осталась мѣстами невыполненною, такъ какъ вслѣдствіе чисто техническихъ соображеній и недостатка мѣста характеристики писателей подверглись въ нѣкоторыхъ случаяхъ весьма значительнымъ сокращеніямъ. Такъ, напр., неудобство, которое могло бы возникнуть для читателя вслѣдствіе того, что біографія отдѣлена отъ соотвѣтствующаго портрета слишкомъ большимъ промежуткомъ, заставляло порою руководствоваться въ размѣрахъ біографій не столько значеніемъ даннаго писателя, сколько количествомъ мѣста, остававшагося въ распоряженіи. Естественно, что при такой чрезмѣрной краткости не всегда представлялось возможнымъ дать вполнѣ ясное понятіе о дѣятельности писателя. Нѣкоторые авторы, любезно доставивъ намъ свои фотографическія карточки и біографическія свѣдѣнія, просили ограничиться этими свѣдѣніями, не сопровождая ихъ литературными характеристиками. Мы не сочли возможнымъ игнорировать ихъ просьбу.

Мы старались по возможности провѣрять по различнымъ источникамъ приводимыя въ біографіяхъ даты рожденія и смерти, но ручаться за ихъ точность въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ не можемъ, такъ какъ между различными источниками очень нерѣдки разногласія*).

Въ своихъ характеристикахъ мы стремились, насколько возможно,

---

*) Такъ, напр., дата рожденія перваго писателя, съ котораго начинается наша „Галлерея“ — Кантемира, съ точностью указывается нѣкоторыми источниками 1-го сентября 1709 года, между тѣмъ, какъ въ 60-мъ томѣ „Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества“ годомъ рожденія Кантемира считается 1708.

сохранять объективность, указывая лишь на то, въ чемъ проявлялась дѣятельность писателя и почти не входя въ оцѣнку достоинствъ и недостатковъ этой дѣятельности.

Что касается до расположенія портретовъ и біографій, то, не упуская изъ вида хронологическаго порядка, мы старались въ то же время сгруппировать писателей по ихъ общественнымъ взглядамъ. Къ сожалѣнію, намъ далеко не вездѣ удалось сохранить этотъ порядокъ, частью вслѣдствіе указанныхъ уже техническихъ затрудненій, частью изъ-за другихъ причинъ, между которыми разновременная доставка портретовъ играла не послѣднюю роль. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ невольно приходилось соединять писателей различныхъ направленій и взглядовъ, или отличающихся другъ отъ друга по роду литературной дѣятельности.

Хотя настоящее изданіе не имѣетъ въ виду, а по своему характеру и не можетъ быть исторіей русской литературы, тѣмъ не менѣе мы сочли необходимымъ предпослать біографіямъ, начинающимся съ Кантемира, краткій очеркъ развитія русской письменности до появленія сатиръ этого писателя *).

Мы считаемъ своимъ долгомъ засвидѣтельствовать нашу глубокую признательность всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, которыя содѣйствовали намъ при собираніи нужныхъ портретовъ; особенно мы должны благодарить за оказанную намъ въ этомъ помощь Р. Л. и В. Л. Антроповыхъ, П. И. Бокова, П. П. Боткина, П. И. Вейнберга, гр. Е. А. Гендрикову, С. Т. Имшенецкую, Н. И. Кирѣевскаго, В. В. Майкова, Л. Ф. Маклакову, Н. К. Михайловскаго, Е. С. Некрасову, Н. О. Новодворскую, А. Е. Носа, Н. А. Огареву, Е. А. Саліаса, А. М. Скабичевскаго, А. И. Станкевича, А. Г. Успенскаго, М. К. Цебрикову, М. Н. Чернышевскаго, В. К. Шапиро, С. П. Щурова и Е. А. Ѳедорову.

---

*) Составленіе этого вступительнаго очерка, а также біографій Бѣлинскаго, Грибоѣдова, И. Крылова и Фонвизина, принадлежитъ П. Н. Сакулину; прочія біографіи написаны при ближайшемъ участіи В. М. Шулятикова и др.

Русская словесность до Кантемира.

Задолго до принятія христіанства и возникновенія письменности русскіе славяне уже обладали извѣстнымъ запасомъ произведеній поэтическаго творчества. Въ христіанскій періодъ жизни русскій народъ выдѣливъ изъ своей среды отдѣльныхъ пѣвцовъ-поэтовъ (народныхъ и дружинныхъ пѣвцовъ, скомороховъ, бахарей, каликъ, сказителей, вопленицъ), продолжалъ творческую работу подъ воздѣйствіемъ разнообразныхъ и сложныхъ культурныхъ факторовъ: новыхъ христіанскихъ идей, книжныхъ сказаній, странствующихъ сюжетовъ, переходившихъ нерѣдко черезъ тюркскую среду, и т. д.

Эти разнообразныя вліянія не стерли однако національнаго колорита съ произведеній русской народной поэзіи, которая, несмотря на присутствіе порой фантастическаго элемента, остается истинно-реальной и въ былевомъ эпосѣ, и въ лирической пѣснѣ, и въ сказкѣ, полной юмора, и въ мѣткой пословицѣ или замысловатой загадкѣ. Научная разработка народной поэзіи началась сравнительно недавно (съ 30—40 гг.), много народныхъ произведеній, несомнѣнно, не дошло до насъ, но даже при этихъ условіяхъ народнопоэтическія произведенія даютъ намъ возможность составить болѣе или менѣе полное сужденіе о міросозерцаніи народа, объ интимной сторонѣ его жизни.

Богатая по содержанію народная [поэзія отличается многими достоинствами и со стороны формы. Правда, въ архитектоникѣ народныхъ произведеній часто нѣтъ должной стройности; характеры изображаемыхъ лицъ (напр., богатырей) иногда заключаютъ въ себѣ внутреннія противорѣчія; въ эпосѣ на каждомъ шагу встрѣчаются географическія и историческія несообразности; многія выраженія (постоянные эпитеты, loci communes) употребляются съ какой-то наивной безсознательностью, нерѣдко совершенно неумѣстно,—тѣмъ

не менѣе нельзя не видѣть поэтической красоты въ характерныхъ народныхъ эпитетахъ, сравненіяхъ и олицетвореніяхъ, нельзя не удивляться чуткому пониманію народомъ жизни природы, простотѣ и искренности въ выраженіи лирическаго настроенія и оригинальности музыкальныхъ мотивовъ. По словамъ нѣмецкаго ученаго Вестфаля, русской народной поэзіи принадлежитъ „безусловно первое мѣсто между народными пѣснями всѣхъ народовъ земного шара". Гоненія, какимъ подвергалась народная поэзія со стороны церковной книжности, не только задерживали ея правильный ростъ, но и лишали всю литературу нормальнаго развитія. Это отчужденіе двухъ родственныхъ стихій было до извѣстной степени устранено въ новомъ и новѣйшемъ періодѣ нашей литературы, которая нашла въ народной поэзіи свѣжій источникъ вдохновенія.

Въ настоящее время старинная народная поэзія доживаетъ свой вѣкъ въ разныхъ глухихъ уголкахъ обширной Россіи, наприм., въ Олонецкомъ и Онежскомъ краѣ. Новыя условія жизни (фабрика, городская цивилизація) придали особое, не совсѣмъ желательное, направленіе народному творчеству, выразившееся въ созданіи фабричныхъ пѣсенъ и «романсовъ», очень слабыхъ съ художественной стороны и нерѣдко грубо-площадныхъ по содержанію.

Принятіе христіанства (въ концѣ X вѣка) было фактомъ чрезвычайной важности. Византія крестила Русь и взяла ее подъ культурную опеку, на первыхъ же порахъ стараясь внушить непріязнь къ Западу. Въ сознаніи русскаго человѣка все болѣе и болѣе укрѣплялась мысль о томъ, что «святая Русь» и Византія принадлежатъ къ одному культурному типу, рѣзко отличающемуся отъ западнаго. Византія снабжала Русь, непосредственно или черезъ посредство югославянскихъ странъ, обширной, но односторонней по содержанію литературой. Переводная русская письменность состояла изъ священнаго писанія, книгъ богослужебныхъ, твореній св. отцовъ, житій святыхъ, историческихъ сочиненій (хроникъ, палей), повѣстей (часто также латино-романскаго происхожденія), апокрифовъ (непризнанныхъ церковью, «отреченныхъ» легендарныхъ сказаній о лицахъ и событіяхъ священной исторіи), нѣсколькихъ научныхъ и философскихъ сочиненій («Христіанская топографія» Козьмы Индикоплова, «Діалектика, или главы философски» Іоанна Дамаскина) и многочисленныхъ сборниковъ довольно пестраго содержанія. Преобладающей чертой всей этой письменности является религіозная назидательность. Мысль русскаго читателя все время вращалась въ

сферѣ религіозныхъ идей и книжной морали; русскій человѣкъ получалъ много матеріала для благочестивыхъ размышленій, мало для удовлетворенія своихъ художественныхъ запросовъ и почти совсѣмъ не получалъ реальныхъ познаній о человѣкѣ, природѣ и жизни. Аскетическій пессимизмъ объявилъ все мірское грѣховнымъ («есть бо воистину ненавистенъ миръ сей и мерзокъ»), вооружался противъ всякаго веселія, поэзіи и внушалъ недовѣріе къ «прелестному» разуму, къ «высокоумію».

Скудныя научныя свѣдѣнія анекдотическаго и фантастическаго характера, дѣйствуя главнымъ образомъ на воображеніе, пріучая во всемъ видѣть чудо, поддерживали суевѣріе и отвлекали мысль отъ анализа и изображенія дѣйствительности.

Со времени принятія христіанства русскому язычнику пришлось усваивать новое міросозерцаніе, новыя нравственныя идеи и новыя космогоническія понятія. Масса населенія долго не могла забыть своего язычества, оставалась «двоевѣрной» и въ сущности до настоящаго времени сохраняетъ въ своемъ быту и воззрѣніяхъ нѣкоторыя переживанія язычества. Но книжныя сословія, т.-е. духовенство, князья и бояре, глубоко прониклись христіанско-византійскими идеалами и ревностно вступили въ борьбу со старымъ язычествомъ: строили церкви, заводили училища съ элементарной программой церковно-приходскихъ школъ (чтеніе—букварь, часословъ, псалтирь, письмо и пѣніе церковное) и распространяли новое ученіе посредствомъ устныхъ проповѣдей, поученій и письменныхъ произведеній. Просвѣщеніе и литература принимаютъ религіозно-церковное направленіе съ византійско-аскетической окраской. Русскій «книгочій», «падая по книгамъ, яки пчела по различнымъ цвѣтомъ», смотрѣлъ на жизнь глазами византійскаго писателя и презиралъ «бѣсовскую» поэзію народа. Изъ-подъ пера такого книжника и выходили проповѣди, поученія, житія святыхъ, лѣтописи и т. п. произведенія. Свѣтская поэзія, поэзія жизни, не могла при этихъ условіяхъ получить должнаго развитія. Только историческіе и церковно-легендарные сюжеты обрабатывались въ повѣствовательной формѣ. Вліяніе народной поэзіи на книжную литературу было незначительно и случайно.

Въ первомъ, домонгольскомъ, періодѣ духовная жизнь Руси сосредоточивалась преимущественно въ южныхъ областяхъ и главнымъ образомъ въ Кіевѣ. Литература этого періода отличается сравнительною интенсивностью и самобытностью. Къ этому періоду отно-

сятся лучшія русскія лѣтописи и знаменитый памятникъ «Слово о полку Игоревѣ» (разсказъ о походѣ кн. Игоря на половцевъ въ концѣ XII в.), занимающее теперь исключительное мѣсто въ древней русской литературѣ по своимъ художественнымъ достоинствамъ, по своей близости къ поэтическимъ мотивамъ и пріемамъ народнаго творчества.

Послѣ XIII в. политическій и литературный центръ переносится на сѣверо-востокъ. Москва стала во главѣ Великой Руси и послѣ паденія Константинополя (1453 г.) въ глазахъ всего православнаго міра стала хранительницей завѣтовъ византійско-русской старины. Этому возвышенію роли Москвы не соотвѣтствовало ея культурное состояніе. Просвѣщеніе стояло здѣсь ниже, чѣмъ въ старыхъ городахъ (Кіевѣ и Новгородѣ), и развивалось крайне медленно: въ XV—XVI вв. мы слышимъ постоянныя жалобы на невѣжество духовенства, на «двоевѣріе» народа, на отсутствіе даже элементарныхъ школъ; литературная дѣятельность русскихъ писателей попрежнему сосредоточивается главнымъ образомъ въ предѣлахъ церковныхъ интересовъ. Церковною назидательностью и условнымъ риторизмомъ («добрословіемъ», «плетеніемъ словесъ») отличаются житія святыхъ, легенды, «умильныя», историческія повѣсти и повѣсти публицистическаго и тенденціознаго направленій (наприм., о происхожденіи власти московскихъ государей). Зато замѣтно возрастали чувство національнаго самодовольства, замкнутость и нетерпимость къ Западу вмѣстѣ со страхомъ передъ «латинской» мудростью.

Но въ силу неизбѣжнаго хода исторіи очень рано возникаютъ оппозиціонныя теченія въ русской жизни. Протестъ противъ гнета византійской догмы сказался, во-первыхъ, въ разныхъ ересяхъ, которыя въ половинѣ XIV в. зародились въ Новгородѣ и Псковѣ, повидимому, не безъ вліянія Запада, и подъ разными названіями (стригальники, жидовствующіе, ересь Матвѣя Башкина и Ѳеодосія Косого) распространились по Россіи, вплоть до XVI в. поддерживая броженіе религіозной мысли даже въ самой Москвѣ, гдѣ дьякъ Курицынъ формулировалъ свои раціоналистическія убѣжденія словами: «разумъ самовластенъ: стѣсняетъ его вѣра», и гдѣ еретикъ Башкинъ отпускаетъ на свободу своихъ холоповъ, такъ какъ «и Христосъ всѣхъ братьями нарицаетъ». Въ Москвѣ XV—XVI в. появляются пропагандисты латинской вѣры и протестантства; по рукамъ сильно расходятся книги астрологическаго и гадательнаго содержанія; иконографія подъ вліяніемъ «фряжской» живописи

обнаруживаетъ стремленіе къ «живству»; вырабатывается постепенно типъ «міролюбца» и западника, сочувствующаго разнымъ новшествамъ, секретно читающаго книги латинскія и нѣмецкія. Само правительство, начиная съ XV в., подъ давленіемъ необходимости обращается къ Западу за искусными мастерами, техниками, врачами, военными; изъ иностранцевъ въ Москвѣ составляется цѣлая «нѣмецкая слобода». Старая Русь въ XVI в. переживала тяжелый кризисъ: прежніе устои жизни колебались, чувствовалась потребность въ какомъ-то обновленіи. Москва стала на стражѣ православной старины. Обличая и проклиная новшества (между прочимъ офиціально на Стоглавомъ Соборѣ), она спѣшитъ произвести кодификацію того, чѣмъ жили благочестивые предки: митр. Макарій составляетъ Четьи-Минеи, сборникъ «богодухновенныхъ книгъ, кои въ русской землѣ обрѣтаются»; Домострой подробно излагаетъ программу «праведнаго, благоразсудливаго и порядливаго житія», «по заповѣди Господни, и по отеческому преданію, и по христіанскому закону»; издаются иконописные «подлинники» для руководства иконописцамъ и т. п.

Охранительная партія, однако, не могла удержать за собой господствующей позиціи. Въ XVII в. ея противники получили свѣжія подкрѣпленія съ того же латинскаго Запада, на этотъ разъ черезъ юго-западную Русь и Польшу.

Особыя историческія условія и географическая близость юго-западной Россіи къ Польшѣ и Западу открывали доступъ иноземнымъ вліяніямъ. Съ другой стороны, вѣковая борьба съ іезуитскою пропагандой вынуждала православныхъ русскихъ людей позаботиться о распространеніи просвѣщенія. И вотъ въ XVI—XVII вв. мы наблюдаемъ сильное оживленіе въ юго-западномъ краѣ: возникаютъ новыя школы схоластическаго типа (по образцу іезуитскихъ коллегій); водворяется схоластическая наука (грамматика, піитика, риторика, логика, діалектика, философія, богословіе), опредѣляя характеръ церковной проповѣди и всей литературы; проявляется множество переводныхъ сочиненій свѣтской литературы, изъ которыхъ особенно цѣнны «смѣхотворные» разсказы, рыцарскіе и любовные романы (въ народно-лубочной передѣлкѣ), вносившіе въ литературное чтеніе новые элементы смѣха, жизненной, бытовой правды и нѣкотораго идеализма. Литература усваиваетъ новыя формы, подготовляя уже почву для развитія псевдоклассицизма: вводится стихосложеніе (силлабическое), и въ стихахъ начинаютъ сочинять не

только хвалебныя оды, поэмы, канты, но и учебники, календари и пр.; наконецъ, юго-западная Русь переноситъ къ себѣ и драму (такъ наз. школьную драму), которая вырабатывалась подъ вліяніемъ мистерій, моралитэ и античной драмы, но съ теченіемъ времени на русской почвѣ стала проникаться также народно-бытовымъ содержаніемъ. Русь такимъ образомъ сдѣлала значительный шагъ впередъ, но стояла все еще далеко позади Запада, гдѣ схоластическая наука давно уже потеряла кредитъ, и гдѣ начали развиваться реальная наука, свободная философія и жизненная, высокохудожественная литература. Просвѣщеніе юго-западной Руси, схоластическое по духу, подобно старому, византійскому просвѣщенію, носитъ еще явный отпечатокъ церковности.

Москва, подозрительно относившаяся къ знанію, вынуждена была прибѣгнуть къ помощи юго-западныхъ ученыхъ въ дѣлѣ задуманнаго патр. Никономъ исправленія церковныхъ книгъ. Съ половины XVII в. юго-западная образованность вторгается въ столицу Московскаго государства и, несмотря на ожесточенную оппозицію приверженцевъ старины, получаетъ офиціальное признаніе и реформируетъ московскую школу и московскую литературу. Литература направляется по пути, указанному юго-западною Русью (Симеонъ Полоцкій), оживляется и обнаруживаетъ даже тенденцію служить реальному изображенію жизни (Исторія о Фролѣ Скабѣевѣ, повѣсть о Горѣ-Злосчастіи). Возбужденное общество частью уходитъ въ расколъ съ знаменитымъ Аввакумомъ во главѣ, частью ищетъ новыхъ путей (Симеонъ Полоцкій, Медвѣдевъ, Котошихинъ). Въ состояніи такого броженія застаетъ Русь Петръ Великій и, вопреки опасеніямъ близорукаго невѣжества, что «которая земля переставливаетъ обычаи свои, и та земля недолго стоитъ», рѣшительно направляетъ ее въ сторону усвоенія европейскихъ началъ жизни. Дѣятельная жизнь во имя общественнаго и личнаго блага, неутомимое стремленіе къ знанію, притомъ истинно-научному, свободному и полезному для общества и государства, — вотъ идеалы, которые смѣло были заявлены великимъ реформаторомъ. Петръ Великій основалъ новый типъ свѣтской школы, преимущественно профессіональной, создалъ газету, содѣйствовалъ переводу разнообразныхъ книгъ научнаго содержанія, которыя могли бы дать русскому читателю техническія знанія, ввести его въ кругъ историческихъ, общественныхъ и политическихъ идей и развить его самосознаніе.

Въ отвѣтъ на призывъ преобразователя русское общество вы-

двинуло талантливаго проповѣдника Ѳеофана Прокоповича, публициста крестьянина Ивана Посошкова и историка Татищева. Литература, пользуясь формами XVII в. (нашедшими между прочимъ замѣчательный комментарій въ духѣ античной поэтики въ сочиненіи Ѳ. Прокоповича «De arte poetica»), служитъ дѣлу преобразованія и окончательно укрѣпляется на новомъ пути, характеризующемся, во-первыхъ, тѣмъ, что, развиваясь въ связи съ западной литературой, она постоянно расширяетъ и углубляетъ свое знакомство съ европейскими идеями и литературными формами и, во-вторыхъ, тѣмъ, что, несмотря на чужеземныя вліянія, она все болѣе и болѣе становится національной, все тѣснѣе и тѣснѣе сближается съ дѣйствительностью русской жизни.

Эти свойства мы находимъ уже у одного изъ первыхъ представителей новой литературы, кн. Антіоха Кантемира.

Князь Антіохъ Дмитріевичъ Кантемиръ.

К. (10 сентября 1709 г., † 31 марта 1744 г.) родился въ Константинополѣ, но въ 1711 г. отецъ его, бывшій молдавскимъ господаремъ, переселился въ Россію со всѣмъ семействомъ. Образованіемъ своимъ К. главнымъ образомъ обязанъ отцу и студенту заиконоспасской академіи Ильинскому, у котораго между прочимъ научился писать стихи (первое стихотвореніе, „Симфонія на Псалтирь“, написано подъ явнымъ вліяніемъ Ильинскаго). Дополнилъ онъ образованіе уроками пріѣхавшихъ въ Россію иностранныхъ академиковъ, у которыхъ учился исторіи, математикѣ и философіи. Эти занятія сдѣлали изъ К—ра, по выраженію одного изъ біографовъ, самаго образованнаго человѣка современнаго ему поколѣнія. Поступивши на военную службу, онъ приблизился къ придворнымъ кругамъ, но не сошелся съ ними, такъ какъ по своему образованію стоялъ значительно выше ихъ, а по своему матеріальному положенію чувствовалъ себя загнаннымъ и обездоленнымъ. И личные его интересы, и общественные взгляды не соотвѣтствовали замысламъ верховниковъ; возставъ противъ нихъ, онъ примкнулъ къ партіи, побѣда которой привела впослѣдствіи къ неожиданному для нея самой возвышенію Бирона. Условія личной жизни К—ра значительно улучшились послѣ этого. Дальнѣйшая его жизнь протекла за границей, сначала въ Англіи, потомъ во Франціи, гдѣ до самой смерти онъ остался русскимъ посломъ. К. умеръ въ Парижѣ. Литературная его дѣятельность выразилась главнымъ образомъ въ сатирахъ, въ которыхъ, какъ одинъ изъ самыхъ образованныхъ людей своего времени, К. выступаетъ человѣкомъ, сознающимъ гражданскія обязанности, поборникомъ просвѣщенія, обличителемъ приверженцевъ старины, карателемъ невѣжества, суевѣрій и ханжества; онъ возстаетъ противъ высокомѣрія высшихъ сословій и ихъ несправедливаго отношенія къ низшимъ классамъ народа. „На хулящихъ ученіе“, „На зависть и гордость злонравныхъ дворянъ“, „На человѣческія злонравія вообще“—таковы темы его сатиръ. Въ нихъ, по выраженію Бѣлинскаго, „нѣтъ ни желчнаго негодованія, ни бурнаго паѳоса, но въ нихъ много ума, много комической соли и есть одушевленіе. К. не бичуетъ, а только сѣчетъ обскурантовъ“. Написавъ пять сатиръ, онъ принялся за пересмотръ силлабическаго стихосложенія для выработки новаго, сообщающаго стиху бо́льшую гармоничность и живость. Всего имъ написано девять сатиръ, переведено нѣсколько книгъ, составлены философскія разсужденія на религіозныя темы. Въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ К., кромѣ защиты интересовъ просвѣщенія, даетъ новыя для той эпохи понятія о гражданскихъ обязанностяхъ, выставляетъ, какъ выразился одинъ изъ его біографовъ, идеалъ „человѣка съ новыми стремленіями, съ новою оцѣнкою дѣйствительности“.

АНТІОХЪ
КАНТЕМИРЪ.

В. К. ТРЕДІАКОВСКІЙ.

Василій Тредіаковскій

Василій Кирилловичъ Тредіаковскій.

Т. (9 февраля 1703 г., † 6 августа 1769 г.), сынъ священника, родился въ Астрахани, гдѣ учился словеснымъ наукамъ на латинскомъ языкѣ у католическихъ монаховъ, которые распространяли католицизмъ среди армянъ. Эти учителя внушили Т—му большую любовь къ ученію; подъ вліяніемъ этой любви онъ покинулъ родной домъ и убѣжалъ въ Москву. Тамъ онъ провелъ два года въ славяно-греко-латинской академіи, гдѣ былъ первымъ ученикомъ и блисталъ между товарищами знаніемъ языка и умѣніемъ писать, стараясь, какъ онъ самъ выразился, „славянскимъ глупословіемъ показать себя особымъ рѣчетотцемъ". Въ 1725 году ему удалось поѣхать для дальнѣйшаго образованія за границу, въ Голландію и Францію, а вернувшись въ Россію черезъ пять лѣтъ, онъ издалъ свой первый переводъ съ французскаго „Ѣзда въ островъ любви". Вскорѣ Т. былъ назначенъ переводчикомъ въ академію наукъ и, прочтя передъ императрицей Анной Іоанновной поздравительную съ новымъ годомъ оду, „въ вознагражденіе", какъ онъ пишетъ, „имѣлъ счастіе получить отъ державной ея руки всемилостивѣйшую оплеушину", что не помѣшало ему, однако, занимать мѣсто придворнаго поэта. Въ 1735 году онъ составилъ „Новый и краткій способъ къ сложенію стиховъ россійскихъ". Въ этой книгѣ въ первый разъ была изложена теорія русскаго тоническаго стиха. Т. много претерпѣлъ жестокихъ униженій отъ высокомѣрныхъ и надутыхъ сановниковъ; извѣстно, наприм., какъ позорно и безпощадно оскорблялъ его кабинетъ-министръ Волынскій. При Елизаветѣ Т. рѣшилъ бросить унизительную и неблагодарную роль придворнаго піиты и обратился къ переводамъ, между прочимъ передѣлалъ Фенелонова „Телемака" въ „Телемахиду". Благодаря энергіи и упорству, Т. добился въ академіи наукъ каѳедры элоквенціи. Литературное наслѣдіе его резюмируется слѣдующими словами Новикова: Т. „первый открылъ въ Россіи путь къ словеснымъ наукамъ и паче къ стихотворству, при чемъ былъ первый профессоръ, первый стихотворецъ и первый положившій толико труда и прилежанія въ переводѣ на россійскій языкъ преполезныхъ книгъ... Первый въ Россіи сочинилъ правила новаго россійскаго стихосложенія, много сочинилъ книгъ, а перевелъ и того больше".

Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ.

Л. (8 ноября 1711 г., † 4 апрѣля 1765 г.), сынъ рыбака деревни Денисовки, близъ Холмогоръ, съ десяти до 16-ти лѣтъ постоянно сопровождалъ отца въ его поѣздкахъ по Двинѣ въ Архангельскъ и по Бѣлому морю для рыбнаго промысла. Эти путешествія вмѣстѣ съ опасностями, выпадавшими на долю путешественниковъ, развили въ мальчикѣ наблюдательность, мужество и предпріимчивость. Научившись грамотѣ у одного крестьянина, онъ съ жадностью сталъ читать попадавшіяся ему книги. Случайно попавшіяся ему въ руки псалтирь, изложенная въ стихахъ Симеономъ Полоцкимъ, грамматика Смотрицкаго и ариѳметика Магницкаго были „первыми вратами его учености". Жажда знанія, которая не могла быть удовлетворена дома, заставила его бѣжать въ далекую Москву. Въ 1731 г. уже двадцатилѣтнимъ юношей поступилъ онъ въ заиконоспасское училище, гдѣ учился съ малыми дѣтьми, терпѣлъ крайнюю нужду, питаясь хлѣбомъ и квасомъ „на двѣ денежки" въ день. Какъ выдающійся ученикъ, онъ попалъ потомъ въ академію наукъ, а оттуда былъ командированъ за границу. Тамъ жизнь его была полна тяжелаго труда, долгихъ занятій, многихъ приключеній и неожиданностей, доходившихъ до того, что въ Пруссіи онъ чуть не попалъ въ солдаты. Вернувшись въ Петербургъ, Л. былъ назначенъ профессоромъ физики и химіи въ академію. Тутъ онъ велъ ожесточенную, изумительно упорную борьбу „съ непріятелями наукъ россійскихъ", нѣмецкими профессорами, сидѣлъ изъ-за этой борьбы около года „подъ карауломъ", былъ наказанъ затѣмъ уменьшеніемъ жалованья на половину, страшно нуждался и бѣдствовалъ, но остался попрежнему непреклоннымъ въ борьбѣ. Вполнѣ характеризуетъ его преданность дѣлу сдѣланное имъ признаніе: „за общую пользу, а особливо за утвержденіе наукъ въ отечествѣ и противъ отца своего родного возстать за грѣхъ не поставлю". „Онъ вездѣ былъ тотъ же,—пишетъ Пушкинъ:—дома, гдѣ всѣ его трепетали; во дворцѣ, гдѣ онъ диралъ за уши пажей; въ академіи, гдѣ не смѣли при немъ пикнуть". Когда Шуваловъ попробовалъ пригрозить, что отставитъ его отъ академіи, Л. отвѣтилъ: „нѣтъ, развѣ академію отъ меня отставятъ". Благодаря покровительству Шувалова, обстановка для научныхъ и литературныхъ занятій Л—а сдѣлалась лучше въ послѣднія 10—15 лѣтъ его жизни. Этой колоссальной энергіи и непрерывной дѣятельности соотвѣтствовали полученные результаты. Л. былъ выдающимся ученымъ-натуралистомъ своего времени; о его научныхъ работахъ въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ отзывались знаменитые иностранные ученые, признавая за Л—ымъ „счастливѣйшій геній для открытій феноменовъ физики и химіи". Въ русской литературѣ его заслуги очень велики; онъ далъ начало русскому литературному языку. Книга „О пользѣ книгъ церковныхъ" проводитъ мысль о

МИХ. ВАС.
ЛОМОНОСОВЪ.

Михайло Ломоносовъ.

необходимости очищенія русской рѣчи отъ иностранныхъ примѣсей при посредствѣ изученія церковно-славянскаго языка, изъ котораго Л. совѣтуетъ черпать необходимый матеріалъ для составленія русскаго литературнаго языка. Послѣдній дѣлится на три „штиля": высокій, средній и низкій; каждый штиль соотвѣтствуетъ извѣстному роду писанія (для одъ, рѣчей о важныхъ матеріяхъ—высокій; для стихотворныхъ дружескихъ писемъ и др.—средній; для „писаній обыкновенныхъ дѣлъ"—низкій). Л—ымъ введена тоническая система стихосложенія (впрочемъ, ранѣе его за ту же систему высказался Тредьяковскій). Какъ поэтъ, Л. считается отцомъ русской ложно-классической лирики. Изъ одъ его укажемъ: „Утреннее" и „Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ", Ода на восшествіе на престолъ имп. Елизаветы, Ода на взятіе Хотина и др. Изъ стихотворныхъ писемъ наиболѣе извѣстно письмо къ Шувалову „О пользѣ стекла"; изъ его рѣчей наиболѣе передаетъ дѣйствительныя чувства Л—а „Похвальное слово Петру Великому". За десять лѣтъ до смерти онъ выпустилъ „Россійскую грамматику", которая представляла много новаго для своего времени. Идеи просвѣщенія, „утвержденіе наукъ въ отечествѣ", „общая польза"—таковы были стремленія, проходившія красною нитью черезъ большинство прозаическихъ и стихотворныхъ произведеній Л—а.

Александръ Петровичъ Сумароковъ.

С. (14 ноября 1717 г., † 1 октября 1777 г.) происходилъ изъ старинной дворянской семьи. По окончаніи курса въ Шляхетскомъ корпусѣ онъ поступилъ на государственную службу, переходя изъ канцеляріи одного временщика въ канцелярію другого и предаваясь въ свободные часы литературному творчеству. Его опыты въ драматургіи сдѣлали извѣстнымъ С—ва въ придворныхъ кругахъ, и по учрежденіи перваго „россійскаго театра" С. былъ назначенъ его директоромъ. Находясь еще въ этой должности, С. издавалъ ежемѣсячный журналъ *Трудолюбивая Пчела*, просуществовавшій недолго изъза отсутствія средствъ. Раздражительный и неуживчивый, обладавшій мелочнымъ самолюбіемъ и крайнимъ тщеславіемъ, С. ссорился со всѣми: лавры Ломоносова не давали ему спать, Тредьяковскаго онъ не выносилъ. Невѣжественная публика, недостаточно цѣнившая его заслуги, доводила его до бѣшенства. Онъ вѣчно жаловался на то, что во время представленія зрители шумѣли въ партерѣ и грызли орѣхи. Своимъ тяжелымъ характеромъ С. сталъ несносенъ всѣмъ; въ концѣ концовъ онъ долженъ былъ переселиться изъ Петербурга въ Москву, но и здѣсь ни съ кѣмъ не ужился, и кончилъ жизнь, ища забвенія отъ невзгодъ въ пьянствѣ. С. былъ однимъ изъ главныхъ проводниковъ ложнаго классицизма въ область русской драмы. Его многочисленныя пьесы имѣли огромный успѣхъ у современниковъ. Являясь подражаніемъ французскимъ образцамъ, драматическія произведенія С—ва обнаруживали

самостоятельность только тамъ, гдѣ автору приходилось обличать несовершенства русской жизни. Въ комедіяхъ и сатирахъ онъ осмѣивалъ лихоимство, дворянскую спесь, чванство, ханжество, суевѣріе, а особенно горячо каралъ судей и подьячихъ, которыхъ называлъ „хамовымъ отродьемъ“ и „крапивнымъ сѣменемъ“; съ большою ѣдкостью обличалъ онъ великосвѣтскихъ фатовъ, которые презирали все родное и народное, подражая французской модѣ. Вся ихъ цивилизованность, по мѣткому замѣчанію С—ва, заключалась лишь въ томъ, что они „изъ ненапудренныхъ человѣковъ превратились въ напудренную скотину“. Тѣ же самые пороки осмѣиваются С—вымъ въ его многочисленныхъ басняхъ. Что касается до другихъ его стихотворныхъ произведеній,— „Епистолъ“, „Элегій“, „Эклогъ“ и т. п.,—то въ нихъ, кромѣ общихъ мѣстъ (въ родѣ „любовь къ отечеству есть перьва добродѣтель“), кромѣ заявленій о необходимости, „чтобы на берегахъ сихъ Музы обитали“, кромѣ заимствованнаго съ иностранныхъ образцовъ описанія любовныхъ сценъ, попадаются наставленія стихотворцамъ какъ о внѣшнихъ особенностяхъ поэтическаго произведенія, такъ и о томъ, чтобы они старались „издѣвкой править нравъ“, осмѣивали гордость „раздуту, какъ лягушку“, скупость, неправедныхъ судей, и т. д. Идеалъ писательской дѣятельности заключался для С—ва въ обличеніяхъ неправды, которая по преимуществу сказывалась для него въ придворной и аристократической напыщенности и въ лихоимствѣ чиновниковъ. Изъ драматическихъ произведеній С—ва пользовались большой извѣстностью „Хоревъ“, „Синавъ и Труворъ“, „Ярополкъ и Дамиза“, „Дмитрій самозванецъ“, „Чудовище“, „Лихоимецъ“ и множество другихъ.

Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ.

Основатель русскаго театра (9 февраля 1729 г., † 4 апрѣля 1763 г.) былъ сынъ костромского купца; онъ учился три года въ Заиконоспасской академіи, гдѣ получилъ только начальное образованіе, которое довершилъ впослѣдствіи самъ. Самоучкой пріобрѣлъ онъ знаніе языковъ; безъ помощи учителя научился рисованію, живописи и рѣзному искусству. Видѣнныя В—вымъ въ академіи ученическія представленія духовныхъ драмъ заронили въ его душу любовь къ театру; но условія жизни долго не позволяли этой любви принять дѣятельный характеръ. Въ Ярославлѣ, гдѣ жилъ В., онъ принужденъ былъ заниматься торговымъ дѣломъ своего вотчима и помогать ему въ управленіи заводомъ. Но въ 1746 году В. былъ посланъ вотчимомъ по торговымъ дѣламъ въ С.-Петербургъ и здѣсь, присутствуя на представленіяхъ итальянской оперы, окончательно увлекся сценой. Онъ рѣшилъ приложить всѣ усилія для основанія собственнаго театра, и чтобы подготовить себя къ этому дѣлу, изучалъ архитектуру, устройство сцены, срисовывалъ декораціи, дѣлалъ чертежи, снималъ модели, изслѣдовалъ весь театральный

А. П. СУМАРОКОВЪ.

А. Сумароковъ.

ѲЕД. ГРИГ.
ВОЛКОВЪ.

ВАС. ПЕТР.
ПЕТРОВЪ.

механизмъ и уяснялъ себѣ теорію сценическаго искусства. Послѣ смерти своего вотчима В. постепенно осуществилъ свой планъ въ Ярославлѣ. Онъ составилъ труппу изъ купеческихъ дѣтей и мелкихъ приказныхъ, обучилъ ихъ, насколько могъ, и въ амбарѣ устроилъ театръ: сдѣлалъ подмостки, приспособилъ мѣста для зрителей, обставилъ сцену декораціями и освѣтилъ амбаръ плошками. Обыватели очень заинтересовались театромъ, собрали деньги и выстроили новое зданіе—болѣе приличное и болѣе удовлетворяющее своему назначенію. При этомъ В. былъ всѣмъ: архитекторомъ, машинистомъ, директоромъ, авторомъ пьесъ, музыкальнымъ композиторомъ, режиссеромъ и первымъ актеромъ. Театръ былъ для своего времени громадный: онъ вмѣщалъ въ себѣ 1.000 человѣкъ. Слухъ о Волковскомъ театрѣ дошелъ до императрицы, и въ 1752 году В. со своей труппой былъ вызванъ въ Петербургъ. Ярославцы съ успѣхомъ дебютировали здѣсь въ трагедіи Сумарокова „Хоревъ". Актеры были отданы для дальнѣйшаго образованія и подготовки къ дѣлу въ кадетскій корпусъ, а въ 1756 году учрежденъ русскій общественный театръ, при чемъ В. получилъ званіе перваго придворнаго актера. Онъ написалъ много переводныхъ и оригинальныхъ пьесъ, не дошедшихъ до насъ; главнымъ же образомъ театръ его питался пьесами Сумарокова, который былъ первымъ директоромъ театра.

Василій Петровичъ Петровъ.

П. (1736 г., † 4 декабря 1799 г.), сынъ бѣднаго священника, родился въ Москвѣ. Рано лишившись отца, онъ росъ почти въ нищенской обстановкѣ; учился въ духовной академіи при Заиконоспасскомъ монастырѣ. По окончаніи курса занималъ мѣсто учителя поэзіи и риторики, произносилъ съ большимъ успѣхомъ церковныя проповѣди, давалъ уроки въ купеческихъ семьяхъ. Тогда же познакомился онъ и сблизился съ Потемкинымъ. Въ 1768 г. за свои оды П. удостоился вниманія императрицы, былъ вызванъ во дворецъ и опредѣленъ на должность придворнаго переводчика и чтеца. Состоя въ этой должности и пользуясь неизмѣннымъ покровительствомъ Екатерины II, П. сочинялъ оды на всевозможные торжественные случаи, восхваляя императрицу и ея приближенныхъ. Нѣкоторое время провелъ въ Англіи, увлекаясь англійскою жизнью и литературой. Въ 1780 г. удалился въ отставку и жилъ въ пожалованномъ ему имѣніи. Какъ поэтъ, онъ не пользовался расположеніемъ современныхъ ему литераторовъ, которые смѣялись надъ напыщеннымъ, исполненнымъ самомнѣнія „семинаристомъ". Въ началѣ XIX ст. его цѣнили за полетъ его ума и обиліе идей. Во всякомъ случаѣ П.—интересная литературная величина; это типъ смѣлаго, даровитаго, прямолинейнаго въ своихъ увлеченіяхъ семинариста, который игралъ потомъ такую крупную роль въ литературѣ XIX вѣка.

М: Херасковъ

АННА ПЕТР.
БУНИНА.

Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ.

Х. (25 октября 1773 г., † 27 сентября 1807 года) родился въ Переяславлѣ (Полтавской губ.), происходилъ изъ валахской фамиліи. Окончивши курсъ въ сухопутномъ шляхетскомъ корпусѣ, служилъ въ Ингерманландскомъ полку, затѣмъ въ коммерцъ-коллегіи. Съ 1775 г. занималъ административныя должности при Московскомъ университетѣ, состоялъ директоромъ университета, потомъ его вторымъ кураторомъ. Умеръ въ Москвѣ, погребенъ на кладбищѣ Донского монастыря. Херасковъ пріобрѣлъ извѣстность, какъ пользовавшійся большимъ вліяніемъ университетскій дѣятель, какъ организаторъ литературныхъ кружковъ (въ которыхъ принимали участіе Фонфизинъ, Богдановичъ, Майковъ и др.) и руководитель многихъ журналовъ (*Полезное Увеселеніе*, *Свободные Часы*, *Вечера*), какъ писатель, отразившій главнѣйшіе моменты умственнаго движенія XVIII вѣка. Начавши съ безусловнаго преклоненія предъ ложно-классической традиціей, создавши „Россіаду" и рядъ драматическихъ и лирическихъ произведеній въ классическомъ духѣ, Х. пошелъ навстрѣчу зарождавшемуся сентиментализму, занимался Руссо и Стерномъ, подъ ихъ вліяніемъ написалъ „Невинно гонимые", повѣсть „Кадмъ и Гармонія" и закончилъ увлеченіемъ масонскими идеями, изложивши ихъ въ поэмѣ „Возрожденный Владиміръ". Наибольшій успѣхъ выпалъ на долю „Россіады" („національной" эпопеи, какъ ее называли современники).

Анна Петровна Бунина.

Б. (7 января 1774—1828 г.) родилась въ с. Урусовѣ, Ряжскаго уѣзда, Рязанской губ., происходила изъ дворянскаго рода. Рано оставшись сиротой, она жила у родственниковъ и получила скудное домашнее образованіе. Въ 1802 г. она переѣзжаетъ въ Петербургъ, гдѣ пополняетъ свое образованіе и сближается съ нѣкоторыми литераторами. Литературную извѣстность Б. пріобрѣла съ появленіемъ сборника ея стихотвореній: „Неопытная муза" (1809 г.) (за этотъ сборникъ императрица Елизавета Алексѣевна назначила ей пенсію въ 400 руб. въ годъ); далѣе слѣдовали: поэма „О счастіи" (1810 г.), сборникъ стихотвореній „Сельскіе вечера" и 2-я часть „Неопытной музы", „Собраніе стихотвореній" (1819—21 г.), переводъ проповѣдей Блэра. Съ 1821 г. Б. жила въ провинціи (въ Тульской и Рязанской губ.). Произведенія Б—ой написаны въ ложно-классическомъ духѣ съ оттѣнкомъ сентиментализма.

Ипполитъ Θедоровичъ Богдановичъ.

Б. (23 декабря 1743 г. † 6 января 1803 г.) родился въ мѣстечкѣ Переволочнѣ (Малороссія), гдѣ отецъ его занималъ служебный постъ. Десяти лѣтъ отъ роду онъ былъ зачисленъ юнкеромъ въ юстицъ-коллегію. Но такъ какъ „къ приказной службѣ склонности онъ не оказалъ“, а зато обнаружилъ рвеніе къ занятію науками и изящной литературой, то ему позволили, не уходя со службы, посѣщать математическую школу при сенатской конторѣ. Дальнѣйшеее образованіе получилъ въ университетѣ, по окончаніи курса въ которомъ былъ назначенъ надзирателемъ за университетскими классами. Служилъ потомъ секретаремъ при графѣ И. Панинѣ, затѣмъ былъ прикомандированъ къ посольству въ Саксоніи, а вернувшись изъ-за границы, занималъ послѣдовательно должности въ герольдіи и государственномъ архивѣ. Уволенный отъ службы въ 1795 г., послѣдніе годы своей жизни провелъ въ Сумахъ и Курскѣ. Въ послѣднемъ городѣ и погребенъ. Литературная дѣятельность его началась очень рано, еще въ математической школѣ. Но извѣстность Б. пріобрѣтаетъ со времени участія въ литературномъ кружкѣ университетской молодежи, сгруппировавшейся вокругъ М. Хераскова (Д. Фонфизинъ, Я. Булгаковъ) и издававшей журналъ *Полезное Увеселеніе* и *Свободные Часы*. Начиная съ этого періода, Б. играетъ вообще видную роль въ исторіи журналистики XVIII в. то какъ редакторъ, то какъ ближайшій сотрудникъ академическихъ и частныхъ повременныхъ изданій. — Б. — типичный представитель „просвѣтительной“ литературы XVIII в.: его литературные учителя—Вольтеръ, Руссо и другіе французскіе классики; объ этомъ достаточно свидѣтельствуютъ его многочисленные переводы изъ Вольтера („Нанина“, „Ода на разрушеніе Лиссабона“), изъ Руссо („Разсужденіе о вѣчномъ мирѣ“), а также такія оригинальныя произведенія, какъ „Сугубое блаженство“. Поэма „Душенька“ (передѣлка „Les amours de Psyché et de Cupidon“ Лафонтена), доставившая Б. почетное мѣсто въ исторіи русской литературы, ярко отражаетъ одну сторону цивилизаціи XVIII в.—ея скептически-сенсуальный характеръ (ср. „La Pucelle“ Вольтера). Но, ученикъ французскихъ мыслителей, Б. сумѣлъ сочетать чужеземные элементы съ національными: занимался народной поэзіей, особенно пословицами, русской исторіей („Историческое изображеніе Россіи“). Кромѣ указанныхъ произведеній, слѣдуетъ отмѣтить рядъ поэмъ и лирическихъ стихотвореній („Добромыслъ“, „Блаженство народовъ“, „Берегъ“), комедіи („Радость Душеньки“, двѣ комедіи на русскія пословицы), а также „автобіографію“.

И. Ѳ. БОГДАНОВИЧЪ.

ЕРМ. ИВ. КОСТРОВЪ.

АЛЕКС. ОНИС.
АБЛЕСИМОВЪ.

Ермилъ Ивановичъ Костровъ.

К. (около 1750 г., † 9 декабря 1796 г.) родился въ семьѣ крестьянина, Вятской губ. Образованіе получилъ въ Вятской семинаріи и въ Московскомъ университетѣ. Занимая должность офиціальнаго университетскаго стихотворца, пользовался особеннымъ покровительствомъ университетскихъ кураторовъ Шувалова и Хераскова. Крупнымъ несчастіемъ его жизни, тормазившимъ его карьеру, была неудержимая страсть къ спиртнымъ напиткамъ; когда К. требовался для составленія какой - нибудь офиціальной оды, его приходилось разыскивать по всѣмъ московскимъ трактирамъ.—На ходъ русскаго литературнаго развитія въ XVIII в. К. оказалъ вліяніе главнымъ образомъ своими переводами. Онъ переводилъ „Иліаду" (девять пѣсней переведены александрійскимъ стихомъ), Вольтера, Оссіана, романы Арно, Апулея. Переводами Оссіана и Арно К. значительно способствовалъ успѣху сентиментальнаго движенія. Оригинальныя произведенія К—ва состоятъ преимущественно изъ одъ, посвященныхъ различнымъ придворнымъ торжествамъ или восхваленію вельможъ и полководцевъ. Отъ подобныхъ же одъ Петрова онѣ отличаются большей простотой языка. Изъ мелкихъ стихотвореній К—ва выдѣляется граціозною легкостью „Клятва".

Александръ Онисимовичъ Аблесимовъ.

А. (1742 г., † 1783 г.) родился въ Галичскомъ уѣздѣ, Костромской губ., въ семьѣ мелкопомѣстнаго дворянина. По недостатку средствъ образованіе получилъ самое поверхностное, рано опредѣлился на службу: служилъ въ лейбъ-кампанской канцеляріи (подъ начальствомъ Сумарокова), въ коммиссіи для составленія новаго уложенія, въ арміи, и, наконецъ, въ московской управѣ благочинія. Умеръ въ большой бѣдности.—Литературная извѣстность А—ва основана главнымъ образомъ на его комедіи (водевилѣ) „Мельникъ, колдунъ, сватъ и обманщикъ" (1782 г.). Это первая вполнѣ оригинальная пьеса изъ русской простонародной жизни съ сюжетомъ, не заимствованнымъ изъ иностранныхъ источниковъ. Правда, собственнаго знакомства съ крестьянскимъ (и однодворческимъ) бытомъ А. не обнаруживаетъ; правда, его герои обрисованы слишкомъ общими штрихами, представлены нѣсколько въ идеалистическомъ свѣтѣ, но все - таки „Мельникъ" — значительный шагъ впередъ по сравненію съ модными сентиментальными пасторалями XVIII вѣка; онъ имѣлъ большое вліяніе на развитіе дальнѣйшей русской драмы (вызвалъ массу подражаній). Кромѣ „Мельника", А. написалъ еще двѣ пьесы, не имѣвшія особеннаго успѣха, и рядъ „сказокъ" или сатиръ и басенъ (часть ихъ напечатана въ *Трутнѣ* Новикова, часть въ собственномъ журналѣ А—ва *Разкащикъ забавныхъ басенъ*). Въ „сказкахъ" А. идетъ по стопамъ Сумарокова, ограничивая область сатиры нападками преимущественно на подьячихъ и щеголей.

Николай Александровичъ Львовъ.

Л. (1751 г., † 1803 г.) происходилъ изъ дворянъ Тверской губер. (изъ Торжка), состоялъ на военной службѣ (въ Измайловскомъ полку), затѣмъ на гражданской (въ иностранной коллегіи), обратилъ на себя вниманіе императрицы Екатерины II своими познаніями въ архитектурѣ; ему было поручено, между прочимъ, составить планы нѣкоторыхъ общественныхъ зданій. Обладая тонкимъ эстетическимъ вкусомъ, онъ явился руководителемъ многихъ литературныхъ дѣятелей, оказывалъ вліяніе, наприм., на Державина, Хемницера, Капниста. Изъ собственныхъ литературныхъ работъ Л—ва пріобрѣли большую извѣстность его переводы изъ Анакреона и оригинальныя произведенія — „Ботаническое путешествіе на Дудерову гору“ и „Добрыня, богатырская пѣсня“. Въ послѣдней поэмѣ, являющейся его шедевромъ, Л. даетъ первый въ исторіи русской литературы замѣчательный образецъ подражанія народнымъ былинамъ, отличающійся необыкновенною чистотой и народностью языка, а также выражаемыми въ немъ симпатіями къ мощи народнаго духа и къ славянству вообще. Изъ другихъ его произведеній для общей характеристики важны тѣ, которыя свидѣтельствуютъ объ его сочувствіи къ крестьянству и крестьянскимъ нуждамъ: О томъ, какъ строить крестьянину избу, „О пользѣ земляного угля“.

Василій Ивановичъ Майковъ.

М. (1728 г., † 17 іюня 1778 г.) происходилъ изъ дворянъ Ярославской губ.; образованіе получилъ самое поверхностное; состоялъ сначала на военной службѣ, но, не имѣя къ ней большой склонности, перешелъ на гражданскую (былъ одно время товарищемъ московскаго губернатора). Художественные его вкусы развивались подъ вліяніемъ Сумарокова. Извѣстность пріобрѣлъ брагодаря своей сатирической поэмѣ „Елисей“. Въ ней впервые обрисовывывается типъ русскаго пролетарія и подъ маской фривольной шутки рѣшается вопросъ о разрушительномъ дѣйствіи, которое наносится деревнѣ третьимъ сословіемъ. Будучи самъ сельскимъ хозяиномъ и владѣтелемъ полотняной фабрики, М. считаетъ возможнымъ самостоятельное развитіе какъ сельской, такъ и городской культуры. Для своей поэмы онъ широко пользуется народными повѣстями XVIII вѣка. Къ народной литературѣ онъ прибѣгаетъ также въ своихъ басняхъ и сказкахъ. Вообще во многихъ своихъ произведеніяхъ М. является отдаленнымъ предтечей народнической литературы.

НИК. АЛЕКС.
ЛЬВОВЪ.

ВАС. ИВ.
МАЙКОВЪ.

ИВ. ИВАНОВ.
ХЕМНИЦЕРЪ.

ВАС. ВАС. КАПНИСТЪ.

Иванъ Ивановичъ Хемницеръ.

Х. (4 января 1745 г., † 20 марта 1784 г.) сынъ саксонскаго выходца, военнаго штабъ-лѣкаря, родился въ Енотаевской крѣпости, Астраханской губ. Образованіе получилъ дома; 12-ти лѣтъ отъ роду онъ зачислился въ солдаты Нотебургскаго полка. Въ 1769 г. Х. вышелъ въ отставку, получивъ мѣсто гиттенфервальтера горнаго вѣдомства. Въ 1776—1777 г. вмѣстѣ со своимъ покровителемъ, начальникомъ Соймоновымъ, онъ путешествовалъ за границей. По возвращеніи изъ-за границы, помимо служебныхъ обязанностей, Х. занимался переводами сочиненій по горному дѣлу. Въ 1779 г. онъ напечаталъ сборникъ своихъ басенъ. По выходѣ въ отставку Соймонова, онъ принужденъ былъ и самъ подать въ отставку. Очутившись въ критическомъ финансовомъ положеніи, онъ противъ собственнаго желанія согласился въ качествѣ консула ѣхать въ Смирну, гдѣ и умеръ. Начавши литературную дѣятельность съ лирическихъ опытовъ въ ложно-классическомъ духѣ („Ода на побѣду надъ турками"), Х. подъ вліяніемъ главнымъ образомъ дружбы съ Н. Львовымъ, а также благодаря знакомству съ простымъ народомъ, пріобрѣтенному во время военной службы, одинъ изъ первыхъ литераторовъ екатерининской эпохи переходитъ на путь простоты и народности. Его басни — громадный шагъ впередъ въ сравненіи съ апологами Сумарокова по чистотѣ народнаго языка; онѣ стоятъ въ этомъ отношеніи очень близко къ баснямъ Крылова. По своимъ идеямъ Х. является поклонникомъ здраваго смысла, проповѣдникомъ прилежанія и труда, дѣловитости и хозяйственности, противникомъ богатства и почета, основаннаго на родовитомъ происхожденіи,— однимъ словомъ, типичнымъ апологетомъ добродѣтелей, необходимыхъ для мелкой буржуазіи. Изъ его басенъ нѣкоторыя, какъ „Метафизикъ" и „Обозъ", пользуются успѣхомъ и въ настоящее время.

Василій Васильевичъ Капнистъ.

Сынъ обрусѣвшаго итальянскаго графа, К. (1757 г., † 28 октября 1828 г.) родился въ Полтавской губ., поступилъ на 15-мъ году въ военную службу, служилъ потомъ въ гражданскомъ вѣдомствѣ, по выборамъ и въ театральной дирекціи. К. извѣстенъ главнымъ образомъ какъ авторъ „Ябеды"; но еще до ея появленія онъ писалъ оды, обличительныя произведенія и сатиры. Изъ этихъ произведеній „Ода на рабство" воспѣвала прежнюю свободу Малороссіи и изображала ея униженное состояніе въ тотъ моментъ, къ которому относилась ода. Наибольшее значеніе изъ всѣхъ его сочиненій имѣла пьеса „Ябеда", казнившая взяточничество и обличавшая беззаконія подьячихъ и судейскихъ чиновниковъ. Хотя Бѣлинскій въ „Литературныхъ мечтаніяхъ" и говоритъ, что „эта прославленная комедія ни больше, ни меньше какъ фарсъ, написанный языкомъ варварскимъ даже и по своему времени", тѣмъ не менѣе она имѣла въ свое время большое значеніе, какъ обличительница одной изъ глубокихъ язвъ русской жизни.

Денисъ Ивановичъ Фонвизинъ.

Ф. (1774 г., † 1 декабря 1792 г.) родился въ Москвѣ, въ семьѣ небогатаго помѣщика и чиновника, который самъ занимался обученіемъ сына до тѣхъ поръ, пока не опредѣлилъ его сначала въ университетскую гимназію, а потомъ въ Московскій университетъ. По окончаніи курса Ф. поступилъ на гражданскую службу, исполняя должность переводчика въ иностранной коллегіи, потомъ секретаря при кабинетъ-министрѣ И. П. Елагинѣ и, наконецъ, чиновника той же иностранной коллегіи подъ начальствомъ гр. Н. И. Панина. Обладая выдающимися дарованіями, Ф. рано обнаружилъ склонность къ литературной дѣятельности. Онъ началъ съ переводовъ (въ 1761 г.) дидактическихъ сочиненій, въ родѣ нравоучительныхъ басенъ датскаго писателя Гольберга, книги аббата Террасона „Геройская добродѣтель, или жизнь Сифа, царя Египетскаго". Подобныя назидательныя сочиненія отвѣчали вкусамъ прошлаго вѣка и до нѣкоторой степени опредѣлили дидактическое направленіе литературной дѣятельности Ф—на. Въ 1764 г. онъ пишетъ комедію „Каріонъ", которая представляетъ передѣлку на русскіе нравы Грессетова „Сиднея". Широкую извѣстность Фонвизину создаетъ его комедія „Бригадиръ", появившаяся въ 1766 г., а окончательно упрочивается за нимъ слава талантливаго писателя со времени выхода въ свѣтъ (въ 1782 г.) другой его комедіи „Недоросль". Написанныя въ условномъ, ложно-классическомъ стилѣ, комедіи эти страдаютъ многими недостатками съ художественной стороны: увлекаясь своимъ остроуміемъ, авторъ нерѣдко переходитъ границы истинно-комическаго, впадаетъ въ шаржъ и каррикатуру; стремясь къ дидактизму, сочиняетъ фигуры добродѣтельныхъ манекеновъ (Непустовъ, Правдинъ, Стародумъ и т. п.). Тѣмъ не менѣе есть у него и вполнѣ живыя, типичныя лица, какъ, наприм., г-жа Простакова. Ф—на безъ всякаго преувеличенія можно назвать однимъ изъ первыхъ создателей реальной русской комедіи. Съ другой стороны его произведенія замѣчательны и по своему идейному содержанію. Фотя Ф—ну не удалось выработать законченнаго, цѣльнаго міросозерцанія, но, несомнѣнно, онъ прочно усвоилъ основные идеалы екатерининской эпохи и, полагая, что писатель долженъ быть „стражемъ общаго блага", смѣло обличалъ гнетъ крѣпостного права, злоупотребленія бюрократіи, невѣжество и слѣпое подраженіе иностранцамъ; развивалъ возвышенный взглядъ на гражданскій долгъ, на обязанности правителей, ратовалъ за свободу печати, мысли, за гласность въ общественной и государственной жизни и т. п. На современниковъ Фонвизина его комедіи произвели сильное впечатлѣніе. Разсказываютъ, что кн. Потемкинъ въ восторгѣ отъ „Недоросля" воскликнулъ: „Умри, Денисъ, или же больше ничего не пиши". Слова Потемкина оказались роковыми. Въ 1785 г. Фонвизинъ былъ разбитъ параличомъ и доживалъ свой вѣкъ среди физическихъ страданій, среди нравственныхъ мукъ отъ непримиренныхъ убѣжденій, особенно въ области религіи, хотя порой и проявлялъ прежнюю веселость нрава и остроуміе, и до конца своей жизни не покидалъ литературныхъ занятій; еще за 4 года до смерти онъ хлопоталъ, но безуспѣшно, объ изданіи журнала *Другъ честныхъ людей, или Стародумъ*.

— — — — —

ДЕН. ИВАН.
ФОНВИЗИНЪ.

ГАВР. РОМ.
ДЕРЖАВИНЪ.

Гавріилъ Романовичъ Державинъ.

Д. (3 іюля 1743 г., † 12 іюля 1816 г.), сынъ офицера, родился въ Казани. Изъ оставленныхъ имъ записокъ видно, что первымъ воспитателемъ его былъ сосланный въ каторгу нѣмецъ Рузэ; послѣдующее образованіе лишь немногимъ дополнило тѣ научныя свѣдѣнія, которыми могъ надѣлить его первый учитель. Въ очень раннемъ юношескомъ возрастѣ Д. поступилъ въ гвардію въ Петербургѣ, 10 лѣтъ прослужилъ солдатомъ; дослужившись до офицерскаго чина, онъ ѣздилъ съ Бибиковымъ для усмиренія Пугачева, попалъ подъ судъ, переведенъ былъ въ гражданскую службу, въ сенатъ, потомъ, повышаясь, занялъ мѣсто губернатора Олонецкой, затѣмъ Тамбовской губер., вновь попалъ подъ судъ, былъ отставленъ, потомъ за стихи сдѣланъ статсъ-секретаремъ, затѣмъ сенаторомъ и, наконецъ, при Павлѣ I министромъ юстиціи. Отставленный уже въ преклонномъ возрастѣ Александромъ I, онъ переѣхалъ въ свое имѣніе Новгородской губерн., гдѣ и умеръ. Писать стихи Д. началъ еще служа солдатомъ, но извѣстность его началась уже много позднѣе, когда была написана ода „На смерть князя Мещерскаго"; затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ одъ и др. поэтическихъ произведеній: „Властителямъ и Судіямъ", „На рожденіе порфиророднаго отрока", „Фелица", „Богъ", „Видѣніе Мурзы", „Памятникъ", подражанія Анакреону, попытки драматическихъ произведеній и др. „Д.,—говоритъ Бѣлинскій,—истинно великій поэтъ, но въ возможности, а не въ дѣйствительности". Его поэтическое дарованіе указало ему, что прежняя пышная риторика не была истинной поэзіей, и потому онъ безсознательно стремится ввести болѣе простую рѣчь, прибѣгаетъ къ жизненнымъ образамъ, къ тѣмъ выраженіямъ, которыя не допускались прежними піитами. Онъ пробуетъ рисовать русскія картины, русскіе нравы, зиму, подъ холоднымъ дыханіемъ которой „на коврахъ полей зеленыхъ лежитъ разсыпанъ бѣлый пухъ", идиллическую русскую деревню, гдѣ „запасшися крестьянинъ хлѣбомъ, ѣстъ добры щи и пиво пьетъ". Но въ большинствѣ своихъ произведеній онъ только указывалъ, чѣмъ можетъ быть поэзія; самъ же не былъ въ состояніи вполнѣ отрѣшиться отъ напыщенности и риторики прежнихъ поэтовъ уже по одному тому, что жизнь придворнаго поэта заставляла его избирать наиболѣе частой темой своихъ стиховъ славословіе сильныхъ міра сего. За нимъ ухаживали, его ласкали только въ надеждѣ на поэтическое воспѣваніе тѣхъ доблестей, которыми, по собственному мнѣнію, обладали лица, ласкавшія поэта. Вслѣдствіе этого во многихъ произведеніяхъ Д—на содержаніе ничтожно, паѳосъ фальшивъ, форма напыщенна. Тамъ, гдѣ отъ

славословія онъ переходитъ къ изображенію дѣйствительности, онъ обличаетъ тѣ же язвы, которыя отмѣчались его предшественниками: чванство и эгоизмъ вельможъ, которымъ „мигъ покоя своего пріятнѣй, чѣмъ въ исторьи вѣки“, лихоимство чиновниковъ, несправедливость судей, сибаритство и роскошь тѣхъ, кому „откупъ вновь приноситъ сибирски горы серебра“. Но въ этихъ обличеніяхъ, написанныхъ превосходнымъ для своего времени стихомъ, не было той силы и убѣжденности, которыя мы видимъ въ произведеніяхъ даже такихъ небольшихъ сравнительно съ Д—мъ величинъ, какъ Капнистъ или Сумароковъ. Для него поэзія была только „пріятна, сладостна, полезна, какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ“. И тѣмъ не менѣе Д. былъ, какъ выразился Бѣлинскій, „первымъ живымъ глаголомъ русской поэзіи“, потому что онъ впервые заговорилъ живымъ языкомъ, пользуясь простыми и естественными образами.

Екатерина II.

Ек. II (24 апр. 1729 г., † 6 ноября 1796 г.), супруга Петра III, урожденная принцесса Ангальтъ-Цербстская, переворотомъ 28 іюня 1762 г. была возведена на престолъ и короновалась осенью 1762 г. Начитанная и просвѣщенная, какъ немногіе люди ея времени, она высоко ставила творенія Вольтера и французскихъ энциклопедистовъ. Когда парижскій парламентъ запретилъ изданіе Энциклопедіи, Ек. II предложила издавать ее въ Ригѣ. Ея литературная дѣятельность носитъ отпечатокъ вліянія французскаго просвѣщенія XVIII в.: въ Наказѣ комиссіи для изданія Уложенія она въ основу положила идеи Монтескье и Беккарія; свои мысли о воспитаніи (сказка о царевичѣ Хлорѣ, сказка о царевичѣ Февсѣ, инструкція кн. Салтыкову) она заимствовала у Локка и Монтеня. Она осмѣивала суевѣріе, невоспитанность и невѣжество общества своего времени въ сатирическихъ пьесахъ, поверхностно схватывавшихъ смѣшныя стороны дѣйствующихъ лицъ („О время“, „Именины госпожи Ворчалкиной“); она была дѣятельной сотрудницей журнала *Всякая всячина* съ 1769 по 1783 г., а съ 1783 г. участвовала въ *Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова*, въ которомъ помѣстила свои „Были и Небылицы“. Пользуясь русскими народными былинами и сказками, какъ сюжетомъ, она сочиняетъ небольшія комическія оперы для театра, одна изъ которыхъ—„Горе-богатырь Косометовичъ“, направленная противъ Густава III, была снята со сцены по заключеніи мира со Швеціей. Относясь отрицательно къ масонству, она въ комедіяхъ „Обманщикъ“, „Обольщенный“, „Шаманъ Сибирскій“ зло издѣвается надъ послѣдователями этого ученія. Изученіе Шекспира ведетъ за собой передѣлку „Виндзорскихъ кумушекъ“ для русскаго театра, а также появленіе историческихъ пьесъ изъ жизни русскихъ князей Олега и Рюрика.

Екатерина.

Кнегиня Дашкова

ОС. ПЕТР.
КОЗОДАВЛЕВЪ.

Екатерина Романовна Дашкова.

Д. (17 марта 1743 г., † 4 января 1810 г.) родилась въ Петербургѣ, воспитаніе получила въ домѣ своего дяди, канцлера М. Воронцова. Главное вліяніе на ея умственное развитіе имѣло чтеніе французскихъ писателей. Рано проявивши интересъ къ политическимъ вопросамъ, она приняла дѣятельное участіе въ придворныхъ интригахъ, приведшихъ къ воцаренію Екатерины II. Но вскорѣ между ней и императрицей произошло охлажденіе. Отдалившись отъ участія въ политикѣ, Д. посвятила себя дѣятельности просвѣтительно-литературной, много путешествовала за границей, знакомилась съ выдающимися европейскими мыслителями; была назначена президентомъ академіи наукъ. Извѣстная исторія съ трагедіей Княжнина „Вадимомъ Новгородскимъ“ окончательно обострила отношенія Д. къ императрицѣ. При воцареніи имп. Павла ее отстраняютъ отъ должностей и отправляютъ на житье въ ея новгородское имѣніе. Скончалась въ Москвѣ. Въ исторіи просвѣщенія XVIII в., помимо участія въ дѣлахъ академіи, Д. играетъ роль, какъ устроительница первыхъ въ Россіи публичныхъ чтеній, какъ учредительница такъ называемаго „переводческаго департамента“, какъ руководительница нѣкоторыхъ журналовъ *(Собесѣдникъ, Новое ежемѣсячное изданіе)* и покровительница многихъ литераторовъ. Д. участвовала въ составленіи „Толковаго словаря русскаго языка“, гдѣ она помѣстила нѣсколько опредѣленій словъ, выражающихъ нравственныя понятія, писала комедіи („Тоисіоковъ“), стихотворенія (стих. по поводу слова „Такъ“), переводила Вольтера; кромѣ того, она оставила „Записки“, рисующія интересную картину придворныхъ отношеній при Петрѣ III и Екатеринѣ II.

Осипъ Петровичъ Козодавлевъ.

К. (1754 г., † 1819 г.) происходилъ изъ древней дворянской фамиліи, воспитывался (въ одно время съ Радищевымъ) въ лейпцигскомъ университетѣ, гдѣ подъ вліяніемъ Гоммеля и Планера сложилось его либеральное міросозерцаніе; состоялъ чиновникомъ при сенатѣ, академіи наукъ, въ комиссіи объ учрежденіи народныхъ училищъ; въ 1799 г. былъ назначенъ сенаторомъ, въ 1811 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ. Какъ дѣятель по народному просвѣщенію, онъ держался самой широкой, свободной программы. Какъ министръ, содѣйствовалъ развитію національной промышленности и былъ сторонникомъ уничтоженія крѣпостного права. Какъ литераторъ—одинъ изъ первыхъ указалъ на значеніе *нѣмецкой поэзіи*, переводилъ Гете, критиковалъ Вольтера. Въ оригинальныхъ произведеніяхъ (Посланія къ Ломоносову и Державину) горячо отстаивалъ принципы просвѣщенія и далъ поэтическіе образцы, свободные отъ ложно-классической напыщенности.

Яковъ Борисовичъ Княжнинъ.

К. (3 октября 1742 г., † 14 января 1791 г.) родился въ Псковѣ, въ дворянской семьѣ. Воспитаніе получилъ сначала дома, затѣмъ въ гимназіи при академіи наукъ, при чемъ особенно усердно занимался изученіемъ иностранныхъ языковъ. По окончаніи курса сначала былъ зачисленъ въ переводчики иностранной „коллегіи", затѣмъ нѣкоторое время служилъ въ „комиссіи о строеніи домовъ и садовъ", наконецъ, посвятилъ себя военной службѣ. Въ 1767 г. женился на старшей дочери А. Сумарокова. Военная служба окончилась неудачно: въ 1773 г. К. былъ преданъ военному суду за растрату казенныхъ денегъ, приговоренъ къ разжалованію въ рядовые, но помилованъ императрицей. Потрясенный этимъ событіемъ, К. удалился отъ дѣлъ и жилъ уединенно, занимаясь литературой, до тѣхъ поръ, пока извѣстный дѣятель по народному образованію И. И. Бецкій не пригласилъ его къ себѣ въ секретари. Занявши этотъ постъ, К. редактировалъ всѣ бумаги и проекты, исходившіе изъ канцеляріи Бецкаго, и преподавалъ русскій языкъ въ сухопутно-шляхетскомъ корпусѣ. Въ то же время его литературная дѣятельность сблизила его съ кн. Дашковой и ея кружкомъ. Литературой К. началъ заниматься еще на школьной скамьѣ, но извѣстность завоевалъ себѣ трагедіей „Дидона" (1769 г.). За „Дидоной" слѣдовалъ длинный рядъ драматическихъ произведеній: трагедія „Владиміръ и Ярополкъ", комич. опера „Несчастье отъ кареты", „Скупой", траг. „Рославъ", мелодрама „Титово милосердіе", траг. „Софонисба", „Владисанъ", ком. „Хвастунъ", „Сбитенщикъ", „Неудачный примиритель", „Чудаки", „Трауръ", „Притворно-сумашедшая". Послѣдняя его трагедія „Вадимъ", написанная въ годъ взятія Бастиліи, какъ произведеніе, проникнутое оппозиціоннымъ духомъ, въ виду происшедшей въ правительственныхъ сферахъ реакціи, напечатана при жизни автора не была. Изданная въ 1793 г. кн. Дашковой, она подверглась конфискаціи. Какъ драматургъ, Княжнинъ съ чисто-формальной стороны является послѣдователемъ ложно-классическихъ традицій, завѣщанныхъ театру Сумароковымъ, и, подобно своему учителю, заимствуетъ сюжеты и переводитъ цѣлыя сцены изъ Расина, Вольтера, Детуша и другихъ франц. классиковъ. Но въ идейномъ отношеніи его произведенія представляютъ большой шагъ впередъ. Трагедія служитъ въ его рукахъ средствомъ для проведенія политическихъ и гражданскихъ принциповъ: его шедевры „Рославъ" и „Вадимъ"— рѣзкая апологія гражданской свободы и гражданскаго самосознанія (тѣми же мотивами одушевлены и всѣ другія трагедіи). Его *комедіи* даютъ яркую картину соціальныхъ отношеній екатерининской эпохи: пороки столичнаго и провинціальнаго дворянства, судейскаго и военнаго классовъ, крѣпостное право, франкоманія—подвергаются его безпощадному осмѣянію. Слѣдуетъ отмѣтить также его стихотворенія и басни, которыя по простотѣ и гладкости языка представляютъ переходъ отъ ложно-классической лирики къ лирикѣ XIX ст. Особенно удавались Княжнину стихотворенія въ народномъ жанрѣ (Та же простота и народность выраженій характеризуетъ стихъ его комедій.).

Яковъ Княжнинъ.

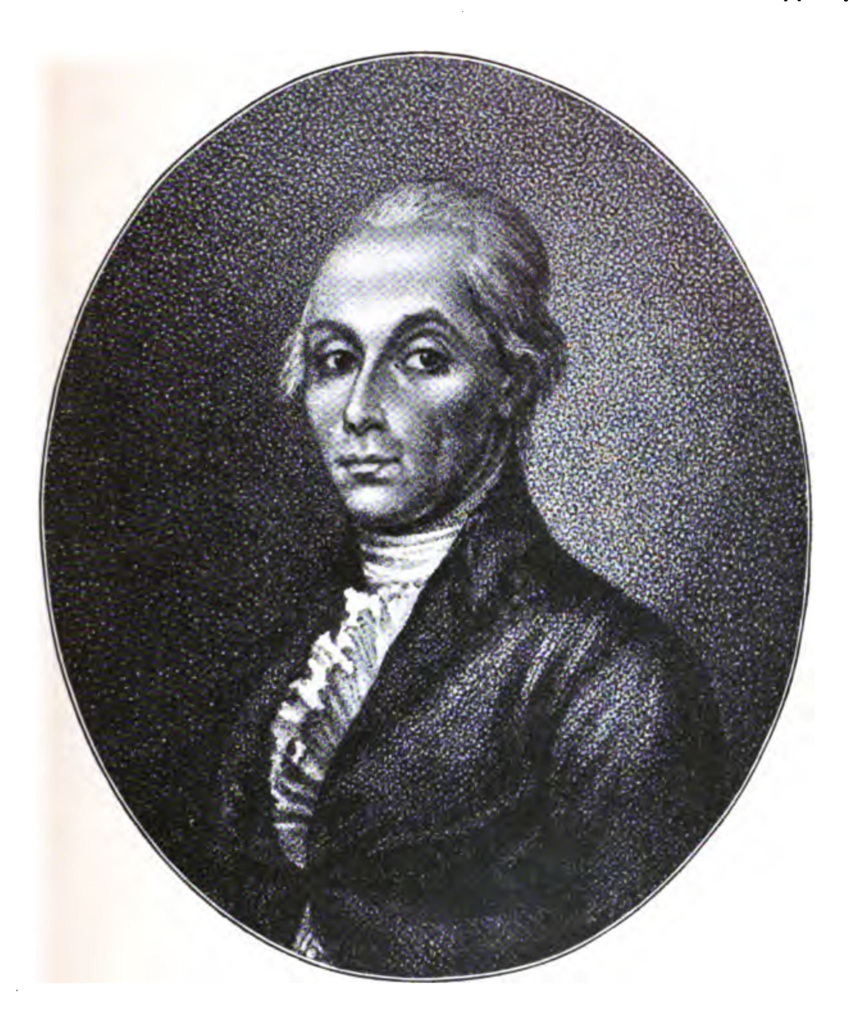
Николай Ивановичъ Новиковъ.

Одинъ изъ наиболѣе энергичныхъ и убѣжденныхъ борцовъ за развитіе самосознанія и просвѣщенія въ русскомъ обществѣ, такъ же какъ одинъ изъ основателей русской журналистики, Н. (27 апрѣля 1744 г., † 18 іюля 1818 г.), родился въ дворянской семьѣ въ Бронницкомъ уѣздѣ, Московской губ. Образованіе онъ получилъ очень поверхностное, не кончилъ даже курса въ университетской гимназіи, куда былъ отданъ родными, но собственными усиліями достигъ того, что „сталъ въ уровень съ наиболѣе образованными людьми своего времени". Прослуживъ недолгое время въ военныхъ чинахъ и выйдя въ отставку, онъ отдался литературной работѣ. Дѣятельность его на этомъ поприщѣ представляетъ поразительный образецъ преданности идеямъ просвѣщенія, образецъ энергіи и упорства въ проведеніи этихъ идей въ жизнь. Въ большомъ количествѣ издававшихся имъ журналовъ онъ боролся за эти идеи съ людьми очень сильными по общественному положенію, не падалъ духомъ и когда тяжелыя обстоятельства принуждали его закрыть одинъ журналъ, немедленно принимался за другой, стараясь проводить тѣ же просвѣтительныя идеи. Первый издававшійся имъ сатирическій журналъ *Трутень* былъ закрытъ изъ-за полемики съ журналомъ *Всякая Всячина*, въ которомъ, какъ извѣстно, писала сама императрица. Тотчасъ послѣ закрытія *Трутня* Н. выступилъ съ журналомъ *Живописецъ*, потомъ съ журналомъ *Кошелекъ;* издавалъ потомъ *С.-Петербургскія Ученыя Вѣдомости*, *Утренній Свѣтъ*, *Московскія Вѣдомости*, *Покоящійся Трудолюбецъ* и мн. др. Онъ главнымъ образомъ боролся съ крѣпостнымъ правомъ, нападалъ на нравы свѣтскаго общества, смѣялся надъ слѣпымъ поклоненіемъ французскимъ образцамъ и въ теченіе всей своей дѣятельности видѣлъ въ литературѣ могучее орудіе для проповѣди „человѣколюбія, просвѣщенія и общественной справедливости". Въ качествѣ уполномоченнаго типографической компаніи онъ издавалъ очень много книгъ, слѣдуя, какъ и въ своей журнальной дѣятельности, одной мысли, изложенной имъ въ частномъ письмѣ: „Печатаніе соблюдаетъ наилучшимъ образомъ всѣ истины, доставляетъ наибольшему количеству народа объ оныхъ свѣдѣніе, черезъ что очищаетъ общество отъ заблужденій и предразсудковъ, всегда вредныхъ". Сближеніе съ масонами еще болѣе усилило проповѣдническую дѣятельность Н—ва. Но долгая борьба противъ всего, заинтересованнаго въ сохраненіи „вредныхъ заблужденій и предразсудковъ", не могла окончиться безъ гоненій на энергичнаго бойца. Въ 1792 г. Н. былъ арестованъ, препровожденъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ и заточенъ по указу императрицы на 15 лѣтъ. По восшествіи на престолъ имп. Павла I Н. былъ освобожденъ и прожилъ остатокъ дней въ своемъ имѣніи въ с. Авдотьинѣ, Бронницкаго уѣзда, Московской губ.

Александръ Николаевичъ Радищевъ.

Р. (20 августа 1749 г., † 12 сентября 1802 г.) родился въ Москвѣ въ дворянской семьѣ. Отецъ его, человѣкъ по тому времени весьма просвѣщенный, заботился немало объ образованіи сына: съ шестилѣтняго возраста Р. имѣлъ уже учителя-француза; затѣмъ мальчикъ былъ помѣщенъ въ домѣ своего родственника Аргамакова, гдѣ большое вліяніе на его развитіе имѣлъ французскій эмигрантъ. Р. учился потомъ въ пажескомъ корпусѣ. Въ 1765 г., по повелѣнію Екатерины II, онъ въ числѣ 12 молодыхъ людей былъ отправленъ въ Лейпцигъ съ цѣлью изученія юриспруденціи. Изъ лейпцигскихъ профессоровъ на Р. особенно повліяли Геллертъ и Платнеръ. Изъ отдѣльныхъ наукъ Р. чувствовалъ особое пристрастіе къ естественнымъ, но главную роль въ его развитіи сыграло близкое знакомство съ произведеніями корифеевъ французской литературы XVIII ст. По возвращеніи въ Россію (1771 г.) Р. поступаетъ протоколистомъ въ сенатъ, перечисляется въ штатъ петербургскаго главнокомандующаго, потомъ въ комерцъ-коллегію, наконецъ въ петербургскую таможню. Появленіе въ печати въ 1790 г. его „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“ повлекло за собой арестъ и осужденіе Р—а на смертную казнь; приговоръ былъ смягченъ, и онъ сосланъ на 10 лѣтъ въ Илимскъ (Сибирь). При императорѣ Павлѣ ему разрѣшили поселиться въ его родовомъ имѣніи Калужской губ. При воцареніи Александра I ему возвратили всѣ чины и пригласили въ комиссію для составленія законовъ. О смерти его существуетъ слѣдующее извѣстіе: Р. подалъ въ комиссію какой-то радикальный проектъ относительно крестьянъ; одинъ изъ членовъ комиссіи напалъ на него за этотъ проектъ, напомнилъ ему о прежнихъ его увлеченіяхъ и Сибири,—испуганный Р. отравился. Погребенъ въ Петербургѣ на Волковомъ кладбищѣ.—Въ развитіи дворянской литературы XVIII вѣка Р.—представитель крайней лѣвой. Его любимые писатели не столько Вольтеръ, сколько Гельвецій, Руссо, Мабли. Его любимыя идеи - не мечты объ абстрактномъ торжествѣ разума и свободы, а мечты о реальномъ приложеніи принциповъ просвѣтительной эпохи къ русской дѣйствительности. Его главное произведеніе, знаменитое „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“, не ограничивается протестомъ въ духѣ Княжнинскихъ трагедій, не идущихъ далѣе подражанія гражданскимъ мотивамъ иностранныхъ авторовъ, а даетъ яркую картину соціальныхъ отношеній Екатерининской эпохи, является горячимъ призывомъ къ освобожденію крестьянства отъ крѣпостной зависимости и обнаруживаетъ въ авторѣ проницательнаго наблюдателя сельскаго, помѣщичьяго и бюрократическаго быта. Остальныя сочиненія Р—а слѣд.: „Житіе Ѳ. В. Ушакова“, одного изъ товарищей Р—а по лейпцигскому университету; „Письмо къ другу, живущему въ Тобольскѣ“, представляющее изъ себя какъ бы предварительный опытъ изложенія идей, высказанныхъ въ „Путешествіи“; „Повѣсть о Филаретѣ Милостивомъ“, написанная во время заключенія въ крѣпости. Кромѣ прозаическихъ произведеній, Р. написалъ нѣсколько стихотвореній и поэмъ: „Ода вольности“, „Богатырская повѣсть Бова“, „Пѣснь историческая“ (изложеніе въ стихахъ античной исторіи).

А. Н. РАДИЩЕВЪ.

ИВ. АНДР. КРЫЛОВЪ.

Иванъ Крыловъ

Иванъ Андреевичъ Крыловъ.

Знаменитый баснописецъ К. (2 февраля 1768 г., † 9 ноября 1844 г.) былъ сыномъ бѣднаго армейскаго офицера, служившаго нѣкоторое время чиновникомъ въ тверскомъ губернскомъ магистратѣ. Послѣ смерти отца одиннадцатилѣтній К., получивъ крайне скудное домашнее образованіе, долженъ былъ взять мѣсто писца въ калязинскомъ уѣздномъ судѣ, а потомъ въ тверскомъ магистратѣ. Рано поставленный лицомъ къ лицу съ русскою дѣйствительностью, наблюдательный и начитанный юноша, всегда склонный къ юмору и сатирѣ, дѣлаетъ первые шаги на литературномъ поприщѣ и сочиняетъ комическую оперу „Кофейница" съ героиней Новомодивой. Въ 1782 г. К. вмѣстѣ съ матерью переѣзжаетъ въ Петербургъ, поступаетъ тамъ въ казенную палату, сводитъ знакомство съ представителями театральнаго и литературнаго міра, и самъ читаетъ трагедіи, комедіи и сатирическія статьи. Произведенія этого періода по формѣ и по идеямъ тѣсно примыкаютъ къ господствовавшимъ въ XVIII в. направленіямъ, и К. проявляетъ еще мало самобытности. Указъ имп. Павла (1796 г.), запрещавшій частныя типографіи, прервалъ на время литературную и издательскую дѣятельность К—ва, а послѣ нѣсколькихъ лѣтъ скитальческой жизни онъ возобновляетъ ее уже въ качествѣ баснописца (съ 1805 г.). Начавъ съ подражаній Лафонтену и отчасти русскимъ баснописцамъ, К. съ теченіемъ времени обнаруживаетъ сильный и оригинальный талантъ. Въ 1809 г. вышелъ первый сборникъ его басенъ, и съ этого момента начинается его широкая популярность: онъ дѣлается почетнымъ лицомъ въ литературныхъ кругахъ, пользуется милостями двора и, получивъ мѣсто въ Публичной библіотекѣ (съ 1812 г.), ведетъ покойную, лѣнивую жизнь флегматическаго холостяка, уравновѣшеннаго созерцателя и философа, отъ времени до времени даря литературу своими баснями, но сохраняя полный нейтралитетъ среди литературныхъ движеній эпохи. Кромѣ басенъ, направленныхъ на общечеловѣческіе недостатки, у К — ва есть много такихъ, которыя тѣсно связаны съ историческими условіями тогдашней русской дѣйствительности: въ нихъ рѣшаются вопросы о воспитаніи, просвѣщеніи, обличаются недостатки дореформенной администраціи и суда, оцѣниваются историческія событія и т. п. Общественные идеалы К — ва отличаются умѣренностью, не открываютъ никакихъ широкихъ перспективъ, а являются просто плодомъ здраваго смысла средне-буржуазнаго человѣка, который желаетъ, чтобы просвѣщеніе, свободное отъ опасныхъ и смѣлыхъ увлеченій, имѣло въ виду прежде всего потребности практической жизни, и чтобы въ общественныхъ отношеніяхъ господствовали правда и справедливость. Художественность формы, народность языка, гибкость и музыкальная выразительность стиха, разнообразіе и жизненность содержанія — все это придаетъ баснямъ Крылова очень важное значеніе въ исторіи русскаго литературнаго реализма и ставитъ его въ ряду лучшихъ баснописцевъ міра.

Николай Михайловичъ Карамзинъ.

К. (1 декабря 1766 г., † 22 мая 1826 г.) родился въ Симбирской губ., въ имѣніи отца, отставного капитана. К. унаслѣдовалъ отъ матери „тихій нравъ" и мечтательную душу: картины природы Поволжья и фантастическіе романы, которыми была наполнена библіотека его отца, развили въ немъ любовь къ „натурѣ", чувствительность сердца и религіозное чувство. На 14-мъ году онъ поступилъ въ московскій пансіонъ Шаденъ, познакомился съ иностранными языками и нѣмецкой философіей. Окончивъ курсъ въ пансіонѣ онъ, по обычаю того времени, поспѣшилъ въ Петербургъ и записался подпрапорщикомъ въ Преображенскій полкъ. Въ Петербургѣ К. познакомился съ Дмитріевымъ, будущимъ извѣстнымъ поэтомъ, который заставилъ юношу впервые испытать свое литературное дарованіе въ качествѣ переводчика (Геснеръ, „Деревянная нога"). Не поступивъ въ дѣйствующую армію, куда его влекло разгоряченное чтеніемъ воображеніе, и проскучавъ нѣкоторое время въ родномъ имѣніи, К. снова попалъ въ Москву, въ „дружеское ученое общество", подъ вліяніе Новикова и Петрова, которые окончательно пристрастили его къ литературѣ. Онъ издаетъ журналъ *Дѣтское Чтеніе*, въ которомъ печатаетъ свои переводы „Юлія Цезаря" Шекспира, „Эмилія Галотти" Лессинга, романовъ Жанлисъ и Мармонтеля и пишетъ свой первый сентиментальный романъ „Евгеній и Юлія". Переводныя произведенія К—на оказали огромную услугу тогдашнему русскому обществу. Въ нихъ онъ знакомитъ послѣднее съ европейскими мыслителями, особенно французскими, сближая вмѣстѣ съ тѣмъ ломоносовскій (латино-нѣмецкій) стиль съ французскимъ слогомъ, подготовляя почву для знаменитой реформы языка. Въ 1789 году Карамзинъ отправился на 4 года за границу, побывалъ въ Германіи, Англіи, Франціи и Швейцаріи. Въ „Письмахъ Русскаго Путешественника", напечатанныхъ въ *Московскомъ Журналѣ*, Карамзинъ разсказываетъ о своемъ знакомствѣ съ Европой, съ ея литературною и культурною жизнью. Въ томъ же *Московскомъ Журналѣ* Карамзинъ печатаетъ свои повѣсти „Бѣдная Лиза" и „Наталья, боярская дочь". Этими повѣстями Карамзинъ создалъ новое направленіе въ русской литературѣ. Онъ первый изобразилъ жизнь сердца среди обыденной обстановки; онъ первый пытался внести въ литературу народный, а главнымъ образомъ историческій элементъ, идеализируя, однако, въ сентиментальномъ духѣ эпохи наше крестьянство и допетровскую Русь. Событія повседневной жизни описаны имъ простымъ, разговорнымъ языкомъ, чѣмъ онъ и привлекъ массу читателей. Послѣ изданія ряда альманаховъ и журналовъ, Карамзинъ въ 1803 г. былъ назначенъ, по личной просьбѣ, офиціальнымъ исторіографомъ и съ тѣхъ поръ въ продолженіе 25 лѣтъ трудился надъ сочиненіемъ „Исторіи Государства Россійскаго", выпустивъ предварительно историческую повѣсть „Мароа Посадница" и рядъ историческихъ очерковъ. Этимъ трудомъ опредѣляется новый періодъ его дѣятельности. Раньше Карамзинъ былъ горячимъ поклонникомъ Запада и на древнюю Русь смотрѣлъ, какъ на страну варварскую; въ его „Исторіи Гос. Рос." русская старина окрашена уже инымъ цвѣтомъ. Глав-

И. И. ДМИТРІЕВЪ.

ная мысль Карамзина та, что для Россіи единодержавіе—единственный источникъ государственнаго благосостоянія. Его исторія не знакомила читателей съ жизнью народа. Исходя изъ той мысли, что не народъ творитъ исторію, а глава государства, Карамзинъ рисуетъ галлерею блестящихъ и добродѣтельныхъ князей и государей, оставляя бытъ народа въ тѣни. Окончивъ „Исторію Государства Россійскаго", Карамзинъ рѣшилъ ѣхать за границу лѣчиться, но умеръ въ сборахъ къ отъѣзду. Тѣло его погребено въ Александро-Невской лаврѣ.

Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ.

Д. (10 сентября 1760 г., † 3 октября 1837 г.) родился въ селѣ Богородскомъ, Сызранскаго уѣзда, Симбирской губ. Образованіе получилъ сначала въ частныхъ пансіонахъ Казани и Симбирска, затѣмъ воспитывался дома. Во время Пугачевскаго бунта семья Дмитріева переѣхала въ Москву. 14 лѣтъ Д. зачислился въ Семеновскій полкъ. Прослуживши въ военной службѣ до 1796 г., уволенъ по собственному желанію съ чиномъ полковника. Въ томъ же году, оклеветанный въ заговорѣ противъ императора, подвергся трехдневному аресту, но по выясненіи дѣла, осыпанный милостями, получилъ важный постъ въ департаментѣ удѣльныхъ имѣній. Затѣмъ, поднимаясь быстро по іерархической лѣстницѣ, достигъ званія сенатора, члена государственнаго совѣта и министра юстиціи (1810); министерскій портфель сохранилъ до момента возвышенія Аракчеева. Служебную карьеру закончилъ въ 1819 г. (въ комиссіи по оказанію помощи жителямъ, пострадавшимъ отъ французовъ). Литературная его дѣятельность охватываетъ періодъ приблизительно съ 1791 г.—1805 г. и тѣсно связана съ исторіей такъ назыв. Карамзинской школы. Дм.—творецъ сентиментальной лирики. Основные элементы его поэзіи—чувство тихой, нѣжной любви, грусть, навѣянная скоротечностью юности и призрачностью земного счастія, чувство природы, любовь къ уединенію и мечтамъ; съ внѣшней стороны—легкость стихотворной формы. Въ выраженіи своихъ чувствъ Дм. слѣдовалъ западнымъ образцамъ, а также мотивамъ русскихъ народныхъ пѣсенъ; чисто-оригинальныхъ стихотвореній у него очень мало, но важно самое его стремленіе замѣнить риторическій лиризмъ XVII ст. психологіей. Кромѣ того, современники высоко цѣнили Дм. какъ баснописца и сатирика.

Владиславъ Александровичъ Озеровъ.

О. (29 сентября 1770 г., † ноября 1816 г.), получивъ образованіе въ кадетскомъ корпусѣ, служилъ сначала въ военной службѣ (участвовалъ въ сраженіи при Бендерахъ, занималъ постъ адъютанта при директорѣ корпуса), затѣмъ перешелъ на гражданскую службу. Подъ конецъ своей жизни, послѣ непріятностей по службѣ и литературныхъ неудачъ (провалъ трагедіи „По-

ликсена“), впалъ въ тихое помѣшательство. Ученикъ французской псевдоклассической школы, послѣдователь Сумарокова и особенно Княжнина, О. въ исторіи трагедіи является тѣмъ же, чѣмъ былъ въ исторіи лирики Дмитріевъ, а въ исторіи изящной прозы Карамзинъ. Исполняя съ внѣшней стороны требованія ложнаго классицизма, онъ внесъ въ трагедію сентиментальный элементъ, сосредоточивъ вниманіе на психологической обрисовкѣ своихъ героевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ его трагедія удаляется отъ гражданской трагедіи Княжнина: вмѣсто мужественныхъ монологовъ, проникнутыхъ идеями Вольтерова вѣка, мы встрѣчаемъ у О. апоѳеозъ чувства любви, пассивныя жалобы на судьбу, мечты о загробномъ мірѣ и т. д. Какъ на примѣръ паденія героическихъ чувствъ, можно указать на фигуру Дмитрія Донского (трагедія того же имени) или Фингала („Фингалъ“); о томъ же свидѣтельствуетъ рядъ мечтательныхъ героинь (особенно Моина въ „Фингалѣ“); поэтому женскіе типы особенно удаются О—ву. Изъ не драматическихъ произведеній О—ва особенно характерно „Письмо Элоизы къ Абеляру“ (переводъ изъ Колярда), одинъ изъ первыхъ на русскомъ языкѣ опытовъ психологіи женскаго чувствительнаго сердца.

Николай Ивановичъ Гнѣдичъ.

Г. (2 февраля 1784 г., † 3 февраля 1833 г.) родился въ Полтавѣ, происходилъ изъ старинной дворянской семьи. Рано лишившись родителей, страдая крупнымъ физическимъ недостаткомъ (въ дѣтствѣ ослѣпъ на одинъ глазъ отъ оспы), онъ росъ, какъ самъ выражается, „печальнымъ въ мірѣ сиротою“, рано почувствовалъ въ себѣ „трепетъ чувствительнаго, не общаго сердца“, рано полюбилъ литературу. Послѣ трехлѣтняго пребыванія въ московскомъ университетѣ, зачислился чиновникомъ департамента министерства народнаго просвѣщенія. Въ 1811 г. онъ переходитъ на службу въ Императорскую публичную библіотеку (служба въ библіотекѣ сближаетъ его съ Крыловымъ). Въ 1829 г. появляется его переводъ Иліады. Литературная извѣстность Г—ча создана главнымъ образомъ этимъ переводомъ. (За него Г. принимался дважды: сначала перевелъ 7 — 11 пѣсней александрійскимъ стихомъ въ подражаніе Кострову, затѣмъ—всю поэму гекзаметрами, чѣмъ не мало содѣйствовалъ развитію русскаго стихосложенія). Въ своихъ оригинальныхъ произведеніяхъ Г. является типичнымъ сентименталистомъ-идилликомъ: въ „Красотахъ Оссіана“, въ „Задумчивости“, „Осени“, „Пріютино“, „Ласточкѣ“ и другихъ стихотвореніяхъ мы встрѣчаемся у Г—ча съ культомъ нѣжнаго, чистаго сердца и сентиментальной дружбы, съ меланхолическими жалобами на судьбу и вѣроломныхъ недруговъ, съ тоскою по утраченной юности, со стремленіями забыться отъ ударовъ судьбы въ мірѣ безмятежной „мечты“, съ проповѣдью „честной бѣдности„ и идеализаціей простой трудовой жизни („Рыбаки“). Кромѣ „Иліады“, Г. перевелъ идиллію Ѳеокрита „Сиракузянки“, „Заговоръ Фіаско“ Шиллера, „Танкреда“ Вольтера, „Короля Лира“ Шекспира, нѣсколько простонародныхъ греческихъ пѣсенъ и проч.

ВЛ. АЛЕКС. ОЗЕРОВЪ.

Н. И. ГНѢДИЧЪ.

Шишковъ.

Князь Александръ Шаховской

Александръ Семеновичъ Шишковъ.

Ш. (1754 г., † 1841 г.) воспитывался въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ. По окончанiи курса въ немъ (1772) поступилъ на службу во флотъ, участвовалъ въ войнѣ со шведами (1788—90 г.). Съ 1790 г. начинается его придворная карьера. Въ 1812 г. онъ сдѣланъ былъ государственнымъ секретаремъ. Въ отечественную войну Ш. составлялъ текстъ манифестовъ и воззванiй къ народу. Вскорѣ послѣ того онъ былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта, а съ 1824 по 1828 г. былъ министромъ народнаго просвѣщенiя.—Одинъ изъ виднѣйшихъ представителей старо-дворянской партiи въ царствованiе Александра I, врагъ всякаго либерализма и прогресса, убѣжденный крѣпостникъ, Ш., въ качествѣ государственнаго дѣятеля, извѣстенъ борьбою съ государственными реформаторами Александровской эпохи, съ масонствомъ и библейскимъ обществомъ, и своими репрессивными мѣрами по отношенiю къ печати. Какъ литераторъ, онъ извѣстенъ своею борьбой съ карамзинистами („Разсужденiе о старомъ и новомъ слогѣ“, „Прибавленiе къ сочиненiю о старомъ и новомъ слогѣ“) и вообще противъ всякихъ иностранныхъ вѣянiй (французскихъ) въ русской литературѣ; въ этихъ вѣянiяхъ онъ видѣлъ причину общественной деморализацiи. Для этой борьбы онъ основалъ бесѣду любителей русскаго слога; будучи президентомъ россiйской академiи, издалъ много книгъ для этой цѣли, участвовалъ въ составленiи словаря. Его любимыми писателями были Ломоносовъ, Херасковъ, Сумароковъ, а также древне-русскiе духовные писатели (онъ доказывалъ между прочимъ тожество древне-русскаго языка съ церковно-славянскимъ). Ему принадлежитъ мысль о сближенiи славянскихъ народностей и литературъ; онъ оказалъ сильное влiянiе на образованiе славянофильскихъ симпатiй у такихъ писателей, какъ С. Аксаковъ.

Александръ Александровичъ Шаховской.

Князь Ш. (24 апрѣля 1777 г., † 22 января 1846 г.) получилъ воспитанiе въ московскомъ университетскомъ пансiонѣ, откуда поступилъ въ военную службу, но прослужилъ недолго, выйдя въ отставку для того, чтобы стать ближе къ театру. Будучи назначенъ членомъ по репертуарной части петербургскаго театра, онъ имѣлъ возможность изучить постановку театральнаго дѣла за границей и по возвращенiи оттуда дѣятельно занялся образованiемъ молодыхъ актеровъ. Въ 1812 г. Ш. вновь поступилъ въ военную службу, по окончанiи которой возобновилъ прежнiя занятiя по театральному управленiю до 1826 года. Послѣднiе годы жизни провелъ въ Москвѣ. Главная заслуга Ш—го заключается въ усовершенствованiи русской сцены, въ образованiи „молодой труппы“ актеровъ. Что касается до литературной дѣя-

тельности, то она началась, когда Ш—му не было еще 20-ти лѣтъ; комедія въ стихахъ „Женская шутка“ была первымъ опытомъ, за которымъ съ необыкновенною быстротой послѣдовали другіе. Въ теченіе своей многолѣтней дѣятельности Ш. не переставалъ снабжать театръ своими произведеніями, число которыхъ достигаетъ ста. Онъ обогатилъ современный ему русскій драматическій репертуаръ въ количественномъ отношеніи, но въ качественномъ сравнительно мало: какъ писатель, онъ стоялъ за сохраненіе старины, нерѣдко сходясь съ Шишковымъ, возставая противъ всякой новизны и осмѣивая ее въ своихъ произведеніяхъ. Противъ увлеченія сентиментализмомъ Карамзина онъ выступилъ съ комедіей „Новый Стернъ“, противъ Жуковскаго—съ комедіей „Урокъ кокеткамъ или Липецкія воды“. Полемика, вызываемая подобными выходками, находила новое отраженіе въ театрѣ (наприм., въ пьесѣ Загоскина „Комедія противъ комедіи“). Такъ же, какъ въ вылазкахъ противъ литературныхъ непріятелей, онъ изображалъ дѣйствительныхъ лицъ въ комедіяхъ, не безъ остроумія осмѣивавшихъ нравы современнаго ему общества. Кромѣ упомянутыхъ пьесъ, большой успѣхъ имѣли у современниковъ „Полубарскія затѣи“, „Пустодомъ“, Казакъ-стихотворецъ“ и др.

Николай Ивановичъ Хмельницкій.

Х. (11 августа 1789 г., † 8 сентября 1846 г.), потомокъ Богдана Х—го, учился въ горномъ корпусѣ, служилъ въ иностранной коллегіи, въ министерствѣ юстиціи, принималъ участіе въ войнѣ 1812 года въ качествѣ ополченца, былъ смоленскимъ, потомъ архангельскимъ губернаторомъ, умеръ въ Петербургѣ. Х.—авторъ многочисленныхъ, написанныхъ для своего времени хорошимъ языкомъ, драматическихъ произведеній,—принадлежалъ къ направленію Шаховского, но отличался значительно меньшею самостоятельностью, подражая иностраннымъ и русскимъ образцамъ.

Денисъ Васильевичъ Давыдовъ.

Д. (17 іюля 1784 г., † 22 апрѣля 1830 г.) происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода; получилъ поверхностное домашнее воспитаніе. Уже съ семилѣтняго возраста Д. ознакомился съ военнымъ бытомъ, живя въ с. Грушевкѣ, Полтавской губ., гдѣ отецъ его командовалъ полкомъ. 13-ти лѣтъ Д. былъ привезенъ въ Москву. Здѣсь онъ сблизился съ кружкомъ воспитанниковъ университетскаго благороднаго пансіона, оказавшихъ на него большое вліяніе въ литературномъ отношеніи. Въ 1801 г. поступилъ на военную службу, въ качествѣ гвардейскаго офицера участвовалъ въ походахъ противъ французовъ (1806—1814), персовъ, поляковъ. Въ войнѣ 1811 г. онъ первый по-

НИК. ИВ.
ХМЕЛЬНИЦКІЙ.

Н. Хмельницкій

Денисъ Давыдовъ

А. Ѳ. ВОЕЙКОВЪ

далъ мысль къ партизанской войнѣ. Умеръ въ своемъ имѣніи Верхней Марѣ, Сызранскаго уѣзда. Наиболѣе оригинальныя произведенія Д—ва—это его гусарскія пѣсни: „Бурцову", „Моя пѣсня", „Я люблю кровавый бой", „Пѣсня стараго гусара". Въ нихъ Д. воспѣваетъ „саблю, водку, коня гусарскаго", „живое и братское своеволье"; протестуя противъ изнѣженности и богатства, а также противъ новообразующагося типа гусара, наполовину воина, наполовину салоннаго кавалера, Д. провозглашаетъ своимъ идеаломъ старинное государство, презирающее роскошь, цѣнящее лишь непосредственность чувства и желаній, исповѣдующее своеобразный „атеизмъ" любви. Изъ негусарскихъ пѣсенъ извѣстностью пользовались его переводы и подражанія Парни, Делиля, Виже, элегіи сентиментальнаго характера, а также „Современная пѣсня"—сатирическая выходка противъ современныхъ автору прогрессистовъ. Помимо поэтическихъ произведеній, Д. написалъ также „Автобіографію" и нѣсколько статей военнаго характера: наприм., „Матерьялы для исторіи современныхъ войнъ" и „Опытъ теоріи партизанскихъ дѣйствій".

Александръ Θедоровичъ Воейковъ.

В. (15 ноября 1778 (или 1779), † 16 іюня 1839 г.) родился въ Москвѣ, происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода. Воспитаніе получилъ въ московскомъ университетскомъ благородномъ пансіонѣ, въ 1812 состоялъ въ дѣйствующей русской арміи. Въ 1815 былъ назначенъ профессоромъ россійской словесности дерптскаго университета. Въ 1820 г. бросилъ профессуру и отдался журнальной дѣятельности: участвовалъ въ *Сынѣ Отечества*, редактировалъ *Русскій Инвалидъ* (до 1826 г.), издавалъ послѣдовательно рядъ журналовъ (*Новости русской литературы*, *Славянинъ*). Воспитанный на образцахъ просвѣтительной литературы XVIII вѣка и усвоившій отъ послѣднихъ лишь общіе принципы честности, трудолюбія и душевнаго благородства („Посланіе Сперанскому"), лишь общее оппозиціонное настроеніе, В. остановился на этихъ принципахъ, не прибавилъ къ нимъ того новаго, чего требовали вѣянія эпохи. Лучшее его произведеніе „Домъ сумасшедшихъ", надѣлавшее столько шума въ свое время и заставившее современниковъ ставить имя Воейкова на ряду съ именами Батюшкова или Жуковскаго—рѣзкая сатирическая выходка противъ современныхъ корифеевъ литературы и дѣятелей общественнаго просвѣщенія, написано талантливо, но представляетъ изъ себя лишь рядъ отдѣльныхъ, не связанныхъ органически другъ съ другомъ, желчныхъ характеристикъ. Какъ журналистъ и публицистъ, В. не имѣлъ успѣха, не обладая ни глубокимъ пониманіемъ политико-соціальныхъ отношеній, ни умѣніемъ дать редактируемымъ журналамъ опредѣленное направленіе. Кромѣ „Посланія къ Сперанскому" и „Дома сумасшедшихъ", извѣстны переводы В—ва „Садивъ" Делиля и „Георгикъ" Виргилія.

Константинъ Николаевичъ Батюшковъ.

Б. (18 мая 1787 г., † 7 іюля 1855 г.) родился въ дворянской семьѣ въ Вологдѣ. Въ жизни его, равно какъ и въ кратковременномъ творчествѣ, ярко вырисовываются два періода. Воспитанный на классической литературѣ и на французской эпикурейской философіи, онъ рано проникся жизнерадостнымъ міросозерцаніемъ и въ своихъ юношескихъ стихотвореніяхъ („Мои пенаты", „Вакханка" и другія) онъ воспѣвалъ поэтому любовь, вино и веселье. Но вся жизнь поэта сложилась такъ, чтобы доказать ему неосуществимость земного счастія въ тѣхъ идеалахъ, къ которымъ онъ стремился. Въ 1806 году поэтъ участвовалъ въ войнѣ противъ Наполеона, во время которой близко подружился съ офицеромъ Петинымъ, большимъ любителемъ литературы. Смерть друга, убитаго въ одномъ сраженіи съ французами, была первымъ разочарованіемъ, постигшимъ поэта. Въ его элегіи „Тѣнь друга", посвященной памяти Петина, впервые слышатся нотки грусти. Судьба разсѣяла также грезы поэта о любви, убѣдивъ Б—ва въ томъ, что онъ не способенъ къ семейной жизни (Стих. „Таврида"). Наконецъ, зависть къ поэтической славѣ Пушкина и сомнѣніе въ своемъ талантѣ окончательно сломили нравственныя силы Б—ва, и это мрачное настроеніе отразилось въ его стихотвореніи „Умирающій Тассъ". Во всѣхъ послѣдующихъ произведеніяхъ Б—ва („Послѣдняя весна" и друг.) жизнерадостный эпикуреизмъ все больше смѣняется меланхоліей и въ концѣ концовъ превращается въ мрачное отчаяніе. Разочарованный въ эпикурейской философіи, Б. искалъ успокоенія въ религіи (стих. „Надежда", „Къ другу"), но и въ ней больная душа поэта не могла найти утѣшенія. Послѣднее стихотвореніе его „Мельхиседекъ" прозвучало проклятіемъ той жизни, которую французскіе философы и греческіе эпикурейцы рисовали ему столь прекрасной. Лишившись разсудка, Б. провелъ остатокъ своей трагической жизни въ Вологдѣ. Кромѣ оригинальныхъ произведеній, послѣ него осталось 12 пьесъ изъ греческой антологіи, переведенныхъ имъ очевидно съ французскаго языка, и нѣсколько подражаній Тибуллу, Тассу, Петраркѣ, Аріосто и друг. Произведенія Б—ва отличаются неизвѣстнымъ до него изяществомъ формы.

В. А. ЖУКОВСКІЙ.

Василій Андреевичъ Жуковскій.

Ж. (29 января 1783 г., † 7 апрѣля 1852 г.) родился въ селѣ Мишенскомъ, Бѣлевскаго уѣзда, Тульской губ. Сынъ помѣщика Бунина и плѣнной турчанки, онъ получилъ фамилію своего крестнаго отца. Раннее дѣтство поэтъ провелъ среди женскаго общества, воспитываясь вмѣстѣ со своими сверстницами-племянницами, и эта постоянная близость женскаго общества развила въ немъ ту нѣжную мечтательность, которою проникнуто все творчество поэта. Образованіе Ж. получилъ въ „московскомъ благородномъ университетскомъ пансіонѣ", воспитанники котораго много занимались литературой. Окончивъ курсъ, Ж. поступилъ было на службу, но вскорѣ уѣхалъ на родину, гдѣ посвятилъ себя литературной дѣятельности, находясь сначала подъ вліяніемъ сентиментальныхъ повѣстей Карамзина („Марьина роща", „Сельское кладбище"). Занимаясь воспитаніемъ своихъ племянницъ, Ж. полюбилъ младшую изъ нихъ и хотѣлъ жениться на ней, но получилъ отказъ. Отголоски этого неудачнаго романа звучали во всей его поэзіи („Рыцарь Тогенбургъ", „Узникъ", „Теонъ и Эсхинъ", „Эдвинъ и Мальвина", „Вѣрность до гроба", „Мой другъ хранитель" и друг.). Памяти рано скончавшейся племянницы поэтъ посвятилъ прекрасную элегію „19 марта 1823 г.". Ж. въ 1812 году участвовалъ въ Бородинскомъ сраженіи и, увлеченный патріотическимъ настроеніемъ общества, написалъ поэму „Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ", доставившую ему громкую славу и привлекшую на него вниманіе царскаго семейства. Въ 1817 г. Жуковскій былъ назначенъ преподавателемъ русскаго языка къ великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ; поэтъ издалъ для нея томикъ своихъ стихотвореній, переведенныхъ и сочиненныхъ по ея указаніямъ. Въ началѣ царствованія Николая I-го Ж. былъ приглашенъ наставникомъ-руководителемъ цесаревича Александра. Заслуга Ж—го въ исторіи русской литературы состояла главнымъ образомъ въ томъ, что онъ старался пересадить нѣмецкій романтизмъ на почву русской литературы. Подобно тому, какъ нѣмецкіе романтики переводили произведенія міровыхъ писателей, такъ и Ж. посвятилъ часть своей дѣятельности переводамъ изъ иностранныхъ поэтовъ (Грей, Муръ, Шиллеръ, Гете, Байронъ, Фирдуси, „Магабгарата", Гомеръ). Но если нѣмецкіе романтики переводили произведенія, характерныя для той или другой націи, то Ж. выбиралъ лишь то, что подходило подъ его личное настроеніе („Жалоба Цереры", „Одиссея"), или вносилъ въ нѣкоторыя изъ нихъ свое личное міросозерцаніе („Шильонскій узникъ"). У нѣмецкихъ романтиковъ Ж. заимствовалъ также свой взглядъ на природу, оказывая предпочтеніе вечернимъ, луннымъ пейзажамъ („Вечеръ", „Славянка", „Подробный отчетъ о лунѣ"), а также свое воззрѣніе на любовь, понимая ее въ смыслѣ исканія на землѣ неземного идеала („Вадимъ") и, наконецъ, свое религіозное и квіэтистическое отношеніе къ жизни („Теонъ и Эсхинъ"). Свое общественно-политическое міровоззрѣніе также въ значительной степени заимствовалъ у нѣмецкихъ романтиковъ. Ж. перенялъ и бутафорскую сторону нѣмецкаго романтизма—вѣдьмъ, чертей и проч. („Свѣт-

лана“, „Людмила“, „Смальгольскій замокъ“, „Лѣсной царь“). Послѣдніе годы своей жизни поэтъ провелъ за границей. Онъ женился на дочери своего друга, художника Рейтерна. Къ этому періоду его дѣятельности относятся переводы эпическихъ поэмъ восточныхъ народовъ („Магабгарата“, Фирдуси, Гомеръ). Переводы эти Ж. дѣлалъ съ нѣмецкаго языка. Послѣднее его произведеніе (Агасверъ или Вѣчный жидъ) было проникнуто мистически-религіознымъ чувствомъ, вполнѣ овладѣвшимъ душой поэта. Жуковскій скончался въ Баденъ-Баденѣ. Тѣло его похоронено въ Петербургѣ, въ Александро-Невской лаврѣ.

Иванъ Ивановичъ Козловъ.

К. (11 апрѣля 1779 г., † 30 января 1840 г.) принадлежалъ по происхожденію къ высшему кругу московскаго общества. Онъ получилъ прекрасное домашнее образованіе и былъ хорошо знакомъ какъ съ русской, такъ и съ западно-европейской литературой, но долгое время самъ не обнаруживалъ желанія писать. Девятнадцати лѣтъ онъ поступилъ на гражданскую службу и продолжалъ успѣшно служить въ различныхъ вѣдомствахъ до 1818 года, когда его постигло тяжкое испытаніе: онъ былъ разбитъ параличомъ, а черезъ нѣкоторое время совсѣмъ ослѣпъ. Въ этомъ-то тяжеломъ положеніи проснулись въ Козловѣ дремавшія до сихъ поръ творческія способности, и поэзія стала для него единственной отрадой въ жизни. Въ 1824 году была напечатана поэма „Чернецъ“, разошедшаяся во множествѣ списковъ еще до появленія ея въ печати. Эта поэма доставила Козлову славу поэта и дружбу и любовь такихъ людей, какъ Пушкинъ, Жуковскій, Баратынскій и др. Козловъ былъ у насъ однимъ изъ первыхъ переводчиковъ и подражателей Байрона. Но истинный смыслъ Байроновской поэзіи—ея отрицаніе, ея противопостановленіе личности обществу, ея протестъ и демонизмъ—остался скрытымъ для Козлова. Бѣлинскій въ слѣдующихъ словахъ резюмировалъ содержаніе музы К—ва: „Таинство страданія, покорность волѣ Провидѣнія, надежда на лучшую жизнь за гробомъ, вѣра въ любовь, тихое уныніе, кроткая грусть—вотъ обычное содержаніе и колоритъ его вдохновеній. Присовокупите къ этому прекрасный мелодическій стихъ,—и муза Козлова охарактеризована вполнѣ“. Изъ произведеній Козлова большимъ успѣхомъ пользовались также поэма „Наталья Долгорукая“ и „Безумная“, и такіе мастерскіе переводы, какъ „Не билъ барабанъ передъ смутнымъ полкомъ“.

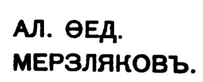
Иванъ Козловъ.

Алексѣй Өедоровичъ Мерзляковъ.

А. Ө. (1778 г., † 26 іюля 1830 г.) родился въ г. Далматовѣ (Пермской губ.) въ мелко-купеческой семьѣ. Первоначальное образованіе получилъ въ пермскомъ народномъ училищѣ. Написанная имъ „Ода на заключеніе мира со шведами" обратила на него вниманіе начальства, и по окончаніи курса училища М. былъ отправленъ на казенный счетъ въ Москву, гдѣ продолжалъ образованіе въ университетской гимназіи, а затѣмъ въ университетѣ. На университетской скамьѣ онъ писалъ много стихотвореній, подражая Ломоносову, Державину, Дмитріеву, Карамзину; отличительною особенностью этихъ стихотвореній было преобладаніе въ нихъ меланхолическихъ чувствъ. Дальнѣйшему умственному его развитію много способствовало сближеніе съ Жуковскимъ и его кружкомъ. Окончивши курсъ со званіемъ бакалавра, М. получилъ каѳедру россійскаго краснорѣчія и поэзіи. Въ 1812 г. онъ читаетъ публичный курсъ „Теорія изящныхъ наукъ"; прерванный въ виду военныхъ дѣйствій курсъ онъ возобновляетъ въ 1816 г., посвящая его главнымъ образомъ разбору „знаменитѣйшихъ россійскихъ стихотворцевъ". Одновременно съ университетскими занятіями онъ отдаетъ много времени литературной и журнальной дѣятельности, пишетъ массу стихотвореній, критическихъ статей (преимущественно въ *Вѣстникѣ Европы* и „Трудахъ общества любителей россійской словесности", предсѣдателемъ котораго онъ состоялъ); въ 1815 г. издаетъ альманахъ *Амфіонъ*. Какъ теоретикъ литературной критики, М. впервые пытался поставить изученіе литературы на научную почву и въ своихъ университетскихъ курсахъ держался главнымъ образомъ взглядовъ нѣмецкихъ учителей. Въ журнальныхъ статьяхъ онъ болѣе самостоятеленъ и даетъ разборъ литературныхъ произведеній не столько съ точки зрѣнія ложноклассической доктрины, сколько на основаніи критики вкуса. По его собственному признанію, его настоящая система критики — „это сердце"; историческаго взгляда на развитіе литературы у М—ва мы не находимъ. Но, проводя принципъ критики, основанной на непосредственномъ чувствѣ, М. сдѣлалъ громадный шагъ впередъ по сравненію съ классическимъ доктринерствомъ. Какъ поэтъ, М. былъ пѣвцомъ „сладкаго сѣтованія, страсти тихой и нѣжной, унынія". Его шедевры — лирическія стихотворенія и романсы („Одиночество", „Ѣхалъ казакъ за Дунай", „Велизарій"). Отъ сентиментальныхъ пѣсенъ Дмитріева его лирика отличается своею близостью къ народной пѣснѣ, обусловленной происхожденіемъ М—ва. Кромѣ оригинальныхъ произведеній, М. далъ рядъ переводныхъ, преимущественно изъ греческихъ и римскихъ лириковъ.

Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ.

Ч. (27 мая 1793 г., † 14 апрѣля 1856 г.) родился въ Нижегородской губ., происходилъ изъ древняго дворянскаго рода. Рано лишившись отца, онъ воспитывался въ домѣ тетки, княжны Щербатовой (дочери извѣстнаго историка). Прекрасное домашнее воспитаніе было дополнено слушаніемъ лекцій въ московскомъ университетѣ. Въ 1811 г. Ч. поступилъ на службу въ Семеновскій полкъ, участвовалъ въ походахъ 1812—13 гг. Вслѣдствіе одной непріятности онъ перевелся въ лейбъ-гусарскій полкъ. 1817—21 гг.—періодъ его блестящей служебной карьеры. Извѣстная исторія съ возмущеніемъ солдатъ Семеновскаго полка заставила его подать въ отставку. Угнетенный затруднительнымъ матеріальнымъ положеніемъ и физическимъ недомоганіемъ, Ч. вскорѣ уѣхалъ за границу; здѣсь на него произвела неотразимое впечатлѣніе картина соціальныхъ отношеній эпохи Реставраціи. Въ 1825 г., возвращаясь въ Россію, Ч. былъ задержанъ на нѣкоторое время въ Ковно по подозрѣнію въ сообществѣ съ декабристами. Затѣмъ онъ поселился въ Москвѣ. Въ 1836 г. Ч. напечаталъ въ *Телескопѣ* свою знаменитую статью „Философическія письма". За эту статью *Телескопъ* былъ прикрытъ, а Ч. признанъ оффиціально „сумашедшимъ". Обвиненіе въ сумашествіи и негодованіе, вызванное „Философическими письмами" въ лагерѣ патріотовъ, внушили ему „Апологію сумашедшаго" (свои статьи Ч. писалъ по-французски). Дальнѣйшая біографія Ч. незамѣчательна никакими внѣшними выдающимися эпизодами. Въ „Философическихъ письмахъ" онъ старается доказать, что Россія „не принадлежитъ ни къ одному изъ великихъ семействъ человѣчества, ни къ Западу, ни къ Востоку", что все прошлое въ русской исторіи—варварство, а настоящее—непродуманное подражаніе Западу, поверхностное, не имѣющее подъ собой органической почвы, что „въ нашихъ головахъ нѣтъ рѣшительно ничего общаго", никакой общей идеи, мы не знаемъ ни долга, ни закона, ни правды, ни порядка, у насъ нѣтъ ни мудрецовъ, ни мыслителей. Напротивъ, развитіе Запада представляетъ изъ себя органическое цѣлое. Восхваляя Западъ, Ч. не стоитъ на той точкѣ зрѣнія, на которую опирались западники 40-хъ годовъ: онъ смотрѣлъ на Западъ сквозь призму романтизма, цѣня въ исторіи Запада лишь исторію католичества, считая полнымъ расцвѣтомъ западной культуры—эпоху средневѣковья, порицая возрожденіе и протестантизмъ: лишь средневѣковыя католическія государства осуществляли собою идею высокоразвитой общественности и космополитизма. Однимъ словомъ, Ч. горячій апологетъ тѣхъ католическихъ тенденцій, которыя характерны для высшаго аристократическаго русскаго общества 20—30 гг.; аристократъ по происхожденію и воспитанію, а также по привычкамъ, склонный съ юныхъ лѣтъ къ мистицизму (еще будучи офицеромъ, онъ участвовалъ въ масонскихъ ложахъ), онъ отдалъ дань своей средѣ и явился типичнѣйшимъ выразителемъ неокатолическаго движенія въ Россіи. Для прогрессистовъ послѣдующаго поколѣнія имѣла громадное значеніе отрицательная часть его философіи—его критика русской исторіи и жизни. Онъ, несомнѣнно, духовный отецъ такихъ западниковъ, какъ Герценъ.

АЛ. ѲЕД.
МЕРЗЛЯКОВЪ.

П. Я. ЧААДАЕВЪ.

Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ.

Авторъ комедіи „Горе отъ ума“, отважно вступившій въ идейную борьбу съ великосвѣтскимъ обществомъ, самъ происходилъ изъ богатой аристократической семьи. Родился онъ въ Москвѣ (4 января 1795 г., † 30 января 1829 г.) и росъ среди Фамусовыхъ и Скалозубовыхъ. Къ счастію, мать, которой принадлежало первенство въ семьѣ, постаралась дать основательное воспитаніе своему даровитому сыну. 15-ти лѣтъ Г. поступаетъ въ московскій университетъ на этико-политическій факультетъ и черезъ два года блестяще оканчиваетъ курсъ. Обладая рѣдкими и разносторонними талантами, юноша серьезно занимается литературой и музыкой и проявляетъ глубокое стремленіе къ научнымъ занятіямъ. Въ лицѣ Г—ва мы имѣемъ одного изъ образованнѣйшихъ русскихъ писателей; онъ всю жизнь продолжалъ работать надъ своимъ развитіемъ, обнаруживая особенный интересъ къ исторіи, политической экономіи, философіи и языкамъ (Г. зналъ нѣсколько европейскихъ и восточныхъ языковъ). Если его общественное положеніе невольно сталкивало съ золотой молодежью, то самъ онъ искалъ знакомства съ людьми мыслящими, съ представителями того образованнаго меньшинства, которые чутко относились къ вопросамъ литературы и общественной жизни. Г—ва всего болѣе привлекалъ умственный трудъ и въ частности литература; онъ чувствовалъ въ себѣ силу создать нѣчто важное въ литературѣ и наукѣ. „Призваніе мое кабинетная жизнь,—писалъ онъ однажды другу Бѣгичеву;—голова моя полна, и я чувствую необходимую потребность писать“. Но честолюбивые родственники всячески старались о томъ, чтобы онъ избралъ себѣ служебную карьеру. Г. поступаетъ на службу и въ нѣсколько лѣтъ достигаетъ высокаго поста полномочнаго министра при персидскомъ дворѣ въ Тегеранѣ. Здѣсь въ 1829 г. онъ былъ убитъ взбунтовавшеюся персидскою чернью. Похороненъ Г. въ Тифлисѣ, въ монастырѣ св. Давида. Славой своей Г. обязанъ комедіи „Горе отъ ума“, оконченной въ 1824 г. и еще до появленія въ печати (1833 г.) быстро распространившейся во множествѣ списковъ. Ни ранѣе этой комедіи, ни послѣ нея Г. не написалъ ничего замѣчательнаго. Еще въ университетѣ онъ писалъ сатиры и эпиграммы, затѣмъ одинъ или въ сотрудничествѣ съ другими литераторами (кн. Шаховскимъ, Хмельницкимъ, кн. Вяземскимъ и др.) онъ сочиняетъ разныя пьесы для театра, въ общемъ довольно шаблонныя. Послѣ „Горя отъ ума“ Г., подъ вліяніемъ изученія Шекспира, задумалъ трагедію „Грузинская ночь“, которая, по свидѣтельству нѣкоторыхъ современниковъ, должна стать выше „Горя отъ ума“, но которая, къ сожалѣнію, дошла до насъ лишь въ немногихъ отрывкахъ. Въ комедіи „Горе отъ ума“ авторъ съ геніальнымъ мастерствомъ изваялъ типичныя фигуры стараго екатерининскаго поколѣнія; какъ живые, въ пластической законченности стоятъ передъ нами Фамусовъ, Скалозубъ, разныя княгини и графини. И среди такого общества въ лицѣ Чацкаго рисуется намъ образъ самого автора, стойкаго борца за передовыя идеи александровской эпохи, горячаго патріота. Выросшая на почвѣ того идейнаго возбужденія, которымъ ознаменовались

лучшіе годы правленія Александра I, знаменитая комедія, или, какъ называлъ ее самъ авторъ, драматическая картина, „Горе отъ ума", по художественности образовъ, по неподражаемой жизненности языка и стиха, по благородству идеаловъ и по глубинѣ общественнаго анализа не имѣетъ себѣ ничего равнаго въ нашей драматической литературѣ. Въ то время, какъ у насъ еще шла оживленная борьба между классицизмомъ, сентиментализмомъ и романтизмомъ, комедія Г—ва, несмотря на нѣкоторые слѣды вліянія ложноклассической теоріи, дала высокій образецъ художественнаго реализма, принципы котораго („натура" и свобода въ творчествѣ) авторъ сознательно защищаетъ въ своихъ письмахъ и литературныхъ замѣткахъ. Идея комедіи и личность Чацкаго сохраняютъ свое высокое значеніе и для нашего времени и для будущихъ поколѣній: Чацкій, по справедливому замѣчанію Гончарова, „неизбѣженъ при каждой смѣнѣ одного вѣка другимъ", вездѣ, гдѣ совершается „борьба свѣжаго съ отжившимъ, больного со здоровымъ".

Кондратій Ѳедоровичъ Рылѣевъ.

Р. (18 сент. 1795 г., † 13 іюля 1826 г.) родился въ бѣдной дворянской семьѣ (отецъ его служилъ управляющимъ князя Голицына). По окончаніи курса въ кадетскомъ корпусѣ служилъ на военной службѣ (въ резервной артиллер. бригадѣ); участвовалъ въ походахъ въ Швецію и Францію. Въ 1818 г. вышелъ въ отставку съ намѣреніемъ жениться, которое, впрочемъ, изъ-за тяжелыхъ матеріальныхъ обстоятельствъ могъ осуществить только въ 1820 г. Поселившись послѣ женитьбы въ Петербургѣ, Р. сблизился съ передовыми литературными кружками, увлекался идеями масонства. Въ 1821 году онъ былъ избранъ засѣдателемъ уголовной палаты, затѣмъ поступилъ на службу въ россійско-американскую компанію. Въ 1823 г. вмѣстѣ съ Бестужевымъ-Марлинскимъ предпринялъ изданіе *Полярной звѣзды*. Въ томъ же году начинаетъ принимать участіе въ тайномъ сѣверномъ обществѣ, а черезъ годъ становится его главнымъ руководителемъ. Арестованный 14 декабря 1825 года, былъ заключенъ въ Петропавловскую крѣпость и затѣмъ казненъ. Выступивши на литературное поприще подражателемъ Парни, съ эротическими элегіями въ античномъ вкусѣ, Р. скоро становится поклонникомъ гражданственныхъ идей французской просвѣтительной литературы. Отрицая принципіальное значеніе спора между классиками и романтиками, онъ различаетъ лишь старую и новую поэзію, отдавая преимущество послѣдней, исключительно въ виду ея большей содержательности. Уступая многимъ современникамъ въ отдѣлкѣ и изяществѣ внѣшней литературной формы, онъ превосходитъ большинство ихъ какъ „поэтъ-гражданинъ". Въ посланіи „Къ временщику" (Аракчееву), въ знаменитыхъ „Думахъ", въ поэмѣ „Войнаровскій", въ недоконченныхъ поэмахъ „Хмѣльницкій" и „Мазепа", въ

А. С. ГРИБОѢДОВЪ

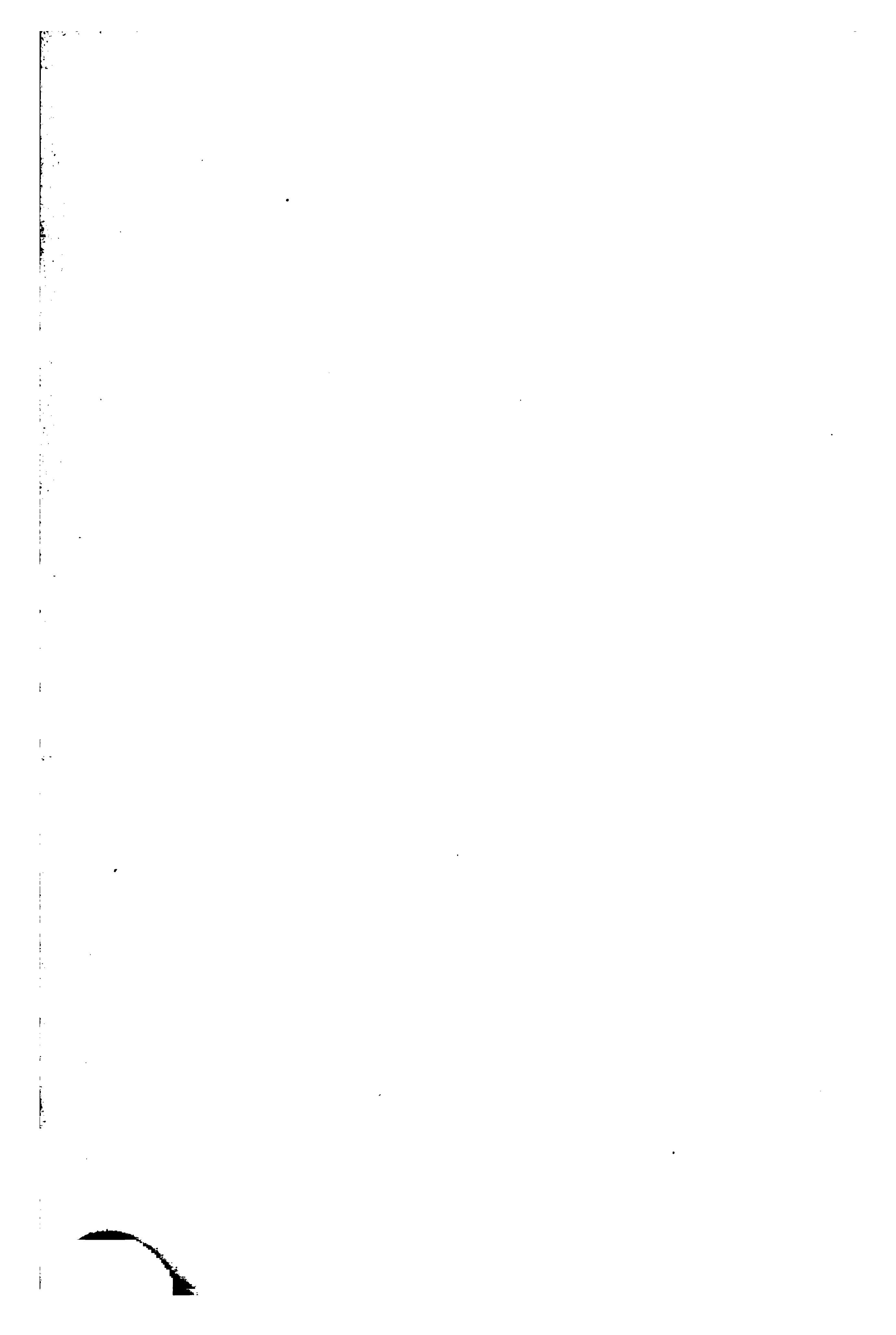

КОНДР. ѲЕДОР.
РЫЛѢЕВЪ.

АЛЕКС. ИВАН.
ОДОЕВСКІЙ.

стихотвореніяхъ „Гражданинъ“ и „Е. Оболенскому“ онъ является энергичнымъ поборникомъ двухъ идей — политическаго протеста и гражданскаго мужества.

Князь Александръ Ивановичъ Одоевскій.

О. (1803 г., † 15 августа 1839 г.) родился въ Москвѣ, воспитывался дома, служилъ сначала на гражданской службѣ, затѣмъ на военной (въ конной лейбъ-гвардіи). Сблизившись съ Грибоѣдовымъ, а черезъ него съ Бестужевымъ и Рылѣевымъ, въ началѣ 1824 г. О. вступилъ въ члены тайнаго сѣвернаго общества. Послѣ 14 декабря 1825 г. былъ арестованъ, заключенъ въ Петропавловскую крѣпость и, наконецъ, отправленъ на 8 лѣтъ въ Сибирь, сначала въ Читу, а затѣмъ въ Петровскій острогъ. Въ 1833 году онъ былъ перевезенъ на поселеніе въ Тельму, оттуда въ Ишимъ. Въ 1837 году ему было разрѣшено отправиться рядовымъ въ кавказскую армію (въ Кара-Агачъ, около Тифлиса). На Кавказѣ онъ близко сошелся съ Лермонтовымъ. Лучшія стихотворенія О—аго написаны имъ въ крѣпости („Полночь“, „Сонъ поэта“, „Дума узника“) и въ ссылкѣ („Мой непробудный сонъ“, „Элегія“, „На пріѣздъ въ Сибирь къ жениху“, а также поэма „Василько“). Въ нихъ О. является, съ одной стороны, поэтомъ-гражданиномъ („Сонъ поэта“, „Василько“), а съ другой, и преимущественно, элегикомъ-романтикомъ, трактующимъ о вдохновеніи, о скудости сердечныхъ наслажденій, о „борьбѣ духа“, о видѣніяхъ и образахъ, незримо руководящихъ поэтомъ. Обладая большимъ импровизаторскимъ талантомъ, О. мало работалъ надъ отдѣлкой своихъ стихотвореній; почти всѣ они появились въ печати послѣ его смерти, въ заграничномъ изданіи.

Александръ Александровичъ Бестужевъ-Марлинскій.

Б.-М. (23 октября 1797 г., † іюля 1837 г.) воспитывался въ горномъ корпусѣ, но рѣшительную роль въ его умственномъ развитіи играла домашняя обстановка: домъ Бестужевыхъ былъ однимъ изъ художественныхъ и литературныхъ салоновъ своего времени. По окончаніи курса въ корпусѣ Б.

состоялъ нѣкоторое время адъютантомъ при управляющемъ путями сообщенія, а затѣмъ опредѣлился въ драгунскій полкъ. Молодой, блистающій умомъ гвардеецъ пользовался большимъ успѣхомъ въ свѣтѣ, кружился въ атмосферѣ баловъ и салоннаго флирта, но въ то же время подъ вліяніемъ общества друзей (его братья, Рылѣевъ) проникался оппозиціоннымъ духомъ, который выразился въ его литературныхъ работахъ, въ изданіи „Полярной звѣзды“ и въ участіи вмѣстѣ съ друзьями въ декабристскомъ движеніи. За это онъ поплатился 8-мимѣсячнымъ заключеніемъ въ Петропавловской крѣпости, ссылкою въ Финляндію, затѣмъ въ Якутскъ. Изъ Якутска въ 1829 г. онъ былъ переведенъ на Кавказъ и, какъ простой рядовой, сражался въ рядахъ дѣйствующей арміи. Погибъ въ стычкѣ при мысѣ Адлерѣ. Почти забытый нынѣ, Б. былъ передовымъ бойцомъ романтической школы, работая съ большимъ успѣхомъ какъ критикъ и какъ беллетристъ. Литературные обзоры, помѣщенные имъ въ „Полярной звѣздѣ“, и главнымъ образомъ статья „О романѣ Полевого“—своего рода романтическій манифестъ. Б.—рѣшительный врагъ подражанія французской ложно-классической литературѣ, „слащавому Вертеризму“, нѣмецкому „туманному идеализму“; его симпатіи принадлежатъ англійскимъ поэтамъ и преимущественно Вальтеръ-Скотту (въ послѣдніе годы литературной дѣятельности увлекался также Викторомъ Гюго). Отрицательное отношеніе къ Гегелю и другимъ нѣмецкимъ философамъ одна изъ главныхъ причинъ, почему Б. подвергся безпощадной критикѣ со стороны идеалистовъ 40-хъ годовъ. На ряду съ побѣдой романтизма Б.-М. отмѣчаетъ въ своихъ статьяхъ увлеченіе общества исторіей. Это увлеченіе, вообще характерное для романтиковъ (ср. Барантъ, Мишле), приводитъ его къ увлеченію русской стариной: Б.—одинъ изъ первыхъ апологетовъ древней Руси, идеализаторъ ея общественнаго строя. Какъ романистъ, Б. предшественникъ Пушкина, Лермонтова, Гоголя: онъ отецъ романа изъ русской жизни. Правда, первые опыты этого романа ограничиваются узкой сферой жизни аристократическаго и военнаго класса („Фрегатъ Надежда“, „Романъ въ семи письмахъ“, „Испытаніе“). Особенно интересенъ романъ „Испытаніе“—первый романъ принципа, гдѣ ребромъ поставленъ вопросъ объ отношеніи аристократіи къ крестьянству. Въ „кавказскихъ“ повѣстяхъ и романахъ („Аммалатъ-Бекъ“, „Мулла - Нуръ“) Б. старается быть Вальтеръ-Скоттомъ Кавказа. Третья категорія его повѣстей—повѣсти историческія. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ Б. является не столько бытовымъ писателемъ, сколько писателемъ-психологомъ и притомъ психологомъ Байроновской школы: титаническіе порывы и страсти одинаково характеризуютъ его петербургскихъ аристократовъ, кавказскихъ горцевъ, новгородскихъ дружинниковъ. Но, при всѣхъ этихъ недостаткахъ, въ эволюціи литературы первой половины XIX ст. Б.-М. занимаетъ одно изъ главныхъ мѣстъ.

— — — — —

НЕСТ. ВАС. КУКОЛЬНИКЪ.

В. Т. НАРѢЖНЫЙ.

Несторъ Васильевичъ Кукольникъ.

К. (8 сентября 1809 г., † 8 декабря 1868 г.), сынъ извѣстнаго педагога и юриста, получилъ образованіе въ нѣжинской гимназіи (гдѣ вмѣстѣ съ Гоголемъ принималъ участіе въ ученическихъ спектакляхъ), по окончаніи курса занималъ должность преподавателя русскаго языка въ виленской гимназіи, затѣмъ перешелъ на службу въ министерство финансовъ и, наконецъ, въ военное министерство. Выйдя въ отставку въ 1857 г., жилъ въ Таганрогѣ. Литературное его значеніе, сильно преувеличенное критикой тридцатыхъ годовъ и затѣмъ быстро развѣнчанное Бѣлинскимъ, слѣдуетъ оцѣнивать по той роли, которую К. сыгралъ въ исторіи романтизма, точнѣе — въ исторіи романтической драмы и исторической повѣсти. „Торквато Тассо“, „Джакобо Санназаръ“, „Доменикино“, „Джуліо Мости“, „Статуя Христофа“, „Князь Холмскій“, „Рука Всевышняго отечество спасла“, „Бояринъ Басенокъ“, „Поручикъ Паткуль“, „Ермилъ Ивановичъ Костровъ“ и рядъ другихъ драматическихъ произведеній характеризуютъ К—ка какъ подражателя Шиллера, Шекспира, Виктора Гюго. Но К. далекъ какъ отъ нѣмецкаго идеализма Веневитинова, такъ и отъ увлеченія Англіей Марлинскаго. Прежде всего, въ цвѣтущій періодъ своей дѣятельности былъ онъ пѣвцомъ „эпохи возрожденія“ съ ея своеобразнымъ культомъ *салонной любви*, съ ея идеалами пластической красоты. К. не протестуетъ, подобно другимъ романтикамъ, противъ существующихъ соціальныхъ условій (его протестъ ограничивается лишь сферой салонныхъ отношеній). Мотивы итальянскихъ трагедій вдохновляютъ К—ка и тогда, когда онъ перенесъ мѣсто дѣйствія своихъ произведеній въ Ливонію и Россію. Драма второго періода, а также повѣсти К—ка гармонируютъ вполнѣ съ его общимъ романтическимъ настроеніемъ: К. среди историческихъ обстановокъ рисуетъ типъ общечеловѣка. Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить патріотическій элементъ такихъ его драмъ, какъ „Рука Всевышняго отечество спасла“.

Василій Трофимовичъ Нарѣжный.

Н. (1780 г., † 21 іюня 1825 г.) родился въ мѣстечкѣ Устивицѣ, Миргородской сотни, Гадяческаго повѣта, въ семьѣ мелкаго польскаго шляхтича. Съ дѣтства близко познакомился съ бытомъ украинскаго крестьянства и шляхты. Воспитывался сначала, по всей вѣроятности, въ черниговской бурсѣ, затѣмъ (съ 1792 г.) въ дворянской гимназіи при московскомъ университетѣ, въ 1799 г. поступилъ въ московскій университетъ, но курса не кончилъ, и въ 1801 г. опредѣлился на службу: служилъ сначала въ Тифлисѣ въ канцеляріи „верховнаго грузинскаго правительства“, затѣмъ (съ 1803 г.) въ Петербургѣ въ экспедиціи государственнаго хозяйства при мин. внут. дѣлъ, въ горной экспедиціи кабинета Его Величества, въ инспекторскомъ департаментѣ. Вышелъ въ отставку въ 1821 г.—Н. авторъ „Горскихъ князей“, „Рос-

сійскаго Жиль-Блаза" (1810 г.), „Аристіона, или перевоспитаніе", „Новыхъ повѣстей" и „Бурсака" (1824 г.), — родоначальникъ русскаго бытового и обличительно-реалистическаго романа. Правда, Н. заплатилъ значительную дань какъ сентиментализму, такъ и любви къ „романамъ приключеній"; правда, техника его романовъ во многомъ напоминаетъ еще технику переводно-подражательныхъ романовъ XVIII ст.; правда, зачастую его романы сбиваются на шаблонно-моральную проповѣдь во вкусѣ моралистовъ екатерининской эпохи, но перенесеніе обстановки романовъ изъ какихъ-нибудь полуфантастическихъ странъ на русскую почву, детальная обрисовка помѣщичьей, чиновничьей, казацкой, бурсацкой среды заставляютъ видѣть въ его романахъ произведенія новой, критической эпохи. Замѣчательно, что во многомъ Н. является прямымъ предтечею Гоголя какъ по выбору сюжетовъ, такъ и по отдѣльнымъ типамъ и сценамъ (такъ, наприм., типъ скупого въ „Аристіонѣ" весьма близокъ къ Плюшкину, бурсацкіе типы въ „Бурсакѣ" напоминаютъ аналогичные типы въ „Віѣ", сюжетъ комедіи „Заморскій принцъ"—сюжетъ „Ревизора"). Менѣе удачны, чѣмъ романы Н., его повѣсти „Славенскіе вечера", написанныя подъ вліяніемъ „Слова о полку Игоревѣ" и поэмъ Оссіана; но въ свое время эти повѣсти имѣли громадный успѣхъ.

Михаилъ Николаевичъ Загоскинъ.

З. (14 іюля 1789 г., † 23 іюля 1852 г.) родился въ семьѣ богатыхъ помѣщиковъ Пензенской губ. Любовь къ чтенію и „сочинительству" развилась въ немъ очень рано: уже 11-ти лѣтъ онъ написалъ драму „Леонъ и Зыдея" и повѣсть „Пустынникъ". Но дальше чтенія многочисленныхъ романовъ въ библіотекѣ отца дѣло не шло, и совершенно необразованнымъ юношей З. переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ поступилъ на гражданскую службу. Война 1812 г., возбудившая патріотическія чувства во всемъ обществѣ, побудила З - а перейти на военную службу. Эти-то патріотическія чувства легли въ основу многихъ его послѣдующихъ романовъ. Дебютировалъ онъ въ литературѣ небольшой комедіей („Комедія противъ комедіи"), которая была написана въ защиту одной изъ пьесъ кн. Шаховскаго, служившаго „по репертуарной части", и которая поэтому была съ радостью принята на сцену; она положила начало многимъ драматическимъ произведеніямъ З—а. Этой же комедіи З. обязанъ дальнѣйшимъ направленіемъ своей гражданской службы, которая главнымъ образомъ протекла въ театральномъ вѣдомствѣ. Изъ комедій его имѣли въ свое время успѣхъ „Проказникъ" (хотя Грибоѣдовъ писалъ объ авторѣ: „спроказилъ онъ неловко: разъ упалъ да и не всталъ"), „Вечеринка ученыхъ" и др. Выступивши на литературное поприще, З. не ограничился драматургіей; онъ издавалъ журналъ *Сѣверный Наблюдатель*, писалъ театральныя рецензіи, полемизировалъ съ авторами пьесъ и критиками его произведеній, пока обстоятельства не заставили его переѣхать въ Москву. Здѣсь,

М. Н. Загоскинъ

И. И. ЛАЖЕЧНИКОВЪ.

послѣ нѣсколькихъ лѣтъ работы въ области драматургіи, З. перешелъ къ историческому роману, которому и обязанъ своей славой. „Юрій Милославскій", „Рославлевъ", „Козьма Рощинъ" и др. романы слѣдовали другъ за другомъ. Наибольшій успѣхъ имѣлъ „Юрій Милославскій", какъ первый историческій романъ, гдѣ исторія являлась лишь для того, чтобы интрига была занимательнѣе, патріотическія чувства имѣли бо̀льшую возможность проявиться, а героическія свойства дѣйствующихъ лицъ пріобрѣли правдоподобность, благодаря исключительности совершающихся событій. Такими же свойствами отличались и послѣдующіе романы З—на, но они уже не имѣли успѣха „Юрія Милославскаго".

Иванъ Ивановичъ Лажечниковъ.

Л. (14-го сентября 1792 г., † 26 іюня 1869 г.) родился въ Коломнѣ, въ богатой купеческой семьѣ, получилъ очень хорошее домашнее воспитаніе, имѣлъ иностраннаго гувернера и учителей, которые продолжали давать уроки Л—ву даже тогда, когда послѣдній поступилъ на службу въ иностранную коллегію. Перейдя потомъ въ канцелярію московскаго генералъ-губернатора, Л. въ 1812 году тайно отъ родителей поступилъ въ ополченіе, побывалъ вмѣстѣ съ русскими войсками въ Парижѣ, а по окончаніи войны поступилъ въ министерство народнаго просвѣщенія; стоялъ одно время очень близко къ Магницкому, былъ директоромъ училищъ въ нѣсколькихъ губерніяхъ, директоромъ гимназіи, исправлялъ должность инспектора казанскаго университета, былъ тверскимъ и витебскимъ вице-губернаторомъ, наконецъ, цензоромъ петербургскаго цензурнаго комитета. Въ 1858 г. Л. вышелъ въ отставку и занялся выпускомъ въ свѣтъ нѣсколькихъ произведеній, имѣвшихъ автобіографическій характеръ и характеръ воспоминаній. За мѣсяцъ до смерти Л—ва въ Москвѣ торжественно праздновался пятидесятилѣтній юбилей его литературной дѣятельности. Начало послѣдней относится къ тому времени, когда будущему романисту не было еще 16-ти лѣтъ. Въ *Вѣстникѣ Европы* 1807 года помѣщены его „Мысли", написанныя въ подражаніе Лабрюйэру. Но историческіе романы, создавшіе славу Л—ва, написаны много позднѣе. Наиболѣе извѣстными изъ нихъ являются „Послѣдній Новикъ", „Ледяной домъ", „Басурманъ" и вышедшій въ послѣдніе годы жизни автора романъ „Внучка панцырнаго боярина". Какъ одинъ изъ піонеровъ историческаго романа, Л. занимаетъ почетное мѣсто въ исторіи литературы; но большинство его произведеній носитъ яркій отпечатокъ литературныхъ вкусовъ своего времени: исторической правды въ нихъ мало, психологія героевъ несовершенна и искусственна, идеализація однихъ дѣйствующихъ лицъ соединяется съ мрачной характеристи-

кой другихъ, все окрашивается повышеннымъ патріотическимъ чувствомъ, которое движетъ наиболѣе излюбленными авторомъ героями. Какъ указывалъ еще Бѣлинскій, главный герой „Новика"—„образъ безъ лица и скорѣе человѣкъ нашего времени, чѣмъ XVII вѣка". Во „Внучкѣ панцырнаго боярина" (романъ, который считаютъ авторскимъ „грѣхомъ" наиболѣе расположенные къ Л—ву критики) авторъ увлекся господствовавшею въ извѣстныхъ кругахъ ненавистью къ полякамъ. Однимъ изъ подкупающихъ свойствъ авторскаго таланта является его искренность.

Рафаилъ Михайловичъ Зотовъ.

З. (1795—1871 г.)—внукъ Бату-хана, сынъ татарскаго аманата, подареннаго графу Ланскому по взятіи Бахчисарая и служившаго полковникомъ въ русской арміи. Первые годы жизни З., вслѣдствіе изчезновенія своего отца, скитался по чужимъ домамъ вмѣстѣ съ гувернеромъ, затѣмъ учился въ петербургской гимназіи. По окончаніи курса принималъ участіе въ походахъ 1812—14 гг. Выйдя въ отставку, онъ беретъ на себя завѣдываніе нѣмецкимъ театромъ, послѣ чего вступаетъ въ дирекцію русскаго театра, становясь начальникомъ его репертуара. Для театра же онъ пишетъ и переводитъ много пьесъ въ стихахъ и прозѣ; въ журналахъ *Пчела, Сынъ Отечества, Голосъ* принимаетъ активное участіе. — З. извѣстенъ въ литературѣ, какъ авторъ многочисленныхъ историческихъ романовъ, („Леонидъ или черты изъ жизни Наполеона", „Наполеонъ на островѣ Елены", „Два брата, или Москва въ 1812 г." и др.). Въ своихъ произведеніяхъ онъ заявляетъ себя крайнимъ субъективистомъ какъ по своему воззрѣнію на исторію, представляемую имъ въ видѣ борьбы отдѣльныхъ личностей, правящихъ судьбой всѣхъ государствъ, такъ и по вольному пониманію и истолкованію историческихъ фактовъ; такъ, напримѣръ, въ его романѣ „Таинственный монахъ" вымышленный имъ сынъ Дорошенко, внукъ Мазепы, Григорій трижды спасаетъ Петра Великаго во время бунтовъ, и онъ же доноситъ Петру объ измѣнѣ Мазепы; въ романѣ „Леонидъ" герой спасаетъ Наполеона.

Р. М. ЗОТОВЪ.

Д. Веневитиновъ.

Дмитрій Владиміровичъ Веневитиновъ.

В. (1805 г., † 15 марта 1827 г.) происходилъ изъ старинной богатой дворянской семьи. Матеріальная обезпеченность дала возможность поэту получить прекрасное образованіе. Помимо общаго образованія, особенное вниманіе было обращено на ознакомленіе В—ва съ культурной исторіей классическаго міра, съ языками и литературой грековъ и армянъ. Много также занимался В. музыкою и живописью. Семнадцатилѣтнимъ юношей онъ, въ качествѣ вольнаго слушателя, посѣщалъ лекціи университетскихъ профессоровъ (Мерзлякова, Павлова, Давыдова). Начиная съ этого времени В. ревностно занялся модной нѣмецкой философіей (особенно Шеллингомъ, любовь къ которому была внушена ему Павловымъ и Давыдовымъ). По выдержаніи выпускного экзамена В., разсчитывая пойти по дипломатической карьерѣ, поступилъ въ московскій архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Въ свободные отъ службы часы онъ продолжалъ заниматься философіей, принимая въ то же время участіе въ кружкахъ молодежи, увлекавшейся западными вѣяніями. (Однимъ изъ такихъ кружковъ, къ которому близко стоялъ и Пушкинъ, было предпринято изданіе *Московскаго Вѣстника*, посвященнаго эстетическимъ и философскимъ вопросамъ.) Романическое увлеченіе (кн. Волконской) заставило В—ва покинуть Москву и перевестись въ Петербургъ. Но едва поэтъ успѣлъ прибыть въ сѣверную столицу, какъ былъ арестованъ изъ-за знакомства съ родственниками декабристовъ. Арестъ продолжался три дня и повлекъ за собою тяжелую болѣзнь, послѣ которой В. началъ ходатайствовать о переводѣ въ Персію. Но въ скоромъ времени онъ простудился и послѣ недолгой болѣзни умеръ. Погребенъ въ Москвѣ, на Симоновомъ кладбищѣ. — Среди поэтовъ первой четверти XIX стол. В. занимаетъ особенное положеніе: это типъ нѣмецкаго идеалиста. В. увлекался Платономъ, Шеллингомъ, Фихте — какъ разъ тѣми философами, которыхъ боготворили *нѣмецкіе романтики*; онъ раздѣлялъ преклоненіе послѣднихъ передъ Шекспиромъ, Байрономъ и Гете. Отъ нѣмцевъ онъ усвоилъ ученіе о высокомъ призваніи поэта, о мірѣ фантазіи, въ которой поэтъ укрывается отъ житейскихъ бурь, о культѣ красоты, „которой нѣтъ предѣла". Подобно нѣмецкимъ романтикамъ онъ, наконецъ, отрицательно относился къ современному ему общественному строю и грезилъ о феодальной старинѣ. Въ виду несоотвѣтствія дѣйствительности и фантазіи создался его романтически разочарованный субъективизмъ. Характернѣйшія изъ его произведеній: „Поэтъ", „Жертвоприношеніе", „Три розы", „Утѣшеніе", „Къ тебѣ, о чистый духъ", „Я чувствую, во мнѣ горитъ", „Италія", а также его переводы изъ Гете и рядъ философскихъ статей.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.

Потомокъ „арапа Петра Великаго“, сынъ легкомысленнаго, слабохарактернаго и вздорнаго Сергѣя Львовича и столь же легкомысленной, но властной Надежды Осиповны, П. (26 мая 1799 г., † 29 января 1837 г.) родился въ Москвѣ на Нѣмецкой улицѣ. Гувернеры и гувернантки были руководителями его первыхъ шаговъ; французская болтовня, ученіе „чему-нибудь и какъ-нибудь“ дополнялись уже въ раннемъ дѣтствѣ самостоятельнымъ чтеніемъ книгъ, находившихся въ библіотекѣ отца. На 12-мъ году П. поступилъ въ царскосельскій лицей, гдѣ обстановка, господствовавшіе между товарищами литературные вкусы и связи съ литературными кружками способствовали развитію творческихъ наклонностей П—на, который пробовалъ, впрочемъ, свои силы въ сочиненіяхъ комедій и поэмъ еще до поступленія въ лицей. Подобно нѣкоторымъ другимъ лицейскимъ товарищамъ, онъ сталъ печатать свои стихотворенія еще задолго до окончанія курса. Стихотвореніе, прочитанное имъ на одномъ изъ экзаменовъ въ присутствіи Державина, сдѣлало имя П—на извѣстнымъ, и, какъ писалъ потомъ поэтъ, „старикъ Державинъ насъ замѣтилъ и, въ гробъ сходя, благословилъ“. По окончаніи курса въ лицеѣ и по поступленіи на службу въ иностранную коллегію П. повелъ разсѣянную свѣтскую жизнь, отдаваясь въ то же время поэтической дѣятельности, быстро сдѣлавшей его имя знаменитымъ. Между другими произведеніями въ этотъ періодъ его жизни написана поэма „Русланъ и Людмила“. Въ 1820 г. за нѣкоторыя вольныя стихотворенія и эпиграммы П. былъ сосланъ въ Екатеринославъ. Съ этихъ поръ начинаются скитанія П—на по Россіи въ качествѣ поднадзорнаго и опаснаго вольнодумца. Кавказъ, Крымъ, Кіевская губернія, Бессарабская область, Одесса составляли поочередно мѣста его жительства. Полученныя за это время впечатлѣнія легли въ основу многихъ поэмъ, отчасти написанныхъ въ этотъ же періодъ жизни, отчасти задуманныхъ или начатыхъ, но получившихъ окончательную отдѣлку позднѣе. Между прочимъ за это время написаны „Кавказскій плѣнникъ“, „Братья разбойники“, начаты и почти окончены „Цыганы“, начатъ „Евгеній Онѣгинъ“ и др. Въ половинѣ 1824 года за неуживчивость съ властями и вольныя мысли, выраженныя въ частномъ письмѣ, П. былъ сосланъ въ Псковскую губ., въ имѣніе своего отца Михайловское. Ссоры со вздорнымъ Сергѣемъ Львовичемъ, подъ надзоръ котораго былъ отданъ П., потомъ полное одиночество, лишь изрѣдка нарушаемое пріѣздами друзей изъ Петербурга, разговоры съ нянькой Ариной Родіоновной, усиленныя занятія исторіей литературы, подведеніе итоговъ впечатлѣніямъ, полученнымъ отъ предыдущаго знакомства съ Россіей, творческіе опыты—такова была жизнь П—на въ Михайловскомъ. Здѣсь между прочимъ написанъ былъ „Борисъ Годуновъ“. Въ 1826 г., послѣ личнаго объясненія съ императоромъ, П. получилъ свободу. Въ теченіе послѣдующихъ пяти лѣтъ П. писалъ въ стихахъ и въ прозѣ, много работалъ надъ изученіемъ историческихъ документовъ, проявляя изумительную

А. Пушкинъ

дѣятельность, въ особенности если принять во вниманіе тотъ образъ жизни, который пришлось ему вести. Нѣсколько главъ „Евгенія Онѣгина", „Полтава", „Мѣдный всадникъ", „Скупой рыцарь", „Русалка", „Каменный гость", „Капитанская дочка" и т. д., и т. д. написаны въ это время на ряду съ усиленными занятіями въ архивахъ и съ изученіемъ исторіи. Въ 1831 г. П. женился на Натальѣ Николаевнѣ Гончаровой, дѣвушкѣ свѣтской, имѣвшей большой успѣхъ на балахъ и принадлежавшей къ роду, который цѣнилъ знатное происхожденіе, чины и богатство значительно выше, чѣмъ геній П—на. Женитьба повлекла за собой необходимость поддерживать великосвѣтскія знакомства, бывать на придворныхъ балахъ, входить въ большія издержки. Постоянная забота о деньгахъ, раздраженіе свѣтскими предразсудками, неизбѣжный разладъ между внутреннимъ міромъ поэта и пустотою жизни, которую приходилось вести ему,—таково было душевное состояніе П—на, проявлявшееся въ злыхъ вылазкахъ противъ нѣкоторыхъ вліятельныхъ людей. Къ этому присоединились грязныя сплетни, распускавшіяся осмѣянными имъ людьми объ отношеніяхъ жены П—на къ блиставшему на балахъ пріемному сыну голландскаго посланника Геккерена—Дантесу. Наглое поведеніе послѣдняго подало поводъ къ дуэли, окончившейся смертельной раной П—на и сравнительно легкой раной Дантеса. Черезъ два дня послѣ дуэли П. умеръ. Тѣло его погребено въ Святогорскомъ монастырѣ Псковской губ. Значеніе П—на въ исторіи развитія русскаго общества не можетъ быть, конечно, очерчено въ короткой замѣткѣ. Пересмотръ всей жизни поэта, вызванной чествованіемъ его памяти въ день столѣтія со времени рожденія, вновь показалъ, въ какихъ разнообразныхъ проявленіяхъ общественной жизни нашла отраженіе его дѣятельность. По выраженію г. Пыпина, „величайшей исторической заслугой П—на является утвержденіе поэзіи въ ея духовномъ и національномъ правѣ и художественное воспитаніе общества". Одной обработкой литературнаго языка,—обработкой, основанной на знакомствѣ съ народною рѣчью,—онъ положилъ начало дальнѣйшему быстрому развитію русской литературы. Тотъ подражательный характеръ, который въ значительной степени носила наша литература до П—на, смѣнился самостоятельнымъ ростомъ ея, сдѣлавшимъ уже нашу литературу предметомъ подражанія для иностранцевъ. Живя въ ту эпоху, когда вся Европа была „въ плѣну у Байрона", П. отдалъ дань увлеченію англійскимъ поэтомъ, но настроеніе Байрона владѣло имъ недолго; лучшія романическія произведенія его свободны отъ байронизма, хотя благотворное вліяніе англійскаго поэта на пониманіе П—нымъ поэзіи и на ростъ его поэтическаго таланта осталось навсегда. Какъ романтикъ, П. далъ образцы поэмъ и образовъ, незнакомые до него русскимъ читателямъ; но исканіе истины и жажда знаній не остановили его на одномъ литературномъ направленіи. Стремленіе къ художественной правдѣ заставило его ближе присматриваться къ дѣйствительной жизни и переносить ее въ свое творчество. Онъ далъ толчокъ наблюденіямъ надъ жизнью и сдѣлалъ возможнымъ появленіе „натуральной школы" Гоголя и его преемниковъ. Наблюденія П—на не ограничивались одной столичной жизнью или однимъ классомъ общества. Походная жизнь съ ея треволненіями, съ мракомъ

крѣпостного права нашла отраженіе въ его творчествѣ („Дубровскій“, „Исторія села Горохина“). Интересомъ къ народу, къ его исторіи были вызваны изслѣдованія П—на надъ исторіей Пугачевскаго бунта. Этотъ дѣйствительный интересъ къ жизни представляетъ контрастъ съ тѣмъ теоретическимъ равнодушіемъ къ ней, которое выражено въ стихотвореніяхъ „Чернь“, „Поэтъ“ и др. Что касается до того, какъ отразились общественные взгляды П—на на его поэзіи, то уже изъ короткихъ біографическихъ свѣдѣній видно, что въ его произведеніяхъ нерѣдко проскакивали гражданскіе мотивы, которые положили даже начало его подневольнымъ скитаніямъ (первыя гоненія на поэта были вызваны его поэмой „Вольность“). Впослѣдствіи гражданскіе мотивы не разъ пріобрѣтали въ его поэзіи иной оттѣнокъ („Клеветникамъ Россіи“, „Бородинская годовщина“). Это измѣненіе взглядовъ въ послѣдніе годы жизни П—на подвергалось различной оцѣнкѣ историковъ; объясненіе причинъ перемѣны послужило предметомъ споровъ во время послѣднихъ пушкинскихъ празднествъ. Каковы бы ни были, однако, мотивы указанной перемѣны, самъ П. въ 1836 году опредѣлилъ значеніе своей поэзіи въ томъ, „что чувства добрыя онъ лирой пробуждалъ, что въ свой жестокій вѣкъ возславилъ онъ свободу и милость къ падшимъ призывалъ“.

Антонъ Антоновичъ Дельвигъ.

Д. (6 августа 1798 г., † 14 января 1831 г.) родился въ Москвѣ. Сохранивъ отъ своихъ иноземныхъ предковъ только фамилію, Д. при поступленіи въ царскосельскій лицей порядочно зналъ лишь русскій языкъ. Несмотря на плохую подготовку, онъ былъ принятъ въ лицей, гдѣ и окончилъ курсъ вмѣстѣ съ Пушкинымъ, съ которымъ былъ особенно друженъ. По окончаніи курса Д. поступилъ на службу, въ 1825 г. женился, и его домъ вскорѣ сталъ однимъ изъ самыхъ крупныхъ литературныхъ салоновъ, а его обычными гостями были — Жуковскій, Крыловъ, Гнѣдичъ, Вяземскій, Баратынскій и Пушкинъ. Въ 1830 году Д. сталъ издавать *Литературную Газету*, въ которой принимали участіе всѣ упомянутые писатели. Къ концу этого года, вслѣдствіе разныхъ непріятностей съ газетой, плохое здоровье Д—га окончательно разстроилось и уже не возстановлялось до самой смерти. Лучшими произведеніями Д—га считаются его романсы, пѣсни и идилліи. Своимъ пѣснямъ онъ стремился придать народный характеръ, думая этимъ внести въ русскую поэзію новое содержаніе и оригинальную форму. Малое знакомство съ народною жизнью помѣшало ему однако создать дѣйствительную народную пѣсню. Многіе романсы Дельвига до сихъ поръ еще пользуются популярностью, таковы наприм.: „Прекрасный день, счастливый день“, „Дѣдушка, — дѣвицы разъ мнѣ говорили“, „Пѣла, пѣла пташечка“, „Не осенній мелкій дождичекъ“, „Ахъ ты ночь ли ноченька“ и другіе.

БАРОНЪ
ДЕЛЬВИГЪ.

Баронъ Антонъ Дельвигъ

ПЕТРЪ АНДР.
ВЯЗЕМСКІЙ.

К. Петръ Вяземскій

Петръ Андреевичъ Вяземскій.

Князь В. (12 іюля 1792 г., † 1878 г.) воспитывался сначала дома, въ подмосковномъ имѣніи своего отца, а потомъ въ Петербургѣ, въ іезуитскомъ пансіонѣ патера Чижа. Возвратившись въ Москву, В. попалъ въ наиболѣе просвѣщенный кругъ общества, такъ какъ обычными гостями его отца были такіе писатели, какъ Дмитріевъ, Карамзинъ и Жуковскій, подъ вліяніемъ которыхъ окончательно сложились литературныя склонности и воззрѣнія будущаго писателя. Въ 1812 году В. поступилъ подъ начальство Милорадовича и учавствовалъ въ бородинскомъ сраженіи, но на слѣдующій же годъ перешелъ на гражданскую службу и занималъ въ теченіе своей долгой жизни многія важныя должности. Послѣдніе годы онъ провелъ за границей. В. извѣстенъ какъ поэтъ и литературный критикъ. Его поэтическія произведенія отличаются звучнымъ и порою очень сильнымъ, но вообще не ровнымъ стихомъ. Еще Гоголь говорилъ, что въ его произведеніяхъ нѣтъ „внутренняго гармоническаго согласованія въ частяхъ, слышенъ разладъ: слово не сочеталось со словомъ, стихъ со стихомъ; возлѣ крѣпкаго и твердаго стиха, какого нѣтъ ни у одного поэта, помѣщается другой, ничѣмъ на него не похожій; то вдругъ защемитъ онъ чѣмъ-то вырваннымъ живьемъ изъ самаго сердца, то вдругъ оттолкнетъ отъ себя звукомъ почти чуждымъ сердцу". Наиболѣе извѣстныя произведенія В—аго носятъ или обличительный, или поучающій характеръ. Критическія статьи его живы и нерѣдко остроумны. Но тѣ вкусы, которые В. усвоилъ себѣ еще во времена ранняго знакомства съ Карамзинымъ, остались навсегда руководящими правилами въ его литературной дѣятельности. Причисляя себя къ романтикамъ, онъ въ дѣйствительности былъ, по выраженію г. Спасовича, „полный классикъ стараго покроя", вооружавшійся противъ новыхъ теченій, обусловленныхъ естественнымъ развитіемъ литературы. Изъ стихотвореній В—го, пользовавшихся наибольшимъ успѣхомъ, можно указать на „Семь пятницъ на недѣлѣ", „Да какъ бы не такъ", „Станція", „Старое поколѣніе", „Русскій Богъ". Изъ его критическихъ этюдовъ лучшимъ является книга о Фонвизинѣ.

Евгеній Абрамовичъ Баратынскій.

Б. (19 февраля 1800 г., † 29 іюня 1844 г.) родился въ помѣщичьей семьѣ, Тамбовской губ., Кирсановскаго уѣзда. До 19-ти лѣтъ онъ воспитывался подъ руководствомъ матери. Отвезенный въ 1812 году въ Петербургъ, онъ учился сначала въ пансіонѣ, а потомъ въ пажескомъ корпусѣ, изъ котораго былъ исключенъ въ 1815 году *). Проведя три года послѣ этого у своей матери и дяди, Баратынскій поступилъ въ лейбъ-гвардіи егерскій полкъ въ Петербургъ, гдѣ познакомился съ Пушкинымъ, Дельвигомъ и Жуковскимъ. Къ этому времени относятся и первыя стихотворенія Б—аго. Въ 1820 году онъ былъ переведенъ въ Финляндію, мрачная, но величавая природа которой, вполнѣ гармонируя съ грустнымъ настроеніемъ души поэта, располагала его къ творчеству, такъ что онъ самъ называетъ финскій край „пѣстуномъ своей поэзіи". Проведя здѣсь пять лѣтъ, Б. переѣзжаетъ въ Москву, выходитъ въ отставку и женится. Съ этого времени жизнь его течетъ спокойно то въ Москвѣ въ обществѣ Дельвига, Пушкина, Вяземскаго и другихъ корифеевъ литературы, то въ подмосковной деревнѣ, то въ родовомъ помѣстьѣ. Только въ послѣдніе годы жизни поэту удалось исполнить свое давнишнее желаніе—побывать за границей и повидать Италію. Здѣсь онъ и умеръ въ Неаполѣ. Поэтическое дарованіе Б—аго остается замѣтнымъ даже при блескѣ генія его современника и друга Пушкина. Оригинальность поэзіи Б — аго придаетъ преобладающая въ ней вдумчивость пессимистическаго оттѣнка. Жизнь является для него синонимомъ бурнаго и мучительнаго волненія, чтò „чуетъ даже «міра невѣжда» младенецъ, съ воплемъ являясь на свѣтъ и крикомъ заставляя качать свою колыбель". Міръ явленій, вѣчно мѣняясь, остается въ сущности неизмѣннымъ, такъ какъ его результатъ—все то же страданіе, а сама истина не что иное, какъ „свѣтильникъ погребальный всѣхъ радостей земныхъ", потому что она показываетъ, что надежда на счастіе—только несбыточная иллюзія, недостижимая мечта. Таково общее направленіе настроеній и идей, въ которыхъ вращается творчество поэта. Что касается формы его стихотвореній, то она почти вездѣ безукоризненна и порой отличается необыкновенно содержательнымъ лаконизмомъ, какъ будто поэтъ руководился извѣстнымъ правиломъ Шиллера: „чтобы словамъ было тѣсно, мыслямъ—просторно". Пушкинъ высоко цѣнилъ Б—аго и говорилъ, что „онъ принадлежитъ къ числу нашихъ отличныхъ поэтовъ; онъ оригиналенъ, ибо мыслитъ по-своему правильно и независимо, между тѣмъ какъ чувствуетъ сильно и глубоко". Къ числу наиболѣе извѣстныхъ произведеній Б—аго относятся: *Балъ, Пиры, Цыганка, На смерть Гете, Финляндія, Послѣдній поэтъ, Черепъ, Послѣдняя смерть.*

---

*) За подробностями объ этомъ отсылаемъ читателя къ „Русской Старинѣ", 1870 года, томъ II.

ЕВГ. АБР.
БАРАТЫНСКІЙ.

АНДРЕЙ ИВАН. ПОДОЛИНСКIЙ.

П. (1 іюля 1806 г., † 1886 г.) родился въ Кіевѣ; воспитаніе получилъ въ одномъ кіевскомъ частномъ пансіонѣ и въ с.-петербургскомъ благородномъ пансіонѣ. Въ 1824 г. зачислился на службу въ почтовый департаментъ; въ 1831 г. перевелся въ Одессу; затѣмъ снова служилъ въ Петербургѣ; въ концѣ 50-хъ годовъ вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ родовомъ имѣніи Звенигородскаго уѣзда, Кіевской губ. П.—поэтъ романтической плеяды. Его романтизмъ, по преимуществу, романтизмъ пассивнаго страданія: его любимые герои („Борскій", „Нищій")—изгнанники-скитальцы, отчужденные отъ шумнаго свѣта или отъ рая („Дивъ и Пери"); ихъ „гордый умъ" не можетъ примириться съ „міромъ безначальнымъ, міромъ печальнымъ", для нихъ весь міръ одна пустыня. Положительный идеалъ счастья рисуется П—му въ видѣ райскихъ призраковъ („Гурія") и міра цвѣтовъ, сладкихъ звуковъ, пѣнящихся чашъ („Поэзія и жизнь"). На ряду съ любовью къ райскимъ видѣніямъ П. обнаруживаетъ любовь болѣе реальную къ южно-русскимъ, приднѣпровскимъ и приднѣстровскимъ ландшафтамъ. Одно изъ главныхъ достоинствъ его поэзіи—это необыкновенная легкость и музыкальность стиха, какой мы не встрѣчаемъ почти ни у кого изъ его современниковъ. Всѣ его наиболѣе характерныя произведенія написаны въ эпоху 20-хъ—30 гг.; лучшее изъ нихъ „Дивъ и Пери", подражаніе поэмѣ Томаса Мура, появилось 1827 г. Начиная съ конца 30-хъ годовъ онъ писалъ очень рѣдко, высказываясь, преимущественно, лишь по поводу различныхъ историческихъ и общественныхъ катастрофъ; такъ, онъ написалъ стихи по поводу севастопольской войны и междоусобной борьбы Франціи въ 1871 г. Въ стихотвореніи „Сквозь грезъ мечтательнаго міра" (1879 г.) онъ рѣшительно измѣняетъ романтизму и отдаетъ дань соціально-гражданской поэзіи.

Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ.

Л. (3 октября 1814 г., † 15 іюля 1841 г.) родился въ Москвѣ въ ночь со 2 на 3 октября 1814 г.; вскорѣ послѣ этого отецъ его, капитанъ Л., вмѣстѣ съ женой уѣхалъ изъ Москвы въ свое имѣніе Тарханы (Пензен. губ., Чемб. уѣзда), гдѣ мать будущаго поэта умерла черезъ три года, и ребенокъ остался на попеченіи бабушки Е. А. Арсеньевой, страстно любившей и баловавшей внука, но ненавидѣвшей зятя. Баловство бабушки и раболѣпство дворни имѣли дурное вліяніе на характеръ бойкаго и не по лѣтамъ развитого мальчика, а презрительные отзывы объ его отцѣ и ссоры съ послѣднимъ бабушки заставляли Л—ва съ очень ранняго возраста относиться къ людямъ съ недовѣрчивостью. Въ 1828 году Л. поступаетъ въ благородный пансіонъ въ Москвѣ послѣ домашней подготовки у гувернеровъ: француза Gindrot, нѣмца Леви и англичанина Winson'а. Въ пансіонѣ Л. знакомится съ русской литературой и занимается передѣлкой на романтическій ладъ наиболѣе интересовавшихъ его поэмъ (Кавказск. плѣнника и Корсара), а также пишетъ драму „Испанцы". Въ 1830 году Л. поступаетъ въ московскій университетъ, гдѣ слушаетъ лекціи два года. Тутъ онъ пишетъ уже такія пьесы, которыя носятъ на себѣ отпечатокъ созрѣвающаго генія, наприм., „Парусъ", „Ангелъ". Уволившись изъ университета, Л. поступаетъ въ Петербургѣ въ юнкерскую кавалерійскую школу, гдѣ быстро сходится съ безшабашно удалыми товарищами, учавствуетъ въ ихъ кутежахъ, а также и въ изданіи школьнаго журнала, въ которомъ помѣщаетъ рядъ поэмъ легкаго содержанія. Время, проведенное Лермонтовымъ въ школѣ, оставило по себѣ тяжелыя воспоминанія, такъ что поэтъ самъ называетъ эти годы „двумя ужасными годами" (deux années terribles; см. письмо къ В. Лопухиной отъ 23 дек. 1834 г.). Окончивъ курсъ въ школѣ, онъ поступаетъ въ полкъ и ведетъ свѣтскую жизнь богатаго гусара, которая однако далеко не удовлетворяетъ Л—ва, находившаго себѣ работу по плечу лишь въ воплощеніи своей творческой мысли. Въ 1836 году имъ было написано знаменитое стихотвореніе „На смерть Пушкина", и за послѣднія 16 строкъ его поэтъ былъ посаженъ подъ арестъ, а затѣмъ сосланъ на Кавказъ. Возвратившись изъ ссылки въ 1838 г., Л. знакомится со многими извѣстными писателями и съ Бѣлинскимъ, но проводитъ въ Петербургѣ только около 2-хъ лѣтъ, а затѣмъ за дуэль съ Барантомъ вновь ссылается на Кавказъ въ дѣйствующую армію, гдѣ участвуетъ въ стычкахъ и сраженіяхъ съ горцами. Въ концѣ 40-го года Л—ву дали отпускъ, которымъ онъ воспользовался, чтобы побывать въ Петербургѣ и въ Москвѣ, а въ апрѣлѣ 1841 года снова отправился на Кавказъ, откуда уже ему не суждено было возвратиться: 15 іюля 1841 года состоялась его дуэль съ Мартыновымъ, окончившаяся смертью поэта. По поводу этой дуэли въ обществѣ распространялись слухи, обвинявшіе во всемъ Лермонтова и выставлявшіе Мартынова въ видѣ жертвы постоянныхъ насмѣшекъ со стороны поэта. Но если и была

М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ.

М. Лермонтовъ

въ чемъ-нибудь вина Л—ва, торазвѣ только въ томъ, что онъ слишкомъ долго оставался въ обществѣ подобныхъ Мартыновыхъ, которые не могли ни понять его личности, ни оцѣнить его поэтическаго дарованія. Судьба присудила его вращаться въ этомъ пустомъ обществѣ, и, по объясненію Боденштедта, Л. не могъ противостоять преслѣдовавшей его судьбѣ, но въ то же время не хотѣлъ ей покориться. „Не будучи въ состояніи одолѣть ее, Л. былъ слишкомъ гордъ и силенъ, чтобы позволить одолѣть себя. Вотъ причина того пылкаго негодованія, того бурнаго безпокойства во многихъ стихотвореніяхъ его, въ которыхъ отражаются, какъ въ кипящемъ подъ грозою морѣ, при свѣтѣ молній и небо и земля“. Этой же постоянной мукой высокой души среди ничтожныхъ и тщеславныхъ людей объясняется и духъ Лермонтовской поэзіи, полный отрицанія, гнѣва и горькой скорби. „Дума“, „Первое января“, „Люблю отчизну я“, „Отдѣлкой золотой блистаетъ мой кинжалъ“—таковы были произведенія, въ которыхъ Л. выступилъ поэтомъ протеста противъ мелочности и безсодержательности окружавшаго его общества. Вліяніе Байрона несомнѣнно отразилось на Л—вѣ, но онъ не былъ подражателемъ англійскаго поэта, и сходство ихъ произведеній объясняется сходствомъ ихъ натуръ. Къ тому же нашъ поэтъ имѣлъ бо̀льшее право быть поэтомъ протеста, чѣмъ англійскій. Тотъ же Боденштедтъ говоритъ: „Въ Лермонтовѣ демоническій элементъ поэзіи объясняется естественнѣе нежели въ Байронѣ“. И дѣтство съ его тяжелыми впечатлѣніями, и наблюденія надъ окружающимъ обществомъ, и сознаніе своего неизмѣримаго превосходства надъ другими—создавали для Л—ва атмосферу душевнаго одиночества, и съ очень ранняго возраста любимымъ героемъ его произведеній является одинокій герой, рѣзко бросающій вызовъ въ глаза обществу, смѣющій дѣлать то, чего не смѣютъ другіе, мстящій за свое одиночество, одинаково сильный въ ненависти и добрѣ. „Демонъ“ представляется наиболѣе характерною поэмой въ этомъ отношеніи, но тѣмъ же демонизмомъ отличается и большинство крупныхъ произведеній Л—ва отъ „Измаилъ Бея“ до „Героя нашего времени“. По силѣ протеста и отрицанія поэзія Л—ва не имѣетъ ничего подобнаго въ русской литературѣ, и вотъ почему Бѣлинскій называлъ ее „совсѣмъ новымъ звеномъ въ цѣпи историческако развитія нашего общества“. Наряду съ такими произведеніями, какъ „Мцыри“, „Бояринъ Орша“ и указанные выше образцы яркаго романтизма, Л—вымъ созданы поэмы или отрывки поэмъ, въ которыхъ онъ умѣлъ отрѣшиться отъ собственнаго „я“. Такова, напр., „Пѣсня о купцѣ Калашниковѣ“, написанная языкомъ, приближающимся къ народному. Стремленіе къ реализму и желаніе отрѣшиться отъ преслѣдовавшаго его всюду образа Демона выразились въ неоконченной „Сказкѣ для взрослыхъ“. Стихъ Л—ва по истинно-мощной энергіи и выразительности остается до сихъ поръ лучшимъ образцомъ въ нашей литературѣ.

Александръ Ивановичъ Полежаевъ.

П. (1806 г., † 16 января 1838 г.), незаконный сынъ помѣщика Струйскаго и дворовой дѣвушки, родился въ селѣ Покрышинѣ, Саранскаго уѣзда, Пензенской губерніи; фамилію получилъ отъ мѣщанина Полежаева, который женился на его матери. До десятилѣтняго возраста воспитывался на попеченіи Струйскаго, нѣжно любившаго своего сына. Когда же за жестокое обращеніе съ дворовыми Струйскій по приговору суда былъ сосланъ въ Сибирь, мальчика отвезли въ Москву и помѣстили въ пансіонъ Визара. Окончивши курсъ въ пансіонѣ, П. записался въ вольные слушатели словеснаго отдѣленія Московскаго университета. Уже здѣсь обнаружился его поэтическій талантъ: въ *Вѣстникѣ Европы* за 1825—26 г. напечатанъ рядъ его раннихъ стихотвореній; университетское начальство обратило вниманіе на молодого поэта, поручило ему составить оду въ честь благотвореній, оказанныхъ университету императоромъ Александромъ I (другую оду „Геній“ П. читалъ на публичномъ актѣ). Въ виду всѣхъ его дарованій и успѣховъ въ наукахъ университетъ даже ходатайствовалъ объ исключеніи его изъ податного сословія. Но надежды на многообѣщающую будущность внезапно разсѣялись. Автобіографическая поэма „Саша“, исполненная рѣзкихъ соціальныхъ намековъ, попалась случайно въ руки императора Николая I, который вызвалъ поэта къ себѣ и заставилъ его прочитать при себѣ это произведеніе. Въ результатѣ П., уволенный изъ университета, былъ зачисленъ унтеръ-офицеромъ въ Бутырскій пѣхотный полкъ. Пробывши годъ на службѣ, П. послалъ на Высочайшее Имя прошеніе о помилованіи, но отвѣта не воспослѣдовало. Тогда онъ отправился пѣшкомъ въ Петербургъ, чтобы ходатайствовать лично; но съ дороги вернулся. За самовольную отлучку онъ былъ отданъ подъ судъ и разжалованъ въ рядовые. Спустя нѣкоторое время онъ опять подвергся взысканію за оскорбленіе фальдфебеля, просидѣлъ цѣлый годъ на гауптвахтѣ, былъ приговоренъ къ позорному и жестокому наказанію, но затѣмъ помилованъ. Въ 1829 г. Бутырскій полкъ былъ отправленъ въ дѣйствующую армію на Кавказъ. П. принималъ участіе въ нѣсколькихъ сраженіяхъ и за храбрость произведенъ въ унтеръ-офицеры. По возвращеніи въ Москву П. перевелся въ Тарутинскій полкъ; здѣсь, потерявъ надежду избавиться отъ тяготившей его военной службы, онъ началъ сильно пить, заболѣлъ и умеръ въ военномъ госпиталѣ отъ чахотки. Передъ смертью онъ узналъ о своемъ производствѣ въ прапорщики. Похороненъ П. въ Москвѣ на Лазаревскомъ кладбищѣ. Исполненная трагизма жизнь породила пессимистическую поэзію. П.—это восторженный ученикъ Байрона, Ламартина, Макферсона, атеистъ и радикалъ, попавшій изъ храма высшей интеллектуальной культуры въ солдатскія казармы, до конца не примирившійся со своею участью и жестоко заплатившій за свой непрестанный протестъ. Вотъ почему его поэзія отличается болѣе безотраднымъ субъективизмомъ, чѣмъ поэзія другихъ русскихъ поэтовъ. Человѣчество

Александръ Полежаевъ

въ его представленіи раздѣляется на двѣ категоріи—на палачей и рабовъ (а не на толпу и героевъ, какъ у романтиковъ). Любовь, дружба, добродѣтель, свобода среди людского общества существовать не могутъ. Самъ поэтъ страдаетъ психологическою раздвоенностью: „отступникъ мнѣній своихъ отцовъ", онъ тяготится своимъ отступничествомъ, но полюбить міръ, примириться съ „отцами" не можетъ. Онъ безнадежно „погибающій пловецъ" и ему остается лишь кинуть въ лицо общества гордое презрѣніе („Пѣснь плѣннаго ирокезца"), проклясть жизнь, какъ „всесвѣтную измѣнницу", и умереть плѣннымъ ирокезцемъ или Брутомъ на Филиппинскихъ поляхъ („Видѣніе Брута"). Помимо мотивовъ глубокаго разочарованія П. особенно удачно передавалъ народные мотивы. Лучшія его стихотворенія: „Вечерняя заря", „Пѣснь плѣннаго ирокезца", „Пѣснь погибающаго пловца", „Арестантъ", „Осужденный", „Негодованіе", „Тоска", „Чахотка", рядъ подражаній народнымъ пѣснямъ, поэмы изъ кавказской войны, переводы изъ Ламартина и Байрона.

Владиміръ Григорьевичъ Бенедиктовъ.

Б. (5 ноября 1807 г., † 14 апрѣля 1873 г.), сынъ чиновника, воспитывался въ Олонецкой гимназіи и кадетскомъ корпусѣ (Спб.). Какъ офицеръ Измайловскаго полка, находился на театрѣ военныхъ дѣйствій въ Польшѣ. По предложенію Канкрина перешелъ на гражданскую службу и занималъ при немъ мѣсто секретаря. Литературная дѣятельность его распадается на два періода—періодъ экзальтированнаго субъективизма и періодъ либерализма (въ эпоху реформъ). Прославленный въ 30-хъ годахъ за смѣлость своихъ образовъ, сравненій, антитезъ и совершенно развѣнчанный критикой 40-хъ годовъ, Б. для *романтизма* является тѣмъ же, чѣмъ для литературы Возрожденія были Марини, Гонгора, Лилли, т.-е. олицетворяетъ собою тотъ его моментъ, который неизбѣжно завершаетъ всякое литературное движеніе, моментъ, когда непосредственное вдохновеніе вырождается въ сухой риторизмъ, когда любовь къ фразѣ и образамъ замѣняетъ полетъ мысли и силу чувствъ.

Князь Владиміръ Өедоровичъ Одоевскій.

О. (30 іюля 1803 г., † 27 февраля 1869 г.) родился въ Москвѣ, воспитаніе получилъ въ благородномъ пансіонѣ при Московскомъ университетѣ, откуда поступилъ въ университетъ. По окончаніи курса занялся литературой; въ 1824—1825 г. вмѣстѣ съ Кюхельбекеромъ издавалъ *Мнемозину*. Съ 1826 г. опредѣляется на государственную службу: служитъ сначала въ вѣдомствѣ иностранныхъ вѣроисповѣданій, редактируетъ *Журналъ министер-*

ства внутр. дѣлъ, затѣмъ дѣлается помощникомъ директора Имп. публ. библіотеки и директоромъ Румянцевскаго музея (бывшаго тогда въ Петербургѣ). Въ 1861 г. назначается сенаторомъ московскихъ департаментовъ сената. Помимо служебныхъ обязанностей, О. много занимался филантропическими дѣлами и былъ душою извѣстнаго „общества посѣщенія бѣдныхъ“ (съ 1846 г.). Въ реформенную эпоху являлся однимъ изъ самыхъ горячихъ приверженцевъ освобожденія крестьянъ, апологетомъ земскихъ учрежденій и суда присяжныхъ.—Какъ литературный дѣятель, О. полнѣе другихъ писателей 20—30-хъ гг. (его главныя произведенія относятся къ этому періоду) раскрываетъ значеніе романтизма, какъ протеста противъ духа промышленной цивилизаціи. Въ „Русскихъ ночахъ“ онъ обвиняетъ современниковъ въ томъ, что они совершенно погрузились въ „вещественныя выгоды“, сдѣлались грубыми матеріалистами, людьми узкихъ спеціальностей, а не всесторонняго духовнаго развитія. Въ рядѣ новеллъ онъ жестоко нападаетъ на „мануфактурную философію“, „мануфактурную религію и мораль“; выводитъ экономиста, который, увлекшись матеріализмомъ, постепенно разочаровывается въ жизни и кончаетъ самоубійствомъ, рисуетъ картины государствъ, основанныхъ на ученіяхъ Мальтуса и Бентама, и ихъ трагическую судьбу. Въ „Черной перчаткѣ“ онъ обрушивается на увлеченіе утилитаризмомъ въ помѣщичьемъ быту. Относясь отрицательно къ индустріализму, О. смотритъ свысока на различныя демократическія вѣянія XIX вѣка, критикуетъ французскую революцію съ точки зрѣнія аристократическаго консерватизма. Идеальнѣйшимъ мыслителемъ О. считаетъ Шеллинга, называетъ его Христоф. Колумбомъ нашего вѣка, открывшимъ человѣческую душу. Душу съ ея внутренними чувствами О. противополагаетъ матеріалистическимъ интересамъ и раціоналистическимъ понятіямъ. Другая сторона романтизма — протестъ противъ аристократической салонной культуры раскрывается въ такихъ произведеніяхъ О—скаго, какъ „Княжна Мими“, „Княжна Зизи“. Въ то же время О. горячо защищаетъ науку и просвѣщеніе. Но науку онъ признаетъ не ту, которая ограничивается одними опытами, а ту, которая заглядываетъ въ глубь сущности вещей; мечтаетъ, наприм., о химіи „высшаго размѣра“, которая изслѣдовала бы философское значеніе химическихъ процессовъ. Въ стремленіи постигнуть сущность вещей О. ударяется часто въ крайности мистицизма (на его произвед. замѣтно сильное вліяніе повѣстей Гофмана). Протестуя противъ индустріализма, О. произноситъ суровый приговоръ надъ всей западной культурой, возлагаетъ всѣ свои надежды на великую историческую миссію русскаго народа. Впослѣдствіи О. смягчилъ свой приговоръ надъ Западомъ, надъ промышленностью и сталъ популяризировать различныя практическія знанія.

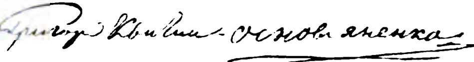

В. Бенедиктовъ

Князь В. Одоевскій

Е. Гребенка

Григорій Өедоровичъ Квитка (Основьяненко).

К. (18 окт. 1778 г., † 1843 г.), родился въ с. Основѣ около Харькова, происходилъ изъ старинной малороссійской дворянской фамиліи. Образованіе К. получилъ домашнее, подъ руководствомъ своего дяди, настоятеля Куряжскаго монастыря. Нѣкоторое время онъ служилъ въ военной службѣ, 23-хъ лѣтъ поступилъ послушникомъ въ Куряжскій монастырь, гдѣ пробылъ 4 года; въ 1806 г. опять зачислился въ военную службу, но вскорѣ вышелъ въ отставку и поселился въ Харьковѣ. Съ 1812 г. принималъ участіе въ судьбахъ только что основаннаго харьковскаго театра (какъ директоръ его и актеръ); кромѣ того трудился на поприщѣ благотворительности и женскаго образованія. Въ 1817—1829 гг. былъ предводителемъ дворянства. Литературѣ К. принадлежитъ, какъ журналистъ (издавалъ *Украинскій Вѣстникъ*), какъ новеллистъ и драматургъ. Онъ писалъ по-малороссійски и по-русски, но особенное художественное значеніе имѣютъ его малороссійскія произведенія (оперетка „Сватаніе на Гончаривци", повѣсти „Маруся", „Сердешна Оксана", „Козиръ-Дивки" и др.). Изъ произведеній на русскомъ языкѣ наиболѣе замѣчателенъ бытовой романъ „Панъ Халявскій". Всѣ произведенія К. проникнуты филатропически-сентиментальнымъ духомъ. Особенно сентиментальны его повѣсти, изображающія крестьянскую жизнь; большей художественной полнотой отличаются его юмористическія описанія помѣщичьяго быта.

Евгеній Павловичъ Гребенка.

Малорусскій писатель, писавшій также на русскомъ языкѣ на сюжеты, взятые изъ украинскаго быта, Г. (21 янв. 1812 г., † дек. 1848 г.) родился въ Полтавской губ., образованіе получилъ въ Нѣжинѣ, въ „гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко", по окончаніи которой нѣкоторое время служилъ на военной службѣ, но затѣмъ перешелъ на педагогическое поприще въ Петербургѣ. Здѣсь онъ сблизился съ нѣкоторыми литераторами, между прочими съ Пушкинымъ и Шевченкомъ. Г. написано около 50 повѣстей. Какъ художникъ бытописатель, Г. принадлежитъ къ національной школѣ украинской литературы. Не обладая крупнымъ самобытнымъ дарованіемъ, Г. не могъ не поддаться вліянію своего знаменитаго современника и товарища по школѣ, Гоголя, и многіе изъ его разсказовъ, правда обвѣянные иногда неподдѣльной народной поэзіей, напоминаютъ „Вечера на хуторѣ" и другія произведенія Гоголя. Его романъ „Чайковскій", рисующій ту же исторію запорожской Сѣчи, что и „Тарасъ Бульба", изобилуетъ мелодраматическими эффектами и сентиментальными сценами, однако, въ немъ довольно вѣрно отражается старинный бытъ Украйны. Авторъ, по словамъ Бѣлинскаго, „возвышается до паѳоса очевидца, сочувствуя своему предмету, какъ бы раздѣляя казацкую удаль и принимая горячо къ сердцу страданія южной Руси отъ ея степныхъ сосѣдей—хищныхъ татаръ".

Тарасъ Григорьевичъ Шевченко.

Ш. (25 февр. 1814 г., † 26 февр. 1861 г.) родился въ селѣ Маринцахъ, Звенигородскаго уѣзда, Кіевской губ., въ семьѣ крѣпостного крестьянина. Дѣтство, съ 3-лѣтняго возраста, провелъ въ с. Кирилловкѣ; 9-ти лѣтъ отъ роду Ш. лишился матери; его отецъ женился вторично, и Ш—ку пришлось много терпѣть отъ невзлюбившей его мачехи. Первоначальной грамотѣ Ш. учился у мѣщанина Губеного. Когда Ш—ку минуло 11 лѣтъ, его отецъ умеръ, ничего не оставивъ изъ своего имущества сыну. Мачеха опредѣлила сначала Тараса въ пастухи, а затѣмъ отдала его въ ученіе къ одному дьячку. Дьячокъ жестоко обращался съ воспитанникомъ; послѣдній вскорѣ бѣжалъ отъ него и пытался найти себѣ новыхъ учителей, пробуя жить у разныхъ дьячковъ и и маляровъ. Въ 1829 г. онъ попалъ въ число дворовыхъ людей своего помѣщика Энгельгардта. Энгельгардтъ замѣтилъ его склонность къ живописи и далъ ему возможность пользоваться уроками варшавскаго портретиста Ламми и затѣмъ петербургскаго живописца Ширяева. Въ Петербургѣ Ш. случайно познакомился со своимъ землякомъ художникомъ Сошенкомъ, съ Гребенкой, а черезъ ихъ посредство съ Брюловымъ и Жуковскимъ. Послѣдніе приняли бликое участіе въ Ш—кѣ и стали хлопотать объ освобожденіи его отъ крѣпостной зависимости. Благодаря ихъ настойчивости, въ 1838 г. Ш. получилъ свободу и былъ зачисленъ ученикомъ въ академію живописи. На ряду съ живописью, Ш. началъ заниматься и литературой, слушалъ нѣкоторыя лекціи въ университетѣ, вращался среди петербургской интеллигенціи. Плодомъ его литературныхъ занятій явился первый сборникъ стихотвореній „Кобзарь" въ 1840 г.; въ 1841 г. были изданы „Гайдамаки". Въ 1843 г. Ш. получилъ званіе свободнаго художника и отправился въ Малороссію, гдѣ, какъ авторъ „Кобзаря", встрѣтилъ восторженный пріемъ и пріобрѣлъ массу знакомствъ среди малороссійской интеллигенціи. Въ 1847 г. за свои украинофильскія и панславистскія тенденціи, получившія невѣрное толкованіе вслѣдствіе ложнаго доноса, онъ былъ арестованъ подъ Кіевомъ (въ качествѣ его сотоварищей были арестованы Костомаровъ, Гулакъ и др.), отвезенъ въ Петербургъ и приговоренъ къ отбыванію военной службы въ оренбургскомъ линейномъ батальонѣ. Въ продолженіе 10 лѣтъ онъ несъ всѣ тяжести „николаевской" солдатчины. Получивши въ 1857 г. отставку, онъ отправился въ Петербургъ, оттуда уѣхалъ на родину и, наконецъ, опять вернулся въ Петербургъ. Въ 1860 г. вышло въ свѣтъ полное изданіе „Кобзаря". Въ томъ же году Ш. заболѣлъ водянкой, которая и свела его въ могилу. Похороненъ онъ былъ сначала въ Петербургѣ на Смоленскомъ кладбищѣ, а потомъ его прахъ перевезенъ былъ въ Малороссію и погребенъ на берегу Днѣпра, около г. Канева.—Литературное развитіе Ш—ка опредѣлилось его знакомствомъ съ произведеніями корифеевъ романтической литературы—Жуковскимъ, Пушкинымъ, Лермонтовымъ, Мицкевичемъ. Первыя его стихотворенія написаны въ строго

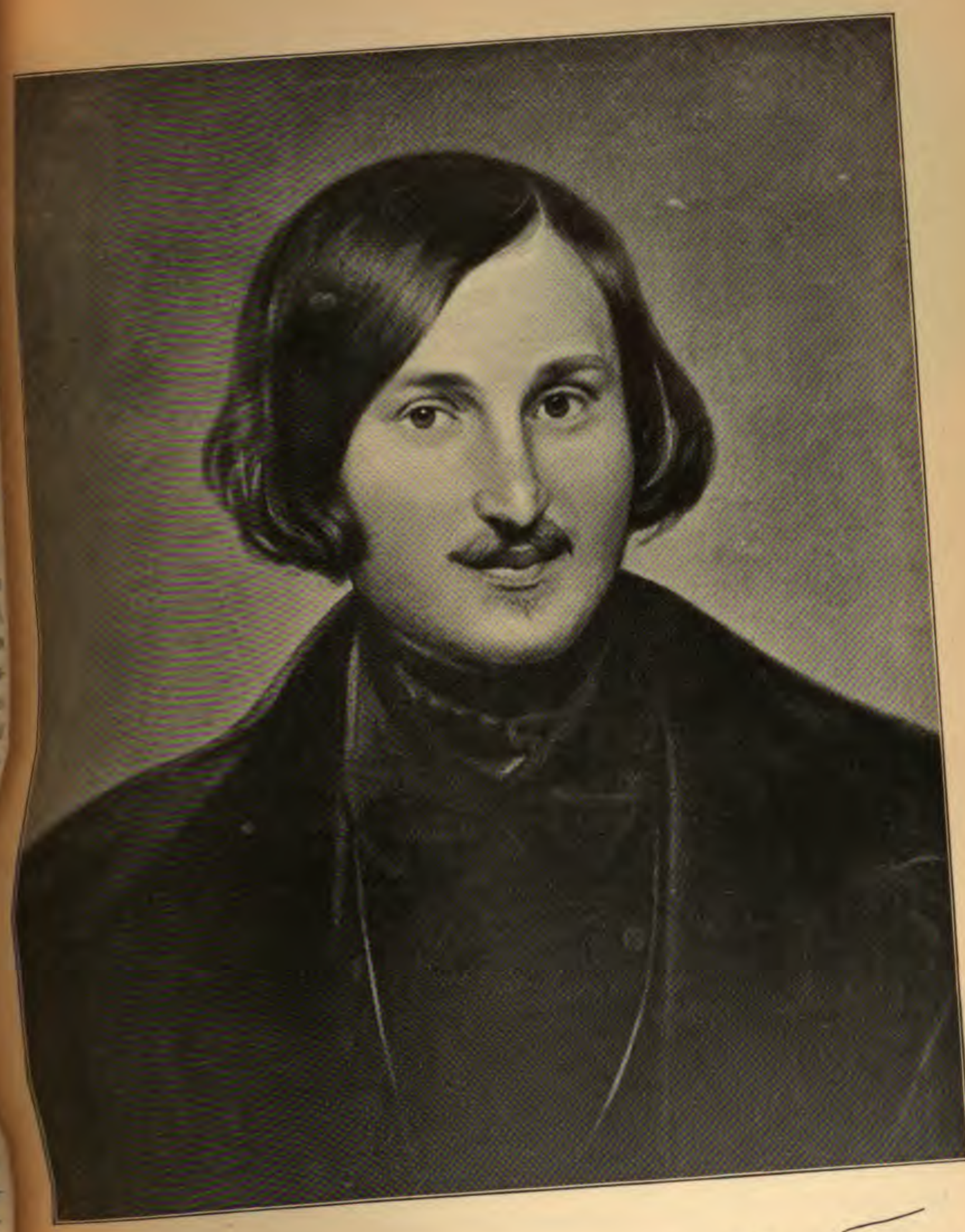

Т. Шевченко

романтическомъ духѣ: они носятъ форму балладъ, повѣствующихъ о горѣ дѣвушекъ, покинутыхъ возлюбленными. Романтическій элементъ силенъ и въ дальнѣйшихъ поэмахъ Ш — ка, въ которыхъ малороссійскій поэтъ отрѣшается отъ исключительности любовныхъ темъ и обращается къ описанію положенія малороссійскаго народа: структура этихъ поэмъ чисто романтическая, такъ какъ интрига въ нихъ продолжаетъ все-таки носить любовный характеръ, а соціальный элементъ служитъ лишь фономъ для романической исторіи. Мотивамъ экономическимъ Ш. не придаетъ особеннаго значенія: стихотвореній, посвященныхъ исключительно страданіямъ крестьянина или батрака, проистекающимъ отъ бѣдности, у него нѣтъ. Въ самихъ „панахъ“ Ш. видитъ не столько экономическихъ эксплуататоровъ крестьянина, сколько деспотовъ, издѣвающихся надъ личностью крестьянина и оскорбляющихъ его семейные устои. Но на ряду со слѣдами романтизма, который Ш. усвоилъ благодаря *внѣшнему* вліянію на него русской и польской литературы, мы видимъ у него органическую склонность къ реализму, обусловленную его соціальнымъ происхожденіемъ. Этотъ реализмъ обнаруживается преимущественно въ описаніяхъ отдѣльныхъ сценъ, въ отдѣльныхъ живо схваченныхъ образахъ. Отъ романтизма свободна также лирика Ш—ка: такъ, въ его „Думахъ“ нѣтъ мѣста романтическимъ мотивамъ—мотивамъ душевной раздвоенности, самобичеванія, сознанія душевной пустоты или пресыщенія жизнью. „Думы“ проникнуты единственно тихою скорбью о злой недолѣ и тоскою по родной Украйнѣ. Любовная лирика Ш—ка изобилуетъ реалистическими подробностями и пластическими красотами. Кромѣ малороссійскихъ стихотвореній и драмъ („Назарь Стодоля“), Ш. писалъ произведенія на русскомъ языкѣ въ стихахъ и прозѣ. Но русскія повѣсти и поэмы далеко уступаютъ его малороссійскимъ шедеврамъ.

Николай Васильевичъ Гоголь.

Малороссъ по происхожденію, Г. (19 марта 1809 г., † 21 февраля 1852 г.), родился въ мѣстечкѣ Сарочинцахъ (на границѣ Полтавскаго и Миргородскаго уѣздовъ), въ семьѣ небогатаго помѣщика. До 13-лѣтнаго возраста Г. прожилъ въ имѣніи отца, Васильевкѣ, на полной деревенской свободѣ. Съ крайне слабой домашней подготовкой мальчикъ въ 1811 году поступаетъ въ нѣжинскую гимназію, откуда выноситъ также очень мало. Хотя еще въ гимназіи у Г—ля обнаруживается литературный талантъ, любовь къ театру и искусству вообще, но онъ мечтаетъ пріобрѣсти извѣстность выдающимися подвигами на какомъ-нибудь служебномъ поприщѣ, и съ этою цѣлью въ 1828 г. ѣдетъ въ Петербургъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ онъ однако не находитъ себѣ никакихъ занятій, и только въ 1830 г. принимается мелкимъ чиновникомъ въ департаментъ удѣловъ. На этомъ собственно и закончилась служебная карьера Гоголя. Правда, впослѣдствіи онъ былъ учителемъ исторіи въ женскомъ патріотическомъ институтѣ и адъюнктомъ по каѳедрѣ всеобщей исторіи при петербургскомъ университетѣ, но нигдѣ не имѣлъ особеннаго успѣха. Съ 1835 г. Г. всецѣло посвящаетъ себя литературѣ. Начавъ свою дѣятельность довольно слабыми произведеніями (стих. „Италія“ и поэмой „Гансъ Кюхельгартенъ“), Г. въ 1831—32 гг. издаетъ „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“, и съ этого момента его литературная слава все болѣе и болѣе возрастаетъ, пока, наконецъ, Бѣлинскій не провозгласилъ его величайшимъ русскимъ поэтомъ своего времени. Въ первый періодъ творчество Г—ля носитъ сильный романтическій отпечатокъ; въ отдѣльныхъ случаяхъ можно даже указать прямую связь повѣстей Г—ля съ произведеніями западной романтической школы (Тика, Гофмана, Вальтеръ-Скотта и др.). Эта романтическая струя окрашиваетъ собственно и позднѣйшія произведенія Г—ля: временами ему какъ будто становится тяжело отъ скучнаго однообразія сѣренькой русской дѣйствительности, и онъ свободно предоставляетъ свой талантъ въ распоряженіе прихотливой фантазіи. Въ связи съ этой чертой стоятъ и другія особенности гоголевскаго творчества: нѣкоторая шаржировка, недостатокъ чувства художественной мѣры, нерѣдко приподнято-реторическій тонъ изложенія и т. п. Но надъ всѣмъ этимъ господствуютъ другія основныя качества творчества Г—ля, которыя дѣлаютъ его великимъ художникомъ-бытописателемъ, озирающимъ жизнь „сквозь видимый смѣхъ и невидимыя міру слезы“. Не довольствуясь собственными тонкими наблюденіями, своею способностью „угадывать человѣка“, какъ выразился Пушкинъ, Г. тщательно собираетъ матеріалы путемъ разспросовъ, входитъ въ переписку съ друзьми и родными, и все, что удается ему узнать, онъ заноситъ въ записную книжку, какъ сырой матеріалъ для будущихъ художественныхъ созданій. Въ записной книжкѣ Г—ля вы найдете объясненіе рѣдкихъ народныхъ выраженій, термины карточной игры, названія собакъ, частей избы, кушаній, примѣты дурного управителя, перечень взятокъ прокурора и губернатора и т. д. Неудивительно поэтому, что въ произведеніяхъ Г—ля (особенно въ „Мертвыхъ душахъ“ и „Ревизорѣ“) дореформенная Русь нашла себѣ глубоко-

Н. Гоголь

реальное изображеніе. Самъ Г. не вполнѣ понималъ соціальное значеніе своего творчества: онъ творилъ по непосредственному внушенію таланта. Когда же онъ думалъ теоретически опредѣлять задачи поэзіи и выступалъ въ роли мыслителя, — тутъ въ немъ сказывался прежній романтикъ и малообразованный человѣкъ. Въ повѣсти „Портретъ", на ряду съ возвышенными идеями о нравственной отвѣтственности писателя, свободѣ творчества, о томъ, что для истиннаго художника нѣтъ предмета низкаго и презрѣннаго, Г. въ мистической формѣ развиваетъ мысль, что „торжественный покой выше всякаго волненія мірского", и что „для успокоенія и примиренія всѣхъ нисходитъ въ міръ высокое созданіе искусства; оно не можетъ поселить ропота въ душѣ, но звучащей молитвой стремится вѣчно къ Богу". Его лучшія произведенія, полныя общественной сатиры, разумѣется, не соотвѣтствовали этому идеалу и Гоголь, побуждаемый нѣкоторыми консервативными друзьями, составляетъ планъ изобразить въ слѣдующихъ томахъ „Мертвыхъ душъ" положительные, идеальные типы Россіи, все болѣе и болѣе увлекается ролью „государственнаго моралиста", проповѣдника. Религіозность, суевѣрный мистицизмъ, высокомѣрное самомнѣніе замѣчаются у Гоголя очень рано, но они достигаютъ болѣзненнаго проявленія послѣ выхода въ свѣтъ 1-го тома „Мертвыхъ душъ". Тенденціозный планъ губительно дѣйствуетъ на творчество, и авторъ, въ порывѣ мучительной неудовлетворенности и въ припадкѣ самобичеванія, нѣсколько разъ пишетъ и сжигаетъ 2-й томъ. Г., наконецъ, отрекается отъ своего творчества, пытается мистически истолковать содержаніе своего „Ревизора" („душевный" городъ, чиновники—страсти человѣка, ревизоръ—пробудившаяся совѣсть и т. п.) и въ „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями" (1847 г.) обращается къ русскому обществу съ самоувѣренной проповѣдью мистическихъ и реакціонныхъ идей. Скончался Г. въ Москвѣ и похороненъ въ московскомъ Даниловскомъ монастырѣ. Литературная дѣятельность Г—ля въ связи съ дѣятельностью Пушкина, содѣйствовала созданію и окончательному укрѣпленію у насъ „натуральной" школы. Послѣ Пушкина и Г—ля принципы художественнаго реализма стали священнымъ лозунгомъ нашей литературы, обезпечивая ей возможность самобытнаго развитія и дѣлая ее важнымъ органомъ общественнаго самосознанія.

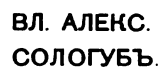
Графъ Владиміръ Александровичъ Сологубъ.

С. (1814—1882 г.)—беллетристъ конца тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Въ ранній періодъ своей писательской дѣятельности онъ принадлежалъ къ романтической школѣ, идеализируя въ своихъ произведеніяхъ типъ вдохновеннаго жреца искусства, борющагося съ предразсудками и пошлостью аристократической среды: Карлъ Шульцъ въ „Исторіи двухъ калошъ" (1837 г.); спеціально протесту правъ аристократической среды посвященъ его романъ „Большой свѣтъ". Въ дальнѣйшихъ своихъ произведеніяхъ С. обращается,

главнымъ образомъ, къ реалистическому изученію дворянскаго быта и даетъ рядъ типовъ провинціальныхъ дворянъ („Медвѣдь“, „Три жениха“), типъ хлыща („Левъ“); въ своей наиболѣе прославленной повѣсти „Тарантасъ“ онъ дѣлаетъ характеристику славянофиламъ: послѣдніе, по его мнѣнію, страдаютъ безхарактерностью, неспособны къ упорному труду, незнакомы съ реальными устоями россійской жизни и любовь къ Россіи пріобрѣли за границей, гдѣ наступила эпоха особеннаго интереса къ Россіи. Вообще по реалистическому изображенію дворянъ, оторванныхъ отъ почвы, онъ прямой предшественникъ Панаева и Тургенева. Но его положительные идеалы далеко не прогрессивны: онъ сторонникъ *патріархальности*, „этой основы государственнаго и семейнаго счастія“; его идеалъ—дворянинъ, который является „истиннымъ главой семьи, истиннымъ помѣщикомъ своихъ крестьянъ, правосуднымъ и человѣколюбивымъ“. Кромѣ многочисленныхъ повѣстей, С. писалъ и драмы („Мѣстники“, „Чиновникъ“) и стихотворенія.

Евдокія Петровна Ростопчина.

Графиня Р., урожденная Сушкова (23 дек. 1811 г., † 3 дек. 1858 г.) росла, такъ сказать, въ атмосферѣ литературы: всѣ ея родственники писали если не для печати, то для себя. Поэтому будущая поэтесса рано пробуетъ свои творческія силы, и ея первыя попытки встрѣчаются похвалами. Въ 1833 г. она выходитъ замужъ за графа Ростопчина, но не видитъ въ бракѣ счастья и ищетъ его въ свѣтской жизни и славѣ. Въ 1841 г. она издаетъ свои сочиненія, вызвавшія рядъ восторженныхъ похвалъ у всѣхъ критиковъ, за исключеніемъ Бѣлинскаго, похвалившаго ея талантъ и легкость стиха, но не одобрившаго ее за пустоту содержанія и за „служеніе богу салоновъ“. Въ 1845 году она ѣдетъ въ Италію и оттуда присылаетъ лучшее свое произведеніе, балладу „Неравный бракъ“. Этому стихотворенію было дано аллегорическое толкованіе, при чемъ въ насильно взятой женѣ видѣли Польшу, хотя врядъ ли сама Р. имѣла въ виду эту аллегорію при сочиненіи баллады. Тотъ же 1845 годъ является зенитомъ ея славы, вспыхнувшей ярко и шумно и такъ же скоро потухшей. Вслѣдствіе все возрастающаго самообожанія и пустоты свѣтской жизни, которую вела Ростопчина, ея произведенія дѣлаются все слабѣе, и критика относится къ ней все насмѣшливѣе. На зло всему графиня продолжаетъ писать, пробуя свои силы и въ драмѣ („Нелюдимка“), и въ романѣ („Счастливая жена“, „У пристани“), столь же безсодержательныхъ, какъ и ея стихотворенія. Раздраженная отзывами критики, Р. пишетъ сатиру „Домъ сумасшедшихъ“, въ видѣ продолженія извѣстной сатиры Воейкова, но это стихотвореніе не удовлетворяетъ даже ея друзей, почему и не попадаетъ въ печать. Содержаніе ея поэзіи носитъ яркое отраженіе той салонной жизни, которую вела Р.

ВЛ. АЛЕКС.
СОЛОГУБЪ.

ЕВД. ПЕТР.
РОСТОПЧИНА.

Булгаринъ

Николай Гречъ

Ѳаддѣй Венедиктовичъ Булгаринъ.

Сынъ польскаго повстанца, Б. (1789 г. † 1 сентября 1859 г.) съ дѣтскаго возраста жилъ въ Петербургѣ, воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ, долгое время былъ въ военной службѣ, русской и французской, участвовалъ въ походахъ Наполеона, былъ взятъ въ плѣнъ пруссаками и по окончаніи войны возвратился въ Россію, гдѣ сдѣлался литераторомъ. Онъ издавалъ журналы *Сѣверный Архивъ*, *Сѣверная Пчела* и др., писалъ въ нихъ фельетоны и политическія статьи, сочинялъ историческіе и нравоучительные романы, между которыми имѣли наибольшій успѣхъ: „Иванъ Выжигинъ", „Дмитрій Самозванецъ" и др. Какъ романистъ, Б. не имѣетъ никакого значенія въ исторіи русской литературы. Но какъ журналистъ, онъ былъ предтечей цѣлаго легіона слѣдовавшихъ за нимъ такъ называемыхъ охранительныхъ писателей. Подобно имъ, онъ, по выраженію Бѣлинскаго, „не имѣлъ никакихъ принциповъ, никакихъ убѣжденій, одну литературную тактику", говорилъ „неумолкаемо о своей любви къ правдѣ и о своихъ врагахъ", хвалилъ „сегодня, что бранилъ вчера и что̀ снова будетъ хвалить завтра, смотря по отношеніямъ", позволялъ себѣ „приписывать своимъ противникамъ то, чего они не дѣлали и не говорили и возражать на мнѣнія, которыхъ они никогда не обнаруживали". Пользуясь такими пріемами, онъ легко обвинялъ противниковъ въ измѣнѣ и неблагонадежности, что продѣлывали потомъ постоянно его многочисленные послѣдователи.

Николай Ивановичъ Гречъ.

Г. (1787 г. † 12 января 1867 г.) родился въ Петербургѣ въ нѣмецкой семьѣ, воспитывался въ военной школѣ и въ педагогическомъ институтѣ, служилъ учителемъ гимназій и въ цензурномъ комитетѣ, писалъ много педагогическихъ статей, издавалъ *Сынъ Отечества*, *Сѣверную Пчелу* и др. журналы. Г. выступалъ небезуспѣшно на беллетристическомъ поприщѣ съ романами „Черная женщина", „Поѣздка въ Германію" и др. Причина успѣха перваго изъ нихъ заключалась въ томъ, что авторъ стремился „оправдать возможность духовидѣнія"; „Поѣздка въ Германію"—гораздо болѣе простой и естественный романъ—заслужила очень лестный отзывъ Бѣлинскаго. Какъ журналистъ, Г. былъ ближайшимъ товарищемъ Булгарина.

Сергѣй Николаевичъ Глинка.

Г. (1776 г. † 5 апрѣля 1847 г.) происходилъ изъ бѣлорусской помѣщичьей семьи; воспитывался въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, по окончаніи курса въ которомъ поступилъ на военную службу. Въ 1800 г. вышелъ въ отставку, былъ 3 года учителемъ въ Украйнѣ, затѣмъ переѣхалъ въ Москву и занялся литературной дѣятельностью. Съ 1806 г. до 1824 г. онъ издавалъ знаменитый *Русскій Вѣстникъ*. Въ 1812 г. Г. отличился какъ патріотическій ораторъ на площадяхъ и рынкахъ. Съ 1821 г. издавалъ также

дѣтскіе журналы. Въ 1827 г. былъ назначенъ цензоромъ въ московскій цензурный комитетъ. Г.—авторъ многочисленныхъ стихотвореній въ патріотическомъ духѣ, поэмъ (напр., „Царица Наталья Кириловна") трагедій („Михаилъ, князь Черниговскій", „Наталья, боярская дочь"), русской исторіи въ 14 частяхъ, „Очерка жизни и сочиненій А. П. Сумарокова", ряда статей о воспитаніи и пр. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ онъ въ литературномъ отношеніи является представителемъ напыщеннаго и ходульнаго ложнаго классицизма, оставаясь вѣрнымъ поэтическимъ правиламъ Сумарокова и его школы. Въ идейномъ отношеніи онъ крайній и видный представитель офиціальной народности и офиціальнаго патріотизма.

Степанъ Петровичъ Шевыревъ.

Ш. (18 окт. 1806 г. † 8 мая 1864 г.) родился въ Саратовѣ, происходилъ изъ дворянъ Саратовской губ. Образованіе сначала получилъ домашнее, рано пристрастился къ чтенію, причемъ его любимыми книгами были сочиненія Карамзина, Хераскова, а также Евангеліе на славянскомъ языкѣ. Въ 1818 г. онъ былъ привезенъ въ Москву и помѣщенъ въ университетскій благородный пансіонъ. Окончивши въ послѣднемъ курсъ, онъ посѣщалъ университетскія лекціи, слушалъ Давыдова, Каченовскаго, Мерзлякова. Въ 1823 г. онъ поступилъ въ Московскій архивъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, началъ заниматься тамъ чтеніемъ старинныхъ рукописей, пріобрѣлъ большія литературныя знакомства (съ Погодинымъ, Раичемъ, Веневитиновымъ, Пушкинымъ), издавалъ одно время журналъ *Уранію*, много переводилъ (изъ Шиллера, Гете), писалъ стихотворенія. Въ 1829—32 г. ѣздилъ за границу (Италію), гдѣ занимался классической филологіей, исторіей, искусствомъ, а также литературой Возрожденія. По возвращеніи въ Россію Ш—ва было предложено вступить въ Московскій университетъ адъюнктомъ по каѳедрѣ русской словесности. Въ 1833 г. онъ защищалъ диссертацію „Дантъ и его вѣкъ". Изъ его университетскихъ курсовъ замѣчательны: „Исторія поэзіи", „Теорія поэзіи въ историческомъ развитіи у древнихъ и новыхъ народовъ", „Исторія русской словесности". Въ 1851 г., одновременно съ Грановскимъ, читалъ публичный курсъ „Очеркъ исторіи итальянской живописи, сосредоточенной въ Рафаэлѣ и его произведеніяхъ". Помимо университетскихъ занятій принималъ участіе въ повременныхъ изданіяхъ (напр. въ *Москвитянинѣ)*. Воспитанный на идеяхъ нѣмецкой философіи, Ш., по своему міровоззрѣнію, приблизился къ ученію славянофиловъ, но его славянофильство было далеко отъ доктрины Хомякова и Аксаковыхъ и ограничивалось исповѣдываніемъ офиціальной народности и религіозности. Но при всемъ консерватизмѣ своихъ общихъ взглядовъ, въ исторіи русской литературной критики Ш. сыгралъ довольно прогрессивную роль. Принципы, заимствованные изъ нѣмецкой философіи, дали ему возможность создать первый курсъ древней русской литературы, представляющей изъ себя стройное цѣлое по единству руководящихъ идей. Кромѣ того, ему же принадлежатъ первые на русскомъ языкѣ опыты прагматическаго изложенія нѣкоторыхъ эпохъ западной литературы.

СЕРГ. НИК.
ГЛИНКА.

СТЕП. ПЕТР.
ШЕВЫРЕВЪ.

М П. ПОГОДИНЪ.

Н. М. ЯЗЫКОВЪ.

Михаилъ Петровичъ Погодинъ.

Погодинъ (11 го ноября 1800 г., † 8 декабря 1875 г.) былъ сыномъ крѣпостного „домоправителя“ гр. Салтыковыхъ и родился въ Москвѣ. Первымъ наставникомъ его былъ домашній писарь, затѣмъ воспитаніе мальчика перешло въ руки типографщика, пока, наконецъ, онъ не поступилъ въ московскую губернскую гимназію. Въ 1823 г. П. окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ съ золотою медалью; черезъ годъ защищалъ магистерскую диссертацію на тему о „происхожденіи Руси“, а въ 1826 г. ему уже было предложено читать всеобщую исторію для студентовъ I курса. Профессорская дѣятельность П-на, съ которой до 1830 г. онъ совмѣщалъ и издательство журнала *Московскій Вѣстникъ*, продолжалась до 1844 г. Съ этихъ поръ онъ всецѣло отдается изданію другого журнала *Москвитянинъ*, который имъ былъ основанъ еще въ 1841 г. Журналъ этотъ, игравшій въ свое время значительную роль, служилъ очагомъ ультра-славянофильскихъ тенденцій. Самъ П., какъ журналистъ и редакторъ *Москвитянина*, отличался крайне реакціоннымъ направленіемъ; по своимъ публицистическимъ взглядамъ онъ держался теоріи такъ называемой офиціальной народности и рядомъ съ порицаніемъ Запада превозносилъ русскія народныя начала, заключающіяся по его мнѣнію въ кротости и смиренномудріи. Имя П—на до такой степени соединялось съ этими идеями, что даже защищавшіяся имъ чисто-научныя теоріи носили боевой характеръ и принимались наиболѣе вліятельной публицистикой того времени, какъ выраженіе реакціонныхъ воззрѣній. Такой характеръ пріобрѣлъ, наприм., знаменитый публичный диспутъ П—на съ Комаровымъ по вопросу о происхожденіи Руси.

Николай Михайловичъ Языковъ.

Я. (4-го марта 1803 г., † 20 декабря 1843 г.) родился въ состоятельной помѣщичьей семьѣ въ Симбирскѣ, учился въ Петербургскомъ Горн. Корпусѣ, потомъ въ Дерптскомъ университетѣ, но курса ни тутъ, ни тамъ не окончилъ. Литературную дѣятельность началъ любовными стихами, но затѣмъ строй его лиры сдѣлался болѣе торжественнымъ: Я. талъ касаться религіозныхъ темъ („Кому, о Господи, доступны Твои Сіонски высоты“, „Всевышній граду Константина землетрясенье посылалъ“), темъ историческихъ, придавая послѣднимъ оттѣнокъ офиціальнаго патріотизма. Нѣкоторыя изъ его пѣсенъ пользуются популярностью еще теперь (напр., „Нелюдимо наше море“).

Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ.

А. (20 сент. 1791 г., † 30 апр. 1859 г.) родился въ г. Уфѣ въ аристократической дворянской фамиліи, воспитывался въ казанской гимназіи, а въ 1804 г. былъ зачисленъ студентомъ во вновь открывшійся университетъ. Недолго послуживъ въ комиссіи составленія законовъ, онъ переѣзжаетъ въ свое имѣніе, гдѣ проводитъ много лѣтъ. Затѣмъ, при содѣйствіи Шишкова, онъ получаетъ мѣсто въ московск. цензурн. комитетѣ. Вплоть до 30-хъ годовъ, до знакомства съ Гоголемъ, онъ исключительно вращается въ сферѣ театральныхъ интересовъ, переводя ложноклассическія пьесы и составляя небольшіе водевили. Познакомившись съ Гоголемъ, онъ совершенно мѣняетъ свою литературную дѣятельность, посвящая себя всецѣло изображенію русской дѣйствительной жизни; первый его опытъ въ данномъ направленіи былъ сдѣланъ въ 1834 г. небольшимъ разсказомъ „Буранъ". Въ 1839 г. А. оставляетъ службу въ Межевомъ училищѣ, гдѣ онъ былъ директоромъ, и до самой смерти живетъ въ Москвѣ, выпуская въ свѣтъ свои литературныя произведенія и собирая въ своемъ домѣ лучшія литературныя силы того времени. Наиболѣе цѣнными произведеніями для характеристики А—ва можно считать „Семейную хронику" и „Дѣтскіе годы Багрова внука" (1856), развертывающіе передъ читателемъ жизнь помѣщиковъ; въ нихъ преобладаетъ автобіографическій элементъ, который даетъ ключъ къ пониманію всей позднѣйшей литературной дѣятельности А—ва: необыкновенно горячая симпатія къ патріархальной обстановкѣ помѣщиковъ временъ крѣпостного права, любовь къ окружающей природѣ заслоняютъ отъ него всѣ мрачныя стороны личной зависимости крестьянъ отъ землевладѣльцевъ. Любовь и уваженіе являются, по мнѣнію А—ва, связующимъ цементомъ обѣихъ сторонъ. Сельскія удовольствія — охота и уженье рыбы, которыми наполняли свое время жители мирныхъ деревенскихъ усадебъ, дали матеріалъ для его „Записокъ оружейнаго охотника" и „Записокъ объ уженьѣ рыбы".

Владиміръ Ивановичъ Даль.

Д. (10 нояб. 1801 г., † 22 сент. 1872 г.) родился въ Луганѣ, Славяносербскаго уѣзда, Екатеринославской губ., въ семьѣ доктора-нѣмца, служившаго при литейномъ заводѣ. Образованіе Д. получилъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ; по окончаніи курса онъ нѣкоторое время служилъ во флотѣ, затѣмъ, выйдя въ отставку, слушалъ лекціи на медицинскомъ факультетѣ Дерптскаго университета и былъ зачисленъ военнымъ докторомъ; въ 1831 г. принималъ участіе въ усмиреніи польскаго возстанія; послѣ возстанія жилъ въ Петер-

СЕРГ. ТИМ.
АКСАКОВЪ.

ВЛ. ИВ. ДАЛЬ.

бургѣ, затѣмъ въ Оренбургѣ, гдѣ служилъ въ канцеляріи генералъ-губернатора. Въ 1839—40 г. участвовалъ въ Хивинской экспедиціи. Перейдя вскорѣ на службу въ министерство удѣловъ, сблизился съ Л. Перовскимъ и занялъ мѣсто его домашняго секретаря; въ 1849 г. былъ назначенъ предсѣдателемъ Нижегородской казенной палаты. Послѣ выхода въ отставку Перовскаго Д. также подалъ въ отставку (1859 г.) и поселился въ Москвѣ, гдѣ и прожилъ до смерти, трудясь, главнымъ образомъ, надъ обработкой своего „Толковаго словаря". Д. является яркимъ представителемъ того стремленія литераторовъ Пушкинской эпохи къ изученію народнаго быта, которое смѣнило собою постепенно романтизмъ. Д. сосредоточиваетъ свое вниманіе на типахъ изъ купеческой („Отецъ съ сыномъ"), мѣщанской („Бѣдовикъ В. Чайкинъ"), крестьянской, военной („Мичманъ Поцѣлуевъ"), иногда помѣщичьей („П. Игривый") среды. Во всѣхъ своихъ произведеніяхъ онъ выводитъ лишь отдѣльные типы, набрасываетъ отдѣльныя сцены, не вдаваясь вглубь анализа соціальныхъ отношеній. Разсказы изъ крестьянской жизни ограничиваются преимущественно обрисовкой жизни крестьянъ, занимающихся отхожими промыслами, изрѣдка—жизни чернорабочихъ („Хмель, сонъ и явь"). Всѣ разсказы проникнуты вѣрой въ хозяйственныя способности „добраго" русскаго крестьянина и купца: въ этой вѣрѣ Д. находитъ идиллическое разрѣшеніе соціальныхъ вопросовъ („Отставной", „Петербургскій дворникъ"). Вообще Д.—крайній идилликъ-патріотъ, ненавидящій все иностранное, доведшій свою идеализацію русскаго простого народа впослѣдствіи до идеализаціи его темныхъ сторонъ и протеста противъ грамотности, находя, что грамотность лишь разлагаетъ свѣжую и здоровую крестьянскую массу. Свои произведенія Д. издавалъ подъ псевдонимомъ казака Луганскаго. Изъ не беллетристическихъ трудовъ Д. извѣстны: „Собраніе русскихъ пословицъ" и „Толковый словарь живого великорусскаго языка", до сихъ поръ остающійся единственнымъ полнымъ словаремъ областныхъ говоровъ.

Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій.

И. К. (22 марта 1806 г., † 11 іюня 1856 г.) родился въ Москвѣ въ семьѣ дворянъ Бѣлевскаго уѣзда Тульской губ.; по смерти отца въ 1812 г. семейство К—ихъ переѣзжаетъ въ родовое имѣніе с. Долбино, куда поселяется близкій ихъ родственникъ поэтъ Жуковскій, вліявшій на молодыхъ К—ихъ въ патріотическомъ духѣ. Съ 1817 г. К. воспитывается подъ непосредственнымъ руководствомъ своего вотчима Елагина, который внушилъ ему любовь къ нѣмецкой философіи. Переѣхавъ въ Москву, К. выдерживаетъ комитетскій экзаменъ и поступаетъ на службу въ моск. главн. арх. мин. иностр. дѣлъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ ѣдетъ за границу съ цѣлью разсѣять личное горе и слушаетъ германскихъ профессоровъ. По пріѣздѣ въ Россію въ 1831 г. онъ начинаетъ издавать журналъ *Европеецъ*, послѣ запрещенія котораго за его статью „XIX вѣкъ" 12 лѣтъ не пишетъ ничего, а въ 40-хъ годахъ безуспѣшно хлопо-

четъ о зачисленіи себя на каѳедру философіи при москов. унив. Въ 1845 г. онъ берется за редактированіе *Москвитянина*, которое бросаетъ съ 3-ей книжки. Въ 1852 г. онъ помѣщаетъ въ Моск. Славянофильскомъ Сборникѣ одну изъ самыхъ выдающихся статей, но запрещеніе этого изданія побуждаетъ его бросить литературную работу и уѣхать въ деревню, гдѣ онъ и остается почти до самой смерти. Ив. К., въ 40-хъ годахъ разорвавшій съ западническимъ направленіемъ, является центральной фигурой славянофильства. Въ своихъ главныхъ произведеніяхъ онъ рѣзко противопоставляетъ западное просвѣщеніе восточному, находя въ послѣднемъ разумность и цѣльность въ противоположность разсудочности и раздвоенности перваго; онъ выясняетъ далѣе зависимость философскаго мышленія отъ религіознаго и отношеніе вѣры къ разсудку, какъ къ низшей стихіи. Установивъ эти положенія, онъ всему своему міросозерцанію придаетъ отвлеченный характеръ теоріи, практическимъ выводомъ изъ которой является полное подчиненіе западной науки православному вѣрованію и совершенная самобытность славянскаго мышленія.

Петръ Васильевичъ Кирѣевскій.

П. К. (11 февр. 1808 г., † 25 окт. 1856 г.) родился въ Москвѣ и, подобно своему брату И. В., жилъ нѣкоторое время въ родовомъ имѣніи Долбинѣ, воспитывался подъ тѣми же вліяніями Жуковскаго и Елагина, бралъ въ Москвѣ уроки у профессоровъ и ѣздилъ для пополненія своего образованія въ Германію, гдѣ познакомился съ выдающимися философами того времени. Возвратившись изъ-за границы вмѣстѣ со своимъ братомъ, онъ оказалъ на послѣдняго сильное вліяніе стойкостью своего міровоззрѣнія: проникнутый древнимъ русскимъ благочестіемъ, навѣяннымъ на него духовными лицами, онъ много содѣйствовалъ переходу Ив. К. изъ лагеря западниковъ на сторону славянофиловъ. До 1845 г., когда онъ помѣстилъ въ *Москвитянинѣ* свою статью о древней русской исторіи, вызванную изслѣдованіями Погодина, онъ въ своихъ литературныхъ занятіяхъ ограничивается переводами изъ испанскихъ и англійскихъ писателей, сосредоточивая все вниманіе на духовной жизни народа, характернымъ проявленіемъ которой онъ признавалъ былины и пѣсни; для этой цѣли онъ съ 1831 г. предпринимаетъ полное собраніе ихъ, лишь послѣ его смерти изданное моск. общ. любителей росс. слов. Религіозно-настроенный и замкнутый по своему характеру, К. не былъ ни такимъ блестящимъ проповѣдникомъ своего ученія, какъ Хомяковъ, ни мыслителемъ, пытающимся дать новую философскую теорію, какъ его братъ, Ив. Кир. Въ исторіи русской литературы онъ сталъ извѣстенъ главнымъ образомъ какъ изслѣдователь русскаго народнаго быта, какъ собиратель народныхъ былинъ и пѣсенъ. Въ своей статьѣ о русской исторіи, которая была первой и послѣдней въ его оригинальной литературной дѣятельности, онъ разсматриваетъ древнерусскій родовой бытъ, призваніе князей и вѣчевое устройство.

ИВАНЪ ВАС.
КИРѢЕВСКІЙ.

ПЕТРЪ ВАС.
КИРѢЕВСКІЙ.

АЛЕКС. СТЕП.
ХОМЯКОВЪ.

Алексѣй Степановичъ Хомяковъ.

Х. (1 мая 1804 г., † 23 сент. 1860 г.) родился въ Москвѣ, дѣтство провелъ въ деревняхъ своихъ родителей, помѣщиковъ Тульской и Рязанской губ. Въ Москвѣ при университетѣ онъ выдержалъ экзаменъ на степень кандидата математическихъ наукъ. Во время войны за освобожденіе Греціи онъ неудачно пытался бѣжать изъ Россіи съ цѣлью личнаго участія въ освободительной борьбѣ, но, вынужденный возвратиться домой, онъ въ 1822 г. былъ опредѣленъ сначала въ кирасирскій, а затѣмъ въ лейбъ-гвардейскій полкъ. Съ начала 1825 г. до конца 1826 г. онъ живетъ за границей, занимаясь въ Парижѣ живописью. Въ турецкую кампанію онъ поступаетъ адъютантомъ въ дѣйствующую армію; по заключеніи мира выходитъ въ отставку, живетъ зимой въ Москвѣ, лѣтомъ въ деревнѣ, занимаясь литературной работой и ведя безконечные диспуты съ людьми другого лагеря. Умираетъ отъ холеры во время поѣздки со своимъ сыномъ въ рязанское имѣніе. Х. вмѣстѣ съ Кирѣевскими первый теоретикъ славянофильства, давшій этому ученію богословское обоснованіе. Идеалистъ, воспитанный на нѣмецкой философіи, въ вѣкъ начавшагося освобожденія славянскихъ народовъ, онъ стоитъ далеко отъ дѣйствительности, вращаясь въ кружковой жизни тогдашняго литературнаго міра. Въ первый періодъ своего писательства Х. свои идеи облекаетъ въ стихотворную форму, примкнувъ къ плеядѣ поэтовъ Пушкинской школы. Исходя изъ чисто философскихъ положеній, признавая, что только вѣрой можно обнять истину, онъ во главѣ общественныхъ отношеній ставитъ религію, разсматривая то или иное государство, то или иное общественное явленіе съ точки зрѣнія лежащаго въ его основѣ религіознаго міросозерцанія. Православная вѣра, какъ воплощенное откровеніе, православная церковь, какъ истина и любовь въ ихъ соціальныхъ формахъ, „свобода въ гармоніи ея проявленій" — оберегаютъ народы отъ того нравственнаго растлѣнія, которое внесли въ западную жизнь латинство и протестантство, увлекшіяся по пути ложнаго раціонализма. Поэтому всѣ православные народы-славяне, общественный строй которыхъ не затронутъ западнымъ вліяніемъ или которые въ силахъ сбросить съ себя навязанные имъ извнѣ иноземные обычаи и вѣрованія, въ будущемъ должны воплотить въ своихъ общежитіяхъ тѣ идеалы, которые даны міру Основателемъ христіанства. Являясь апологетомъ православія и безпощаднымъ критикомъ западныхъ церквей, Х. и на Россію смотрѣлъ какъ на носительницу истины и любви, объединенную въ одно цѣлое религіознымъ самосознаніемъ народа, но принесшую въ жертву государственному организму свои старинные обычаи, а съ ними и свою общественную нравственность вслѣдствіе реформъ Петра.

Константинъ Сергѣевичъ Аксаковъ.

К. А. (29 марта 1817 г., † 7 дек. 1860 г.) родился въ селѣ Аксаковѣ, Бугурусланскаго уѣзда, Оренбургской губ., и первые годы своей жизни провелъ

въ деревенской глуши; въ 1826 г. семейство А—выхъ переѣзжаетъ въ Москву. До самой университетской скамьи его воспитаніемъ руководилъ отецъ, внушавшій своимъ сыновьямъ любовь ко всему русскому; въ 1832 г. А. поступаетъ въ московскій университетъ, примыкая къ молодому кружку Станкевича. Вмѣстѣ съ этимъ кружкомъ онъ увлекается изученіемъ западной философіи вообще, философіи Гегеля въ частности. Будучи по натурѣ человѣкомъ горячимъ, онъ съ энтузіазмомъ отдается философской схемѣ нѣмецкаго философа, хотя переходитъ въ правый лагерь гегельянства. Послѣ распаденія кружка А. сближается со славянофилами, надѣваетъ мурмолку, рубашку съ косымъ воротомъ, отпускаетъ бороду и проповѣдуетъ возвратъ къ до-петровской Руси. Въ 1838 году онъ ѣдетъ за границу, но возвращается оттуда въ самомъ скоромъ времени, не чувствуя въ себѣ силъ примѣниться къ чуждымъ условіямъ общественной жизни. Въ 1841 г. онъ защищаетъ свою диссертацію о Ломоносовѣ, гдѣ проводитъ мысль, что реформы Петра — необходимое отрицаніе Московскаго періода. Въ 1846 г. онъ начинаетъ издавать „Московскій Славянофильскій Сборникъ“, II томъ котораго былъ уничтоженъ за статью А—ва о „Богатыряхъ князя Владиміра“. Съ 1857 г. А. редактировалъ журналъ *Молву*. Глубокая привязанность къ отцу роковымъ образомъ оканчиваетъ его жизнь: послѣ смерти С. Т. онъ впадаетъ въ тоску и апатію и умираетъ отъ чахотки на о. Занте греческаго архипелага. А. является однимъ изъ самыхъ видныхъ представителей славянофильскаго теченія; въ его историческихъ сочиненіяхъ можно найти наиболѣе обстоятельное изложеніе взглядовъ, которые высказывались сторонниками этого направленія на общинное устройство, древне-русское вѣче, земскіе соборы и Петербургскій періодъ. Въ ходѣ историческаго развитія, по мнѣнію А—ва, съ самаго зарожденія государственной жизни Востокъ и Западъ идутъ различными путями: на Западѣ завоеваніе привело за собой поглощеніе народной жизни государственнымъ механизмомъ, славянскій же народъ развивается путемъ внутренней правды. Всякія внѣшнія принудительныя формы общежитія, государственныя учрежденія, стоятъ внѣ народной жизни, не нарушая общиннаго строя; мысль и духъ всецѣло принадлежатъ Землѣ, внѣшнимъ образомъ проявляясь въ вѣчѣ и соборѣ; государство, призванное добровольно и свободно, сообщаетъ лишь механическое движеніе частямъ. Подобныя отношенія народа съ правительствомъ рѣзко обрываются Петровскими реформами, внесшими въ русскую жизнь западное начало подчиненія, безусловнаго повиновенія внѣшней принудительной силѣ— государству. Необходимо вернуться назадъ къ патріархальному московскому быту, чтобы славянство осуществило свою всемірную роль обновителя человѣчества, невозможную для Запада вслѣдствіе его растлѣвающей ложной культуры. Во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, историческихъ и филологическихъ, въ своихъ стихотвореніяхъ и драмахъ („Освобожденная Москва“, „Князь Луповицкій“, „Олегъ подъ Константинополемъ“) А. остается вѣренъ своимъ общимъ теоретическимъ положеніямъ, проводя всюду идею нравственнаго превосходства славянъ надъ Западомъ, народа надъ интеллигенціей и подвергая безпощадной критикѣ Петербургскій періодъ.

— — — —

КОНСТ. СЕРГ. АКСАКОВЪ.

ИВ. СЕРГ. АКСАКОВЪ.

Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ.

И. А. (26 сент. 1823 г., † 27 янв. 1886 г.) родился въ селѣ Куроѣдовѣ (Надеждинѣ), Белебеевскаго уѣзда, Уфимской губ., образованіе получилъ въ Петербургѣ въ училищѣ правовѣдѣнія. По окончаніи курса онъ много путешествовалъ за границей, исходивъ пѣшкомъ Германію. Съ 1842 г. онъ служилъ въ Сенатѣ, затѣмъ въ уголовной калужской палатѣ, потомъ въ астраханской; положеніе дореформеннаго суда приводитъ А—ва къ мысли о невозможности продолжать работу, и онъ зачисляется въ 1848 г. въ мин. вн. дѣлъ чиновникомъ особыхъ порученій. Здѣсь онъ постоянно беретъ командировки въ провинцію: въ Бессарабію—по раскольничьимъ дѣламъ, въ Ярослав. губ.—для производства ревизіи мѣстныхъ учрежденій и изслѣдованія секты бѣгуновъ. Изъ-за недоразумѣній, вызванныхъ его литературной дѣятельностью, онъ выходитъ въ 1852 году въ отставку. Съ этихъ поръ онъ посвящаетъ себя журналистикѣ, но на первыхъ же порахъ наталкивается на запрещеніе редакторства. Въ 1855—56 гг. А. командуетъ отрядомъ серпух. ополченія. Въ 1859 г. онъ выхлопатываетъ себѣ право издавать еженедѣльную газету *Парусъ*, послѣ прикрытія которой берется за редакторство *Русской Бесѣды*. Смерть отца прерываетъ на время его литературныя занятія, но онъ завязываетъ обширныя знакомства съ представителями европейскаго славянства. Съ 1861 г. онъ выступаетъ съ газетой *День*, съ 1867 по 1868 г.—съ газетой *Москва*. Въ концѣ 60-хъ годовъ онъ беретъ мѣсто предсѣдателя моск. общ. взаимн. кредита. Съ 1858 г. начинается его дѣятельность въ славян. комитетѣ, съ особенной интенсивностью проявившаяся въ 1875—78 г. во время освободительныхъ войнъ. 22 іюня 1878 г. онъ произноситъ свою знаменитую рѣчь противъ Берлинскаго конгресса, за которую его высылаютъ изъ Москвы. Въ декабрѣ 1878 г. онъ возвращается въ Москву, а съ 1880 г. издаетъ газету *Русь*. Имя А—ва пользуется громкой извѣстностью благодаря дѣятельному участію его въ слав. комитетѣ, гдѣ онъ выступалъ ярымъ защитникомъ славянства; своими рѣчами и передовыми статьями онъ старался привить обществу того времени практическую программу славянофиловъ, мечтавшихъ о всемірной роли Востока. Человѣкъ, фанатически преданный этой идеѣ, онъ является скорѣе не теоретикомъ, а практикомъ съ готовымъ символомъ вѣры. Поэтому его можно назвать пропагандистомъ славянофильскихъ идей. Въ его произведеніяхъ, носящихъ исключительно публицистическій характеръ, нѣтъ самостоятельныхъ взглядовъ, а лишь популярная разработка положеній, выставленныхъ основателями славянофильства. Но въ его воззрѣніяхъ мы видимъ постепенный поворотъ отъ идеализаціи Земли у первыхъ славянофиловъ къ горячей проповѣди народности, доходящей въ послѣдніе годы его жизни до полной нетерпимости ко всему не-славянскому. И именно эта непримиримость, на ряду съ преклоненіемъ передъ русскимъ общественнымъ строемъ во всѣхъ его крайнихъ проявленіяхъ, ставитъ его въ послѣднее время на одну доску съ реакціонными публицистами. Его стихотворная дѣятельность, по преимуществу относящаяся къ первому его появленію на литературномъ поприщѣ, сосредоточивается на изображеніи внутренняго разлада человѣка, стремящагося къ честной практической работѣ. Изъ наиболѣе крупныхъ поэтическихъ произведеній извѣстна его поэма „Бродяга“.

Петръ Александровичъ Плетневъ.

П. (1792—1862 г.) происходилъ изъ духовнаго званія, воспитывался въ тверской духовной семинаріи и петербургскомъ педагогическомъ институтѣ. Съ начала 30-хъ годовъ онъ состоялъ профессоромъ россійской словесности петербургскаго университета, а съ 1840 по 61 г. ректоромъ послѣдняго. П. былъ близокъ съ пушкинскимъ кружкомъ. Съ 1824 г. вмѣстѣ съ Пушкинымъ онъ редактировалъ *Сѣверные Цвѣты*. Послѣ смерти Пушкина сталъ во главѣ *Современника*. П. первый по времени критикъ, усвоившій себѣ основныя посылки романтической поэтики (наприм , культъ свободного творчества, культъ красоты и непосредственнаго чувства); но вскорѣ свое романтическое міровоззрѣніе онъ перемѣнилъ на догматы національнаго реализма, сталъ учить о необходимой зависимости поэта отъ національной среды. Къ концу его литературной дѣятельности это ученіе постепенно выродилось въ доктрину узкаго сентиментальнаго національнаго національнаго. Въ началѣ своей литературной дѣятельности П. писалъ стихотворенія, впрочемъ мало замѣчательныя.

ПЕТРЪ ПАВЛОВИЧЪ ЕРШОВЪ.

Е. (1815 — 1869 г.) родился въ Сибири, образованіе получилъ въ тобольской семинаріи и петербургскомъ университетѣ. Будучи студентомъ онъ и написалъ ту сказку „Конекъ Горбунокъ“, которая доставила ему извѣстность послѣ ея напечатанія въ третьемъ томѣ *Библіотеки для чтенія* въ 1834 году. По окончаніи университетскаго курса онъ поступилъ учителемъ въ тобольскую гимназію, а черезъ нѣкоторый промежутокъ времени былъ сдѣланъ сначала ея инспекторомъ, а затѣмъ и директоромъ. — Сказка „Конекъ Горбунокъ“ получила широкое распространеніе (выдержала семь отдѣльныхъ изданій), благодаря живости изложенія и занимательности своей фабулы, переданной чисто народнымъ языкомъ: ея авторъ, очевидно, былъ знакомъ съ тѣми требованіями, которыя предъявляетъ къ литературнымъ произведеніямъ народный и дѣтскій умъ. Помимо этой сказки, Е. помѣщалъ въ *Библіотекѣ для чтенія* и *Современникѣ* небольшія стихотворенія, а въ „Сборникѣ“ въ память Смирдина—„Сцены Тазъ Баши“ и „Кузнецъ Базимъ, или изворотливость бѣдняка“.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ.

К. (2 октября 1808 г., † 19 октября 1842 г.) былъ сыномъ довольно состоятельнаго воронежскаго прасола. Несмотря на извѣстную зажиточность, семья К—ва жила сѣро и бѣдно, такъ что поэтъ „съ дѣтства не вѣдалъ ни науки ни нѣги". Только на десятомъ году К—ва стали учить грамотѣ, отдали потомъ въ уѣздное училище, гдѣ курса ему не пришлось кончить, такъ какъ отецъ его, замѣтивши, что мальчикъ уже хорошо читаетъ и пишетъ, счелъ дальнѣйшее образованіе излишнимъ. Съ этого времени К. начинаетъ помогать отцу въ его торговыхъ дѣлахъ, вслѣдствіе чего ему приходится подолгу жить въ разъѣздахъ по степи, производящей неотразимо чарующее впечатлѣніе на воспріимчивую и впечатлительную душу мальчика. Въ степи, по свидѣтельству Головачевой-Панаевой, будущій народный поэтъ, подъ вліяніемъ „темной ночи", „шелеста травы", „яркихъ мигающихъ звѣздъ", въ первый разъ сочинилъ стихи. Еще въ училищѣ онъ пристрастился къ чтенію и всѣ деньги, получаемыя порою въ подарокъ, тратилъ на покупку книгъ. Первыми попавшимися ему стихотвореніями были сочиненія Дмитріева; онъ ими очень увлекался и даже пытался имъ подражать, но эти опыты были очень слабы. Они стали успѣшнѣе только послѣ знакомства съ Кашкинымъ, довольно развитымъ книжнымъ торговцемъ, подарившимъ К—ву „Русскую просоидію" и дававшимъ ему безплатно книги для чтенія. Въ это время К—ву удалось прочитать Жуковскаго, Пушкина и Дельвига; послѣдній особенно повліялъ на него своими пѣснями. Къ 18 годамъ К. познакомился съ Серебрянскимъ, очень даровитымъ и умнымъ человѣкомъ, имѣвшимъ не малое вліяніе на развитіе и литературную дѣятельность поэта. Наконецъ, въ 1831 году К., благодаря новому знакомству со Станкевичемъ, попадаетъ въ кругъ московскихъ поэтовъ и литераторовъ, а въ 1835 году тотъ же Станкевичъ издаетъ книжку стихотвореній К—ва. Съ этихъ поръ послѣдній становится литературною извѣстностью, знакомится съ Пушкинымъ, Вяземскимъ, Жуковскимъ и дружится съ Бѣлинскимъ. Новые знакомые и новый родъ дѣятельности К—ва вызываютъ осужденіе его отца и домашнихъ; начинаются несогласія, раздоры, насмѣшки надъ поэтомъ; семейная жизнь превращается въ тяжелую пытку, мучительно отзывающуюся на слабомъ здоровьи поэта. Любовь къ одной красивой и умной, но порочной женщинѣ окончательно подрываетъ его здоровье, и послѣ долгихъ физическихъ и моральныхъ страданій К. умираетъ на 36-мъ году жизни.

Алексѣй Кольцовъ

Стихотворенія К—ва можно раздѣлить на три группы: первую составляютъ перепѣвы бывшихъ тогда въ ходу поэтическихъ темъ, ко второй относятся народныя пѣсни и къ третьей—такъ называемыя „думы". Въ первой группѣ мало оригинальныхъ чертъ, характеризующихъ музу поэта, и ямбическій или хореическій стихъ не блещетъ ни силой выраженія, ни богатствомъ риѳмы. Эта группа является, такъ сказать, пробой пера начинающаго таланта; къ ней относятся стихотворенія: „Сирота", „Путникъ", „Осень", „Теремъ", „Домикъ лѣсника" и др. Во второй группѣ талантъ Кольцова достигаетъ апогея своего развитія: содержаніе стихотвореній глубоко поэтично; стихъ силенъ, пѣвучъ и оригиналенъ. Къ такимъ стихотвореніямъ относятся: „Не шуми ты, рожь", „Раздумье селянина", „Лѣсъ", „Пѣсни Лихача Кудрявича", „Горькая доля", „Два прощанія", „Путь", „Что ты спишь, мужичокъ" и друг. Содержаніе этихъ пьесъ взято изъ народной жизни, которую К. хорошо зналъ и любилъ. „Поэтому,—пишетъ Бѣлинскій,—въ его пѣсни смѣло вошли и лапти, и рваные кафтаны, и всклоченныя бороды, и старыя онучи,—и вся эта грязь превратилась у него въ золото чистой поэзіи. Любовь играетъ въ его пѣсняхъ большую, но далеко не исключительную роль: нѣтъ, въ нихъ вошли и другіе, можетъ быть еще болѣе общіе, элементы, изъ которыхъ слагается русскій простонародный бытъ. Мотивъ многихъ его пѣсенъ составляетъ то нужда и бѣдность, то борьба изъ-за копейки, то прожитое счастье, то жалоба на судьбу-мачеху".

Что касается третьей группы стихотвореній К—ва, то она много слабѣе его бытовыхъ картинъ и пѣсенъ. Тѣмъ не менѣе и здѣсь встрѣчаются такія думы, какъ „Великая тайна", „Неразгаданная истина" и „Молитва", гдѣ сила лиризма гармонически сочетается съ поэтической постановкой этическихъ и космогоническихъ проблемъ.

Осипъ Ивановичъ Сенковскій (баронъ Брамбеусъ).

С. (1800 г., † 1856 г.) родился близъ Вильны въ бѣдной польской шляхетской семьѣ, до 14-ти лѣтъ воспитывался исключительно подъ руководствомъ матери, затѣмъ въ минскомъ коллегіумѣ, изъ котораго перешелъ въ виленскій университетъ. Въ 1818 г. появился его первый трудъ — польскій переводъ арабскихъ басенъ. По окончаніи университета онъ два года провелъ на востокѣ, среди арабовъ. Въ 1822 г. онъ, послѣ офиціальнаго испытанія при академіи наукъ, былъ назначенъ профессоромъ арабскаго языка

при петербургскомъ университетѣ, каѳедру котораго занималъ около 10-ти лѣтъ. Затѣмъ онъ выступилъ на литературномъ поприщѣ, редактируя съ начала тридцатыхъ годовъ до 1848 г. *Библіотеку для чтенія*. Въ 1856 г. онъ снова возобновляетъ работу, помѣщая свои фельетоны въ *Сынѣ Отечества*. При всѣхъ своихъ обширныхъ знаніяхъ С. въ своихъ разнообразныхъ публицистическихъ произведеніяхъ не далъ ничего положительнаго ни въ смыслѣ теоретической разработки, ни въ смыслѣ сбора сырого матеріала—передачи фактовъ. Всѣ его статьи написаны подъ вліяніемъ минутной злобы дня, при чемъ одинъ и тотъ же предметъ въ различные моменты подвергался часто совершенно противоположной оцѣнкѣ; поэтому трудно опредѣлить, поборникомъ какой доктрины являлся этотъ человѣкъ, проработавшій такъ долго на журнальномъ поприщѣ. Онъ стремился быть остроумнымъ и въ глазахъ невзыскательныхъ читателей часто былъ такимъ; но дальше незатѣйливой игры словами это остроуміе не шло, а причины, вызывавшія приложеніе этого остроумія, часто заключались въ оскорбленномъ самолюбіи. Бѣлинскій видѣлъ въ немъ „смѣсь Руссо съ Поль де Кокомъ и Булгаринымъ". Вполнѣ объективную и превосходную характеристику литературной дѣятельности С—аго даетъ Чернышевскій въ „Очеркахъ гоголевскаго періода".

Николай Алексѣевичъ Полевой.

П. (22 іюня 1796 г., † 22 февр. 1846 г.) родился въ Иркутскѣ. Отецъ его былъ предпріимчивый торговецъ-фабрикантъ. Еще въ раннемъ дѣтствѣ П. отличался любовью къ литературѣ: едва выучившись грамотѣ, онъ прочитывалъ сотни книгъ и занимался сочинительствомъ. Въ 1811 г. семья Полевыхъ переѣзжаетъ въ Курскъ. Попавши на нѣкоторое время въ Москву П. слушаетъ лекціи въ университетѣ. Познакомившись съ литературнымъ міромъ, онъ понялъ недостаточность своего образованія и по возвращеніи въ Курскъ началъ усиленно заниматься самообразованіемъ. Въ 1817 г. появляется въ печати его первая статья („О посѣщеніи Курска императоромъ Александромъ I"). Съ 1820 г. онъ окончательно поселяется въ Москвѣ. Въ 1822 г. ему присуждается серебряная медаль за сочиненіе о русскихъ глаголахъ. Съ 1825 г. онъ начинаетъ, при содѣйствіи кн. Вяземскаго, издавать *Московскій Телеграфъ*, первый въ Россіи журналъ, исключительно посвященный передовымъ вопросамъ современности; впервые на страницахъ *Московскаго*

БАРОНЪ БРАМБЕУСЪ.

Телеграфа русская публика начала регулярно знакомиться со всѣми выдающимися новостями иностранной литературы и политико-экономическаго быта. Въ короткое время журналъ завоевалъ себѣ громадную популярность, и этою популярностью онъ обязанъ главнымъ образомъ своему редактору: романтикъ по своимъ литературнымъ воззрѣніямъ, послѣдователь Кузеновскаго эклектизма въ области философіи, поклонникъ политическихъ и экономическихъ реформъ, произведенныхъ на Западѣ буржуазіей, П. умѣлъ всегда искусно выбрать подходящія темы для статей и развить ихъ въ живой, популярной формѣ. Небывалый успѣхъ журнала возбудилъ подозрѣніе въ высшихъ сферахъ,—*Телеграфъ* неоднократно подвергался цензурному преслѣдованію и въ 1834 г., по поводу рецензіи на пьесу Кукольника „Рука Всевышняго отечество спасла", былъ прикрытъ. Съ прекращеніемъ журнала для П—ого окончилась лучшая пора его литературной дѣятельности. Пораженный гибелью своего дѣтища, угнетаемый тяжелымъ матеріальнымъ положеніемъ, обремененный большой семьей, П. продолжаетъ сотрудничать во многихъ журналахъ (*Библіотекѣ для чтенія*, *Сынѣ Отечества*, *Русскомъ Вѣстникѣ* и проч.). Но всѣ его статьи въ большинствѣ случаевъ являются опроверженіемъ тѣхъ принциповъ, которые онъ горячо проповѣдывалъ въ *Московскомъ Телеграфѣ*. Умеръ П. въ большой бѣдности. П. извѣстенъ какъ критикъ, романистъ, драматургъ и историкъ. Изъ всего написаннаго имъ особенно замѣчательны его литературно-критическіе этюды: они цѣнны главнымъ образомъ (этюды о Пушкинѣ, Жуковскомъ, Державинѣ и Хемницерѣ) той прямолинейной искренностью, съ которой авторъ защищаетъ свои романтическіе идеалы—идеалы свободы мысли и чувства (увлекаясь, подобно другимъ русскимъ романтикамъ, Шиллеромъ, Гофманомъ и Вальтеръ-Скоттомъ, П. отдаетъ предпочтеніе Виктору Гюго). Изъ романовъ П. наиболѣе популярный „Клятва при гробѣ Господнемъ", представляющій изъ себя идеализацію Московской Руси. Большинство его драмъ написаны въ послѣдній періодъ литературной дѣятельности и проникнуты идеей сантиментальнаго патріотизма. Въ „Исторіи народа русскаго" П. старается подорвать авторитетъ Карамзина и противопоставить Карамзинской исторіи отдѣльныхъ героевъ исторію народной массы.

Николай Ивановичъ Надеждинъ.

Н. (5 окт. 1804 г., † 11 янв. 1856 г.) родился въ селѣ Нижнемъ Бѣломутѣ, Зарайскаго уѣзда, Рязанской губ., сынъ священника. Начало его развитію положило чтеніе историческихъ и географическихъ сочиненій, которыя составляли библіотеку его отца. Учился въ рязанскомъ духовномъ училищѣ, затѣмъ въ семинаріи, наконецъ въ московской духовной академіи. Въ 1824 г., получивъ званіе магистра, онъ былъ назначенъ профессоромъ рязанской семинаріи. Но черезъ два года оставляетъ семинарію, ѣдетъ въ Москву и готовится къ профессурѣ. Знакомство съ сочиненіями Гиббона, Гизо, Сисмонди, по его собственному признанію, производитъ въ немъ умственный переворотъ, спасаетъ его отъ увлеченія моднымъ тогда романтизмомъ. При содѣйствіи Каченовскаго, онъ получаетъ позволеніе выставить свою кандидатуру на профессорскую каѳедру. Въ 1830 г. защищаетъ докторскую диссертацію на латинскомъ языкѣ „О романтической поэзіи", а въ слѣдующемъ году занимаетъ мѣсто ординарнаго профессора теоріи изящныхъ искусствъ и археологіи. Помимо исполненія профессорскихъ обязанностей, Н. принимаетъ дѣятельное участіе въ періодической литературѣ; съ 1831 г. издаетъ собственный журналъ—*Телескопъ*. Въ 1832 г. предпринимаетъ путешествіе по Германіи, Франціи и Италіи. Въ 1836 г. за „Философическія письма" Чаадаева *Телескопъ* былъ прикрытъ, а Н. сосланъ въ Устьсысольскъ. Съ этого момента его критико-журнальная дѣятельность отступаетъ на второй планъ: Н. отдаетъ предпочтеніе чистой наукѣ и служебной карьерѣ. Въ лучшемъ, первомъ періодѣ своей дѣятельности Н. имѣлъ громадное значеніе, какъ краснорѣчивый профессоръ-шеллингіанецъ (онъ оказалъ большое вліяніе на развитіе такихъ слушателей, какъ Станкевичъ) и какъ литературный критикъ. Въ качествѣ послѣдняго онъ выступилъ впервые на страницахъ *Вѣстника Европы*, Каченовскаго, напавши на Пушкина, заявивши себя сторонникомъ туманнаго идеализма во вкусѣ Шиллера. Въ диссертаціи о романтической поэзіи онъ явился страстнымъ врагомъ романтизма, который, по его мнѣнію, имѣлъ право на существованіе лишь въ средніе вѣка, а теперь противорѣчитъ духу современности; высказывая мысли о связи поэзіи и жизни, Н. является ученикомъ Шеллинга. Но наиболѣе полное обоснованіе своихъ теоретическихъ взглядовъ Н. далъ въ своихъ журнальныхъ статьяхъ, гдѣ развиваетъ ученіе объ идеальной красотѣ, для которой непремѣннымъ условіемъ служитъ естественность и народность. Въ общемъ, какъ ученикъ нѣмецкой философіи, врагъ ходульнаго романтизма во французскомъ вкусѣ, провозвѣстникъ реализма въ литературѣ, Н. разсматривается какъ непосредственный предшественникъ Бѣлинскаго. Нѣкоторые критики стремились даже видѣть въ „Литер. Мечтаніяхъ" результатъ прямого вліянія Н—а. Но въ новѣйшемъ изданіи произведеній Бѣлинскаго, г. Венгеровъ показалъ изъ сопоставленія статей обоихъ критиковъ, что лучшее въ „Лит. Мечт." ничего общаго съ Н—ымъ не имѣетъ, и только въ худшемъ вліяніе Н—а сказалось довольно замѣтно.

Николай Надеждинъ

Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій.

Б. (30 мая 1810 г., † 26 мая 1848 г.) вышелъ изъ среды такъ называемыхъ разночинцевъ. Дѣдъ его былъ сельскимъ священникомъ, а отецъ служилъ сначала лѣкаремъ во флотѣ. Родившись въ Свеаборгѣ, Б. съ 1816 г. вмѣстѣ съ родителями поселился въ г. Чембарѣ, Пензенской губ., гдѣ отецъ его занялъ должность уѣзднаго врача. Даровитому мальчику пришлось расти среди семейныхъ неурядицъ, среди пустого и невѣжественнаго провинціальнаго общества и учиться въ плохо организованномъ уѣздномъ училищѣ, затѣмъ въ пензенской гимназіи, откуда черезъ 3½ г. онъ вышелъ и успѣшно приготовился къ поступленію въ московскій университетъ. Въ Москвѣ Б., до болѣзненности впечатлительный, восторженно настроенный, страстно любившій искусство и литературу, слушаетъ лекціи по эстетикѣ у Надеждина и по философіи у Павлова, попадаетъ въ кружокъ молодыхъ гегельянцевъ, и такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ охватывается атмосферой философско-романтическаго идеализма и утонченной эстетики. Написанная Б—имъ трагедія „Дмитрій Калининъ“, представляющая энергичный протестъ противъ крѣпостного права, послужила поводомъ къ исключенію автора изъ университета (въ 1832 г.), и Б. съ этихъ поръ всецѣло посвящаетъ себя журнальной дѣятельности, работая въ журн. *Молва* (въ 1834 г.), *Телескопъ* (съ 1835 до 1836 г.), *Московскомъ Наблюдателѣ* (съ 1838 до 1839 г.), *Отечественныхъ Запискахъ* (съ 1839 до 1846 г.) и, наконецъ, въ *Современникѣ* Некрасова и Панаева. Тяжелая журнальная работа въ крайне неблагопріятныхъ матеріальныхъ условіяхъ гибельно дѣйствовала на здоровье Б—аго; онъ умеръ отъ чахотки на 38-мъ году жизни. Необыкновенная цѣльность и благородство натуры, рѣдкая глубина и искренность убѣжденій, вдохновенное краснорѣчіе,— вотъ качества, которыми всю жизнь отличался великій критикъ и которыя обезпечили ему неотразимое вліяніе на современное общество и почтительное уваженіе всѣхъ партій. Значеніе Б—аго въ исторіи нашей общественной мысли и въ частности въ исторіи литературной критики необыкновенно велико. Исходя изъ положеній идеалистической философіи, Б. послѣдовательно проводилъ возвышенный взглядъ на искусство, подвергалъ анализу самый процессъ художественнаго творчества и выяснилъ основные принципы художественности (образность, реализмъ, типичность, гармонію частей). Опредѣляя задачи искусства, его отношеніе къ жизни, Б. на первыхъ порахъ склоненъ былъ проповѣдывать „чистое искусство“, какъ воплощеніе красоты, какъ воспроизведеніе „идеи всеобщей жизни природы“, какъ изображеніе „не вопросовъ

дня, а вопросовъ вѣковъ, не интересовъ страны, а интересовъ міра, не участи партій, а судьбы человѣчества“. Но непосредственное художественное чувство, тонкое пониманіе потребностей времени и самый ходъ русской литературы помогли Б—му выйти изъ замкнутаго круга одностороннихъ воззрѣній, и уже въ первыхъ статьяхъ онъ становится на почву реальной критики, горячо доказывая, что „истинная и настоящая поэзія нашего времени есть поэзія реальная, поэзія жизни, поэзія дѣйствительности“. Впослѣдствіи Б. уже прямо выступилъ съ рѣшительнымъ обличеніемъ заблужденій „умозрительныхъ судей изящнаго“ и призналъ ихъ ученіе эстетической фикціей, убѣдительно развивая ту мысль, что „свобода творчества легко согласуется съ служеніемъ современности“, и краснорѣчиво защищая во имя гуманности и интересовъ самаго искусства русскую „натуральную“ школу. Въ рядѣ своихъ блестящихъ статей критикъ далъ тонкую оцѣнку важнѣйшимъ дѣятелямъ нашей литературы, теоретически и практически положилъ прочное начало нашей литературной критикѣ, намѣтивъ всѣ ея направленія (художественное, психологическое, историческое, публицистическое) и подготовивъ прагматическую исторію русской литературы. Но значеніе Б. далеко не ограничивается ролью критика: онъ былъ учителемъ и воспитателемъ русскаго общества въ лучшемъ смыслѣ этихъ словъ. Правда, въ нѣкоторыхъ статьяхъ Б. раздѣляетъ самодовольные восторги приверженцевъ „офиціальной народности“ и проповѣдуетъ нравственное совершенствованіе личности безъ активнаго участія въ ходѣ жизни. Но уже въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“ критикъ пропагандируетъ идеи возвышеннаго идеализма, призываетъ къ самоотверженной дѣятельности во имя общаго блага, а въ статьяхъ петербургскаго періода вступаетъ въ полемику съ славянофилами, отстаивая наиболѣе прогрессивныя идеи своего времени. Въ знаменитомъ письмѣ къ Гоголю по поводу „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями“ Б. представилъ въ сущности цѣлую программу желательныхъ преобразованій русской жизни. „Россія видитъ свое спасеніе,—писалъ онъ Гоголю,—въ успѣхахъ цивилизаціи, просвѣщенія, гуманности, въ пробужденіи въ народѣ чувства человѣческаго достоинства... Ей нужны права и законы, сообразные съ здравымъ смысломъ и справедливостью, и строгое, по возможности, выполненіе ихъ... Самые живые современные національные вопросы Россіи теперь—уничтоженіе крѣпостного права и отмѣненіе тѣлеснаго наказанія...“ Своими идеями, выраженными въ увлекательной, а мѣстами и въ художественной формѣ, Б. имѣлъ огромное вліяніе не только на современниковъ, но и на ходъ послѣдующей литературы.

В. Бѣлинскій

Николай Станкевичъ

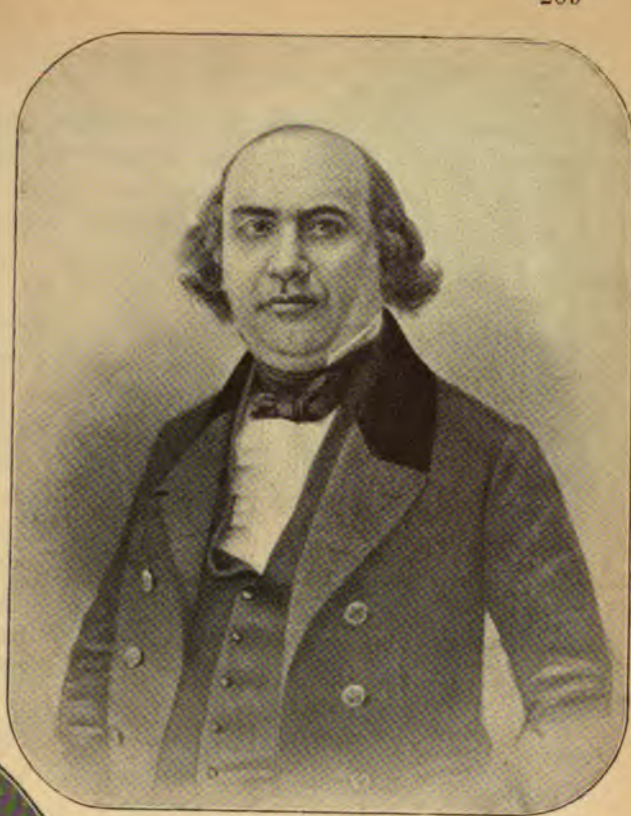
Николай Владиміровичъ Станкевичъ.

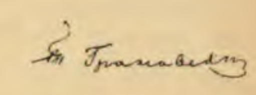
С. (1813 г., † 24 іюня 1840 г.) родился въ помѣщичьей семьѣ, въ одной деревнѣ Острогожскаго уѣзда, Воронежской губ. Десяти лѣтъ отданъ былъ въ острогожское уѣздное училище, а потомъ въ воронежскій благородный пансіонъ. Въ 1830 г. онъ поступилъ въ московскій университетъ. Изъ профессоровъ на молодого студента оказали особенно сильное вліяніе Надеждинъ и Павловъ (на квартирѣ послѣдняго онъ даже жилъ). Ихъ лекціи пробудили въ немъ сильный интересъ къ нѣмецкой философіи (къ Шеллингу, Канту, Фихте). Нѣмецкіе поэты, Гете, Шиллеръ, и прозаикъ Гофманъ были его кумирами. По окончаніи курса онъ ищетъ себѣ занятій, уѣзжаетъ въ деревню, получаетъ должность почетнаго смотрителя острогожскаго уѣзднаго училища, думаетъ серьезно заняться педагогическими обязанностями и въ то же время, намѣреваясь держать экзаменъ на магистра исторіи, изучаетъ историческихъ писателей. Въ деревнѣ же обнаруживаются первые симптомы чахотки. Съ переѣздомъ въ Москву въ 1835 г. начинается періодъ новаго, болѣе основательнаго увлеченія нѣмецкой философіей — Шеллингомъ и Гегелемъ (въ этомъ году онъ переводитъ статью Вильма „Опытъ о философіи Гегеля“). Быстрое развитіе болѣзни заставляетъ его отказаться отъ мечтаній объ ученой дѣятельности; онъ ѣдетъ на Кавказъ, а потомъ (послѣ неудачнаго романа) за границу. Пребываніе въ Берлинѣ—апогей его развитія; онъ слушаетъ лекціи Вердера, Ранке, Ганса, сближается съ Грановскимъ. Въ 1839 г., послѣ путешествія по Бельгіи, онъ переселяется въ Италію, живетъ во Флоренціи и Римѣ (въ Римѣ становится непремѣннымъ посѣтителемъ знаменитаго салона г-жи Фроловой). Умираетъ въ Нови. Литературное наслѣдіе, оставленное С—емъ, очень скудно: историческая драма „Василій Шуйскій“ (1830), повѣсть „Нѣсколько мгновеній изъ жизни графа Г*“ (1834), рядъ мелкихъ статей и стихотвореній не имѣли почти никакого вліянія на развитіе русской литературы. Значеніе С—ча чисто моральное, значеніе личности, отразившей въ себѣ наиболѣе ярко одинъ изъ любопытнѣйшихъ моментовъ исторіи дворянской культуры. Начиная со студенческой скамьи, С. группируетъ постоянно около себя кружокъ энтузіастовъ-романтиковъ, влюбленныхъ въ нѣмецкую литературу (въ числѣ ихъ былъ и Бѣлинскій). Стоя въ аристократическомъ отдаленіи отъ „буйной ярмарки современности“, врагъ всего рѣзкаго, всякой борьбы, С. старался жить жизнью „не отъ міра сего“, въ мірѣ „отвлеченной мечты“, „всеобъемлющей идеи“. Въ противоположность Аксаковымъ, развѣнчивавшимъ интеллигенцію, С. является по преимуществу ея теоретикомъ; онъ исповѣдывалъ культъ явно выраженнаго индивидуализма, правъ автономной личности, стремящейся къ гармоніи съ самой собою и внѣшнимъ міромъ, къ внутреннему развитію и совершенству. Отрицательно относясь къ идеализаціи народа и русской старины, онъ видѣлъ спасеніе въ западной культурѣ. Но въ результатѣ стремленія къ этой гармоніи получилась тяжелая душевная раздвоенность, которая особенно рельефно выразилась въ его романическихъ увлеченіяхъ: оба его романа не привели къ счастливой развязкѣ, такъ какъ С. самоанализомъ убилъ собственное чувство. На окружающихъ рыцарски-благородная натура С—ча производила неотразимое впечатлѣніе.

Тимоѳей Николаевичъ Грановскій.

Г. (9-го марта 1813 г., † 4 октября 1855 г.) родился въ семьѣ мелкопомѣстныхъ дворянъ въ Орлѣ, гдѣ отецъ его занималъ постъ совѣтника Соляного управленія. Въ дѣлѣ перваго воспитанія онъ обязанъ очень многимъ своей матери. Отданный 13-ти лѣтъ въ московскій пансіонъ Кистера, онъ пробылъ въ немъ два года, по истеченіи которыхъ до 1831 г. жилъ дома безъ опредѣленныхъ занятій. Затѣмъ онъ поступилъ въ департаментъ министерства иностранныхъ дѣлъ, но въ слѣдующемъ же году бросилъ службу и началъ готовиться къ университетскому экзамену. Зачисленный въ число студентовъ юридическаго факультета, онъ мало интересуется юридическими науками, увлекаясь исторіей и философіей. Года его пребыванія въ университетѣ омрачены тяжелымъ матеріальнымъ положеніемъ, явившимся въ результатѣ разстройства семейныхъ дѣлъ, и упадкомъ его физическихъ силъ; у него по временамъ мелькаетъ мысль о самоубійствѣ. По окончаніи курса въ 1835 г. онъ зачисляется въ секретари гидрографическаго департамента морского университета и въ то же время выступаетъ на литературное поприще (въ *Библіотекѣ для чтенія*). Въ 1836 г., черезъ посредство В. Ржевскаго, служившаго въ канцеляріи гр. С. Строганова, ему было предложено ѣхать за границу для приготовленія къ каѳедрѣ всеобщей исторіи при московскомъ университетѣ. Съ 1836—1839 г. онъ находится въ Берлинѣ, слушаетъ лекціи Ранке, Вердера, Савиньи, Риттера, сближается съ Невѣровымъ и Станкевичемъ, занимается изученіемъ Гегеля. По возвращеніи въ Россію быстро завоевываетъ симпатіи студентовъ, а затѣмъ и всей московской интеллигенціи (его публичныя чтенія въ 1843—4, 1845—6, 1851 г.). Реакціонный періодъ конца 40-хъ годовъ отражается пагубно на его дѣятельности (разрывъ съ Огаревымъ и Герценомъ, университетская исторія и просьба объ отставкѣ, увлеченіе картежной игрой). Съ наступленіемъ новой либеральной эпохи онъ духовно воскресаетъ, строитъ планы широкой дѣятельности, но внезапная смерть разбиваетъ всѣ планы. Хотя литературные труды Г—аго исключительно историческаго характера, но его имя самымъ тѣснымъ образомъ связано съ общимъ ходомъ развитія русской интеллигенціи и общественности. Принадлежа духовно къ семьѣ германизирующихъ романтиковъ школы Станкевича, гегельянецъ почти до конца своей дѣятельности, западникъ по своимъ симпатіямъ къ интеллигенціи, Г. первый въ рѣшительной формѣ заговорилъ о необходимости сближенія науки и жизни и практически содѣйствовалъ зарожденію русской интеллигенціи. Въ этомъ заключается его главная заслуга, награжденная небывалымъ успѣхомъ его публичныхъ лекцій и сдѣлавшая его имя синонимомъ лучшихъ дней московскаго университета. Его успѣху способствовало также обаяніе его безукоризненно честной, благородной личности.

ТИМОѲ. НИК.
ГРАНОВСКІЙ.

ВАС. ПЕТР.
БОТКИНЪ.

Василій Петровичъ Боткинъ.

Б. (1810, † 10 окт. 1869 г.) родился въ Москвѣ въ семьѣ чаеторговца. Образованіе получилъ въ пансіонѣ Кряжева. Былъ приказчикомъ въ магазинѣ отца. Въ 1835 г. совершилъ первое путешествіе за границу (во Францію и Италію). Послѣ этого путешествія познакомился и близко сошелся съ кружкомъ Станкевича и Бѣлинскаго: съ послѣднимъ сохранялъ дружескія отношенія вплоть до его смерти. Въ 1843 г. онъ женился на французской модисткѣ, съ которой вскорѣ разошелся: эта несчастная женитьба тяжело отразилась на всей его послѣдующей жизни. Въ 1843—46 г. онъ вторично былъ за границей и между прочимъ посѣтилъ Испанію. Послѣднія 20 лѣтъ своей жизни прожилъ въ Москвѣ, изрѣдка уѣзжая за границу (главнымъ образомъ для лѣченія), занимаясь дѣлами своей фирмы, иногда литературой. Отмѣну крѣпостного права онъ горячо привѣтствовалъ, но съ демократическими вѣяніями 60-хъ годовъ помириться не могъ. Подъ самый конецъ жизни онъ близко сошелся съ Катковымъ и Фетомъ. Б. началъ свою литературную карьеру съ преклоненія предъ французскимъ романтизмомъ (Гюго) и передъ романтическимъ мистицизмомъ (Гофманомъ). Сближеніе съ Бѣлинскимъ привело его къ гегеліанству; отдавши дань „примиренію съ дѣйствительностью", онъ изъ квіетиста-гегеліанца, вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ, примкнулъ къ лѣвому лагерю гегеліанцевъ (въ началѣ 40-хъ) и принялъ участіе въ борьбѣ противъ офиціальной народности и зарождающагося славянофильства. Съ 1844 г. онъ начинаетъ увлекаться Контомъ и Костомъ (знаменитымъ эмбріологомъ), вообще соціально-экономическими вопросами, симпатизируетъ „практической" Англіи, горячо защищаетъ промышленность и буржуазію. Но это увлеченіе не привело его къ тѣмъ выводамъ, къ которымъ пришли Бѣлинскій или Герценъ: отдѣлавшись окончательно отъ мистицизма и романтизма, Б. въ концѣ концовъ остался эстетикомъ-эпикурейцемъ, тонкимъ цѣнителемъ всѣхъ родовъ искусства, восторженнымъ субъективистомъ, слегка меланхоликомъ. Свое окончательное „credo" онъ резюмировалъ въ ученіи о красотѣ, которой приписывалъ громадное историческое значеніе: благодаря красотѣ, благодаря поэзіи, этому „вѣчному существенному свойству человѣческой души", стали возможными свободныя отношенія человѣка къ природѣ; даже политическое устройство человѣческаго общества Б. ставитъ въ извѣстную связь отъ зарожденія чувства красоты. Литературную извѣстность Б. пріобрѣлъ, главнымъ образомъ, своими „Письмами объ Испаніи", отличающимися большою художественностью и пластичностью стиля. Изъ другихъ его произведеній слѣдуетъ отмѣтить: статью „Германская литература въ 1843 г.", этюды о поэзіи Огарева и Фета (у обоихъ поэтовъ Б. особенно цѣнитъ ихъ непосредственность и тонкость „ощущеній"), а также компиляцію о „Шекспирѣ" (первый на русскомъ языкѣ обстоятельный трудъ объ англійскомъ драматургѣ) и переводъ изъ Карлейля: „О герояхъ и героическомъ въ исторіи".

Александръ Ивановичъ Герценъ.

Незаконный сынъ дворянина Яковлева и нѣмки Луизы Ивановны Гаагъ, Г. (25-го марта 1812 г., † 9-го янв. 1870 г.) воспитывался въ домѣ отца, имѣя гувернеровъ, учителей, много читая, еще болѣе мечтая и уже съ ранняго возраста обнаруживая тѣ огромныя способности и то остроуміе, которыя характеризовали его въ послѣдующей дѣятельности. Еще до поступленія въ московскій университетъ, онъ близко сошелся съ Огаревымъ, дружба съ которымъ сохранилась въ теченіе долгихъ лѣтъ эмигрантской жизни. Въ университетѣ около Г—а и Огарева образовался кружокъ лицъ, горячо обсуждавшихъ политическіе и моральные вопросы и не прекратившихъ своихъ товарищескихъ собраній послѣ окончанія курса въ университетѣ. Арестованный вмѣстѣ съ другими въ 1834 г., Г. былъ сосланъ въ Пермь, потомъ въ Вятку, затѣмъ переведенъ во Владиміръ, на нѣкоторое время возвращенъ въ Москву, вновь былъ вынужденъ жить въ Новгородѣ и, наконецъ, опять переѣхалъ въ Москву. Изъ опубликованной въ послѣдніе годы переписки его съ двоюродной сестрой Н. А. Захаровой (впослѣдствіи женой его) видно, въ какомъ мистическомъ настроеніи былъ онъ во время своего пребыванія въ Вяткѣ. Это настроеніе сохранялось, впрочемъ, не долго. Возвратившись въ Москву, Г. встрѣтилъ здѣсь Бѣлинскаго, Бакунина и другихъ членовъ одного съ ними кружка, находившихся въ это время въ состояніи крайняго увлеченія Гегелемъ. Г. оказалъ отрезвляющее вліяніе на восторги кружка передъ „разумностью дѣйствительности“. Бѣлинскій, поссорившійся съ Г—омъ изъ-за своего пристрастія къ этому принципу и примѣнившій его въ „Бородинской годовщинѣ“, скоро глубоко раскаялся въ своемъ увлеченіи, и дружба съ Г—омъ была возстановлена. Отъ признанія разумности дѣйствительности перешли къ критикѣ послѣдней. Находившійся на очереди вопросъ объ отношеніи интеллигенціи къ народу, о крѣпостномъ правѣ, выдвинулся самъ собою, и обсужденіе этого вопроса привело къ образованію партій западниковъ и славянофиловъ. Г., отрицательно относившійся въ эту эпоху къ славянофиламъ, по своимъ идеаламъ остался западникомъ до конца жизни, что бы ни говорили сторонники славянофиловъ, желающіе причислить знаменитаго публициста къ своему лагерю. Неспособный на компромиссы, рѣзко высказывающій то, къ чему приводило логическое развитіе его идей, Г. въ послѣдній періодъ московской жизни разошелся съ Грановскимъ, который для сохраненія иллюзій требовалъ, чтобы извѣстный кругъ теоретическихъ вопросовъ былъ изъятъ даже изъ товарищескаго обсужденія. Въ 1847 г. Г. уѣхалъ за границу и болѣе уже не возвращался въ Россію. За границей онъ былъ близкимъ свидѣтелемъ міровыхъ событій въ европейской жизни, познакомился со многими историческими личностями, пережилъ рядъ разочарованій, вытекавшихъ изъ наблюденія надъ противорѣчіями буржуазной культуры (но не разочарованій въ за-

АЛ. ИВ. ГЕРЦЕНЪ.

падно-европейскихъ идеалахъ). Одно время онъ со своимъ *Колоколомъ* былъ властителемъ думъ русскаго общества, игралъ огромную роль въ развитіи противокрѣпостническихъ идей въ этомъ обществѣ, жилъ то во Франціи, то въ Швейцаріи, то въ Англіи, умеръ въ Парижѣ и похороненъ въ Ниццѣ. Литературная дѣятельность Г—на началась рано. Еще въ юношескомъ возрастѣ дѣлалъ онъ попытки философскихъ изслѣдованій о нѣкоторыхъ произведеніяхъ нѣмецкой поэзіи. Въ періодъ вятской жизни имъ было задумано и начато кое-что изъ его позднѣйшихъ произведеній; въ Вяткѣ еще были написаны первыя главы „Кто виноватъ?" Но полное развитіе его талантъ получилъ уже въ періодъ московской жизни. За это время имъ написаны беллетристическія произведенія: „Кто виноватъ?", „Изъ записокъ доктора Крупова", „Сорока воровка", статьи: „По поводу одной драмы", „Новыя варіаціи на старыя темы", „Дилетантизмъ въ наукѣ", „Буддизмъ въ наукѣ" и др. Отношенія семейныя, вопросы морали, общественныя противорѣчія, проистекающія вслѣдствіе отсутствія сознательнаго отношенія къ дѣйствительности и отчужденія отъ общественныхъ интересовъ, составляютъ предметъ его беллетристическихъ произведеній и такихъ статей, какъ „По поводу одной драмы" и др. Протестъ противъ крѣпостного права, выразившійся въ „Сорокѣ воровкѣ", перешелъ потомъ въ *Колоколѣ* въ цѣлый рядъ блестящихъ статей о необходимости освобожденія крестьянъ съ землей. Русской общинѣ Г. придавалъ большое значеніе, думая, что ей суждено такое будущее, въ которомъ осуществятся его идеалы. Вѣра въ будущее русскаго народа поддерживала Г—на въ тотъ періодъ жизни, когда дорогія для него идеи потерпѣли пораженіе на Западѣ. Эти надежды на Россію послужили поводомъ для зачисленія Г—на въ ряды славянофиловъ. На подобныя утвержденія (повторявшіяся и послѣ смерти знаменитаго публициста) Г. въ свое время отвѣчалъ: „Вы любите европейскія идеи, люблю и я ихъ; это идеи всей исторіи, это надгробный памятникъ, на которомъ написано завѣщаніе не только вчерашняго дня, но Египта, Индіи, Греціи и Рима, католицизма и протестантизма, народовъ римскихъ и народовъ германскихъ. Безъ нихъ мы впали бы въ азіатскій квіетизмъ, въ африканскую глупость. Россія съ ними и *только съ ними* можетъ быть введена во владѣніе той большой доли наслѣдства, которая ей достается"...

Николай Платоновичъ Огаревъ.

О. (1813—1877 гг.) происходилъ изъ состоятельныхъ дворянъ Пензенской губ. Воспитывался дома, затѣмъ слушалъ лекціи въ московскомъ университетѣ. Въ 1831 г., замѣшанный въ одну студенческую исторію, былъ высланъ полиціей на родину; возвратившись въ Москву черезъ два года, онъ опять подвергся аресту (вмѣстѣ съ Герценомъ) по обвиненію въ участіи въ одной антиправительственной вечеринкѣ студентовъ и вновь былъ высланъ

на родину. Въ Пензѣ первое время онъ усиленно занимался философскими и историческими вопросами. Въ срединѣ 50-хъ годовъ онъ эмигрируетъ за границу и дѣйствуетъ заодно съ Герценомъ (которому приходится дальнимъ родственникомъ и на котораго, какъ вообще на всѣхъ окружающихъ, О. имѣлъ большое нравственное вліяніе). Не умѣя придавать цѣну деньгамъ, подъ конецъ жизни О. растратилъ свое огромное состояніе и послѣдніе годы жилъ на пенсію, выдаваемую ему отъ семьи Герцена. Умеръ въ Лондонѣ, гдѣ и похороненъ. Своимъ духовнымъ развитіемъ О. обязанъ двумъ вліяніямъ—вліянію нѣмецкой идеалистической философіи и вліянію французскаго утопическаго коллективизма. Въ началѣ своей литературной дѣятельности онъ заявилъ себя горячимъ поклонникомъ нѣмецкой метафизики, трудился надъ созданіемъ собственной идеалистической системы, принималъ активное участіе къ кружкѣ идеалистовъ-романтиковъ 40-хъ годовъ. Но затѣмъ, наравнѣ съ Герценомъ, не удовлетворился абстрактнымъ консерватизмомъ Грановскаго, Боткина и др., разошелся съ ихъ кружкомъ, ударился „влѣво", увлекался сенсимонизмомъ, общественно-политическими идеалами. Но и въ утопическомъ коллективизмѣ онъ не нашелъ, въ концѣ концовъ, полнаго удовлетворенія. Лирическія произведенія О—ва отражаютъ въ себѣ его вѣчную неудовлетворенность, его постоянный душевный разладъ, съ моментами то внезапнаго прилива энергіи и призыва къ борьбѣ („Монологи"), то столь же быстраго пониженія жизнедѣятельности, призыва къ „смиренію" и душевному квіетизму. Причину подобнаго разлада самъ О—въ объясняетъ тѣмъ, что, съ одной стороны, его давнія начинанія во время не встрѣтили участія и поддержки общества, съ другой стороны, *мысль* заставляетъ поэта рѣшительно разорвать съ прошлымъ, съ устоями прошлой жизни и среды; но къ полному разрыву съ этимъ прошлымъ онъ оказывается неспособнымъ. Вообще его лирика даетъ богатѣйшій матеріалъ для характеристики кризиса, пережитаго передовой дворянской интеллигенціей въ эпоху, предшествовавшую окончательной ликвидаціи крѣпостного хозяйства, — кризиса, выразившагося въ утопическихъ „исканіяхъ истины" и кончившагося сознаніемъ своей неприспособленности къ жизни, своего банкротства. Спасаясь отъ этого сознанія, О. проповѣдуетъ отрѣшеніе отъ всякихъ желаній, гордое одиночество, старается уйти въ міръ смутныхъ сновъ и томленій, неясныхъ, нирванистическихъ настроеній („Вечеръ", „Aurora-Wals", „Хандра"). Меньшая часть его стихотвореній (и поэмы) посвящена мотивамъ, предвѣщающимъ приближеніе народнической эпохи („Деревенскій сторожъ", „Изба"). Въ художественномъ отношеніи О.—поэтъ, уже освободившійся отъ формъ и пріемовъ, узаконенныхъ романтизмомъ, несомнѣнный реалистъ по своимъ описаніямъ и въ психологическомъ анализѣ.

НИК. ПЛАТ.
ОГАРЕВЪ.

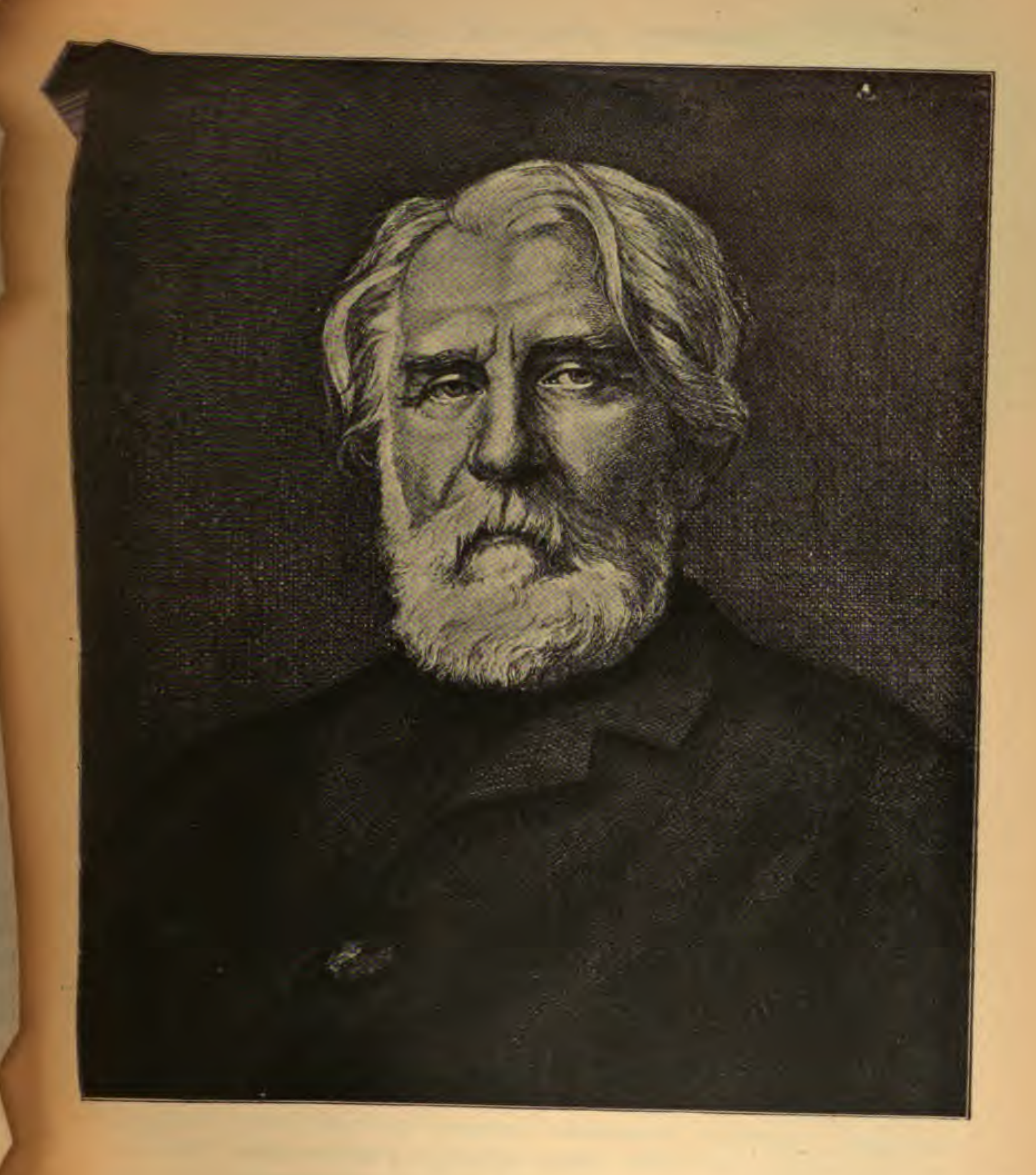
НИК. ПЛАТ. ОГАРЕВЪ.

Ив Панаев

ИВ. ИВ. ПАНАЕВЪ.

П. (15 мар. 1812, † 18 февр. 1862 г.) родился въ Петербургѣ, происходилъ изъ средней дворянской семьи, воспитаніе получилъ въ благородномъ пансіонѣ при с.-петербургскомъ университетѣ; нѣкоторое время служилъ, затѣмъ оставилъ службу и занялся исключительно литературною дѣятельностью. Съ 1847 г. онъ вмѣстѣ съ Некрасовымъ издавалъ „Современникъ". Свою литературную дѣятельность П. началъ съ повѣстей изъ быта аристократическаго общества, во вкусѣ Марлинскаго („Спальня свѣтской женщины"), и съ изображенія экзальтированныхъ романтиковъ-поэтовъ и художниковъ, грезящихъ Шиллеромъ, Гете, Гофманомъ (Громскій, Средневскій въ „Бѣлой горячкѣ"). Но увлеченіе романтизмомъ у П—ва продолжалось сравнительно недолго: начиная съ такихъ повѣстей, какъ „Прекрасный человѣкъ", П. переходитъ на путь реализма. Въ реалистическихъ повѣстяхъ онъ рисуетъ по преимуществу среду петербургскихъ крупныхъ и среднихъ чиновниковъ, петербургскихъ „хлыщей" („Онагръ", „Актеонъ", „Хлыщъ высшей школы" и пр.) и мелкихъ петербургскихъ литераторовъ („Петербургскій фельетонистъ", „Литературная тля"); обрисовкѣ „хлыщей" посвящено и самое большое произведеніе П.—„Львы въ провинціи". Едва ли не самое замѣчательное произведеніе его—романъ „Родственники" (1847), гдѣ онъ произноситъ отповѣдь „дряблому" поколѣнію романтиковъ-идеалистовъ 40-хъ годовъ. Отрицательно относясь къ выводимымъ имъ типамъ изъ бюрократической и аристократической среды, П. противополагаетъ этимъ „прекраснымъ людямъ" и „онаграмъ" изрѣдка положительные типы,—типы представителей „мыслящаго пролетаріата" (типы учителя); въ то же время онъ идиллически освѣщаетъ бытъ мелкаго помѣщичьяго провинціальнаго дворянства. Но особенною симпатіей его пользуется русская женщина всѣхъ общественныхъ классовъ: его героини—духовныя матери героинь Тургенева. Вообще въ эволюціи русскаго романа П. занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ, но его литературное значеніе, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не оцѣнено по достоинству. Кромѣ романовъ и повѣстей, П. написалъ свои извѣстныя „Литературныя воспоминанія и воспоминанія о Бѣлинскомъ".

Ив. Тургеневъ

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.

Т. (28 октября 1818 г., † 22 августа 1883 г.) родился въ Орлѣ въ богатой дворянской семьѣ. Дѣтство и юность его прошли среди тяжелыхъ впечатлѣній. Семья находилась сначала подъ гнетомъ холоднаго и себялюбиваго отца (описаннаго Т—вымъ въ „Первой любви"). Послѣ смерти послѣдняго началась тираннія матери, мелочной, сварливой, жестокой къ дѣтямъ, но еще болѣе жестокой къ крѣпостнымъ крестьянамъ. Долгіе годы пришлось Т—ву выносить этотъ тяжелый гнетъ и быть свидѣтелемъ расправы матери съ дворовыми людьми. Пятнадцати лѣтъ Т. поступилъ въ московскій университетъ, затѣмъ перешелъ въ петербургскій, а по окончаніи курса въ скоромъ времени поѣхалъ за границу, гдѣ основательно изучилъ философію. По возвращеніи въ Россію онъ близко сошелся съ Бѣлинскимъ, съ которымъ велъ безконечные споры о философскихъ и общественныхъ вопросахъ, познакомился потомъ съ Некрасовымъ, Панаевымъ, близко сталъ къ *Современнику* и считался постояннымъ сотрудникомъ журнала до тѣхъ поръ, пока исторія съ статьей Добролюбова о „Наканунѣ" не послужила поводомъ къ разрыву Т—ва съ Некрасовымъ и прежними друзьями. Въ 1852 г. за письмо, напечатанное имъ по поводу смерти Гоголя, Т. былъ арестованъ и высланъ потомъ въ Орловскую губернію. Начиная съ половины 50-хъ годовъ, послѣ освобожденія изъ ссылки, Т. сталъ очень часто ѣздить за границу, проводя тамъ очень долгое время, сходясь съ выдающимися писателями Франціи, но продолжая дѣятельно слѣдить за русской жизнью и работать въ русской литературѣ. Послѣдніе годы его жизни были проведены почти цѣликомъ за границей, гдѣ онъ и умеръ на собственной виллѣ въ Буживалѣ, подъ Парижемъ. Согласно выраженному романистомъ желанію быть похороненнымъ рядомъ съ Бѣлинскимъ, тѣло Т—ва было перевезено въ Петербургъ, гдѣ ему были устроены похороны, небывалые въ Россіи по единодушному участію общества. Въ литературѣ Т. дебютировалъ стихотворною повѣстью „Параша", подписанною буквами Т. Л. Поэма вызвала очень сочувственный отзывъ Бѣлинскаго, тогда еще незнакомаго близко съ авторомъ. Вслѣдъ за „Парашей" были написаны другія произведенія въ стихахъ, а потомъ въ прозѣ, болѣе или менѣе замѣченныя публикой. Отзывы Бѣлинскаго, въ то время уже близко сошедшагося съ Т—вымъ, были, однако, не изъ восторженныхъ. „Мнѣ кажется, — писалъ онъ Т—ву уже послѣ появленія его очерка „Хорь и Калинычъ", — что у васъ чисто творческаго таланта или нѣтъ, или очень мало". Но „Хорь и Калинычъ" представлялъ въ русской литературѣ нѣчто совершенно новое. За этимъ очеркомъ послѣдовалъ цѣлый рядъ „Записокъ охотника", изображавшихъ душевную жизнь крѣпостного крестьянина. Въ 1856 г. Т. выступилъ съ первымъ большимъ романомъ „Рудинъ", потомъ съ другими романами, окончательно установившими славу автора. Въ теченіе своей долгой литературной дѣятельности Т. изобразилъ цѣлую галлерею портретовъ, типовъ, характеровъ, познакомилъ читателей съ нравами, психологіей разнообразныхъ общественныхъ слоевъ и съ разнообразными обществен-

ными теченіями. „Записки охотника“ были художественнымъ обвинительнымъ актомъ противъ крѣпостного права; онѣ впервые познакомили читателя съ чувствами, волненіями, душевными страданіями и стремленіями безправнаго крестьянина того времени. Облеченныя въ высоко художественную форму, онѣ и теперь, при измѣнившихся условіяхъ русской жизни, не потеряли ничего въ своихъ литературныхъ достоинствахъ. Изображенная, по мысли Эдмона Абу, на могильномъ памятникѣ романиста разбитая цѣпь служитъ указаніемъ на то значеніе, которое приписывается „Запискамъ охотника“ въ уничтоженіи крѣпостного права. Послѣдующая народническая литература въ значительной степени обязана своимъ идеализированіемъ деревни тому художественному описанію народной души, которое далъ Т. Романы „Рудинъ“, „Дворянское гнѣздо“, „Наканунѣ“, „Отцы и дѣти“, „Дымъ“, „Новь“, такъ же какъ мелкіе разсказы и повѣсти, вмѣстѣ съ рѣдкимъ по глубинѣ и правдивости психологическимъ анализомъ, даютъ картину послѣдовательной смѣны въ русской жизни однихъ общественныхъ теченій и настроеній другими. Разложеніе барства, его неспособность къ практической дѣятельности вслѣдствіе полной изолированности отъ дѣйствительной жизни, неуспѣхъ его лучшихъ побужденій и, повидимому, чистыхъ стремленій, необходимость уступить роль духовнаго руководителя другимъ слоямъ населенія, появленіе разночинцевъ и связанная съ этимъ появленіемъ смѣна идей и настроеній, постепенное развитіе демократическихъ идей, нашедшихъ въ „Нови“ свое крайнее выраженіе,—такова нарисованная Т—вымъ картина историческаго развитія русскаго общества, начиная съ сороковыхъ и кончая семидесятыми годами. Помимо лицъ, принимавшихъ болѣе или менѣе дѣятельное участіе въ смѣнѣ общественныхъ настроеній и идей, Т. изобразилъ рядъ „лишнихъ людей“, остающихся въ сторонѣ отъ общей жизни и страдающихъ отъ своего одиночества. Огромное литературное наслѣдіе Т—ва дополняется рядомъ женскихъ фигуръ, взятыхъ въ лучшіе моменты своей жизни, въ моменты высокаго нравственнаго подъема, вызваннаго зарождающейся любовью и ведущаго къ самопожертвованіямъ и подвигамъ. Одинъ изъ самыхъ богатыхъ талантовъ въ русской литературѣ, Т. соединилъ красоту формы съ значительностью и глубиной содержанія, представивъ образцы русской прозы, неизвѣстные до него и едва ли превзойденные послѣ него.

Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ.

Г. (19 марта 1822 г., † 22 декабря 1899 г.) родился въ дворянской семьѣ Симбирской губ. Подробности его жизни извѣстны изъ „Литературныхъ Воспоминаній“, написанныхъ имъ въ 1892—93 г. Пяти лѣтъ онъ лишился отца и воспитывался матерью и бабушкой—француженками, почти незнакомыми съ русскимъ языкомъ, которому Г. выучился отъ дворовыхъ, крестьянъ и отъ отцовскаго камердинера. Будущему бытописателю русской деревни пришлось вновь забыть русскую рѣчь, когда его отдали во французскій пансіонъ въ Москвѣ. По

Д. В. ГРИГОРОВИЧЪ.

окончаніи курса въ пансіонѣ Г. поступилъ въ петербургское инженерное училище. Первыя впечатлѣнія въ этой школѣ были, по словамъ Г., необыкновенно тягостныя; но затѣмъ знакомство съ Достоевскимъ и другими товарищами смягчило непріятности „дикихъ обычаевъ“ училища. Вынужденный вскорѣ оставить инженерное училище, Г. поступилъ въ академію художествъ, но пробылъ тамъ лишь два года, не имѣя возможности вслѣдствіе болѣзни глазъ продолжать занятія живописью. Художественныя занятія положили несомнѣнный отпечатокъ на его послѣдующія литературныя произведенія. Первые литературные опыты были сдѣланы Г. послѣ знакомства съ Некрасовымъ, примѣръ котораго возбудилъ въ Г. желаніе сдѣлаться писателемъ. Первые написанные имъ разсказы „Театральная карета“ и „Собачка“ были помѣщены въ литературныхъ прибавленіяхъ къ *Русскому Инвалиду*. Затѣмъ Г. участвовалъ въ юмористическомъ журналѣ Некрасова, гдѣ помѣстилъ разсказы: „Петербургскіе шарманщики“, „Штука полотна“, „Лоттерейный балъ“. Извѣстность Г. началась позднѣе, когда онъ перешелъ къ описанію народной жизни. Первая повѣсть „Деревня“, напечатанная въ *Отеч. Записк.*, была, однако, холодно встрѣчена Бѣлинскимъ, но слѣдующее затѣмъ произведеніе въ томъ же родѣ „Антонъ Горемыка“ вызвало общія похвалы. Это были первыя беллетристическія произведенія, гдѣ реально изображался народный бытъ и гдѣ вызывались симпатіи читателя къ обездоленнымъ жителямъ деревни, испытывавшимъ на себѣ гнетъ крѣпостного права. Психологическій анализъ Г—ча, обыкновенно не отличающійся глубиною, ярко представляетъ терзаемую только одной заботой душу Антона Горемыки. Вслѣдъ за этими двумя произведеніями Г. написалъ другія повѣсти изъ народнаго быта: „Бобыль“, „Четыре времени года“, „Рыбаки“, „Переселенцы“. Эти послѣднія произведенія взятыя, по словамъ Г., изъ наблюденій надъ народомъ, обнаруживали въ то же время и знакомство автора съ французской литературой, оказавшей дурное вліяніе на правдивость авторскихъ изображеній. Г. не разъ пробовалъ свои силы въ качествѣ юмориста („Похожденія Накатова“, „Проселочныя дороги“, „Свистулькинъ“, „Порфирій Петровичъ Кукушкинъ“ и др.), но сюжеты, изображаемые авторомъ въ юмористическихъ повѣствованіяхъ, мелки, ничтожны, описанія каррикатурны, психологія почти отсутствуетъ. Главная заслуга Г. заключается въ томъ, что онъ первый заговорилъ простыми художественными образами о жизни деревни, о страданіяхъ крѣпостного крестьянина, о всемъ томъ, что впослѣдствіи составило обширную народническую литературу.

Иванъ Александровичъ Гончаровъ.

Г. (6 іюня 1812 г. *), † 15 сентября 1891 г.) родился въ Симбирскѣ въ богатой купеческой семьѣ. Воспитаніе онъ получилъ въ мѣстномъ дворянскомъ пансіонѣ, затѣмъ въ одномъ изъ пансіоновъ Москвы, откуда перешелъ

*) Дата рожденія указывается разными біографами различно: 6-го іюня, 6-го іюля 1812 г. и 6-го іюня 1813 года.

на словесный факультетъ московскаго университета. Здѣсь онъ слушалъ лекціи Павлова, Надеждина, Шевырева одновременно со многими изъ тѣхъ студентовъ, которые составили потомъ такъ называемый кружокъ Станкевича. Но жизнь Г. имѣла мало общаго съ жизнью этого кружка, какъ во время пребыванія членовъ послѣдняго въ университетѣ, такъ и по окончаніи курса. Получивъ университетскій дипломъ, Г. поступилъ на службу сначала въ Симбирскъ, затѣмъ въ Петербургъ; здѣсь онъ прослужилъ болѣе 15-ти лѣтъ. Въ 1852 г. онъ отправился въ кругосвѣтное путешествіе на сдѣлавшемся послѣ Гончаровскаго описанія знаменитомъ фрегатѣ „Паллада". По возвращеніи изъ путешествія Г. продолжалъ чиновничью службу до начала 70-хъ годовъ, послѣ чего, выйдя въ отставку, жилъ въ Петербургѣ, гдѣ и умеръ. Похороненъ Г. въ Александро-Невской лаврѣ. Литературная дѣятельность Г—ва началась въ 1847 году „Обыкновенной исторіей". Черезъ долгое время послѣ нея появился „Обломовъ", затѣмъ послѣ многихъ лѣтъ „Обрывъ". Въ промежутокъ между двумя первыми произведеніями вышло описаніе его морского путешествія „Фрегатъ Паллада"; затѣмъ было написано нѣсколько очерковъ, изъ которыхъ „Милліонъ терзаній" посвященъ разбору комедіи Грибоѣдова, а „Лучше поздно, чѣмъ никогда" даетъ объясненія по поводу собственной литературной дѣятельности Г—ва. Объективность составляетъ главную черту литературнаго дарованія Г. Еще Добролюбовъ говорилъ, что талантъ Г—ва неподатливъ на впечатлѣнія. Авторъ не обнаруживаетъ своего отношенія къ героямъ, но подробной и ясной характеристикой ихъ предоставляетъ читателю возможность самому оцѣнить ихъ нравственное значеніе. Эти качества высказались еще въ „Обыкновенной исторіи", которая дала поводъ Бѣлинскому сказать, что у Г—ва честнаго человѣка не отличишь отъ подлеца. Несмотря на объективность, у Г—ва видно ясное стремленіе изобразить въ привлекательныхъ чертахъ типъ энергичнаго и дѣятельнаго практика, совершенно противоположный его собственной нѣсколько лѣнивой и мало подвижной натурѣ. Въ „Обыкновенной исторіи" этотъ типъ представленъ въ дядѣ Адуевѣ, сухомъ дѣльцѣ, который, по признанію автора въ „Лучше поздно, чѣмъ никогда", долженъ изображать „трезвое сознаніе необходимости дѣла, труда, знанія". Въ „Обломовѣ" тотъ же типъ выводится въ видѣ дѣловитаго нѣмца Штольца. Въ „Обрывѣ" рѣзкой характеристики такого типа нѣтъ, но нѣкоторыя черты его мы находимъ въ Тушинѣ. Всѣ эти лица, какъ положительные типы, совершенно неудачны; но какъ характеристика цѣлой группы петербургскаго чиновничества и какъ психологическій типъ дядя Адуевъ представляетъ несомнѣнно рельефный художественный образъ. Типы противоположные, болѣе соотвѣтствовавшіе собственной натурѣ автора, были изображены имъ съ той силой анализа и съ тѣмъ мастерствомъ, которые поставили Г—ва въ ряду наиболѣе знаменитыхъ русскихъ художниковъ слова. Въ Адуевѣ племянникѣ съ его любовью къ „желтымъ цвѣтамъ" представлена, по авторскому опредѣленію, „вся праздная, мечтательная и аффектаціонная сторона старыхъ нравовъ, съ обычными порывами юности — къ высокому, великому, изящному, къ эффектамъ съ жаждою высказать это въ трескучей прозѣ, всего болѣе въ стихахъ".

И. А. ГОНЧАРОВЪ.

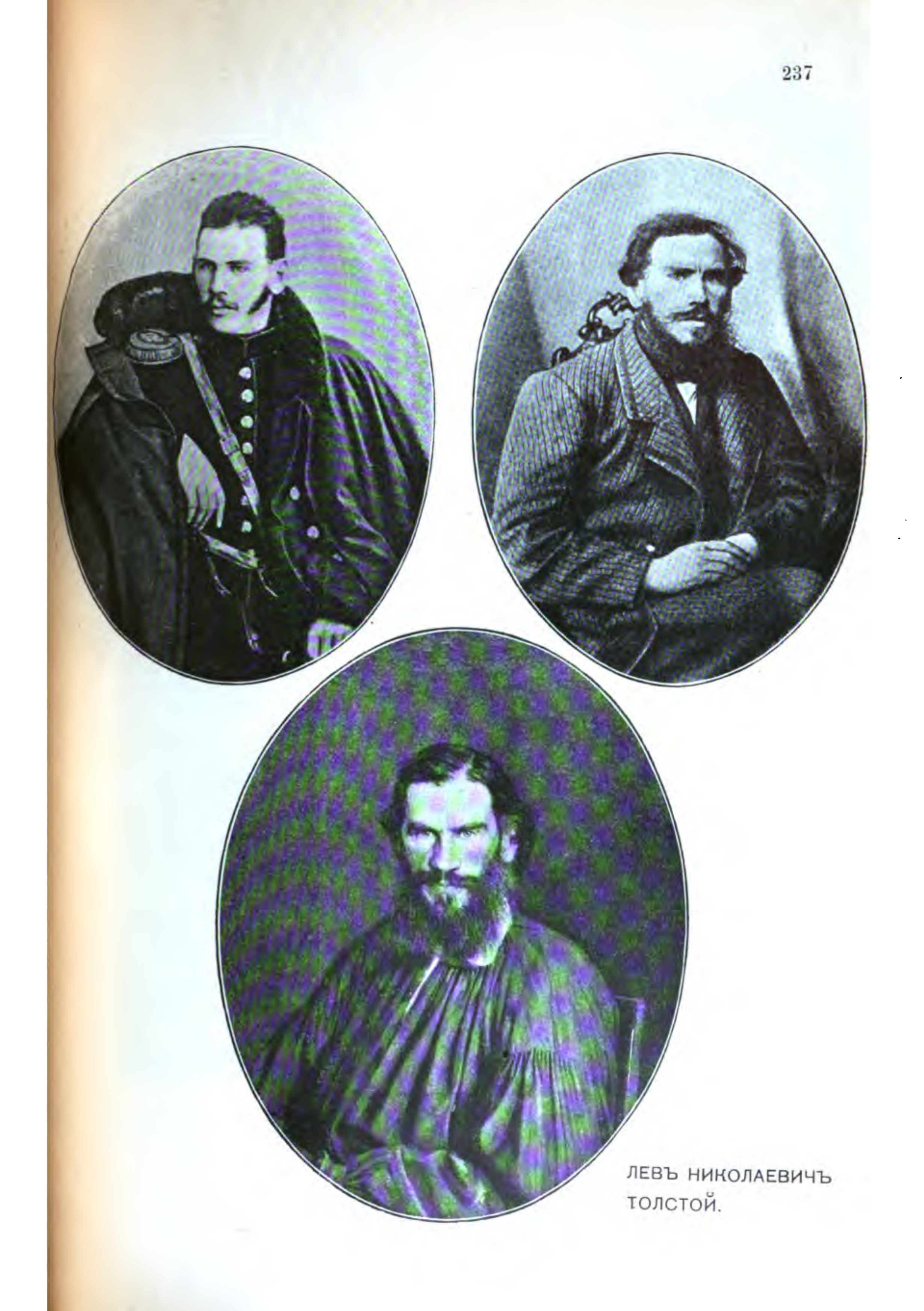

Обломовъ, ставшій нарицательнымъ именемъ вмѣстѣ съ обломовщиной, изображаетъ типичное явленіе русской жизни, которое стоитъ въ тѣсной связи съ крѣпостнымъ правомъ, но которое не исчезло и теперь. Наименьшее количество восторговъ и наибольшее число упрековъ получилъ Г. за свой послѣдній большой романъ „Обрывъ". Неудачная фигура главнаго героя романа Райскаго, въ которомъ авторъ хотѣлъ собрать черты людей 40-хъ годовъ, еще болѣе неудачная и грубая фигура „нигилиста" Марка Волохова, — вызвали справедливые упреки критики. Въ своихъ признаніяхъ Г. утверждалъ, что молодое поколѣніе не могло „принять Волохова на свой счетъ"; но его дальнѣйшія разсужденія показываютъ, насколько оно было право, видя въ Волоховѣ желаніе изобразить въ грубомъ и смѣшномъ видѣ свои стремленія и взгляды. Но другіе персонажи „Обрыва" изображены Г—вымъ съ правдивостью и яркостью, соотвѣтствовавшими его крупному таланту.

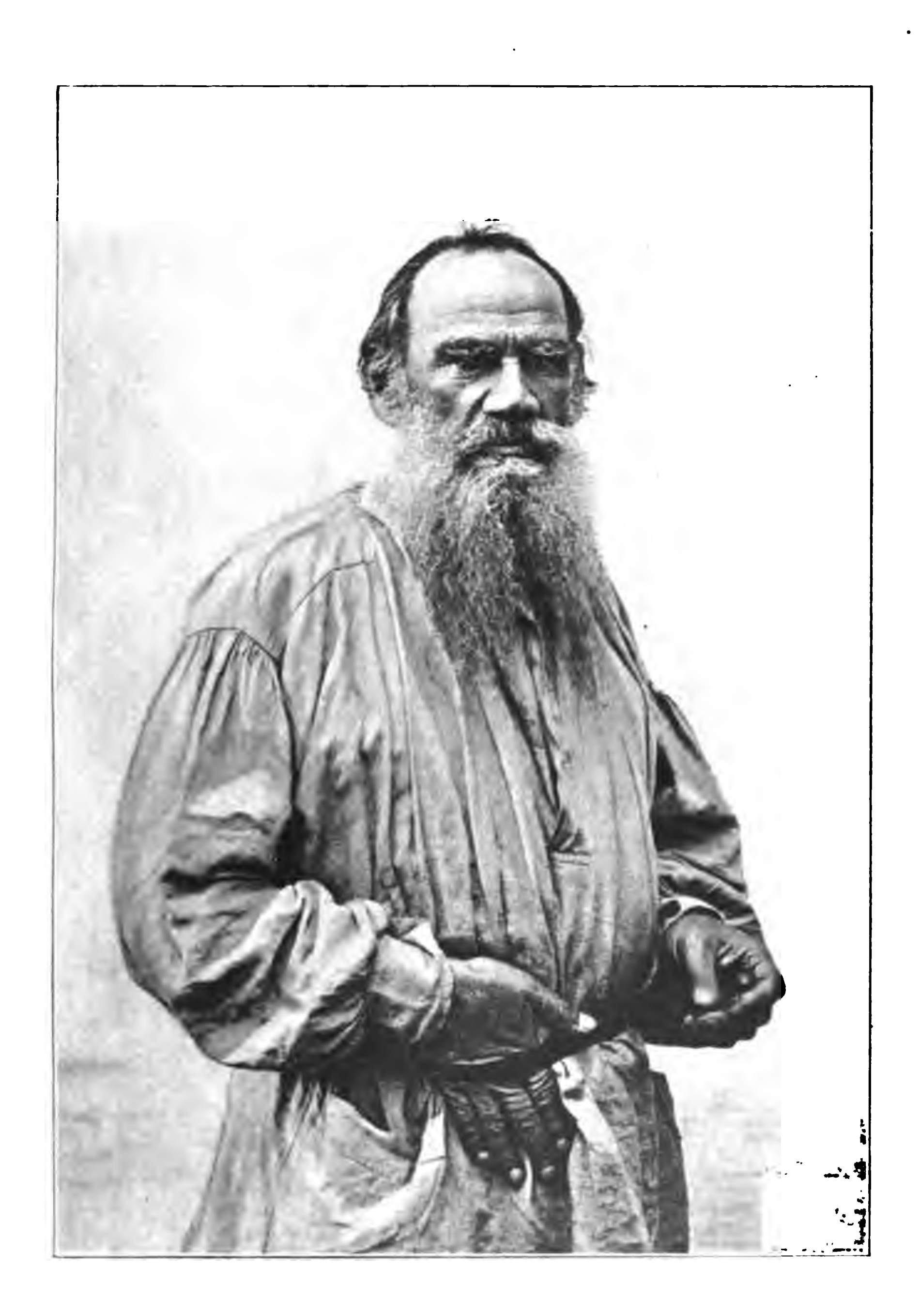
Графъ Левъ Николаевичъ Толстой.

Т. родился (28 августа 1828 г.) въ имѣніи своей матери Ясная Поляна, Крапивенскаго у., Тульской губ. Рано лишившись матери и отца, Т. вмѣстѣ съ братьями и сестрой былъ взятъ на воспитаніе одной родственницей; затѣмъ опекунство надъ дѣтьми перешло къ другимъ лицамъ. Въ теченіе этого времени Т—ые переѣзжали то въ Москву, то въ деревню и, наконецъ, поселились въ Казани. Здѣсь, послѣ домашней подготовки, Т. поступилъ на восточный факультетъ университета; свѣтскія удовольствія не дали достаточно времени для его занятій, и, потерпѣвъ неудачу на экзаменахъ при переходѣ на второй курсъ, Т. перешелъ на юридическій факультетъ. Составъ профессоровъ и преподаваніе на этомъ факультетѣ были тогда ниже всякой критики; прослушавъ два курса, Т. не могъ помириться съ тѣмъ, что давала университетская наука и, не переходя на третій курсъ, совсѣмъ оставилъ казанскій университетъ. Переселившись въ деревню, онъ подготовился тамъ къ кандидатскому экзамену, который и началъ успѣшно сдавать въ петербургскомъ университетѣ въ 1847 г. Но рѣшеніе держать экзаменъ внезапно измѣнилось и, не окончивъ послѣдняго, Т. вновь уѣхалъ въ деревню, гдѣ прожилъ три года, стараясь провести въ жизнь тѣ благія намѣренія, которыя имѣлъ Нехлюдовъ въ „Утрѣ помѣщика". Неудовлетворенный своей дѣятельностью въ деревнѣ, онъ въ 1851 г. уѣхалъ на Кавказъ къ старшему брату, служившему въ артиллеріи. Здѣсь онъ поступилъ юнкеромъ въ тѣ же артиллерійскія войска и здѣсь же написанъ имъ первый литературный опытъ „Дѣтство", появившійся въ *Современникѣ* 6-го сентября 1852 г. за подписью Л. Н. За первымъ опытомъ послѣдовали другіе, быстро сдѣлавшіе имя автора извѣстнымъ. Восточная война привела Т—ого въ Севастополь; съ впечатлѣніями военной жизни Т. познакомилъ читателей въ „Севастопольскихъ разсказахъ". Въ Петербургѣ, куда онъ вернулся затѣмъ, Т. былъ принятъ извѣстными литераторами, какъ знаменитый писатель. Но, вращаясь въ ихъ кругу,

Т. мало сходился съ ними во мнѣніяхъ; по свидѣтельству лицъ, знавшихъ его въ то время, онъ „нападалъ на Шекспира, осуждалъ Герцена и держался воззрѣній, противоположныхъ тѣмъ, которыя при немъ высказывались". Изъ Петербурга Т. вновь переѣхалъ въ деревню, побывалъ за границей (въ 1857 и 1859 гг.), гдѣ, кромѣ слушанія лекцій, внимательно изучалъ школьное дѣло. По возвращеніи изъ-за границы онъ отдался дѣлу изученія яснополянской школы, занимался съ дѣтьми, издавалъ журналъ *Ясная Поляна*, высказывая оригинальные взгляды на педагогику и педагогическіе пріемы. За это время его литературная дѣятельность не прекращалась. За менѣе значительными по объему произведеніями послѣдовали „Война и миръ" и „Анна Каренина". Но потомъ въ воззрѣніяхъ Т—ого на собственную литературную дѣятельность произошло измѣненіе; онъ отказался отъ изящнаго творчества, лишь изрѣдка отдаваясь вновь прежнему влеченію. Этому послѣднему періоду между прочимъ принадлежатъ „Смерть Ивана Ильича", „Власть тьмы", „Хозяинъ и работникъ", „Крейцерова соната", „Воскресеніе". Въ это же время имъ выпущено нѣсколько произведеній, знакомящихъ съ тѣмъ переломомъ, который произошелъ въ немъ, и излагающихъ его нравственныя воззрѣнія; въ связи съ этими воззрѣніями находятся его книжки для народа. Въ несомнѣнной связи съ ними находится и статья „Что такое искусство?"—Произведенія Т—ого захватываютъ такое множество лицъ, характеровъ, отношеній человѣческихъ, массовыхъ движеній, философскихъ вопросовъ, что очертить въ короткихъ словахъ его литературную дѣятельность невозможно. Если разсматривать нѣкоторыхъ его героевъ по отношенію къ эволюціи, пережитой русскимъ обществомъ въ XIX-мъ столѣтіи, то мы увидимъ у Т—ого, такъ же какъ у Тургенева, изображеніе несостоятельности стараго барства во всѣхъ его благихъ начинаніяхъ. Произведенія, въ которыхъ главнымъ героемъ выступаетъ князь Нехлюдовъ, даютъ наиболѣе яркую картину этой несостоятельности. Послѣ многихъ попытокъ помочь крѣпостнымъ крестьянамъ, Нехлюдовъ испытываетъ одно „смѣшанное чувство усталости, стыда, безсилія и раскаянія" („Утро помѣщика"). Не менѣе замѣтно это безсиліе въ романѣ „Воскресеніе"; при самомъ искреннемъ намѣреніи и самомъ глубокомъ раскаяніи Нехлюдовъ неспособенъ поправить послѣдствій сдѣланнаго имъ проступка; онъ дѣлаетъ не то, что̀ нужно, предпринимаетъ подвигъ, который не въ состояніи довести до конца и который даже въ случаѣ успѣха не можетъ принести счастія лицамъ, страдающимъ отъ его грѣха. Искусственность настроенія, вызвавшаго стремленіе къ подвигу, выражается въ томъ, что представители этого настроенія нерѣдко ловятъ себя на любованіи собственнымъ великодушіемъ и благородствомъ. Но на ряду съ практическимъ безсиліемъ большинство лицъ, страдающихъ „нравственной неудовлетворённостію", одарены искреннимъ стремленіемъ сознательно выработать тѣ начала, которыми слѣдуетъ руководиться въ жизни (Оленинъ, Пьеръ Безухій, Левинъ). И нѣкоторые изъ ихъ выводовъ, и дальнѣйшія философскія статьи автора сходятся въ томъ, что „человѣкъ сотворенъ для счастія", что „несчастіе не отъ недостатка, а отъ излишка", что счастіе находится внутри человѣка, въ его нравственномъ

ЛЕВЪ НИКОЛАЕВИЧЪ
ТОЛСТОЙ.

Левъ Толстой

усовершенствованіи, въ томъ, чтобы собственнымъ примѣромъ вліять на другихъ. Въ связи съ этими выводами находится позднѣйшее ученіе Т—ого о непротивленіи злу насиліемъ. Сталкиваясь съ простымъ народомъ, представители барской интеллигенціи имѣютъ возможность констатировать цѣльность и превосходство надъ собой некультурныхъ людей (Каратаевъ въ „Войнѣ и Мирѣ", Ерошка, Лукашка въ „Казакахъ"). Психологія послѣднихъ, съ замѣчательной яркостью изображенная въ „Казакахъ", пріобрѣтаетъ иное освѣщеніе, когда эти люди сходятся въ массы; „Война и Миръ" является однимъ изъ самыхъ сильныхъ произведеній, когда-либо изображавшихъ психологію толпы (военныя сцены, сцена убійства Верещагина). Кромѣ „нравственно неудовлетворенныхъ" представителей барства, кромѣ цѣльныхъ представителей народа (даже отрицательные персонажи „Власти тьмы" не составляютъ въ этомъ смыслѣ исключенія), авторъ выводитъ цѣлую галлерею свѣтскихъ лицъ, сохраняющихъ каждое вмѣстѣ съ типичными чертами своего класса индивидуальныя особенности, дѣлающія ихъ живыми людьми. Внутренній міръ женщины изучается Т—ымъ не только въ моменты душевнаго подъема, вызваннаго зарождающейся или опредѣлившейся любовью (какъ у Тургенева), но и во всѣ минуты ея жизни,—подростокъ, дѣвушка, жена, мать изображены имъ съ одинаковой заботливостью и полнотой. Тому, что̀ принято называть психофизіологическимъ анализомъ, посвящены очень многія страницы „Анны Карениной". Жизнь человѣка разсматривается Т—ымъ во всѣхъ ея проявленіяхъ: инстинкты, высшія проявленія духа, замкнутая душевная жизнь, различныя формы отношенія къ людямъ, семейная жизнь, жизнь цѣлаго народа, такъ же какъ жизнь охваченной однимъ порывомъ, толпы,— все отразилось въ беллетристической дѣятельности Т—ого. Взгляды на искусство, изложенные въ статьѣ „Что такое искусство?", могутъ быть резюмированы такъ: искусство есть одно изъ средствъ общенія людей посредствомъ передачи другимъ тѣхъ чувствъ, которыя испытывалъ художникъ; критеріемъ искусства является такимъ образомъ заразительность передаваемыхъ чувствъ. Искусство дѣлится на хорошее и дурное; мѣриломъ при этомъ является религіозное сознаніе того народа, изъ среды котораго вышло данное произведеніе; если переданныя въ послѣднемъ чувства приближаютъ людей къ тому идеалу, который указываетъ религія, согласны съ нимъ, не противорѣчатъ ему,—они хороши, если удаляютъ отъ него, несогласны съ нимъ,—они дурны; большая часть образцовъ современнаго искусства принадлежитъ къ области искусства дурного. О философскихъ и педагогическихъ воззрѣніяхъ Т—ого здѣсь говорить не мѣсто.

Петръ Николаевичъ Кудрявцевъ.

К. (1816 г., † въ янв. 1858 г.) родился въ Москвѣ, въ семьѣ священника, учился въ духовной семинаріи, затѣмъ въ университетѣ по философскому факультету. Окончивъ курсъ и побывавъ за границей, гдѣ слушалъ лекціи Шеллинга, К. началъ читать въ московскомъ университетѣ курсъ всеобщей исторіи. Будучи профессоромъ, К. много путешествовалъ по Италіи, и эти путешествія дали богатый матеріалъ для его послѣдующихъ работъ. Въ 1857 г. К. заболѣлъ чахоткой и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ умеръ. Свою литературную карьеру К. началъ очень рано. Подъ псевдонимомъ Нестроевъ онъ написалъ небольшіе повѣсти и разсказы („Сбоевъ", „Безъ разсвѣта" и др.). Эти повѣсти почти впервые въ русской литературѣ касаются положенія русской женщины. Навѣянные произведеніями Жоржъ-Зандъ, разсказы Нестроева обнаружили въ авторѣ и талантъ и знаніе жизни. Разсказы эти сблизили К—а съ Бѣлинскимъ. Независимо отъ изображенія женской доли, однимъ изъ первыхъ бытописателей которой, вмѣстѣ съ Герценомъ и Дружининымъ, является К., его повѣсти интересны по тонкому психологическому анализу и грустному меланхолическому тону, какимъ онѣ проникнуты. Свою ученую карьеру К. началъ диссертаціей на степень магистра „Объ отношеніяхъ папства къ императорской власти". Главнымъ же его историческимъ трудомъ считается— „Судьбы Италіи отъ паденія Западной Римской имперіи до возстановленія ея Карломъ". Большое значеніе имѣютъ его литературно-критическіе очерки по исторіи искусствъ.

Николай Филипповичъ Павловъ.

П. (1805 г., † 29 марта 1864 г.) родился въ Москвѣ, въ семьѣ бывшаго крѣпостного, воспитывался въ Театральномъ училищѣ, нѣкоторое время служилъ актеромъ, но затѣмъ перешелъ въ московскій университетъ, гдѣ въ 1825 г. окончилъ курсъ кандидатомъ правъ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы попалъ въ ссылку за „вольнодумство", но вскорѣ былъ возвращенъ. Въ литературѣ П. выступилъ, напечатавъ въ *Московскомъ Телеграфѣ* нѣсколько стихотвореній. Извѣстность же его началась въ 1835 г. съ появленіемъ его „Трехъ повѣстей" (Именины, Аукціонъ и Ятаганъ), въ которыхъ авторъ, изображая высшіе слои русскаго общества, представилъ картину чрезмѣрнаго злоупотребленія крѣпостнымъ правомъ. Повѣсти эти вызвали цензурную кару. Большою извѣстностью также пользовались въ свое время и „Письма къ Н. В. Гоголю", написанныя П—мъ послѣ той неожиданной перемѣны, которая произошла въ Гоголѣ и особенно выразилась въ „Перепискѣ съ друзьями". П. рѣзко отнесся въ этихъ письмахъ къ мистическому настроенію автора „Переписки". Съ 1860 г. Павловъ издавалъ въ Москвѣ *Наше Время*, преобразованное въ 1863 г. въ *Русскія Вѣдомости*.

ПЕТРЪ НИК.
КУДРЯВЦЕВЪ.

НИК. ФИЛ.
ПАВЛОВЪ.

ПАВ. ВАС.
АННЕНКОВЪ.

ЕВГЕНІЯ ТУРЪ.

Павелъ Васильевичъ Анненковъ.

А. (род. 19 іюня 1813 г., *) † 8 марта 1887 г.) происходилъ изъ богатой дворянской семьи Симбирской губ. Учился въ петербургскомъ университетѣ, много путешествовалъ за границей. А. былъ очень близокъ къ людямъ, входившимъ въ составъ кружка Станкевича, въ особенности съ Тургеневымъ, съ которымъ сохранилъ дружбу до самой смерти послѣдняго и которому, по собственному сознанію Тургенева, давалъ много полезныхъ совѣтовъ относительно готовыхъ появиться въ печати и посланныхъ на просмотръ А—ву произведеній (согласно его указаніямъ добавлена характеристика Лизы въ „Дворянскомъ Гнѣздѣ"). А. извѣстенъ какъ беллетристъ, критикъ, издатель соч. Пушкина и авторъ интересныхъ воспоминаній объ интересныхъ людяхъ, съ которыми сталкивала его судьба. Въ качествѣ беллетриста, онъ знакомилъ читателей съ провинціальной жизнью; какъ критикъ, стоялъ преимущественно на эстетической точкѣ зрѣнія; „шумъ и треволненія общественной жизни какъ будто отталкивали его", говоритъ объ А—вѣ А. Н. Пыпинъ. Для настоящаго времени сохранили большой интересъ только его воспоминанія.

Гр. Елизавета Васильевна Саліасъ де Турнемиръ (Евгенія Туръ).

С. (12 августа 1815 г., † 15 марта 1892 г.), урожденная Сухово-Кобылина, получила прекрасное домашнее образованіе подъ руководствомъ своей матери. Въ домѣ Сухово-Кобылиныхъ собирались всѣ выдающіеся москвичи того времени и университетская молодежь, прославившаяся впослѣдствіи; въ числѣ посѣтителей были Огаревъ, Герценъ, Погодинъ, Шевыревъ, братья Ив. и Конст. Аксаковы. Въ 1838 году она вышла замужъ за француза графа Саліаса Турнемиръ. Въ 1849 г. появилась ея первая повѣсть „Ошибка", а затѣмъ послѣдовалъ рядъ романовъ: „Племянница", „Три поры жизни" и повѣсти: „На рубежѣ", „Старушка", „Двѣ сестры" и другія. Съ начала 70-хъ годовъ С. посвятила себя исключительно дѣтской литературѣ. Въ своихъ лучшихъ произведеніяхъ С. старается развѣнчать какъ представителей англоманствующей аристократіи (князь Чельскій въ „Племянницѣ"), такъ и „безплодно страдающихъ" романтиковъ 40-хъ годовъ (Плетневъ). Въ противовѣсъ имъ, она идеализируетъ, съ одной стороны, патріархальные типы провинціальнаго дворянства (бабушка въ „Племянницѣ") и нѣжныхъ, граціозныхъ, провинціальныхъ барышенъ въ родѣ Маріи Бѣльской, а съ другой стороны,—„homines novos", представителей труда и науки, учителей-плебеевъ (Ильменевъ). Въ общемъ ея романы принадлежатъ къ одному genre'у, съ романами Панаева и Тургенева, уступая послѣднимъ въ художественности и отличаясь отъ нихъ излишней сентиментальностью, излишнимъ пристрастіемъ ко всему „изящному", культомъ „изящной личности", „нѣжности и вкуса", свидѣтельствующимъ объ аристократическихъ наклонностяхъ писательницы.

*) Эта дата указывается въ словарѣ С. А. Венгерова.

Өедоръ Ивановичъ Тютчевъ.

Т. (23 ноября 1803 г., † 15 іюня 1873 г.) родился въ дворянской семьѣ Брянскаго уѣзда, Орловской губ. Образованіе получилъ дома подъ руководствомъ Раича. 15-ти лѣтъ Т. поступилъ въ университетъ, по окончаніи курса въ которомъ служилъ по министерству иностранныхъ дѣлъ. Въ качествѣ чиновника этого министерства, Т. съ 20-ти лѣтъ жилъ за границей, постепенно повышаясь въ чинахъ. Самовольная отлучка изъ мѣста служенія на нѣкоторое время положила конецъ возвышеніямъ, но затѣмъ Т. безпрепятственно продолжалъ прежнюю службу. Уже въ зрѣломъ возрастѣ онъ переѣхалъ въ Россію, занявъ мѣсто въ петербургскомъ цензурномъ комитетѣ. Литературная дѣятельность Т—ва началась, когда ему не было еще 15-ти лѣтъ, но извѣстнымъ онъ сдѣлался только черезъ много лѣтъ, когда въ пятидесятыхъ годахъ были перепечатаны вмѣстѣ въ *Современникѣ* его стихотворенія. Т. обыкновенно заносится въ число жрецовъ чистаго искусства; такъ же какъ по отношенію къ другимъ поэтамъ одной съ нимъ школы, это справедливо лишь отчасти, такъ какъ славянофильскія тенденціи автора накладывали временами печать и на его творчество. Большое число произведеній Т—ва посвящено передачѣ тѣхъ впечатлѣній, которыя вызываются въ немъ наблюденіемъ надъ природой; къ явленіямъ природы онъ относится далеко не съ философской безстрастностью и холодностью нѣкоторыхъ другихъ поэтовъ чистаго искусства. Поддаваясь искреннему чувству, Т. не рѣдко впадаетъ въ противорѣчія, то стремясь къ свѣту, солнцу, прославляя день—„златотканный покровъ, наброшенный возлѣ боговъ“, „день, земнородныхъ оживленье, души болящей исцѣленье, другъ человѣка и боговъ“, то проклиная и свѣтъ, и день, и съ отчаяніемъ восклицая: „о какъ пронзительны и дики, какъ ненавистны для меня сей шумъ, движенье, говоръ, клики младаго, пламеннаго дня!“ Подъ вліяніемъ болѣзненной непріязни къ свѣту поэтъ обращается съ призывомъ къ ночи: „Ночь, ночь, о гдѣ твои покровы, твои тихій сумракъ и роса!“ Но въ другомъ стихотвореніи онъ уже выражаетъ ужасъ передъ ночью, страшится той „бездны“, которая обнажается тогда „съ своими страхами и мглами“. Переходя отъ явленій природы къ человѣческой жизни, Т. также поддается различнымъ впечатлѣніямъ и то выражаетъ жалость, описывая „эти бѣдныя селенья, эту скучную природу“, то восхищается русской дѣйствительностью, то чувствуетъ негодованіе къ „безобразному сѣверу“. Проведя двадцать лѣтъ за границей, Т. къ Западу относится такъ же противорѣчиво, какъ къ русской жизни и русской природѣ. Изъ одного стихотворенія слѣдуетъ, что Западъ „былъ для души моей родимымъ краемъ“, что русская жизнь не находитъ отклика въ сердцѣ поэта, но затѣмъ отношенія мѣняются, прежній родимый край принимаетъ другой видъ, и Т. становится славянофиломъ, ставящимъ въ примѣръ всѣмъ „край родной долготерпѣнья, край ты русскаго народа“. Въ Т—вѣ несомнѣнно было больше искренности и поэтической впечатлительности, чѣмъ въ Майковѣ, больше силы, чѣмъ въ Полонскомъ, и больше разнообразія, чѣмъ въ Фетѣ,—трехъ поэтахъ, написавшихъ на своемъ знамени „чистое искусство“.

Ѳ. И. ТЮТЧЕВЪ.

Тютчевъ

АПОЛЛ. МАЙКОВЪ.

Аполлонъ Николаевичъ Майковъ.

М. (23 мая 1821 г., †8 марта 1897 г.) получилъ первоначальное образованіе дома, гдѣ русскую литературу преподавалъ ему И. А. Гончаровъ, а на 16-мъ году поступилъ на юридическій факультетъ московскаго университета. Подобно своему отцу, М. думалъ посвятить себя живописи, но слабость зрѣнія принудила его оставить палитру и краски. Уже 15-ти лѣтъ М. началъ литературные опыты, а 20 лѣтъ выпустилъ первый сборникъ своихъ произведеній. Онъ служилъ сначала по министерству финансовъ, былъ потомъ библіотекаремъ Румянцевскаго музея (въ Спб.) и наконецъ перешелъ въ комитетъ иностранной цензуры, гдѣ и служилъ до самой своей смерти. Вмѣстѣ съ Полонскимъ и Фетомъ М. выступилъ на литературное поприще вскорѣ послѣ смерти Пушкина, написавъ на своемъ знамени служеніе чистому искусству. Этому знамени такъ же, какъ Полонскій, онъ далеко не всегда оставался вѣренъ. Какъ поэтъ, М. не отличается отзывчивостью Полонскаго, но превосходитъ послѣдняго законченностью и гладкою отдѣлкой стиха. Любимыя темы М—а лежатъ въ мало связанныхъ между собою сферахъ: древняго классическаго міра, церковной исторіи среднихъ вѣковъ, природы, сценъ русской жизни и патріотическихъ стихотвореній. Къ первому разряду относятся антологическія стихотворенія, наприм.: „Октава“, „Пріапу“, „Овидій“, „Сонъ“, „Эхо и молчаніе“, „Барельефъ“ и др. Сюда же слѣдуетъ отнести и лучшее крупное произведеніе М—а „Два міра“. Первый, гибнущій языческій міръ, обрисованъ замѣчательно характерно и рельефно какъ въ лицѣ лучшаго своего представителя, героя драмы Децiя, такъ и въ особенности во многихъ группирующихся вокругъ него типахъ времени Нерона. Наиболѣе ярки Давъ, управитель Децiя, и Циникъ. Что касается другого міра, міра возникающаго христіанства, то изображеніе его далеко не такъ удачно. Заключительные діалоги драмы, показывающіе разницу двухъ міровъ, оставляютъ въ читателѣ сильное впечатлѣніе не только трагизмомъ въ положеніи героевъ, но и коллизіей двухъ различныхъ направленій человѣческой дѣятельности: одного, стремящагося къ благу міра путемъ нравственнаго совершенствованія отдѣльныхъ особей, и другого, думающаго притти къ той же цѣли путемъ соціальныхъ измѣненій. Первый періодъ дѣятельности М—ова почти весь посвященъ античному міру; путешествіе за границу вноситъ въ его поэзію и мотивы современности. Эпоха реформъ оказываетъ вліяніе и на его лиру, вызывая такія произведенія, какъ, напр., „Нива“. Въ послѣдующемъ періодѣ М. нерѣдко становится тенденціознымъ писателемъ, въ духѣ, не имѣющемъ ничего общаго съ стихотв. „Нива“. Форма тенденціозныхъ произведеній слаба. Изъ стихотвореній, относящихся по темамъ къ церковной исторіи, наиболѣе обращаютъ на себя вниманіе: „Савонаролла“, „Констанцскій соборъ“ и „Исповѣдь королевы“.

Аѳанасій Аѳанасьевичъ Шеншинъ (Фетъ).

Единственный въ своемъ родѣ пѣвецъ самодовлѣющей красоты, Ш. (23 ноября 1820 г., † 21 ноября 1892 г.) родился въ состоятельной помѣщичьей семьѣ въ Мценскомъ уѣздѣ, Орловской губ., первоначальное образованіе получилъ дома; четырнадцати лѣтъ былъ отданъ въ пансіонъ въ Лифляндію, гдѣ оставался три года и затѣмъ переѣхалъ въ Москву въ частный пансіонъ М. П. Погодина. Въ московскомъ университетѣ Ф. слушалъ лекціи на юридическомъ факультетѣ, но окончилъ курсъ по словесному отдѣленію. По окончаніи унирситетскаго курса онъ 11 лѣтъ служилъ офицеромъ; въ 1856 году вышелъ въ отставку, купилъ имѣніе и поселился въ немъ, заживъ жизнью типичнаго дореформеннаго помѣщика. На литературное поприще поэтъ выступилъ въ 1840 г. со сборникомъ стихотвореній подъ названіемъ „Лирическій пантеонъ". Даже по этому небольшому сборнику не трудно было замѣтить въ авторѣ несомнѣнное дарованіе. Затѣмъ произведенія Ф—а стали появляться въ *Современникѣ*, въ *Отечественныхъ Запискахъ*, въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Въ послѣднемъ Ф. помѣщалъ также свои письма „Изъ деревни", въ которыхъ съ нескрываемымъ недоброжелательствомъ отзывался о движеніяхъ шестидесятыхъ годовъ. По характеру всей своей поэтической дѣятельности Ф. представляетъ собой исключительный не только въ русской, но и въ западной литературѣ примѣръ писателя, отдавшаго все свое недюжинное дарованіе служенію безцѣльному, самодовлѣющему искусству. Выступившіе подъ однимъ знаменемъ съ Фетомъ и почти одновременно съ нимъ Майковъ и Полонскій не могли остаться абсолютно вѣрными своему знамени и отъ „чистаго искусства" очень нерѣдко переходили къ отраженію въ поэзіи всякихъ злобъ дня; но Ш. ни однимъ стихомъ не обмолвился въ пользу какихъ-нибудь идейныхъ интересовъ. Отъ начала до конца своей литературной карьеры онъ оставался вѣренъ своимъ чисто эстетическимъ идеаламъ, являясь неизмѣннымъ жрецомъ безпредметной красоты. Его коротенькія стихотворенія, написанныя съ большимъ техническимъ мастерствомъ, художественныя по формѣ и несомнѣнно поэтичныя по содержанію, передаютъ тонкія, трудно уловимыя настроенія природы и людей. Его мѣткіе эпитеты, сжатый и образный языкъ рисуютъ картины природы во всѣхъ ея тончайшихъ мелочахъ. Но, будя въ читателѣ смутныя ощущенія, нерѣдко съ эротическимъ оттѣнкомъ, поэзія Ф—а въ концѣ концовъ утомляетъ своимъ однообразіемъ, своею пустотой и отсутствіемъ серьезнаго значенія.

ФЕТЪ—ШЕНШИНЪ.

Я. П. ПОЛОНСКІЙ.

Яковъ Петровичъ Полонскій.

П. (6 дек. 1820 г., † 18 окт. 1898 г.), сынъ чиновника, родился въ Рязани. Въ 1831 г. онъ поступилъ въ мѣстную гимназію, гдѣ уже началъ пробовать свои поэтическія силы. Въ 1844 г., окончивъ курсъ на юридическомъ факультетѣ московскаго университета, П. выпустилъ свой первый сборникъ стихотвореній, подъ названіемъ „Гамма". Шесть лѣтъ (1846—52) П. провелъ на Кавказѣ, частью въ качествѣ домашняго учителя, частью будучи помощникомъ редактора *Закавказскаго Вѣстника*; путешествовалъ затѣмъ за границей: въ Швейцаріи, въ Германіи, въ Римѣ и въ Парижѣ. Нѣкоторое время онъ редактировалъ *Русское Слово* и служилъ въ комитетѣ иностранной цензуры. Раздѣляя взгляды Майкова и Фета, П. въ продолженіе своей литературной дѣятельности далеко не всегда оставался вѣренъ принципамъ „искусство для искусства". Вѣянія шестидесятыхъ годовъ коснулись и П—аго, и среди его стихотвореній можно найти не мало такихъ, которыя написаны въ духѣ соціальной лирики Некрасова и затрогиваютъ гражданскіе мотивы. Очень извѣстны въ этомъ отношеніи его стихотворенія: „Что мнѣ она – не жена, не любовница", „Тяжелая минута", „Одному изъ усталыхъ" и др... У П—аго такія стихотворенія являлись результатомъ только мимолетнаго настроенія, которое далеко не оказывается преобладающимъ въ его лирикѣ. Вообще это поэтъ, очень мало устойчивый въ своемъ направленіи, нерѣшительный и колеблющійся во взглядахъ и тенденціяхъ. Какъ художникъ, П. отличается крупными достоинствами. Свои мягкія, нерѣдко элегическія настроенія онъ умѣетъ воплощать въ мелодичную форму стройныхъ и красивыхъ стиховъ. Въ его поэтическомъ распоряженіи находится богатый рудникъ образовъ и метафоръ, безыскусственныхъ и яркихъ, языкъ правильный и вмѣстѣ съ тѣмъ художественный, мотивы жизненные и оригинальные. Въ предѣлахъ своихъ излюбленныхъ темъ и сюжетовъ П. вызываетъ въ читателѣ живое настроеніе и нерѣдко грустное раздумье. Въ большинствѣ случаевъ П. затрогиваетъ мотивы, близкіе сердцу всякаго интеллигентнаго читателя, и отвѣчаетъ запросамъ средняго, не слишкомъ интенсивнаго и не слишкомъ глубокаго настроенія. Важное мѣсто въ лирикѣ П. занимаютъ также его стихотворенія въ духѣ народнаго творчества. Беллетристическія произведенія П., хотя они и охотно читались при своемъ появленіи, не поднимаются выше уровня посредственности.

Михаилъ Павловичъ Розенгеймъ.

Р. (19 іюля 1820 г., † 7 марта 1887 г.) происходилъ изъ стариннаго эмигрантскаго (датскаго) рода; учился въ корпусѣ и въ новообразованной юридической академіи; былъ судьей въ кіевскомъ военно-окружномъ судѣ, а въ 1870 г. переведенъ на ту же должность въ Петербургъ. Умеръ онъ, дослуживши до чина генералъ-майора.—Р. одинъ изъ первыхъ порвалъ связи съ традиціями романтическаго субъективизма, началъ проповѣдывать отреченіе отъ „личныхъ мечтаній" и призывать „на битву смертную съ неправдой вѣковой". Сначала подъ „неправдой вѣковой" онъ разумѣлъ, главнымъ образомъ, крѣпостное право, но съ половины 50-хъ годовъ онъ начинаетъ нападать и на другія соціальныя язвы—на хищничество отечественной торговли и промышленности и на продажность бюрократіи. На ряду со стихотворной дѣятельностью, онъ занимается сатирой и публицистикой въ прозѣ. Въ 1863 г. онъ даже стоитъ во главѣ „обличительнаго" журнала *Заноза*. Онъ не идетъ далѣе идеально-законныхъ требованій и не стремится ни къ какимъ коренннымъ общественнымъ преобразованіямъ. Кромѣ того онъ чувствуетъ нѣкоторую склонность къ націонализму. Но, во всякомъ случаѣ, въ литературной эволюціи онъ занимаетъ видное положеніе, какъ прямой предшественникъ во многихъ отношеніяхъ другихъ пѣвцовъ „гражданственности". Изъ небеллетристическихъ произведеній Р—ма слѣдуетъ отмѣтить его „Очеркъ исторіи военно-судейскихъ учрежденій въ Россіи до конца царствованія Петра Великаго".

Николай Ѳедоровичъ Щербина.

Щ. (2 декабря 1821 г., † 10 апр. 1869 г.) родился въ семьѣ малороссійскаго помѣщика, въ селѣ Грузко-Елагинскомъ, Міусскаго округа, земли Войска Донского. Мать его была греческаго происхожденія. Благодаря ея вліянію, а также пребыванію среди греческаго населенія Таганрога, куда онъ былъ привезенъ еще мальчикомъ, въ немъ развилась любовь къ греческой литературѣ и культурѣ. Въ первую половину своей жизни онъ сильно бѣдствовалъ, добывая средства къ существованію частными уроками; бѣдность не дала ему возможности получить высшаго образованія. Вторую половину жизни Щ. провелъ въ Петербургѣ, гдѣ состоялъ чиновникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати. Щ.—поклонникъ „эллинской красоты", большой мастеръ пластическихъ формъ, идиллическихъ картинъ, защитникъ принципа квіетическаго пантеизма. Изрѣдка, въ началѣ реформенной эпохи, у него проскальзывали намеки на „гражданскіе мотивы". Но эти намеки въ срединѣ 60-хъ годовъ смѣнились рѣзкимъ осужденіемъ реформенныхъ началъ, заставившимъ забыть русскую публику благопріятный отзывъ Чернышевскаго о талантливомъ поэтѣ и причислить его къ лагерю обскурантовъ, жрецовъ „искусства для искусства" (см. отзывъ о немъ у Скабичевскаго).

МИХ. ПАВЛ.
РОЗЕНГЕЙМЪ.

Николай Щербина

АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВ. ДРУЖИНИНЪ.

Д. (8-го октября 1824 г., † 19-го января 1864 г.) родился въ Петербургѣ въ чиновничьей семьѣ. Образованіе получилъ въ пажескомъ корпусѣ, по выходѣ изъ котораго поступилъ въ гвардію. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ оставилъ военную службу и посвятилъ себя литературѣ, работая въ различныхъ журналахъ, выступая то романистомъ, то фельетонистомъ, то критикомъ и не оставляя литературы до самой смерти. Какъ романистъ, Д. прославился въ первые же годы своей литературной дѣятельности. „Полинька Саксъ", написанная подъ несомнѣннымъ вліяніемъ французскихъ образцовъ, предлагала общественному вниманію новую для того времени гуманную точку зрѣнія на такъ называемое „паденіе" женщины. За этою повѣстью послѣдовали два другіе романа: „Разсказъ Алексѣя Дмитріевича" и „Фрейлейнъ Вильгельмина", не имѣвшіе того успѣха, который выпалъ на долю „Полиньки Саксъ". Какъ критикъ, Д. въ свое время имѣлъ большое вліяніе; его разборы различныхъ русскихъ авторовъ обнаруживаютъ въ Д—ѣ вкусъ и художественное пониманіе. Во многихъ статьяхъ онъ выступалъ врагомъ тенденціозности и учительства въ искусствѣ. Какъ фельетонистъ, Д. также имѣлъ большой успѣхъ. Его „Сентиментальное путешествіе Ивана Чернокнижникова" восхищало и заставляло смѣяться многочисленныхъ читателей. Эти фельетоны, отличающіеся мягкосердечіемъ и легковѣсностью, останавливаются въ большинствѣ случаевъ на незначительныхъ явленіяхъ, на преслѣдованіи „модъ", на насмѣшкахъ надъ проявленіями маленькаго тщеславія и т. д. Во второй половинѣ 50-хъ годовъ Д. сталъ редактировать *Библ. для чтенія*, которая, за отсутствіемъ у самого редактора публицистическаго жара, не имѣла успѣха.

АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ НИКИТЕНКО.

Н. (1804, † 21 іюля 1877 г.) родился въ слободѣ Алексѣевкѣ, Острогожскаго уѣзда, Воронежской губ. Сынъ крѣпостного крестьянина гр. Шереметева, онъ учился въ Воронежскомъ уѣздн. учил.; по окончаніи курса нѣкоторое время занимался преподаваніемъ въ частныхъ домахъ. Рѣчь, произнесенная имъ въ Острогож. отдѣл. „Библейскаго Общества“, обратила на него вниманіе петербургскаго вельможи кн. Голицына. Н. былъ вызванъ въ Петербургъ и тамъ при содѣйствіи Жуковскаго и Рылѣева получилъ вольную (1825). Затѣмъ онъ проходилъ университетскій курсъ, служилъ въ канцеляріи попечителя петерб. учебн. округа, нѣкоторое время читалъ въ университетѣ лекціи по политич. экономіи и былъ утвержденъ въ званіи профессора по каѳедрѣ россійской словесности. Одновременно съ тѣмъ онъ поступаетъ на службу въ цензурный комитетъ, состоитъ преподавателемъ женскихъ и военныхъ учеб. заведеній. Въ 1853 г. его избираютъ въ члены Академіи Наукъ. Литературную дѣятельность Н. началъ съ конца 20-хъ годовъ. Въ 1839—41 г. онъ редактировалъ *Сынъ Отечества*, въ 1847—48 г. *Современникъ*, въ 1856 г. *Журналъ М. Н. Пр.*—Н. одинъ изъ типичнѣйшихъ официальныхъ представителей той новой интеллигенціи, интеллигенціи „разночинцевъ“, которая выступила въ Николаевскую эпоху. Убѣжденный противникъ аристократическаго строя, сторонникъ широкихъ общественныхъ реформъ, Н. отстаивалъ послѣднія съ одинаковымъ рвеніемъ въ министерскихъ канцеляріяхъ, въ цензурномъ комитетѣ и на страницахъ журналовъ. Въ своихъ критико-литературныхъ статьяхъ онъ обрушивается на романтическую литературу: аристократическому культу героевъ онъ противополагаетъ идеалъ обыкновеннаго человѣка и идеалъ широкой общественности; протестуя противъ романтическаго культа „воспламененнаго воображенія“, онъ требуетъ, чтобы этотъ человѣкъ жилъ прежде всего *мыслью*, сознательно относился къ реальнымъ *нуждамъ и активно работалъ* на различныхъ поприщахъ дѣятельности; пессимистическому взгляду романтиковъ на судьбы человѣчества онъ противополагаетъ вѣру въ прогрессирующій, *естественный ходъ вещей*. Но при этомъ онъ признавалъ только *постепенный* прогрессъ и отрицательно отнесся къ болѣе радикальнымъ теоріямъ реформенной эпохи. Изъ его сочиненій слѣдуетъ отмѣтить его „Записки“ и „Дневникъ“, докторскую диссертацію „О творческой силѣ въ поэзіи“ и статьи „О современномъ направленіи русской литературы“ (*Современникъ*, 1847 г.).

ВАЛЕР. МАЙКОВЪ.

Валеріанъ Николаевичъ Майковъ.

М. (28 августа 1823 г., † 15 іюля 1847 г.) родился въ Москвѣ, въ дворянской семьѣ, былъ сынъ извѣстнаго художника. Воспитывался дома, затѣмъ въ петербургскомъ университетѣ. По окончаніи курса поступилъ на службу въ департаментъ сельскаго хозяйства; занимался философскими, историческими и естественными науками. По слабости здоровья вскорѣ подалъ въ отставку и отправился за границу. Возвратившись въ Россію, М. жилъ въ Петербургѣ, сблизился съ Петрашевскимъ и принималъ участіе въ изданіи знаменитаго „Карманнаго словаря иностранныхъ словъ“. Въ 1845 г. редактировалъ неофиціально *Финскій Вѣстникъ*. Въ 1846 г. велъ критическій отдѣлъ въ *Отечественныхъ Запискахъ* (и по поводу вопроса о національности вступилъ въ полемику съ Бѣлинскимъ). Въ 1847 г. началъ сотрудничать въ *Современникѣ*. Умеръ отъ апоплектическаго удара, постигшаго его во время купанья, въ слободѣ Рокшѣ (Петергофскаго уѣзда), гдѣ и погребенъ. Занимаясь съ университетской скамьи изученіемъ общественныхъ наукъ (его первая самостоятельная литературная работа „Объ отношеніи производства къ распредѣленію богатствъ“), увлекаясь идеями Конта и французскихъ теоретиковъ утопическаго соціализма, М. первый изъ русскихъ критиковъ рѣшительно подчеркнулъ значеніе соціальнаго момента для оцѣнки литературныхъ явленій, защищая принципы „соціальности“, „труда“, „любви къ жизни“. Въ статьѣ „А. В. Кольцовъ“ онъ произнесъ суровый приговоръ надъ романтизмомъ, какъ надъ поэзіей аристократіи, изнѣженной, больной, стремящейся къ жизни, свободной отъ работы. Въ противоположность романтической поэтикѣ, „отрицающей изящество въ дѣйствительности, въ законномъ, въ будущемъ“, съ ея ученіемъ объ *абсолютной* красотѣ, отрѣшеніи отъ дѣйствительности и ея полномъ пересозданіи силою творческой мечты, М. призналъ, что „нѣтъ на свѣтѣ предмета не изящнаго“, что каждый изъ насъ познаетъ и объясняетъ себѣ все существующее „по сравненію съ самимъ собою“, что „художественное творчество есть пересозданіе дѣйствительности, совершаемое не измѣненіемъ ея формъ, а возведеніемъ ихъ въ міръ человѣческихъ интересовъ“. Въ противоположность романтическому культу героевъ, М. провозгласилъ „законъ двойственной народной физіономіи“, законъ соотношенія среды и личности, указывая на зависимость личности отъ среды и въ то же время считая борьбу личности съ внѣшними условіями непремѣннымъ условіемъ успѣшности историческаго прогресса. Изъ отдѣльныхъ литературныхъ характеристикъ М., помимо разбора произведеній Кольцова, замѣчателенъ разборъ произведеній Гоголя, Достоевскаго, Загоскина. Весьма цѣнна также недоконченная работа: „Общественная наука въ Россіи“.

Николай Гавриловичъ Чернышевскій.

Ч. (15-го іюля 1828 г., † 17 октября 1889 г.) родился въ Саратовѣ. Отецъ его, священникъ одной изъ городскихъ церквей, самъ занимался подготовленіемъ сына къ поступленію въ семинарію. Эти занятія продолжались до 14-ти лѣтъ и были настолько успѣшны, что мальчикъ легко выдержалъ экзаменъ въ классѣ риторики. Уже въ это время онъ обнаружилъ необыкновенную для своего возраста начитанность, умѣніе заниматься и поразительную способность усваивать иностранные языки, изъ которыхъ, по словамъ его товарищей, онъ впослѣдствіи основательно зналъ латинскій, греческій, еврейскій, французскій, нѣмецкій, англійскій, польскій и немного татарскій. Своею громадною начитанностью Ч. поражалъ въ семинаріи и учителей и одноклассниковъ. Въ то время, несмотря на простоту и „жестокость" семинарскихъ нравовъ, между наставниками и учениками затѣвались разговоры относительно прочитаннаго внѣ класса, и начитанность, не имѣвшая прямого отношенія къ установленной семинарской программѣ, цѣнилась высоко. Вслѣдъ за занятіями въ петербургскомъ университетѣ, гдѣ въ 1850 г. Ч. окончилъ курсъ, онъ, возвратившись въ Саратовъ, сдѣлался учителемъ гимназіи. Педагогическую дѣятельность продолжалъ онъ затѣмъ не долгое время въ Петербургѣ, гдѣ былъ учителемъ во второмъ кадетскомъ корпусѣ. Затѣмъ началась литературная дѣятельность сперва въ *Отеч. Зап.*, потомъ въ *Современникѣ*, который получилъ свою окраску, извѣстность и значеніе, главнымъ образомъ, благодаря дѣятельности Ч—аго. Подъ его вліяніемъ окончательно сложился, выросъ въ крупную величину и пріобрѣлъ подобающее значеніе Добролюбовъ, который, будучи еще студентомъ педагогическаго института, просиживалъ въ бесѣдахъ съ Ч. цѣлые дни и ночи. Къ началу литературной дѣятельности Ч. относится защита магистерской диссертаціи „Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности". Диссертація была одобрена совѣтомъ университета, но министръ народнаго просвѣщенія Норовъ отказалъ въ своемъ утвержденіи, и Ч. не получилъ степени магистра. Первое время Ч. велъ критическій отдѣлъ въ *Современникѣ*, но потомъ, увидавъ, какъ онъ самъ говоритъ, что Добролюбовъ можетъ вести этотъ отдѣлъ съ бóльшимъ талантомъ, чѣмъ онъ, поставилъ его на свое мѣсто. Однимъ изъ послѣднихъ произведеній Ч—аго въ тотъ періодъ, когда къ его литературной дѣятельности прислушивалась вся Россія, былъ романъ „Что дѣлать?" Всѣмъ извѣстны тѣ споры, которые вызвалъ этотъ романъ, то значеніе, которое онъ имѣлъ, несмотря на свои художественные недостатки. Затѣмъ литературная дѣятельность Ч—аго надолго прервалась. Около 20-ти лѣтъ провелъ Ч. въ Сибири; вернувшись въ 1883 г., онъ поселился сначала въ Астрахани, потомъ въ Саратовѣ, изрѣдка печатая въ повременныхъ изданіяхъ статьи по научнымъ вопросамъ. Въ это же время имъ было начато изданіе „Матеріаловъ для біографіи Н. А. Добролюбова". Послѣдніе годы жизни онъ провелъ надъ

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ.

Н. Чернышевскій

переводомъ огромнаго труда Вебера „Всеобщая исторія“, успѣвъ напечатать при жизни 11 томовъ. Взгляды, изложенные въ статьѣ „Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности“, легли въ основу дальнѣйшихъ литературныхъ сужденій какъ Ч—аго, такъ и Добролюбова. Вкратцѣ эти взгляды могутъ быть резюмированы такимъ образомъ. Цѣль и значеніе произведеній искусства заключаются не въ томъ, чтобы поправлять дѣйствительность или украшать ее, а воспроизводить — „служить ей суррогатомъ“. Этимъ опредѣляется формальное начало искусства. Что касается до содержанія искусства, то сфера послѣдняго „не ограничивается однимъ прекраснымъ и его такъ называемыми моментами, а обнимаетъ собою все, что въ дѣйствительности (въ природѣ и въ жизни) интересуетъ человѣка не какъ ученаго, а просто какъ человѣка; общеинтересное въ жизни—вотъ содержаніе искусства“. Кромѣ воспроизведенія, искусство имѣетъ еще другое значеніе—объясненіе жизни. Интересуясь явленіями жизни, человѣкъ не можетъ не произносить о нихъ своего приговора. „Поэтъ или художникъ, не будучи въ состояніи перестать быть человѣкомъ вообще, не можетъ, если бы и хотѣлъ, отказаться отъ произнесенія своего приговора надъ изображаемыми явленіями; приговоръ этотъ выражается въ его произведеніи,—вотъ новое значеніе произведеній искусства, по которому искусство становится въ число нравственныхъ дѣятельностей человѣка“. Изъ такого взгляда на искусство вытекала дальнѣйшая дѣятельность Ч—аго, какъ критика. Подчеркивая служебную роль искусства, критикъ по поводу разбираемаго произведенія „произноситъ приговоръ“ надъ тѣми или другими сторонами общественной жизни. Приговоры эти по отношенію къ современной жизни въ большинствѣ случаевъ суровы. Изъ элементовъ современнаго строя авторъ очень высоко ставитъ деревенскую общину, въ которой видитъ залогъ будущаго преуспѣянія страны. Публицистическая дѣятельность Добролюбова, пустившая прочные корни въ русской литературѣ, была логическимъ результатомъ взгляда Ч—аго на отношенія искусства къ дѣйствительности. Экономическія статьи Ч—аго направлены противъ нѣкоторыхъ сторонъ ученія буржуазныхъ экономистовъ. Укажемъ, наприм., на примѣчанія, сдѣланныя имъ къ собственному переводу „Основъ политической экономіи“ Милля.

Николай Александровичъ Добролюбовъ.

Д. (24-го января 1836 г., † 17 ноября 1861 г.) былъ сынъ священника Никольской церкви въ Нижнемъ-Новгородѣ. До десятилѣтняго возраста онъ воспитывался дома подъ наблюденіемъ матери, къ которой въ теченіе всей жизни чувствовалъ самую глубокую и нѣжную привязанность. „Былъ у ме-

ня,—писалъ онъ послѣ ея смерти,—одинъ предметъ, къ которому я не былъ холоденъ, который любилъ со всею пылкостью и горячностью молодого сердца, въ которомъ сосредоточилъ я всю любовь, которая была только въ моей душѣ,—этотъ предметъ была мать моя". Измѣнчивый характеръ отца, требовавшаго безусловной покорности, создавалъ дома тяжелую атмосферу почтительнаго страха, который остался у молодого Д—а вплоть до смерти отца. Съ десятилѣтняго возраста началась для мальчика семинарская жизнь. Д. учился хорошо, но учебныя занятія далеко не удовлетворяли его; семинарская обстановка и невеселыя впечатлѣнія домашней жизни заставляли его сосредоточиваться въ самомъ себѣ, и уже съ очень ранняго возраста началась для него внутренняя замкнутая жизнь, бесѣда съ дневникомъ, стремленіе передать бумагѣ волновавшія его чувства и занимавшія его мысли. Въ дневникѣ занесены пережитыя имъ сомнѣнія, самобичеванія, отклики на первые удары жизни, мысли по поводу прочитаннаго и мечты о будущемъ. Ужъ съ этихъ поръ Д. пріобрѣлъ ту суровую внѣшность, которая принималась многими за сухость и холодность характера, но подъ которой скрывались въ дѣйствительности пылкія и нѣжныя чувства. Семнадцати лѣтъ Д. поѣхалъ въ Петербургъ для поступленія въ духовную академію, но совершенно неожиданно для родныхъ поступилъ въ педагогическій институтъ, съ успѣхомъ выдержавъ пріемный экзаменъ. Первые мѣсяцы студенчества полны для Д—а радостныхъ впечатлѣній, восторженнаго отношенія къ новой жизни, свѣтлыхъ помысловъ о будущемъ. Но вскорѣ ему пришлось вынести тяжелые удары, изъ отношенія къ которымъ Добролюбова видно, какимъ любящимъ сердцемъ онъ обладалъ. Уже въ первые годы студенчества онъ лишился матери, потомъ отца, взявъ на себя тяжелую заботу объ обезпеченіи братьевъ и сестеръ. Затѣмъ началась долгая борьба съ директоромъ института, не гнушавшимся для дискредитированія непріятныхъ ему лицъ прибѣгать къ клеветѣ. Но къ послѣднимъ же годамъ студенчества относится и знакомство Д—а съ Чернышевскимъ, длинныя бесѣды съ нимъ, первые литературные опыты. Уже первая помѣщенная въ *Современникѣ* статья о „Собесѣдникѣ любителей русскаго слова" произвела сенсацію, вызвавъ отвѣтъ со стороны лицъ, считавшихся въ данномъ вопросѣ наиболѣе компетентными. По окончаніи институтскаго курса и недолгаго даванія уроковъ, Д. сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ *Современника*. Всего только четыре года прожилъ Д. послѣ окончанія занятій въ институтѣ, но за это время имъ введенъ въ литературу новый критическій методъ, разобрана масса литературныхъ произведеній, подвергнуты анализу существенныя явленія русской жизни и создано въ сотрудничествѣ съ другими лицами то умственное движеніе, которое характеризуетъ собой эпоху шестидесятыхъ годовъ. Разбирая литературныя произведенія, Д. говорилъ не столько о нихъ, сколько по ихъ поводу, и вслѣдствіе этого его критическому анализу подлежали общественныя отношенія и явленія русской жизни. Цѣлую группу жизненныхъ явленій, общественныхъ и семейныхъ отношеній съ обусловливающими ихъ причинами анализировалъ онъ, напр., въ статьяхъ о „Темномъ царствѣ", на-

Н. А. ДОБРОЛЮБОВЪ.

писанныхъ по поводу сочиненій Островскаго; подобнымъ же анализомъ явленій русской жизни была статья по поводу Тургеневскаго „Наканунѣ“ и такія статьи, какъ „Черты для характеристики русскаго простонародья“, „Что такое Обломовщина?“ и др. Д. отрицалъ пользу и значеніе эстетической критики и насмѣхался надъ ней. Но, отыскивая идею въ художественномъ произведеніи, онъ требовалъ не тенденціозности, а „жизненной правды“, отказываясь даже отъ разбора такихъ произведеній, которыя были написаны подъ вліяніемъ предвзятой теоріи. „Художественное произведеніе,—писалъ онъ въ статьѣ о „Грозѣ“ Островскаго,—можетъ быть выраженіемъ извѣстной идеи не потому, что авторъ задался этою идеей при его созданіи, а потому, что автора его поразили такіе факты дѣйствительности, изъ которыхъ эта идея вытекаетъ сама собой“. Эта критика соединялась у Д—а съ вполнѣ опредѣленными идеалами и убѣжденіями, съ широко развитымъ понятіемъ о солидарности личной и общественной пользы, съ никогда не оставлявшимъ его стремленіемъ къ большей справедливости въ человѣческихъ отношеніяхъ. Въ его блестящихъ статьяхъ виденъ былъ „холодный умъ и пылкое сердце“, что въ соединеніи съ указанными выше пріемами его критической дѣятельности сразу завоевало ему привилегированное положеніе и среди читателей и въ самой редакціи *Современника*. Отношеніе редакціи къ Д—ву особенно ясно сказалось, когда между критикомъ и Тургеневымъ произошелъ разрывъ вслѣдствіе статьи перваго „Когда же придетъ настоящій день?“ Въ этой статьѣ Тургеневъ почему-то увидалъ, въ дѣйствительности не существовавшее тамъ, оскорбленіе; онъ требовалъ выбора между собой и Добролюбовымъ. Выборъ былъ сдѣланъ не въ пользу Тургенева. Кромѣ критическихъ статей, Д. велъ сатирическій отдѣлъ въ *Современникѣ*, извѣстный подъ названіемъ „Свистка“. Ко времени ссоры съ Тургеневымъ относится начало чахотки, сведшей Добролюбова въ могилу. Въ 1860 году онъ принужденъ былъ ѣхать для поправленія здоровья за границу, пробылъ тамъ годъ и вернулся въ Петербургъ еще болѣе больнымъ, чѣмъ прежде. Въ воспоминаніяхъ Головачевой-Панаевой подробно описаны послѣднія минуты его смерти. Д. похороненъ на Волковомъ кладбищѣ, на такъ называемыхъ литераторскихъ мосткахъ. „Какой свѣтильникъ разума угасъ, какое сердце биться перестало!“—писалъ по поводу его смерти Некрасовъ.

Н. Чернышевскій

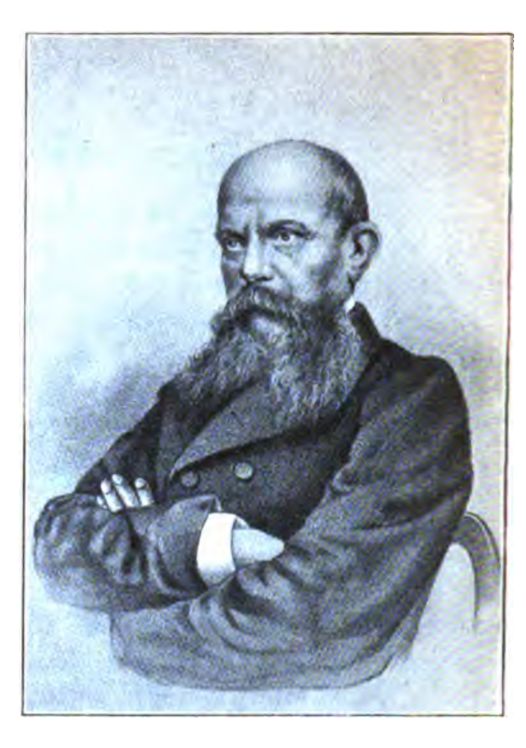
**ИВ. САВВ.
НИКИТИНЪ.**

Иванъ Никитинъ

Иванъ Саввичъ Никитинъ.

Н. (21 окт. 1824 г., † 16 октября 1861 г.) родился въ мѣщанской семьѣ. Сынъ довольно зажиточнаго торговца, онъ учился въ духовномъ училищѣ и затѣмъ въ семинаріи. Послѣ разстройства отцовскихъ дѣлъ Н. долженъ былъ сѣсть за прилавокъ при торговлѣ восковыми свѣчами. Скоро однако и свѣчная торговля была закрыта, и поэту пришлось содержать постоялый дворъ для того, чтобы какъ-нибудь прокормить себя и семью. Еще въ семинаріи Н. пристрастился къ литературѣ и написалъ свое первое стихотвореніе. Семейная обстановка поэта была ужасна. Отецъ послѣ цѣлаго ряда неудачъ сильно запилъ, къ вину же пристрастилась и мать, которая скоро умерла, и вѣчно пьяный вдовецъ нашелъ себѣ развлеченіе въ издѣвательствахъ надъ сыномъ. Стараясь забыться отъ повседневныхъ заботъ, Н. съ увлеченіемъ сталъ писать стихи. Большое вліяніе оказали въ это время на развитіе поэтическихъ способностей Н—на пѣсни Кольцова. Въ 1853 г. въ *Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* появилось его первое стихотвореніе „Русь". Съ этого времени начинается для Н—на болѣе отрадное существованіе. Въ Воронежѣ, гдѣ его стихотвореніе переписывается и распространяется, онъ близко сходится съ мѣстной интеллигенціей, и вѣсть о поэтѣ проникаетъ далеко за предѣлы губерніи. Въ 1856 году Н. выпускаетъ уже сборникъ своихъ стихотвореній, встрѣченный очень сочувственно, а въ 1857 г. свою главную поэму „Кулакъ". Къ тому времени Н. открылъ въ Воронежѣ книжную лавку. Но недолго пришлось ему пользоваться достаткомъ: прежнія тяжелыя условія жизни сильно подорвали его здоровье, и на 37 году Н. скончался. Поэзія Н—на тѣснѣйшимъ образомъ связана съ личностью и жизнью поэта, поэтому біографія его можетъ служить лучшимъ комментаріемъ ко всей его лирикѣ. Поэма „Кулакъ" является отраженіемъ дѣтскихъ воспоминаній поэта, а извѣстный „Дневникъ семинариста"—записками чисто автобіографическими. Характерной чертой и отличительной особенностью всей поэзіи Н. служитъ ея удивительная безыскусственность. Все аффектированное, приподнятое и эффектное противорѣчило поэтическому темпераменту Н—на. Онъ пользовался одними сѣрыми красками, почти не употребляя яркихъ тоновъ и уже никогда не злоупотребляя ими. Настроеніе его произведеній обусловливается тѣми печальными впечатлѣніями, которыя дала ему жизнь. Народныя печали, грустные пейзажи,—вотъ содержаніе большинства произведеній, въ которыхъ онъ не описываетъ личныхъ несчастій. Кромѣ цитированной уже поэмы „Кулакъ", лучшими произведеніями Н—на считаются: „Вырыта заступомъ яма глубокая", „Жена ямщика", „Пахарь", „Пѣсня бобыля", „Утро", „Гнѣздо ласточки" и др.

АЛЕКСАНДРЪ ѲОМИЧЪ ПОГОССКІЙ.

П. родился (1816 г., † 26 августа 1874 г.) въ Полоцкѣ, въ дворянской семьѣ; въ 1822 г. онъ былъ перевезенъ въ Петербургъ въ аристократическую и богатую семью, гдѣ получилъ подготовительное образованіе для поступленія въ высшее училище. Не окончивъ курса, онъ долженъ былъ выйти изъ училища; отданный на 17-мъ году въ солдаты, онъ восемь лѣтъ прослужилъ въ нижнихъ чинахъ, вынося всѣ тяжести прежней фронтовой службы. Выйдя въ отставку, П. поступилъ въ департаментъ корабельныхъ лѣсовъ на службу, которая заставила его много разъѣзжать и знакомиться съ народомъ. Извѣстностью своей П. обязанъ тѣмъ изъ своихъ произведеній, которыя написаны для солдатъ и народа. Выступивъ въ сороковыхъ годахъ въ *Чтеніи для солдатъ*, гдѣ была помѣщена его „Репетичка", П. въ теченіе всей литературной дѣятельности продолжалъ писать и издавать для солдатъ и народа. Въ 1858 г. онъ основалъ маленькій журналъ *Солдатская бесѣда*, въ которомъ четыре года былъ единственнымъ сотрудникомъ, сочинявшимъ повѣсти, анекдоты, разсказы, пьесы, поученія для солдатъ. Къ *Солдатской бесѣдѣ* вскорѣ присоединилась *Народная бесѣда*, были привлечены извѣстные сотрудники (въ томъ числѣ Некрасовъ, Слѣпцовъ, Наумовъ и др.). Затѣмъ П. издавалъ журналъ *Досугъ и Дѣло*, принялъ близкое участіе въ основаніи петерб. комитета грамотности и до самой смерти работалъ для народнаго просвѣщенія. Онъ первый обратилъ серьезное вниманіе на то, что народъ нуждается въ чтеніи и, насколько могъ, старался пополнить существовавшій въ этомъ отношеніи пробѣлъ. Будучи убѣжденъ, что для народа нужна спеціальная литература, онъ приспособлялъ свои повѣсти, разсказы и сказки къ народному пониманію, и потому на многихъ изъ нихъ замѣтна печать искусственности и поддѣльности. Но близкое знакомство съ бытомъ солдатъ позволило бывшему воспитаннику аристократической среды создать нѣсколько живыхъ безыскусственныхъ, хотя порою и идеализированныхъ образовъ. По большей части это—образы грубыхъ по внѣшности, но отличающихся глубоко-человѣчными свойствами солдатъ (Кавалеръ Лаврентьичъ, Обломъ Иванычъ и др.); рядомъ съ ними, въ качествѣ отрицательныхъ типовъ прежней солдатчины, выводятся „учебные унтеры", фронтовики, изломанные службой и потерявшіе человѣческій образъ.

МАРКО-ВОВЧОКЪ.

Марія Александровна Марковичъ (Марко-Вовчокъ).

М. происходитъ изъ дворянской семьи Велинскихъ, училась въ институтѣ, по окончаніи курса въ которомъ, въ сороковыхъ годахъ, вышла замужъ за извѣстнаго въ свое время этнографа М—ча. Вліянію малоросса-мужа приписываютъ появленіе первыхъ разсказовъ М. изъ малорусской жизни, собранныхъ подъ названіемъ „Народні оповидання". Вслѣдъ за этими разсказами и повѣстями появились разсказы изъ русской крестьянской жизни на русскомъ языкѣ. Въ пореформенную эпоху М. описывала другіе слои населенія въ романахъ и повѣстяхъ: „Живая душа", „Записки причетника", „Теплое гнѣздышко" и др. Въ концѣ 70-хъ годовъ М., выйдя вторично замужъ, оставила литературу. Главное значеніе М. въ литературѣ создано ея разсказами и повѣстями изъ народнаго быта. Вышедшіе въ 1858 и 1859 гг. разсказы эти вновь привлекали вниманіе къ тому слою населенія, интересъ и сочувствіе къ которому уже были возбуждены предшествовавшими произведеніями Тургенева и Григоровича. Въ большой статьѣ („Черты для характеристики русскаго простонародья"), посвященной разбору „Разсказовъ изъ народнаго русскаго быта Марка-Вовчка", Добролюбовъ смотритъ на книгу М., какъ на одну изъ первыхъ ласточекъ въ литературѣ о народѣ. „Сознаніе великой роли народныхъ массъ въ экономіи человѣческихъ обществъ едва начинается у насъ,— писалъ онъ,—и рядомъ съ этимъ смутнымъ сознаніемъ появляются серьезныя, искренно и съ любовью сдѣланныя наблюденія народнаго быта и характера. Въ числѣ этихъ наблюденій едва ли не самое почетное мѣсто принадлежитъ очеркамъ Марка-Вовчка". Разсказы М. посвящены главнымъ образомъ изображенію крѣпостной жизни крестьянства: авторъ описываетъ стремленія крѣпостной дѣвушки вырваться изъ-подъ гнета рабства („Маша"), пустоту барской жизни, играющей судьбой крестьянской дѣвочки („Игрушечка"), житье горничной изъ крѣпостныхъ („Саша"), любовную трагедію кучера и горничной („Купеческая дочка") и т. д. Въ большинствѣ разсказовъ М. уже замѣтно то идеализированіе крестьянской души, которое встрѣчалось потомъ у нѣкоторыхъ народниковъ. Меньшее значеніе, чѣмъ предшествовавшіе разсказы, имѣлъ романъ „Живая душа", берущій героиней интеллигентную дѣвушку, не удовлетворяющуюся праздными разговорами окружающихъ и стремящуюся къ обновленію жизни съ человѣкомъ новаго типа, очерченнаго очень туманно. „Записки причетника" уже своимъ заглавіемъ указываютъ на изображаемый ими бытъ.

П. Якушкинъ

Павелъ Ивановичъ Якушкинъ.

Я. (1820—1872 г.) родился въ усадьбѣ Сабуровѣ, Малоархангельскаго уѣзда, Орловской губ., въ зажиточной дворянской семьѣ. Рано лишившись отца, онъ остался на попеченіи своей матери, женщины съ большимъ умомъ и высокими нравственными качествами, бывшей до замужества простой крѣпостной дѣвушкой. Образованіе получилъ въ орловской гимназіи, а затѣмъ въ московскомъ университетѣ. Встрѣча съ М. П. Погодинымъ и П. Кирѣевскимъ имѣетъ рѣшающее значеніе въ его жизни: посланный по порученію Кирѣевскаго изслѣдовать сѣверныя поволжскія губерніи, онъ уже всю жизнь отдаетъ на собираніе русскихъ народныхъ пѣсенъ. Для этой цѣли онъ, одѣвшись офеней-торговцемъ, лѣто и зиму ходитъ изъ села въ село, вымѣнивая свой товаръ на пѣсни, возбуждая подозрительность мѣстныхъ властей и недовѣріе различныхъ классовъ общества. Подъ конецъ своей жизни онъ, вслѣдствіе столкновенія съ администраціей Макарьевской ярмарки 1865 г., былъ высланъ въ Орелъ къ своей матери, откуда, по прошенію, былъ переведенъ въ Архангельскую губернію, въ Красный Яръ и Енотаевскъ. Умеръ онъ въ городской больницѣ Самары отъ истощенія. Всѣ произведенія Я. носятъ характеръ этнографическихъ замѣтокъ и отдѣльныхъ художественныхъ картинъ изъ народной жизни (его письма изъ разныхъ губерній). Начавъ свои скитанія еще въ эпоху, предшествовавшую паденію крѣпостного права, онъ въ своихъ главныхъ произведеніяхъ („Великъ Богъ земли русской“, „Бунты крестьянскіе“, „Чисти зубы, а не то мужикомъ назовутъ“) даетъ характеристику сначала тревожнаго времени при возникновеніи слуховъ о „волѣ“, затѣмъ недоразумѣній при введеніи уставныхъ грамотъ и, наконецъ, описываетъ бюрократическій режимъ крестьянскаго самоуправленія. Читателю и историку литературы Я. извѣстенъ также своимъ сборникомъ русскихъ народныхъ пѣсенъ, вышедшимъ отдѣльнымъ изданіемъ въ 1865 г.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ УСПЕНСКІЙ.

У. (1837 г., † 26 окт. 1889 г.) родился въ Ефремовскомъ уѣздѣ, Тульской губ., въ семьѣ священника, воспитывался въ Тульской семинаріи, откуда въ 50-хъ гг. перешелъ въ медико-хирургическую академію, а затѣмъ въ петербургскій университетъ. Рѣшившись посвятить себя всецѣло литературной дѣятельности, онъ не кончилъ курса. Къ 1857—58 гг. относится эпоха его популярности; въ *Современникѣ* печатаются его лучшіе разсказы: „Поросенокъ", „Хорошее житье", „Сцены сельскаго праздника", „Груша", „Змѣй". Но съ средины 60-хъ гг. въ обществѣ пропадаетъ интересъ къ его произведеніямъ, и, никѣмъ не поддерживаемый, У. въ продолженіе двадцати лѣтъ ведетъ жизнь безпріютнаго пролетарія, съ ея неизбѣжнымъ порокомъ-пьянствомъ. Онъ является частымъ посѣтителемъ ночлежныхъ домовъ Москвы и Петербурга, собирая нерѣдко милостыню, которую давали ему прохожіе и проѣзжіе, слушавшіе его анекдоты изъ народнаго быта. Переодѣвъ свою дочь мальчикомъ, онъ заставлялъ ее плясать подъ звуки гармоники, чтобы привлечь къ себѣ вниманіе публики. Въ 1889 г. онъ былъ найденъ мертвымъ на одной изъ московскихъ улицъ; причиной смерти было самоубійство. Близко знакомый съ бытомъ народа, въ совершенствѣ усвоившій его языкъ и обращеніе, У. во всѣхъ своихъ разсказахъ сразу же подкупаетъ читателя живостью изображенія и вѣрностью схваченныхъ имъ сценокъ. Въ этомъ и была его литературная заслуга: дальше фотографическихъ снимковъ и анекдотическихъ эпизодовъ онъ не шелъ, предоставивъ послѣдующей плеядѣ писателей развивать народническія тенденціи въ ихъ идейныхъ сочиненіяхъ. Неподкрашенное воспроизведеніе народной жизни, которое видѣлъ въ его первыхъ разсказахъ Чернышевскій, сильно окрашивалось потомъ выборомъ смѣшныхъ и отрицательныхъ сторонъ народной жизни. Это и было причиной охлажденія какъ Чернышевскаго, такъ и читателей къ автору „Хорошаго житья".

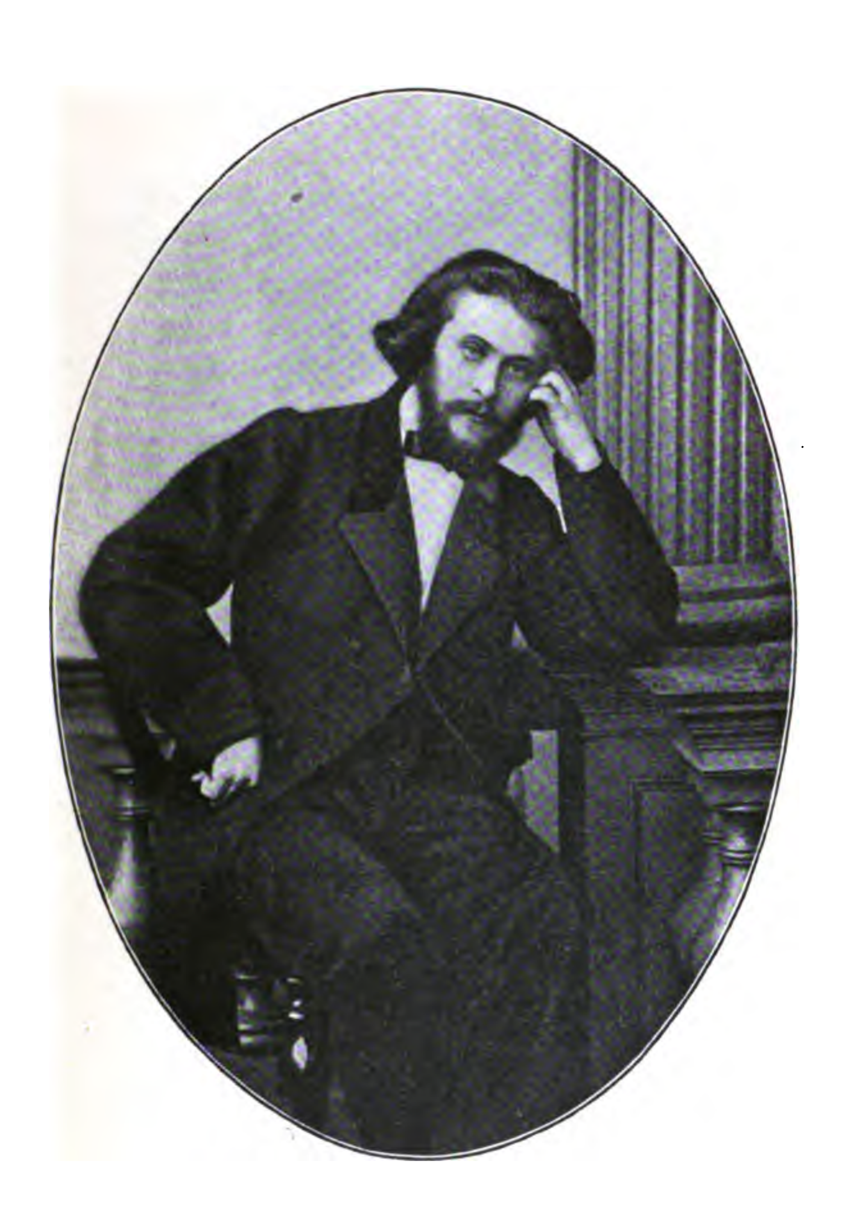

Василій Александровичъ Слѣпцовъ.

С. (17 іюля 1836 г., † 23 марта 1878 г.) родился въ Воронежѣ, происходилъ изъ старинной дворянской фамиліи. Образованіе получилъ сначала въ Москвѣ, въ 1-й гимназіи, затѣмъ въ Пензѣ, въ дворянскомъ пансіонѣ, наконецъ, въ московскомъ университетѣ; въ послѣднемъ слушалъ лекціи по медицинскому факультету, но подъ вліяніемъ Даля, читавшаго о русской этнографіи, занялся изученіемъ народнаго быта. Профессора предложили ему совершить экскурсію во Владиміръ на Клязьмѣ для описанія тамошнихъ фабрикъ. С. отправился во Владиміръ пѣшкомъ, что дало ему возможность ближе познакомиться съ народомъ и его литературой. Послѣ этого онъ окончательно посвятилъ себя изученію народнаго быта, и результатомъ этого изученія явился рядъ народныхъ разсказовъ. Другимъ вопросомъ, особенно интересовавшимъ его, былъ женскій вопросъ. Необыкновенная популярность его среди петербургскаго общества объясняется преимущественно его репутаціей горячаго апологета женской эмансипаціи. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ разстроенное здоровье заставило его бросить литературную дѣятельность и уѣхать на Кавказъ. Скончался въ Сердобскѣ, Саратовской губ. Въ произведеніяхъ С—а фигурируютъ главнымъ образомъ три общественныя группы: крестьянство, бюрократія, интеллигенція. По отношенію къ крестьянству С. далекъ отъ всякой идеализаціи: крестьянство представляется ему грубой, невѣжественной, забитой массой; даже тѣ качества, которыми восторгались лица, идеализировавшія народъ, напр., его трудолюбіе, въ глазахъ С. есть лишь порожденіе злой необходимости борьбы за существованіе. Но тѣмъ не менѣе этому народу, страдавшему отъ тиранніи бюрократіи, принадлежали всѣ симпатіи С., разочарованнаго въ интеллигентномъ обществѣ; послѣднее, по его мнѣнію, воспитано „въ безднѣ пошлости и легкомыслія, изъ которой никакія народныя страданія не могутъ извлечь его до сихъ поръ". Анализу отрицательныхъ сторонъ дворянской интеллигенціи посвящена повѣсть „Трудное время" и отрывокъ изъ романа „Хорошій человѣкъ". По убѣжденію С., всѣ благія начинанія интеллигенціи, ея стремленія просвѣтить народъ не будутъ имѣть никакого успѣха до тѣхъ поръ, пока народъ самъ не заговоритъ о себѣ. Какъ художникъ, С.—талантливый юмористъ, и этотъ юморъ былъ причиной того, что критика слишкомъ односторонне оцѣнила его литературныя заслуги.

Николай Герасимовичъ Помяловскій.

П. (1835 г., † 5 окт. 1863 г.) родился въ семьѣ дьякона одной изъ петербургскихъ церквей. 8 лѣтъ онъ былъ отданъ въ Александровское духовное училище, впечатлѣніе о которомъ изложилъ въ своихъ очеркахъ бурсы, въ 1851 г. перешелъ въ духовную семинарію. Окончивъ семинарію предпослѣднимъ, онъ поселяется у своей матери, посвящаетъ всѣ силы на образованіе младшаго брата, при чемъ пишетъ нѣсколько педагогическихъ очерковъ, одинъ изъ которыхъ „Вуколъ" былъ напечатанъ въ *Журналѣ для воспитанія*. Два года онъ проводитъ безъ опредѣленнаго занятія, предаваясь усиленному чтенію; на его умственное развитіе громадное вліяніе оказываютъ статьи Чернышевскаго и Добролюбова: онѣ заставляютъ его постепенно отрѣшиться отъ всѣхъ взглядовъ, привитыхъ ему педагогами бурсы. Увлекшись вмѣстѣ съ молодежью того времени практической дѣятельностью въ духѣ вводимыхъ реформъ, онъ поступаетъ учителемъ въ шлиссельбургскую воскресную школу въ окт. 1860 г., затѣмъ занимаетъ мѣсто преподавателя въ Смольномъ институтѣ, которое вскорѣ оставляетъ. Въ февралѣ 1861 г. выходитъ его романъ „Мѣщанское счастье", въ мартѣ 1862 г. — „Молотовъ", весной того же года онъ задумываетъ романъ „Братъ и сестра". Чувствуя всю жизнь ненависть къ крѣпостнической культурѣ, онъ еще болѣе укрѣпляется въ непріязненномъ отношеніи къ послѣдней послѣ тѣснаго сближенія съ литературнымъ міромъ, заводитъ знакомства въ бѣднѣйшихъ слояхъ общества, пропадаетъ недѣлями въ самыхъ грязныхъ притонахъ нищеты. Роковое значеніе имѣла для него страсть къ вину, доводившая его неоднократно до бѣлой горячки. Вскорѣ послѣ закрытія *Современника* онъ умираетъ отъ гангрены ноги. Литературную извѣстность П. составилъ себѣ „Очерками бурсы", въ которыхъ далъ правдивую характеристику жизни духовнаго училища 40-хъ годовъ. Въ „Молотовѣ" и „Мѣщанскомъ счастьѣ" онъ одинъ изъ первыхъ выводитъ типъ пролетарія-разночинца: онъ задается цѣлью указать отношеніе богатыхъ классовъ къ плебеямъ, обрисовать тотъ антагонизмъ мелкой буржуазіи съ крупной и землевладѣльческимъ дворянствомъ, который составляетъ „общій міровой законъ". На почвѣ этой борьбы за существованіе вырастаютъ интеллигенты-мѣщане, умственно далеко опередившіе свою среду, но прикованные къ ней своимъ происхожденіемъ и презираемые аристократическими слоями общества. Таковы разночинцы Молотовъ и Череванинъ. Въ лицѣ Череванина говоритъ самъ авторъ, горячо протестующій противъ современныхъ ему формъ общественнаго строя, но его протестъ носитъ мрачный характеръ скептицизма, отсутствія вѣры въ свои силы. Въ жизни Молотова П. находитъ примиреніе: послѣ долгихъ жизненныхъ неудачъ Молотовъ достигаетъ счастья въ удовлетворенной любви, обставленной матеріальнымъ благосостояніемъ и относительной независимостью въ трудѣ „безъ призванія". Безпощадный эгоизмъ проповѣдуетъ передъ смертью Потесинъ въ недоконченномъ романѣ „Братъ и сестра", проклиная свою честность, вѣру въ людей, приходя къ убѣжденію, что не гуманность, а жестокость даютъ человѣку счастливую обезпеченную жизнь.

Н. Помяловскій

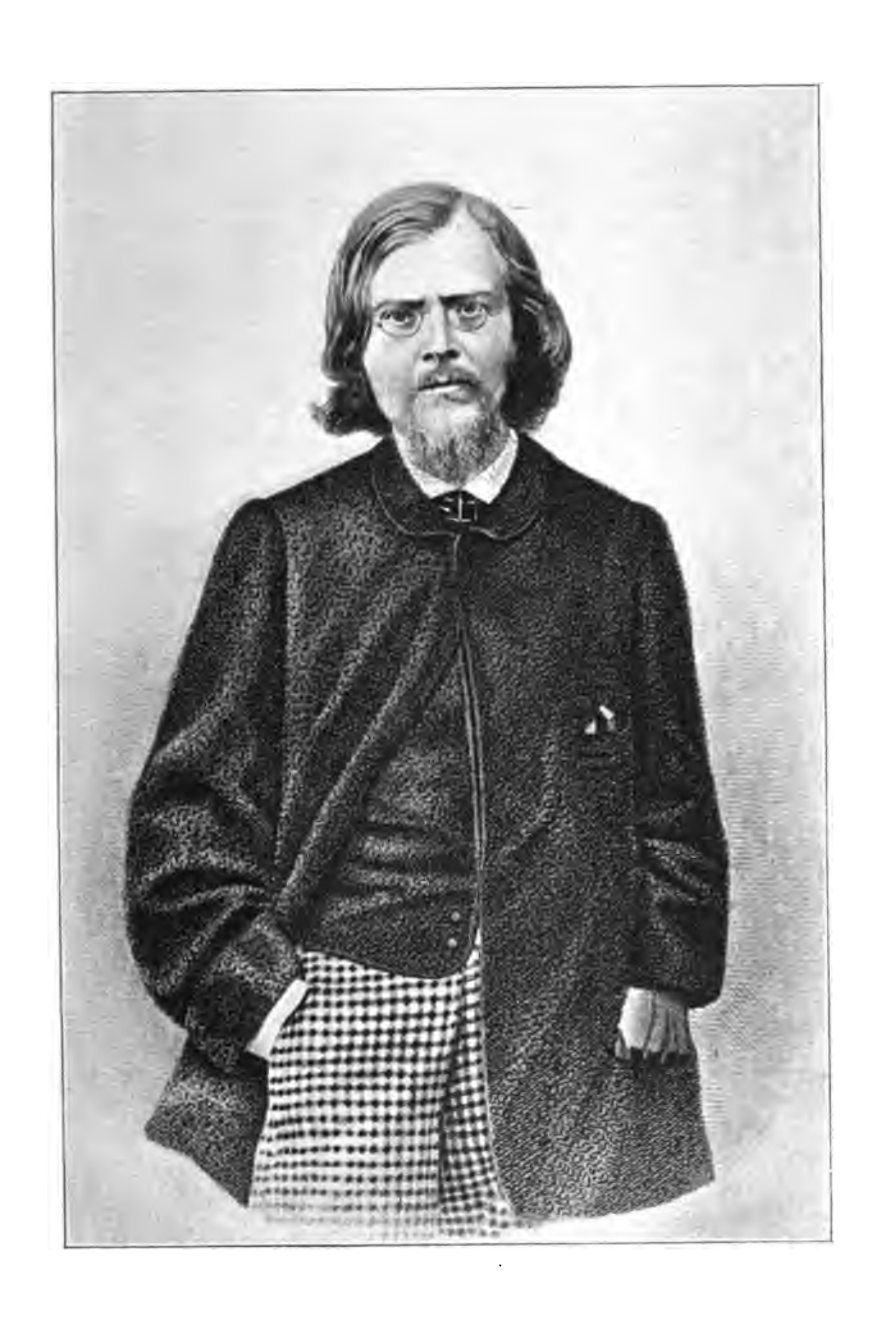
В. Трощезниковъ.

Ѳедоръ Михайловичъ Рѣшетниковъ.

Р. (5 сент. 1841 г., † 9 марта 1871 г.) родился въ Екатеринбургѣ; отецъ его былъ дьячокъ, смѣнившій затѣмъ свое духовное званіе на должность почтальона, человѣкъ спившійся. Мать Р. ушла отъ мужа съ малолѣтнимъ сыномъ въ Пермь, гдѣ вскорѣ умерла, оставивши мальчика на рукахъ дяди и тетки. Дядя, чиновникъ почтоваго вѣдомства, очень сурово обращался со своимъ воспитанникомъ. 10 лѣтъ отъ роду Р. былъ отданъ въ уѣздное училище, откуда дважды пытался бѣжать. Во время вторичнаго побѣга онъ долго скрывался среди заводскихъ рабочихъ. Кромѣ этихъ побѣговъ его пребываніе въ училищѣ ознаменовано еще слѣдующимъ печальнымъ эпизодомъ: пользуясь на почтѣ свободнымъ доступомъ къ приходящей корреспонденціи, онъ бралъ себѣ газеты и письма. Въ числѣ утаенныхъ имъ бумагъ оказался одинъ манифестъ; противъ Р. было возбуждено судебное слѣдствіе, которое завершилось заключеніемъ его на покаяніе въ Соликамскій монастырь. Наконецъ въ 1859 г. ему удалось кончить курсъ, послѣ чего онъ опредѣлился въ екатеринбургскій уѣздный судъ, гдѣ должность помощника столоначальника чернорабочаго стола способствовала его ознакомленію съ темными сторонами рабочаго быта. Въ 1860 году онъ перевелся въ Пермь въ канцелярію казенной палаты. Занимаясь литературой, онъ обратилъ на себя вниманіе пріѣхавшаго изъ Петербурга ревизора, который предложилъ ему мѣсто въ столицѣ. Но въ Петербургѣ его ожидали сильно стѣсненное матеріальное положеніе, непріятности по службѣ и, наконецъ, отставка. Женившись на одной изъ землячекъ, онъ съ трудомъ прокармливалъ свою семью литературной работой и умеръ, физически и духовно надломленный, на 30-мъ году жизни. Жизненныя невзгоды развили въ Р—вѣ скептическое отношеніе къ людямъ: съ замѣчательной послѣдовательностью Р. рисуетъ ихъ эгоистами, видитъ въ человѣческой психологіи лишь игру своекорыстныхъ побужденій, но при этомъ объясняетъ эгоизмъ какъ слѣдствіе тяжелой борьбы за существованіе. Съ подобнымъ натуралистическимъ взглядомъ Р. приступаетъ къ анализу крестьянской жизни сѣвернаго края („Подлиповцы"); но вообще крестьяне сами по себѣ мало интересуютъ Р—ва: онъ самъ заявилъ, что написалъ „Подлиповцы" исключительно съ цѣлью нарисовать жизнь бурлаковъ. Лица, оторванныя отъ деревни, преимущественно заводскіе рабочіе („Гдѣ лучше", „Горнорабочіе"), а также пролетаріи, вышедшіе изъ чиновнической, духовной или мелко-буржуазной среды („Свой хлѣбъ", „Между людьми")—любимые герои Р—а. Его произведенія въ цѣломъ представляютъ изъ себя многостороннюю картину того соціальнаго переустройства, которое характеризуетъ пореформенную Россію. Среди новонарождавшейся культуры его герои совершаютъ безконечныя странствованія, ищутъ себѣ обезпеченный уголъ въ провинціи и столицѣ, на рѣкахъ и на желѣзныхъ дорогахъ, въ ремесленныхъ мастерскихъ и на фабрикахъ, и въ результатѣ не достигаютъ желаемаго. Гдѣ лучше? на этотъ вопросъ Р. отвѣчаетъ, что человѣку вездѣ было бы хорошо, еслибъ его вездѣ не притѣсняли.

Александръ Ивановичъ Левитовъ.

Л. (20 іюня 1835 г., † 4 января 1877 г.) сынъ дьячка, родился въ селѣ Добромъ, Лебедянскаго уѣзда, Тамбовской губ. Рано научившись грамотѣ, онъ уже 8 лѣтъ помогалъ отцу въ школѣ, устроенной послѣднимъ. Учился въ лебедянскомъ духовномъ училищѣ и тамбовской семинаріи. Курса послѣдней не кончилъ вслѣдствіе жестокаго обращенія съ нимъ семинарскаго начальства, смотрѣвшаго подозрительно на увлеченіе Л—ва литературой. Выйдя изъ семинаріи, онъ пѣшкомъ отправился въ Москву; затѣмъ изъ Москвы переѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ въ медико-хирургическую академію. Въ 1856 г. Л. былъ удаленъ изъ академіи и высланъ на жительство въ Шенкурскъ. Въ Шенкурскѣ, живя въ стѣсненной обстановкѣ, онъ пріобрѣлъ страсть къ спиртнымъ напиткамъ,—страсть, отъ которой онъ не могъ впослѣдствіи отдѣлаться и которая была несчастіемъ всей его жизни. Въ Шенкурскѣ пробылъ онъ два года; затѣмъ годъ жилъ въ Вологдѣ. Въ 1859 г. ему разрѣшено было пребываніе въ любомъ городѣ Россійской имперіи; сначала онъ посѣтилъ Лебедянь, затѣмъ поселился въ Москвѣ. Знакомство съ Аполлономъ Григорьевымъ открыло ему дорогу въ литературный міръ. Поступивъ секретаремъ въ редакцію *Русскаго Вѣстника*, Л. сотрудничалъ во многихъ лучшихъ журналахъ того времени. Съ средины 60-хъ годовъ онъ начинаетъ вести кочевой образъ жизни: живетъ попеременно то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ; занимается то педагогическою, то канцелярскою (на желѣзной дорогѣ) дѣятельностью, терпитъ тяжелую нужду. Въ 1871 г. онъ на короткое время становится редакторомъ журнала *Сіяніе*. Подъ конецъ жизни его матеріальное положеніе становится совершенно безвыходнымъ; страсть къ вину и чахотка постепенно разрушаютъ его тѣлесныя силы. Умираетъ онъ послѣ сильной простуды въ университетской клиникѣ. — Героями разсказовъ Л—ва являются, по преимуществу, сельскій и городской пролетаріатъ и Lumpen-пролетаріатъ („Горе дорогъ, селъ и городовъ“, „Московскія трущобы“). Хотя его часто называютъ народникомъ, но если понимать этотъ терминъ въ смыслѣ идеализатора крестьянской жизни, то народникомъ Л. не былъ. Скорѣе онъ склоненъ изображать деревенскихъ обывателей съ темной стороны, грубыми и слѣпыми защитниками неприкосновенности застывшей хозяйственной культуры. Онъ не боится раскрывать темныхъ язвъ и пролетаріатскаго быта, но къ пролетаріямъ онъ всегда умѣетъ внушить симпатіи, надѣляя ихъ живой, страдающей душой, рисуя ихъ существованіе среди ужасающей матеріальной обстановки. По художественнымъ пріемамъ Л. представляетъ изъ себя рѣзкую противоположность современнымъ ему родственнымъ писателямъ: у него нѣтъ ни ихъ реализма, ни ихъ сухости и жесткости, онъ—чистѣйшей воды лирикъ, доходящій порой до настоящаго импрессіонизма, лирикъ „сѣрыхъ“, щемящихъ настроеній, кошмаровъ и галлюцинацій, навѣянныхъ алкоголемъ.

А Левитовъ

ВАС. СТЕП.
КУРОЧКИНЪ.

ДМ. ДМ.
МИНАЕВЪ.

Василій Степановичъ Курочкинъ.

К. (28 іюля 1831 г., † 15 августа 1875 г.) родился въ Петербургѣ, воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ, по окончаніи курса нѣсколько лѣтъ оставался въ военной службѣ, затѣмъ служилъ въ другихъ вѣдомствахъ и, наконецъ, цѣликомъ отдался литературѣ. Переводы и юмористическія произведенія создали быстро его извѣстность. Беранже сдѣлался тогда любимымъ и читаемымъ русской публикой поэтомъ, благодаря талантливымъ переводамъ К—на. Съ 1859 г. К. сталъ во главѣ лучшаго изъ когда-либо существовавшихъ въ Россіи сатирическихъ журналовъ *Искры* и въ теченіе долгаго ряда лѣтъ клеймилъ въ этомъ журналѣ общественные пороки, предразсудки и несправедливости, оставаясь вѣрнымъ тѣмъ идеямъ, которыя воодушевляли лучшихъ людей шестидесятыхъ годовъ. Въ его сатирическихъ произведеніяхъ и стихахъ не было „творящаго искусства", но въ нихъ кипѣла „живая кровь", и это живое отношеніе къ передовымъ идеямъ своего времени обусловливало ту силу обличенія, которая отличала *Искру*. Послѣ закрытія этого журнала, К. сотрудничалъ въ нѣсколькихъ изданіяхъ, бѣдствовалъ, болѣлъ и умеръ, случайно принявши бо́льшую дозу наркотическаго лѣкарства, чѣмъ слѣдовало.

Дмитрій Дмитріевичъ Минаевъ.

М. (1835 г.—1889 г.) родился въ Симбирскѣ, происходилъ изъ симбирскихъ дворянъ. Воспитывался дома, затѣмъ въ дворянскомъ полку. Нѣкоторое время служилъ въ симбирской казенной палатѣ и затѣмъ въ земскомъ отдѣлѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Рано началъ писать стихи; первымъ его крупнымъ произведеніемъ была сатира на симбирское высшее общество. Съ конца 50-хъ годовъ онъ сотрудничаетъ въ журналахъ: *Искрѣ*, *Современникѣ*, *Русскомъ Словѣ*, затѣмъ *Дѣлѣ*, *Отечественныхъ Запискахъ*, *Русской Мысли*. Умеръ въ Москвѣ. М.—одинъ изъ виднѣйшихъ представителей сатирико-соціальной поэзіи 60-хъ годовъ (онъ, вмѣстѣ съ Курочкинымъ, создалъ громкую популярность *Искрѣ*). Сатиры его по преимуществу направлены противъ столичной бюрократіи и столичной аристократіи, противъ карьеризма и и буржуазнаго псевдо-либерализма, противъ толпы „ренегатовъ, кликушъ, временщиковъ и невскихъ Клеопатръ". Кромѣ общегражданскихъ мотивовъ М. иногда затрогиваетъ болѣе жгучіе соціальные мотивы, скорбитъ объ уча-

сти обездоленныхъ экономически классовъ народа („Насущный вопросъ“, „Проклятые вопросы“). Но положительной соціальной программы М. не имѣлъ, довольствуясь лишь неопредѣленнымъ культомъ свободы. Не находя яснаго разъясненія „проклятыхъ“ вопросовъ, онъ впадаетъ въ пессимистическое настроеніе; нерѣдко мы встрѣчаемъ у него и мотивъ саморазочарованія. Какъ художникъ, М. отличался большою виртуозностью стиха, обладалъ богатѣйшимъ запасомъ риѳмъ. Кромѣ оригинальныхъ стихотворныхъ произведеній, М. принадлежитъ масса переводовъ изъ Байрона, Гёте, Бернса, Корнуэля, Мура, Гейне, Данте, Леопарди и др. Одновременно со стихами, М. писалъ и прозой (обличительные фельетоны въ *Русскомъ Словѣ* и *Дѣлѣ* и комедіи „Либералъ“, „Спѣтая пѣсня“ и др.).

Алексѣй Михайловичъ Жемчужниковъ.

Ж. (род. въ февралѣ 1821 года) происходитъ изъ дворянской семьи, учился въ училищѣ правовѣдѣнія, по окончаніи курса въ которомъ поступилъ на гражданскую службу. Такъ какъ исполненіе чужихъ предписаній, какъ онъ говоритъ въ своей автобіографіи, мало удовлетворяло его, то онъ скоро вышелъ въ отставку. Поэтическая дѣятельность его началась рано, но печататься Ж. началъ на 30-мъ году жизни, доставляя въ журналы лирическія стихотворенія, эпиграммы, сатиры и т. п. Имѣя сотрудниками двухъ своихъ братьевъ и А. Толстого, онъ, подъ псевдонимомъ Козьмы Пруткова, писалъ афоризмы, пародіи на поэтовъ и другія сатирическія произведенія. Подъ собственнымъ именемъ Ж. писалъ лирическія стихотворенія, но главнымъ образомъ выступалъ, какъ поэтъ-гражданинъ, клеймившій неправду и лицемѣріе въ обществѣ. Свои лучшія гражданскія стремленія онъ сохранилъ до глубокой старости, и эта заслуга была главнымъ образомъ отмѣчена, когда праздновался 50-тилѣтній юбилей его литературной дѣятельности. Въ 1900 году избранъ почетнымъ членомъ Академіи по разряду изящной словесности. Его прозаическія произведенія мало распространены въ публикѣ.

А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВЪ.

Дмитрій Ивановичъ Писаревъ.

П. (2 окт. 1840 г., † 4 іюля 1868 г.) родился въ имѣніи Знаменскомъ, Славянскаго уѣзда, Орловской губ., происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода. Воспитывался сначала дома, въ богатой барской обстановкѣ; благодаря условіямъ этой обстановки, въ немъ рано развился самолюбивый, рыцарски-прямой характеръ. Его воспитаніе было направлено на то, чтобы выработать въ немъ качества, необходимыя для человѣка, которому предстоитъ блестящая свѣтская карьера. Особенно большое вліяніе на его первоначальное развитіе оказала его мать. Въ 1851 году П. былъ отвезенъ въ Петербургъ и опредѣленъ въ гимназію (жилъ въ Петербургѣ у своего дяди). Окончивши гимназическій курсъ съ серебряною медалью въ 1856 г., онъ поступилъ на филологическій факультетъ петербургскаго университета. „Университетская наука“ нисколько не способствовала дальнѣйшему развитію П—ва; больше вліянія оказало на него знакомство съ кружкомъ студентовъ идеалистически-аскетическаго направленія. Впрочемъ, вліяніе этого кружка на П. продолжалось сравнительно недолго. Какъ причины общественнаго характера (пробужденіе общества передъ эпохой реформъ), такъ и факты личной жизни П—ва (несчастная любовь къ кузинѣ) произвели въ немъ рѣшительный духовный переломъ. Общественное пробужденіе сказалось въ немъ участіемъ въ тогдашнихъ студенческихъ сходкахъ. Несчастный романъ довелъ П—ва до психической болѣзни: П. пробылъ 3 мѣсяца въ психіатрической больницѣ, покушался дважды на самоубійство и, наконецъ, бѣжалъ изъ больницы; затѣмъ онъ нѣкоторое время отдыхалъ въ родовой деревнѣ. Начавши свою литературную дѣятельность еще на третьемъ курсѣ университета (онъ помѣщалъ тогда рецензіи въ *Разсвѣтѣ*, журналѣ для взрослыхъ дѣвицъ), П., окончивши университетъ съ серебряною медалью, всецѣло отдался литературѣ, ради которой отказался отъ улыбавшейся ему профессорской карьеры. Съ 1861 г. онъ принимаетъ участіе въ *Русскомъ Словѣ*, сначала въ качествѣ простого сотрудника, а затѣмъ какъ помощникъ редактора. Въ 1862 г. за помѣщеніе статьи о брошюрѣ барона Шедоферотта (по поводу Герцена) въ нелегальномъ журналѣ П. былъ арестованъ, заключенъ въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ просидѣлъ 4 года. Періодъ заключенія въ крѣпости — періодъ наибольшаго расцвѣта его критическаго таланта и наибольшаго напряженія его писательскихъ силъ: здѣсь написаны такія вещи, какъ „Наша университетская наука“, „Реалисты“ и пр. Въ 1866 г. онъ получаетъ свободу; ему разрѣшаютъ оставаться въ Петербургѣ. Въ томъ же году у него происходитъ ссора съ Благосвѣтловымъ: послѣ запрещенія *Русскаго Слова* онъ отказывается отъ участія въ благосвѣтловскомъ *Дѣлѣ* (въ *Дѣлѣ* помѣщена имъ всего одна статья), усиленно ищетъ работы, занимается переводами (переводитъ Шерра, — „Исторію цивилизаціи въ Германіи“), сближается съ *Отечественными Записками*. Въ 1868 г., отправившись лѣтомъ для поправленія здоровья въ Дуббельнъ, П. утонулъ, купаясь въ морѣ. Погребенъ въ Петербургѣ на Волковомъ кладбищѣ. П.—яркій защитникъ „мыслящаго пролетаріата“; во всѣхъ главныхъ

произведеніяхъ зрѣлаго періода своей писательской дѣятельности (мы не беремъ періодъ его юношескаго увлеченія эстетическимъ эпикуреизмомъ) онъ съ особеннымъ удареніемъ отмѣчаетъ значеніе труда: „Вся наша надежда покоится на тѣхъ людяхъ, которые сами себя кормятъ". Всѣ качества, всѣ симпатіи и антипатіи Базарова опредѣляются тѣмъ обстоятельствомъ, что Базаровъ — мыслящій пролетарій („Базаровъ"). Особенно ясно высказано ученіе о трудѣ въ той статьѣ, которую П. посвятилъ разбору романа „Что дѣлать?" Чернышевскаго, въ которой онъ теоретически изложилъ всю свою profession de foi. Подъ понятіемъ труда П. разумѣетъ трудъ какъ умственный, такъ и физическій. Но „новымъ людямъ" въ Россіи, въ силу ея экономическаго недоразвитія, приходится пока оставить мысль о физическомъ трудѣ („Реалисты"). Трудящійся интеллигентъ долженъ избрать себѣ поприщемъ дѣйствія или разработку наукъ преимущественно естественно-историческихъ или популяризацію знанія среди общества; работая такъ, онъ долженъ ждать, пока свѣтъ знанія не озаритъ темныхъ подваловъ, гдѣ обитаютъ другіе труженики. П. никогда не выражалъ русской крестьянской общинѣ тѣхъ симпатій, которыя выражались Чернышевскимъ и Добролюбовымъ, не былъ народникомъ; одно время онъ идеализировалъ капиталистовъ и возлагалъ на ихъ „просвѣщенную" дѣятельность великія надежды, но онъ съ величайшею симпатіей относился къ промышленному пролетаріату (напр., „Пчелы" и „Зарожденіе культуры"); объ этомъ пролетаріатѣ П. говоритъ, впрочемъ, лишь мимоходомъ, сосредоточивая все свое вниманіе на выясненіи идеальнаго міросозерцанія мыслящаго пролетаріата. Это міросозерцаніе онъ формулировалъ слѣдующимъ образомъ: трудовая независимость интеллигента должна имѣть своимъ послѣдствіемъ независимость этого интеллигента отъ всевозможныхъ кастовыхъ и общественныхъ предразсудковъ. Любовь къ труду должна быть единственнымъ принципомъ „новаго человѣка", вѣра въ умъ—его единственной вѣрой; а кто любитъ трудъ, тотъ сознательно любитъ самого себя, научается глубоко уважать свою личность. Уваженіе исключительно къ своей личности есть своего рода эгоизмъ, но люди „новые", живущіе трудомъ и чувствующіе физіологическое отвращеніе къ самому гуманному и добродушному филистерству, могутъ быть безъ малѣйшаго опасенія эгоистами до послѣдней степени. Лишь этотъ эгоизмъ дѣлаетъ человѣка сильнымъ, цѣльнымъ, здоровымъ, нераздвоеннымъ и даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность возвышаться до идеи всечеловѣческой пользы. Идеаломъ П—ва является типъ, обрисованный Тургеневымъ въ лицѣ Базарова. Отстаивая принципы подобнаго міровоззрѣнія, П. жестоко нападалъ на кастовые предразсудки дворянства и буржуазіи, на безпочвенную, отвлеченную науку, на метафизику и эстетику. Особенно глубоко онъ ненавидѣлъ эстетику, которую считалъ лишь за проявленіе атавистическихъ, безсознательныхъ инстинктовъ. Борясь за идеалъ трудящагося, свободнаго отъ всякой мечтательности, пролетарія, въ „Прогулкѣ по садамъ россійской поэзіи" онъ разгромилъ Пушкина. Кромѣ критическихъ статей, П. написалъ много популярныхъ статей по вопросамъ естественно-историческихъ наукъ.

ДМИТР. ИВ.
ПИСАРЕВЪ.

Д. Писаревъ

ВАРѲОЛ. АЛЕКСАНДР. ЗАЙЦЕВЪ.

З. († въ январѣ 1882 г.), рѣзкій полемистъ и критикъ *Русскаго Слова*. Ведя библіографическій отдѣлъ журнала, онъ имѣлъ возможность высказываться по всевозможнымъ вопросамъ исторіи, политики, соціологіи, этики и пр. въ пользу матеріализма и утилитаризма. Изъ отдѣльныхъ статей З—а слѣдуетъ отмѣтить: „Бѣлинскій и Добролюбовъ“—оцѣнка историческаго значенія обоихъ критиковъ, съ выясненіемъ какъ ихъ положительныхъ, такъ и отрицательныхъ сторонъ; „Послѣдній философъ-идеалистъ“ — критика философской системы Шопенгауэра, какъ стистемы, знаменующей собою осужденіе метафизики и переходъ къ матеріализму; „Маколей“. Послѣ 1866 года З. уѣхалъ за границу и жилъ тамъ до самой смерти, занимаясь преимущественно исторіей. Помимо оригинальныхъ работъ З. много переводилъ: перевелъ, напр., сочиненія Ф. Лассаля и Гонслера. Умеръ въ Кларанѣ, на берегу Женевскаго озера.

ГРИГОРІЙ ЕВЛАМПІЕВ. БЛАГОСВѢТЛОВЪ.

Б. (род. 1824 г., † 7 ноября 1880 г.) родился въ Ставрополѣ на Кавказѣ, въ семьѣ полкового священника. Образованіе получилъ въ духовномъ училищѣ, въ саратовской семинаріи, спб. медико-хирургической академіи и спб. университетѣ. Окончивши образованіе, онъ преподавалъ русскій языкъ въ военныхъ заведеніяхъ. Уволенный со службы, благодаря одной непріятности въ 1885 году, онъ отправился за границу, сначала въ Англію (въ Лондонѣ учительствовалъ въ семьѣ Герцена), затѣмъ во Францію. Въ 1859 году онъ начинаетъ принимать близкое участіе въ *Русскомъ Словѣ*, а съ 1863 года становится его редакторомъ. По прекращеніи *Р. С.* (1866 г.) предпринялъ изданіе *Дѣла*, которое и велъ до самой смерти. Б.—одинъ изъ крайнихъ представителей „индивидуализма“ 60-хъ годовъ. Не обладая полемическимъ талантомъ, не обладая также такою способностью къ анализу и теоретическимъ построеніямъ, какъ Писаревъ, онъ не уступалъ въ оригинальности и смѣлости взглядовъ (нѣкоторыя изъ знаменитыхъ положеній Писарева были высказаны Б—мъ еще въ началѣ 60-хъ годовъ). Лучшія статьи Б—ва посвящены преимущественно вопросамъ народнаго образованія („О значеніи университетовъ въ системѣ народнаго воспитанія“, „Кто съ нами“) или женскому вопросу („На что намъ нужны женщины“). Другая часть статей представляетъ изъ себя распространенныя рецензіи на выходящія книги. Главное же значеніе въ развитіи русской литературы Б. имѣлъ, какъ редакторъ *Русскаго Слова* и *Дѣла*.

Н. Шелгуновъ

Николай Васильевичъ Шелгуновъ.

Ш. (22 ноября 1824 г., † 12 апрѣля 1891 г.) сынъ моряка, четырехъ лѣтъ былъ помѣщенъ въ малолѣтнее отдѣленіе Александровскаго военнаго корпуса, а девяти лѣтъ переведенъ въ лѣсной институтъ, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1841 г. Занявъ мѣсто таксатора въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, онъ въ то же время начинаетъ литературную дѣятельность рядомъ статей по своей спеціальности, помѣщенныхъ въ *Сынѣ Отечества*, *Библіотекѣ для чтенія*. Служилъ онъ по лѣсному вѣдомству въ различныхъ городахъ Россіи, ѣздилъ для изученія лѣсного хозяйства за границу, былъ одно время профессоромъ, написалъ нѣсколько выдающихся сочиненій по своей спеціальности: „Лѣсоводство", „Исторія лѣсного законодательства" и др. Въ 1862 году онъ оставляетъ службу и отдается публицистической дѣятельности. Сначала пишетъ въ *Русскомъ Словѣ*, затѣмъ въ *Дѣлѣ*, которое послѣдніе годы выходило подъ его редакціей. Съ 1872 г. онъ пишетъ въ *Недѣлѣ*, а съ 1885 г. начинаетъ сотрудничать въ *Русской Мысли*, гдѣ его „Очерки русской жизни" обращаютъ на себя большое вниманіе общества; одновременно съ этимъ онъ помѣщаетъ нѣсколько статей въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*. Публицистическая дѣятельность Ш., вслѣдствіе случайностей нашей общественной жизни, прерывалась нѣсколько разъ, — ему приходилось жить въ Вологдѣ, Калугѣ, Новгородѣ, Выборгѣ и Смоленской губ. Ш. былъ одинъ изъ типичныхъ представителей людей шестидесятыхъ годовъ; какъ говорится въ одномъ изъ его некрологовъ, онъ былъ „борцомъ за правду, проповѣдникомъ гуманности, человѣкомъ твердыхъ убѣжденій и крупнаго таланта". Въ статьѣ, помѣщенной въ предисловіи къ собранію его сочиненій, Н. К. Михайловскій такими словами характеризуетъ его дѣятельность: „Съ шестью десятками лѣтъ на плечахъ, послѣ десятковъ лѣтъ утомительной литературной работы, послѣ всяческихъ житейскихъ невзгодъ, онъ не зачерствѣлъ, не состарился умомъ и чувствомъ и не сложилъ рукъ. Онъ все тотъ же идеалистъ земли, и на фонѣ нынѣшней нашей литературы онъ кажется даже моложе, чѣмъ когда-нибудь".

Александръ Константиновичъ Шеллеръ (Михайловъ).

Ш. родился 30 іюня 1838 г. въ Петербургѣ, въ эстонской семьѣ камеръ-музыканта, воспитывался въ Анненской школѣ. Въ 1857 г. поступилъ вольнослушателемъ въ петербургскій университетъ и нѣкоторое время провелъ за границей. По выходѣ изъ университета основалъ школу для бѣдныхъ, которая существовала до 1863 г. Послѣ 1863 г. нѣсколько лѣтъ занимался за границей изученіемъ соціальныхъ вопросовъ и въ то же время сдѣлался участникомъ *Современника* („Гнилыя болота" 1864 г., „Жизнь Шупова" 1865 г.). Затѣмъ онъ завѣдуетъ иностраннымъ отдѣломъ въ *Русскомъ Словѣ*, редактируетъ *Дѣло*, *Недѣлю* до 1877 г., послѣ чего принимается за *Живописное Обозрѣніе*. Романы его выходятъ одинъ вслѣдъ за другимъ: „Въ разбродъ", „Господа Обносковы", „Старыя гнѣзда", „Хлѣба и зрѣлищъ", „Безпечальное житье", „Лѣсъ рубятъ—щепки летятъ" и др. Изъ публицистическихъ трудовъ его дѣлаются извѣстны: „Пролетаріатъ во Франціи", „Ассоціаціи во Франціи, Германіи и Англіи", „Наши дѣти", „Смутное время анабаптизма", „Секты въ Америкѣ". М.—апологетъ интеллигенціи, какъ общественной силы; онъ ищетъ пробужденія умственныхъ способностей во всѣхъ классахъ общества. Въ своихъ произведеніяхъ онъ много мѣста отводитъ анализу той обстановки, среди которой растетъ и воспитывается молодое поколѣніе. Горячій протестъ въ авторѣ возбуждаетъ легкомысленное отношеніе родителей къ своимъ дѣтямъ, пагубно дѣйствующее на правильность умственнаго развитія ребенка. Съ особенной любовью онъ прослѣживаетъ процессъ выработки критическаго взгляда на дѣйствительную жизнь. Сынъ лакея („Гнилыя болота"), сынъ помѣщика („Жизнь Шупова"), сынъ дворянина, пасынокъ морского офицера („Въ разбродъ") въ концѣ концовъ выбиваются изъ состоянія безсознательнаго къ твердому преслѣдованію идеаловъ. Конечно, ихъ міросозерцаніе не носитъ въ себѣ такихъ опредѣленныхъ формъ, по которымъ можно было бы судить, какого класса защитниками они являются, на сторону чьихъ интересовъ клонятся ихъ симпатіи. Они просто стоятъ за всѣхъ угнетенныхъ и обиженныхъ; ихъ практическая дѣятельность сводится къ занятіямъ наукою, открытію школъ и вообще всякой культурной работѣ. По отношенію къ крестьянству они сами признаются въ незнаніи соціальнаго строя деревенской жизни; рабочій классъ, какъ нѣчто цѣлое, совершенно игнорируется ими. Остается одна не партійная, чисто филантропическая дорога, на которую они и вступаютъ, полные свѣтлыхъ надеждъ.

—

МИХАЙЛОВЪ (ШЕЛЛЕРЪ).

И. В. ѲЕДОРОВЪ-ОМУЛЕВСКІЙ.

МИХ. ВАСИЛЬЕВ. АВДѢЕВЪ.

Иннокентій Васильевичъ Ѳедоровъ (Омулевскій).

Ѳ. (1836 г., † 26 дек. 1883 г.) родился въ Петропавловскомъ портѣ (Камчатка) въ семьѣ мѣстнаго исправника. Воспитаніе получилъ сначала дома, затѣмъ въ иркутской гимназіи, гимназическаго курса не окончилъ, выйдя изъ 6-го класса; нѣкоторое время служилъ въ Иркутскѣ, но вскорѣ службу бросилъ, уѣхалъ въ Петербургъ; посѣщалъ въ качествѣ вольнослушателя лекціи на юридическомъ факультетѣ петербургскаго университета, увлекался передовыми вѣяніями реформенной эпохи, занимался исключительно литературнымъ трудомъ (лишь самое короткое время служилъ чиновникомъ особыхъ порученій при витебскомъ губернаторѣ). Въ 1863 г. по настоянію своего отца, встревоженнаго разсѣяннымъ образомъ жизни поэта, уѣзжаетъ въ Иркутскъ, но черезъ 2 года снова возвращается въ Петербургъ, ведетъ жизнь литературнаго пролетарія, сотрудничаетъ въ *Современникѣ*, *Русскомъ Словѣ*, *Дѣлѣ*. Конецъ 60-хъ годовъ—время полнаго расцвѣта его литературнаго таланта (главнѣйшее его произведеніе, романъ „Шагъ за шагомъ“, появляется въ *Дѣлѣ* 1870 г.). Въ 1873 г. Ѳ. подвергается аресту и заключенію въ Петропавловскую крѣпость, откуда переводится въ Литовскій замокъ. Выпущенный на свободу, онъ продолжаетъ литературную дѣятельность, терпитъ большую нужду, опасно заболѣваетъ, при чемъ едва не лишается зрѣнія, въ 1879 г. уѣзжаетъ въ Иркутскъ для полученія наслѣдства послѣ отца. Вернувшись въ Петербургъ, онъ отъ матеріальныхъ лишеній и усиленной работы заболѣваетъ чахоткой. Въ 1883 г., незадолго до его смерти, выходитъ сборникъ его стихотвореній „Пѣсни жизни“. Наравнѣ съ Писаревымъ, Шеллеромъ, Бажинымъ Ѳ. теоретикъ эмансипированной интеллигенціи 60 — 70-хъ годовъ. Его лирика интересна преимущественно по преобладающимъ въ ней психологическимъ, индивидуальнымъ элементамъ, которые выдѣляютъ Ѳ. изъ группы современныхъ ему поэтовъ, спеціализировавшихся на сатирѣ и обще-гражданскихъ мотивахъ (хотя у Ѳ. немало стихотвореній обличительнаго характера).

Михаилъ Васильевичъ Авдѣевъ.

А. (22 сентября 1821 г., † 1 февр. 1876 г.) родился въ Оренбургѣ. Окончивъ курсъ въ корпусѣ инженеровъ путей сообщенія, служилъ нѣкоторое время въ военной службѣ, потомъ членомъ присутствія по крестьянскимъ дѣламъ. Въ 1862 году, уже оставивши службу, былъ сосланъ въ Пензу, а въ 1863 г. уѣхалъ на много лѣтъ за границу. Литературная извѣстность А. началась послѣ того, какъ имъ былъ выведенъ отталкивающій типъ провинціальнаго Печорина. Романъ, изображавшій этотъ типъ, состоялъ изъ трехъ частей: „Варенька“, „Записки Тамарина“, „Ивановъ“, соединенныхъ потомъ

подъ однимъ названіемъ „Тамаринъ“. Еще большій успѣхъ имѣлъ романъ „Подводный камень“, напечатанный въ *Современникѣ* въ 1860 г. Здѣсь такъ же, какъ и въ послѣдующихъ романахъ, А. выступилъ защитникомъ свободы чувства женщины. Слѣдующими произведеніями на ту же тему были: „Между двухъ огней“, „Магдалина“, „Сухая любовь“ и др. Впослѣдствіи А. выступалъ и въ качествѣ литературнаго критика.

Надежда Дмитріевна Хвощинская - Заіончковская (В. Крестовскій—псевдонимъ).

Х—ая родилась (20 мая 1825 г., † 8 іюня 1889 г.) въ Рязани, гдѣ и прожила больше половины жизни вмѣстѣ съ матерью и сестрою, которыхъ содержала своимъ трудомъ. Уже не молодой дѣвушкой вышла она послѣ смерти матери и сестры за молодого доктора Заіончковскаго, умершаго отъ чахотки черезъ пять лѣтъ послѣ свадьбы. Въ 1865 г. Х—ая вмѣстѣ съ мужемъ переѣхала въ Петербургъ, гдѣ продолжала литературную дѣятельность (начавшуюся еще въ 1847 г.) вплоть до того времени, когда болѣзнь, развитію которой помогъ петербургскій климатъ, не свела ее въ могилу. Проживъ большую часть жизни въ провинціи, Х—ая естественно отражала въ первыхъ своихъ произведеніяхъ провинціальную жизнь. Уже въ этихъ первыхъ литературныхъ опытахъ, не выходившихъ изъ сферы семейныхъ отношеній, сказались то гуманное отношеніе къ страдающимъ и та ненависть къ лицемѣрію, которыя характеризуютъ ея лучшія произведенія. Отъ изображенія семейныхъ отношеній она перешла къ описанію лицъ и типовъ, характеризовавшихъ переживаемый обществомъ моментъ. Резюме дѣятельности Х—ой мы находимъ въ слѣдующихъ словахъ г. Арсеньева: „Обнимая собою 40 лѣтъ общественной жизни, она воспроизводитъ мертвенный застой дореформенной эпохи, слѣдитъ за первыми признаками пробужденія, подмѣчаетъ сгущающіяся тѣни, наблюдаетъ распространеніе ихъ въ ширь и глубь, поглощеніе ими ослабѣвшихъ лучей весенняго солнца“. Какъ въ тѣхъ произведеніяхъ, которыя отрицаютъ общественное настроеніе, такъ и въ романахъ и разсказахъ изъ провинціальной жизни Х—ая остается чуткимъ психологомъ, проникающимъ въ тайники человѣческой души. Лучшія ея произведенія: „Альбомъ“, „Большая медвѣдица“, „Первая борьба“, „Послѣ потопа“, „Баритонъ“.

МАРІЯ КОНСТАНТИНОВНА ЦЕБРИКОВА.

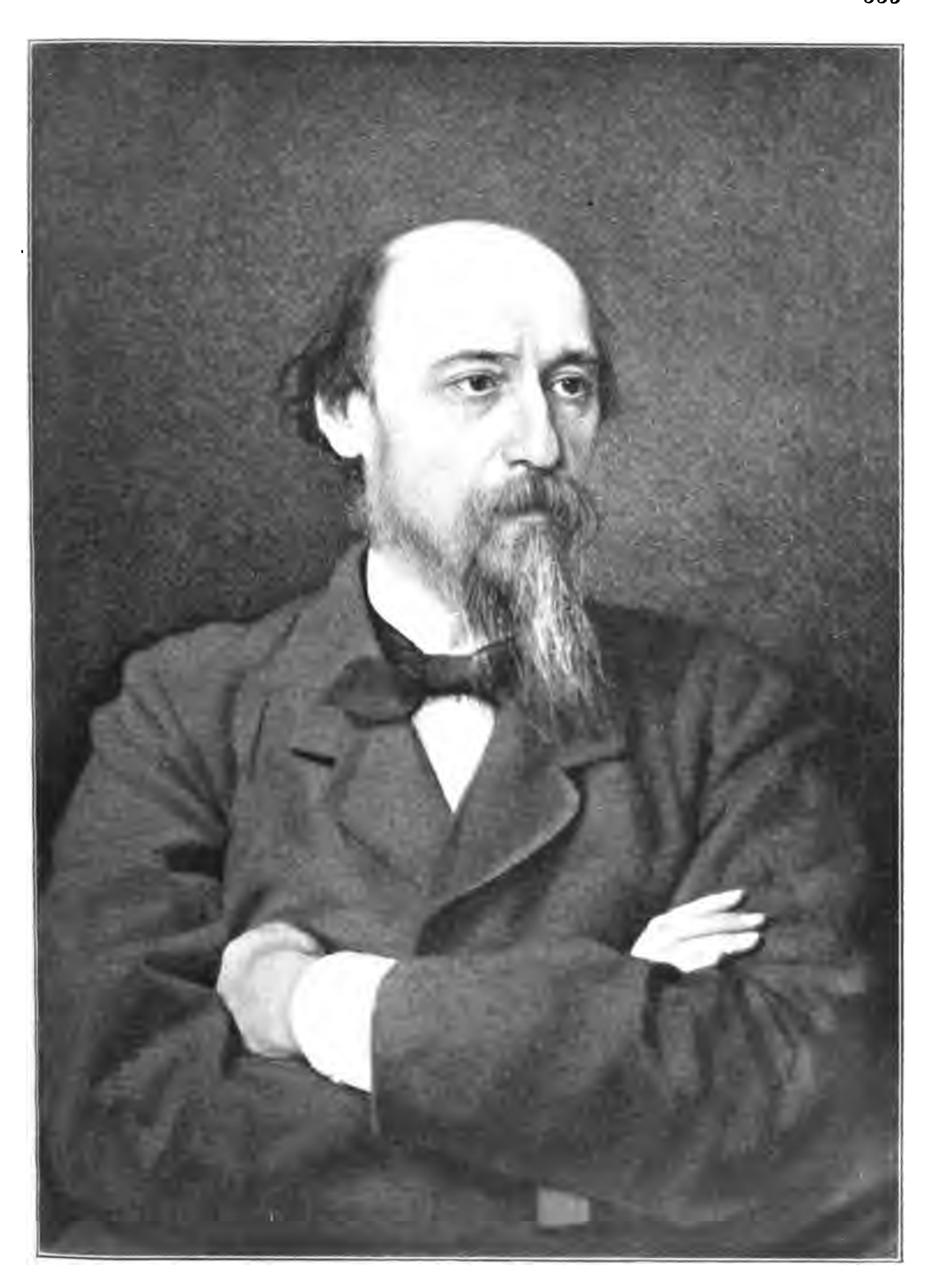
М. Цебрикова

Ц. родилась въ 1835 г. въ семьѣ морского офицера въ Кронштадтѣ; получила безпорядочное домашнее воспитаніе, которое было дополнено потомъ долгимъ и серьезнымъ чтеніемъ подъ руководствомъ дяди-декабриста Н. Р. Цебрикова. Первая статья Ц—вой, замѣченная въ литературныхъ кружкахъ, была посвящена разбору женскихъ характеровъ въ сочиненіяхъ Л. Н. Толстого („Наши бабушки"); она была напечатана въ *Отеч. Запискахъ* 1868 г. До этого времени статьи Ц—вой помѣщались въ педагогическомъ журналѣ *Дѣтскій Садъ*. Начиная съ появленія статьи о Л. Толстомъ, Ц. печаталась въ *Отеч. Запискахъ*, *Вѣстникѣ Европы*, *Дѣлѣ*, позднѣе въ *Русской Мысли*, *Новомъ Словѣ* (первой редакціи), *Мірѣ Божьемъ* и др. Въ этихъ журналахъ она подвергала оцѣнкѣ произведенія русской и иностранной литературы. Ц. работала для народныхъ изданій, издавала книги для Общества доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ, а съ 1876 г. по 1880 г. издавала журналъ *Воспитаніе и Обученіе*. Въ послѣдніе годы участвуетъ въ періодич. изданіяхъ подъ псевдонимомъ М. К. Николаевой. На большинствѣ статей Ц—ой лежитъ яркій отпечатокъ идей 60-хъ годовъ; съ точки зрѣнія шестидесятниковъ она разбираетъ и литературныя произведенія, выступая не столько въ качествѣ критика, сколько публициста. Защитѣ правъ женщины посвящено ею много страницъ.

Николай Александровичъ Некрасовъ.

Н. (22 ноября 1821 г., † 27 декабря 1877 г.) происходилъ изъ обѣднѣвшаго дворянскаго рода. Отецъ его, армейскій офицеръ, скитаясь со своимъ полкомъ по Россіи, женился на дочери богатаго польскаго магната, А. Закревской. Будущій поэтъ родился въ одномъ еврейскомъ мѣстечкѣ Винницкаго уѣзда, Подольской губ. Вскорѣ послѣ его рожденія родители поселились въ своемъ имѣніи, селѣ Стрешневѣ (Яросл. губ.). На раннее развитіе мальчика имѣла громадное вліяніе его мать; раннее знакомство съ отрицательными сторонами жизни Н. пріобрѣлъ во время разъѣздовъ по деревнямъ съ отцомъ, который, занимая постъ исправника, обязанъ былъ разслѣдовать всевозможныя деревенскія драмы. Отданный въ 1832 г. въ ярославскую гимназію, Н. дошелъ только до 5-го класса и взятъ былъ изъ училища главнымъ образомъ вслѣдствіе написанной имъ сатиры на гимназическое начальство. Послѣ этого, по настоянію отца, онъ отправился въ Петербургъ для поступленія на военную службу. Но встрѣча со студентомъ-землякомъ Грушницкимъ заставила его ослушаться отцовской воли: онъ рѣшилъ поступить въ университетъ и началъ готовиться ко вступительному экзамену. Узнавши объ этомъ, отецъ отказался отъ сына. Н. остался безъ всякой матеріальной поддержки. На экзаменахъ онъ провалился по физикѣ. Тогда, по совѣту Плетнева, онъ зачислился въ вольнослушатели и съ 1839—1841 г. посѣщалъ университетъ, занимался уроками и случайной журнальной работой. Бѣдственное матеріальное положеніе довело его до опасной болѣзни. Съ момента поступленія Н—а преподавателемъ въ пансіонъ г. Бенецкаго наступаетъ перемѣна въ его матеріальномъ положеніи. При содѣйствіи Бенецкаго Н. издаетъ стихотворный сборникъ „Мечты и звуки“, не имѣвшій, впрочемъ, никакого успѣха, подвергшійся суровому осужденію со стороны Бѣлинскаго. Въ періодъ 1841—45 гг., самый важный, по замѣчанію біографовъ Н., для развитія его таланта и убѣжденій, Н. ведетъ жизнь литературнаго пролетарія, вращаясь во всевозможныхъ кружкахъ: великосвѣтскихъ, бюрократическихъ, литературныхъ, студенческихъ. Къ этому періоду относится его сближеніе съ Бѣлинскимъ, сдѣлавшимся восторженнымъ поклонникомъ поэта по прочтеніи его стихотворенія „На дорогѣ“. Рядъ предпринятыхъ, начиная съ 1843 г., сборниковъ („Физіологія Петербурга“, „Первое апрѣля“, „Петербургскій сборникъ“, въ которыхъ выступили на литературное поприще Достоевскій, Гончаровъ и др.) служитъ прологомъ къ журнальной дѣятельности Н—а, которая открывается изданіемъ *Современника,* купленнымъ Н. вмѣстѣ съ Панаевымъ въ 1847 г. Изданіе продолжалось до 1866 г. Въ 1868 г. Н. дѣлается редакторомъ *Отечественныхъ Записокъ* и продолжаетъ оставаться во главѣ ихъ до самой смерти. Внѣшними фактами вторая половина его жизни не богата: отмѣтимъ только болѣзнь, постигшую его въ 1856 г., которая была принята докторами за горловую чахотку и изъ-за которой ему пришлось ѣхать за границу. Вторая болѣзнь, потребовавшая оперативнаго вмѣшательства, для

котораго былъ приглашенъ вѣнскій хирургъ Бильротъ, была медленной и мучительной агоніей, окончившейся смертью Н—ва. Похороненъ Н. въ Петербургѣ, на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря; не смотря на сильный морозъ, за гробомъ Н—ва шла толпа въ 3—4 тысячи человѣкъ.—Начавши литературную дѣятельность съ мотивовъ романтики во вкусѣ Жуковскаго („Мечты и звуки"), отдавши дань мотивамъ душевнаго разлада дворянской интеллигенціи „сороковыхъ годовъ", затѣмъ перейдя къ реализму и сатирѣ, бичующей преимущественно бюрократію, Н. въ періодъ реакціи 1848—55 гг. выступаетъ народникомъ. Это первый фазисъ его народничества: деревня прикрѣплена къ помѣщичьей усадьбѣ; крестьянинъ возбуждаетъ въ Н. лишь чувство жалости и состраданія, какъ поруганная личность („Огородникъ", „Псовая охота", „Тройка", „Извозчикъ", „Несжатая полоса", „Вино"). Съ 1855 г.—до закрытія *Современника*—второй фазисъ его народничества: Н., съ одной стороны, становится рѣшительнѣе въ описаніи народныхъ страданій и положительнѣе въ своихъ требованіяхъ („Размышленія у параднаго подъѣзда", „Пѣсня Еремушкѣ"), съ другой—чувство жалости къ крестьянину переходитъ въ нѣкоторое преклоненіе передъ нимъ, крестьянинъ возводится въ идеалъ духовной чистоты и силы („Коробейники", „Морозъ-красный носъ", „Крестьянскія дѣти"). Одновременно съ идеализаціей крестьянства Н. развѣнчиваетъ дворянскую интеллигенцію („Саша"), въ томъ числѣ самого себя („Рыцарь на часъ"), разрабатываетъ мотивы пробужденной дворянской совѣсти. Въ послѣдній періодъ литературной дѣятельности Н. даетъ синтетическую картину соціальныхъ отношеній пореформенной Россіи въ двухъ большихъ томахъ: „Кому на Руси жить хорошо" (1871—2) и „Современники" (1875). Оставаясь вѣрнымъ своему идеальному представленію о „доброй крестьянской душѣ", изобразивъ въ лицѣ Савелія апоѳеозъ „свято-русскаго богатыря", Н. пристальнѣе всматривается въ устои крестьянской жизни и, на ряду съ безусловно положительными типами, намѣчаетъ рядъ другихъ, говорящихъ объ обратной сторонѣ деревенской культуры,—таковы Климъ (въ „Послѣдышѣ"), Глѣбъ-староста. Конечные итоги эпохи „великихъ реформъ" приводятъ Н. къ пессимистическимъ выводамъ: онъ видитъ народъ пребывающимъ во тьмѣ, несмотря на дарованную ему свободу, и тщетно ожидаетъ героевъ, которые бы вывели народъ изъ этой тьмы („Уныніе"). Къ пессимистическимъ выводамъ приходитъ Н. и при оцѣнкѣ собственной поэтической дѣятельности: ему кажется, что народъ ему не внемлетъ и чуждъ его пѣснямъ („Элегія", посвященная А. Еракову). Въ „Современникахъ" Н. горькой ироніей встрѣчаетъ укрѣпленіе капиталистической, буржуазной цивилизаціи. Помимо значенія поэта-народника, Н. имѣетъ громадное значеніе какъ пѣвецъ „женской неволи", женской чистоты и женскаго героизма: въ этомъ отношеніи замѣчательны, какъ масса мелкихъ стихотвореній, такъ и большія произведенія: „Саша", „Морозъ-красный носъ", „Кому на Руси жить хорошо", „Русскія женщины".

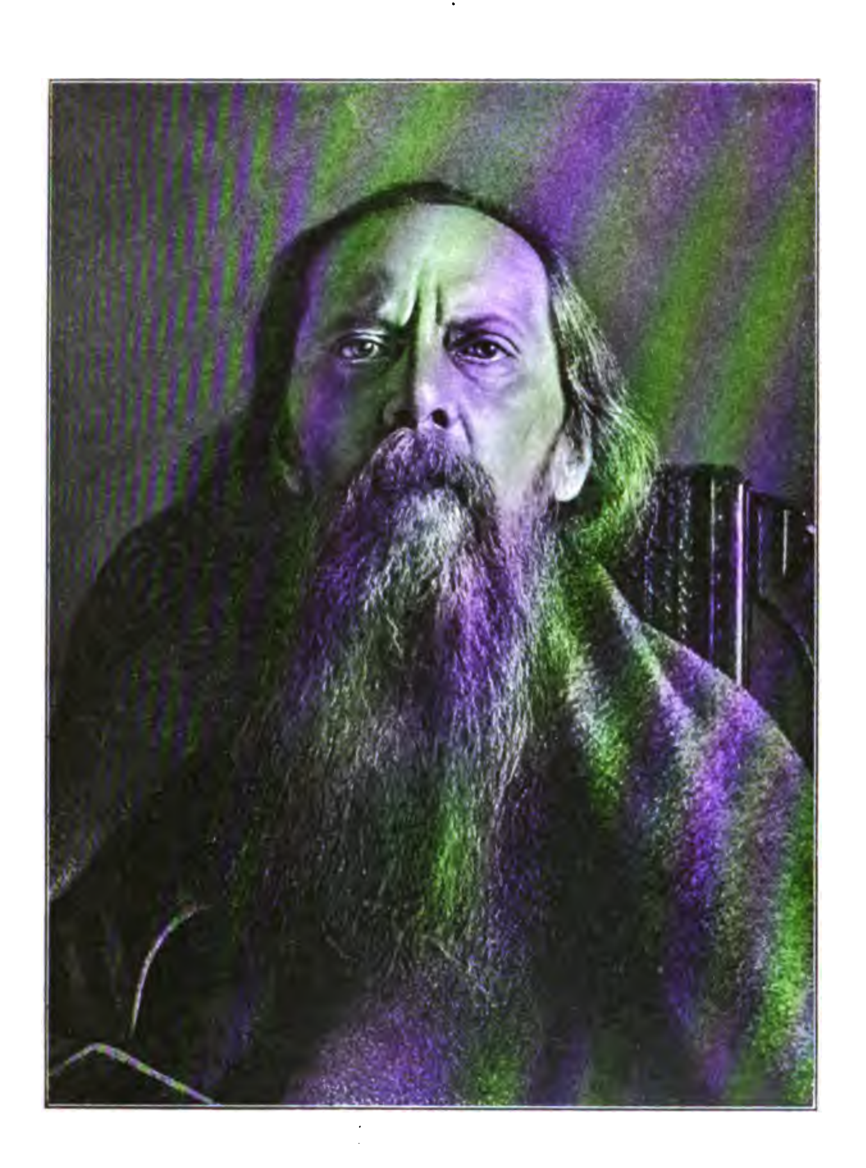

М. Е. САЛТЫКОВЪ.

Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ (Щединъ).

С. (15 января 1826 г., † 28 апрѣля 1889 г.) родился въ состоятельной помѣщичьей семьѣ Калязинскаго уѣзда, Тверской губ., воспитаніе получилъ въ московскомъ дворянскомъ институтѣ, а потомъ въ александровскомъ петербургскомъ лицеѣ. Служилъ по окончаніи курса въ канцеляріи военнаго министерства. За напечатаніе въ *Отечественныхъ Запискахъ* безъ позволенія начальства двухъ разсказовъ онъ былъ сосланъ въ 1848 году въ Вятку съ зачисленіемъ на службу при губернскомъ правленіи. Послѣ восьмилѣтней ссылки С. былъ освобожденъ, причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ, въ 1864 г. назначенъ предсѣдателемъ пензенской казенной палаты. Прослуживъ четыре года въ этой должности въ Пензѣ, Тулѣ и Рязани, С. вышелъ въ отставку и отдался литературѣ. Онъ участвовалъ въ нѣсколькихъ изданіяхъ, близко стоялъ къ редакціи *Современника*, а съ 1868 до 1884 г. сдѣлался однимъ изъ неофиціальныхъ редакторовъ *Отеч. Записокъ*. По смерти Некрасова онъ былъ утвержденъ отвѣтственнымъ редакторомъ журнала, въ которомъ онъ участвовалъ не только какъ редакторъ, но какъ постоянный сотрудникъ, помѣщая почти въ каждой книжкѣ свои очерки, читавшіеся всей интеллигентной Россіей. Вмѣстѣ съ нимъ въ журналѣ участвовали лучшія литературныя силы того времени, и благодаря единству направленія, умѣлому редактированію, таланту участниковъ *От. Зап.* быстро сдѣлались лучшимъ русскимъ журналомъ, который имѣлъ очень обширный кругъ „читателей-друзей" и не менѣе большое количество „читателей-ненавистниковъ". Въ 1884 г. *От. Зап.* были закрыты. Литературная дѣятельность С—ва продолжалась въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, въ *Вѣстникѣ Европы*, въ *Недѣлѣ*. Здоровье его, давно уже пошатнувшееся, послѣ закрытія *От. Зап.* и связанныхъ съ гибелью любимаго дѣла волненій, было подорвано окончательно; въ сильныхъ мученіяхъ, но до самой смерти усиленно работая, онъ умеръ черезъ пять лѣтъ послѣ прекращенія журнала, въ которомъ появились его лучшія произведенія. Блестящій сатирическій талантъ С—ва былъ замѣченъ публикой послѣ появленія его „Губернскихъ очерковъ" въ концѣ 50-хъ годовъ, но, какъ было указано выше, печататься онъ началъ еще въ 1847 г. Со времени выхода въ свѣтъ „Губ. очерковъ" онъ много и постоянно писалъ, и сочиненія его, вышедшія послѣ смерти, составили 12 большихъ томовъ. Сюда вошли: „Губернскіе очерки", „Господа Головлевы", „Культурные люди", „Мелочи жизни", „Помпадуры и Помпадурши", „Благонамѣренныя рѣчи", „Исторія одного города", „Убѣжище Монрепо", „Дневникъ провинціала", „За рубежомъ", „Господа Ташкентцы", „Круглый годъ", „Въ средѣ умѣренности и аккуратности", „Современная идиллія", „Письма къ тетенькѣ", „Пошехонская старина" и друг.

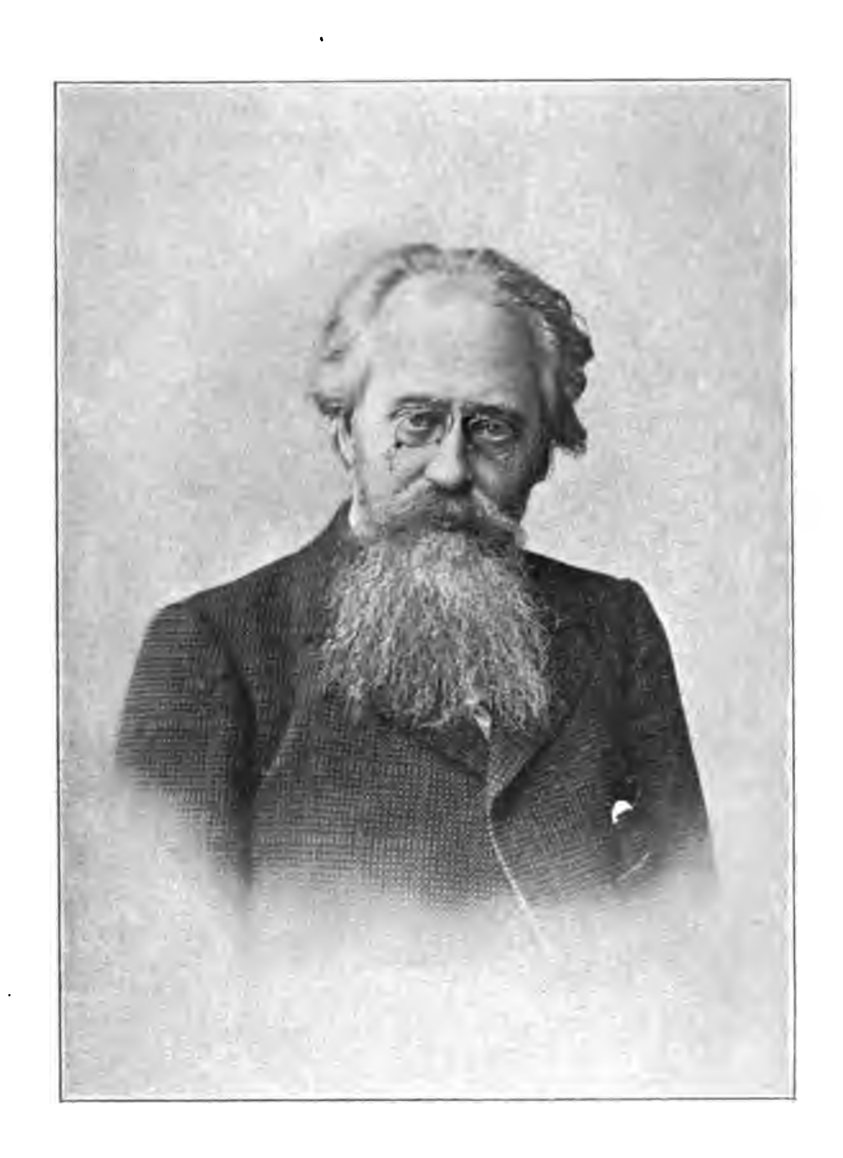
Въ этихъ произведеніяхъ С. выступалъ противъ общественной косности, противъ антиобщественныхъ теченій, противъ разнаго рода хищниковъ, скрывались ли они подъ благонравной внѣшностью „провиденціальнаго мальчика“ или отталкивающей наружностью „чумазаго“. Отзываясь на „злобы дня“ и будучи, по собственному выраженію, писателемъ, творенія котораго „проникнуты современностью“ и „плотно прилаживаются къ ней“, С. въ дѣйствительности трактовалъ темы, имѣющія общее значеніе и освѣщающія не только данный случай, но данный моментъ общественной жизни въ связи съ породившими его причинами. Собранные вмѣстѣ очерки С—ва даютъ картину русскаго общества при его переходѣ отъ дореформенной жизни къ новымъ порядкамъ. Элементы „пошехонскаго раздолья“, неминуемо долженствовавшіе превратиться въ элементы разложенія для описываемаго класса, общественная инертность глуповцевъ, дававшая возможность произрастанію какихъ угодно нравственныхъ плевелъ, среда умѣренности и аккуратности, быстрый и могущественный ростъ Колупаевыхъ и Разуваевыхъ, появленіе „Ташкентцевъ“, Балалайкиныхъ, „Красы Демидрона“, — всѣ отрицательныя стороны, которыми характеризовалась описываемая эпоха, нашли отраженіе въ сатирѣ Щедрина, давшей яркую картину общественной жизни. Бичуя отдѣльныя явленія, С. возставалъ не противъ самыхъ явленій, а противъ причинъ ихъ порождающихъ. „Я очень хорошо помню пословицу: „Было бы болото, а черти будутъ“,—писалъ онъ,—и признаю ее настолько правильной, что никакихъ варіантовъ въ обратномъ смыслѣ не допускаю. Во истину болото родитъ чертей, а не черти созидаютъ болото. Жалкіе черти! Какъ имъ очиститься, просвѣтлѣть, перестать быть чертями, коль скоро ихъ насквозь пронизываютъ испаренія болота! Жалкіе и смѣшные черти! Какъ не смѣяться надъ ними, коль скоро они сами принимаютъ свое болото въ серьезъ и устраиваютъ тамъ цѣлый нелѣпый міръ отношеній, въ которомъ безцѣльно крутятся и мятутся, совершенно искренно вѣря, что дѣлаютъ какое-то прочное дѣло! Да, смѣшны и жалки эти кинутые въ болото черти; но само болото — не жалко и не смѣшно“... Способность обобщать отдѣльныя явленія и ставить ихъ въ связь съ породившими ихъ причинами была особенностью Щедринской сатиры; вмѣстѣ съ блестящимъ талантомъ изложенія, вмѣстѣ съ даромъ придавать типичныя черты выводимымъ образамъ, вмѣстѣ съ горячей преданностью „забытымъ словамъ“,—эта особенность поставила произведенія С—ва на ряду съ лучшими образцами русской художественной литературы. Къ произведеніямъ, изображающимъ типы и характеры внѣ прямого ихъ отношенія къ современности, относится „Хроника Головлевскаго дома“. Имя Іудушки, вреднаго празднослова, обиліе елейныхъ рѣчей котораго находится въ рѣзкомъ противорѣчіи съ внутреннимъ безсердечіемъ и даже человѣконенавистничествомъ, осталось нарицательнымъ именемъ въ русской литературѣ. „Пошехонская старина“ изображаетъ дореформенную помѣщичью жизнь.

Николай Константиновичъ Михайловскій.

М. (15 нояб. 1842 г.) родился въ Менцовкѣ, Калужской губ., происходилъ изъ бѣдной дворянской фамиліи, образованіе получилъ сначала въ костромской гимназіи, откуда изъ 4-го класса перешелъ въ петербургскій горный корпусъ. Курса въ корпусѣ не кончилъ, принужденный подать прошеніе объ увольненіи за участіе въ училищныхъ безпорядкахъ. Будучи еще на школьной скамьѣ, онъ намѣревался посвятить себя юриспруденціи; одно время увлекался Гегелемъ; но увлеченію Гегелемъ былъ положенъ конецъ, когда М. случилось прочесть „Contradictions économiques" Прудона. На литературное поприще М. выступилъ въ 1860 г., помѣстивши статью о Гончаровѣ въ *Разсвѣтѣ* Кремпина. Съ этого года вплоть до настоящаго времени онъ ведетъ жизнь литератора, не занимающагося никакой офиціальной, служебной дѣятельностью. Послѣ прекращенія *Разсвѣта* М. перешелъ въ *Книжный Вѣстникъ* Курочкина; къ этому времени относится его знакомство съ Н. Ножинымъ, талантливымъ естественникомъ, который вліялъ на занятія М. естественными науками. Затѣмъ М. работалъ въ *Современномъ Обозрѣніи*, въ *Отечественныхъ Запискахъ*. Когда въ 1884 г. *Отечественныя Записки* были прикрыты, онъ началъ сотрудничать въ *Сѣверномъ Вѣстникѣ*, *Русской Мысли* и *Русскихъ Вѣдомостяхъ*. Наконецъ, въ началѣ 90-хъ годовъ онъ становится во главѣ *Русскаго Богатства*. Научное міросозерцаніе М. опредѣлилось его статьями: „Что такое прогрессъ" и „Борьба за индивидуальность", написанными на рубежѣ 60-хъ и 70-хъ годовъ. Въ нихъ М. является страстнымъ противникомъ системы дифференціаціи труда въ обществѣ, убивающей въ современномъ человѣкѣ полноту его человѣческой натуры, создающей постепенно новый родъ людей—людей узкой спеціальности. Идеаломъ прогресса для М. является постепенное приближеніе къ цѣлостности недѣлимыхъ, возможно полному и всестороннему раздѣленію труда между органами и возможно меньшему раздѣленію труда между людьми. Безнравственно, несправедливо, вредно, неразумно то, что задерживаетъ это движеніе. Нравственно, справедливо, разумно и полезно то, что уменьшаетъ разнородность общества, усиливая тѣмъ самымъ разнородность его отдѣльныхъ членовъ. М. возстаетъ противъ проповѣди „личнаго совершенства", личной морали нѣкоторыхъ реалистовъ 60-хъ годовъ. Его отдѣляетъ отъ реалистовъ также отношеніе къ естественнымъ наукамъ: признавая громадное значеніе этихъ наукъ, широко пользуясь ихъ выгодами, М. тѣмъ не менѣе оспариваетъ ихъ автократію въ сферѣ соціологіи, борется противъ „бури естественныхъ наукъ, пронесшейся надъ Европой"—противъ теоріи естественнаго, органическаго развитія, противъ того приложенія

естественныхъ наукъ къ наукѣ объ обществѣ, которое сдѣлали Спенсеръ и дарвинисты. Такимъ образомъ, генетически связанный съ шестидесятниками, М. старается смягчить „крайности“ послѣднихъ: требованіе гармоническаго развитія всѣхъ способностей человѣка въ одно полное и самостоятельное цѣлое, т.-е. субъективизмъ, яркимъ выразителемъ котораго являлась писаревская школа, онъ примиряетъ съ коллективизмомъ; отрицая тожество соціологическаго и физіологическаго методовъ, онъ страстный поклонникъ естественныхъ наукъ. Положивъ въ основаніе своего ученія борьбу съ системой раздѣльнаго труда, онъ постоянно старается объяснить различные историческіе, патологическіе, литературные феномены съ точки зрѣнія классовыхъ отношеній. Такъ, напр., онъ считаетъ метафизику злополучнымъ дѣтищемъ общественной дифференціаціи и банкротство метафизики обусловливаетъ тѣмъ, что извѣстная группа лицъ, оторванная отъ физическаго труда, принуждена жить исключительно головною работой, вести „неполную“ жизнь и рѣшать вопросы, рѣшеніе которыхъ превышаетъ человѣческія силы и способности. Литературу 60-хъ годовъ онъ объясняетъ, съ одной стороны, какъ литературу „кающагося дворянства“ (кающимся дворяниномъ, по его мнѣнію, былъ Писаревъ) и, съ другой стороны, какъ литературу разночинцевъ. Изъ его отдѣльныхъ работъ историко-соціологическаго характера особенно важны тѣ, которыя посвящены вопросу о толпѣ и герояхъ („Герои и толпа“, „Научныя письма“, „Еще о герояхъ“) и вопросамъ первобытной культуры („Вольница и подвижники“). Особенно пристально М. всматривается въ патологическія явленія (такъ, съ патологической точки зрѣнія была разсмотрѣна личность Ивана Грознаго). Опредѣливши свое міросозерцаніе почти въ самомъ началѣ своей литературной дѣятельности, М. ни въ чемъ существенномъ не измѣнялъ ему въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій, отстаивая принципы своей субъективной соціологіи отъ крайняго народничества семидесятниковъ, отъ теоретиковъ верховной роли идеи въ исторіи, отъ толстовцевъ, отъ экономическаго матеріализма. Какъ литературный критикъ, М. отзывается на всѣ выдающіяся произведенія текущей беллетристики. Изъ болѣе обширныхъ историко-критическихъ работъ отмѣтимъ: „Жестокій талантъ“ (анализъ произведеній Достоевскаго), „Салтыковъ-Щедринъ“, „Герой безвременья“ (по поводу поэзіи Лермонтова), „Литературныя воспоминанія и современная смута“. Дважды М. выступалъ и въ качествѣ беллетриста (не считая юношескаго не напечатаннаго романа „Борьба“): очерки „Вперемежку“ и появившійся въ 1899 г. отрывокъ изъ романа „Карьера Оладушкина“.

Ник. Михайловскій

А. М. СКАБИЧЕВСКІЙ.

Александръ Михайловичъ Скабичевскій.

С. (1838 г.) родился въ Петербургѣ. Образованіе получилъ въ петербургскомъ университетѣ (на историко-филологическомъ факультетѣ). По окончаніи университетскаго курса занимался преподавательскою дѣятельностью (въ Смольномъ институтѣ и Ларинской гимназіи). На литературное поприще выступилъ въ 1859 г.; большую литературную извѣстность началъ пріобрѣтать съ 1868 г., когда сталъ писать въ *Отечественныхъ Запискахъ*. Въ 1875—79 гг. сотрудничалъ въ *Биржевыхъ Вѣдомостяхъ* и *Молвѣ*, въ 1884—88 гг. въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, съ 1884 г. въ *Новостяхъ*, наконецъ, послѣдніе годы—въ *Сынѣ Отечества*. Кромѣ того, писалъ въ *Искрѣ* Курочкина, *Недѣлѣ*, *Русскомъ Богатствѣ*. С.—критикъ-публицистъ, воспитанный на идеяхъ общественнаго движенія 60-хъ годовъ, но отъ послѣднихъ онъ не унаслѣдовалъ ни увлеченія естественными науками, ни склонности къ соціологическому анализу. Его критика ограничивается тѣмъ, что разсматриваетъ отраженіе общественныхъ теченій въ литературѣ, не прибѣгая къ помощи никакихъ посторонныхъ дисциплинъ. Общественныя теченія С. понимаетъ въ самомъ общемъ смыслѣ; иногда, впрочемъ, С. становится на классовую точку зрѣнія: такъ, онъ объясняетъ литературу 40-хъ годовъ, какъ литературу рефлектирующаго, но безвольнаго дворянства, а въ литературѣ 60-хъ годовъ видитъ отраженіе интереса „честныхъ, бѣдныхъ тружениковъ". Положительное міросозерцаніе С. опредѣляется его проповѣдью гражданственной дѣятельности: „горячей любви къ ближнему, горячей любви къ труду и простого, естественнаго отношенія къ жизни". Литературно-художественная программа его—принципъ *реализма*, но не того реализма, который сводится къ конкретному, техническому изображенію дѣйствительности,—къ натурализму, а того, который освѣщаетъ „трагическую глубину" жизни и стремится къ обобщеніямъ. Главное значеніе С., какъ литературнаго критика, заключается въ его оцѣнкѣ литературныхъ явленій съ *исторической* точки зрѣнія: въ этомъ отношеніи онъ сдѣлалъ несравненно болѣе, чѣмъ кто-либо изъ критиковъ 50—90 годовъ. Особенно подробно имъ разобрана смѣна литературныхъ теченій въ 60 и 70 годахъ („Новое время—старые боги", „Русское недомысліе", „Живая струя" и рядъ статей о народникахъ-беллетристахъ). Ему же принадлежитъ первый обзоръ исторіи русской литературы за вторую половину XIX вѣка („Исторія новѣйшей русской литературы"). Изъ отдѣльныхъ произведеній С. слѣдуетъ отмѣтить: „Сорокъ лѣтъ русской критики", статьи о Михайловѣ („Сантиментальное прекраснодушіе въ мундирѣ реализма"), о Хвощинской („Волна русскаго прогресса"), о Толстомъ („Гр. Л. Н. Толстой, какъ художникъ и мыслитель"), о Некрасовѣ, Новодворскомъ и Гаршинѣ („Жизнь въ литературѣ и литература въ жизни", „Нашъ историческій романъ въ его прошломъ и настоящемъ", „Очерки по исторіи русской цензуры"). Изъ эпохъ первой половины XIX в. болѣе вниманія С. оказалъ сороковымъ годомъ („Три человѣка сороковыхъ годовъ); интересны проведенныя имъ историческія параллели между 40-ми и 60-ми годами („Новое время и старые боги" и „Сорокъ лѣтъ литературной критики").

Михаилъ Алексѣевичъ Протопоповъ.

Сынъ чиновника города Чухломы, П. (р. 1848 г.) получилъ образованіе въ московскомъ константиновскомъ межевомъ институтѣ и нѣкоторое время служилъ офицеромъ-топографомъ. Въ литературѣ онъ дебютировалъ въ 1877 г. статьей „Литературная злоба дня", помѣщенной въ одной изъ книжекъ *Отечественныхъ Записокъ*, гдѣ потомъ оставался сотрудникомъ по отдѣлу библіографіи до самаго закрытія журнала. Большое участіе принималъ также П. въ газетѣ *Русская Правда*, въ журналахъ *Слово, Устои, Дѣло* и друг. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ литературной работы онъ принужденъ былъ покинуть столицу и переѣхать на нѣсколько лѣтъ въ родной городъ. По возвращеніи въ Петербургъ снова отдался литературной работѣ. По своимъ взглядамъ на искусство и на призваніе критика П. является типичнымъ продолжателемъ литературныхъ тенденцій 60-хъ годовъ. Принципы, изложенные авторомъ „Эстетическихъ отношеній искусства къ дѣйствительности" легли въ основу его критики. Такъ въ статьѣ о Л. Н. Толстомъ онъ, между прочимъ, говоритъ: „Жизнь выше искусства—этимъ все сказано. Въ этомъ афоризмѣ, безспорномъ какъ та аксіома, что цѣлое больше своей части, заключается и критерій для литературной критики и программа для беллетристики, для искусства вообще... Только какъ поставщикъ фактовъ, взятыхъ изъ дѣйствительности, только какъ наблюдатель и изобразитель жизни, беллетристъ и можетъ имѣть значеніе въ нашихъ глазахъ". Изъ этого вполнѣ яснаго и опредѣленнаго признанія видно, съ какими требованіями подходитъ П. къ оцѣнкѣ литературныхъ произведеній. Въ сборникѣ критическихъ характеристикъ, выпущенныхъ отдѣльнымъ изданіемъ, типичны для автора статьи о Бѣлинскомъ, Толстомъ, Гаршинѣ, Глѣбѣ Успенскомъ, Златовратскомъ, Каронинѣ, Рѣшетниковѣ и др. Изъ этихъ такъ же какъ другихъ статей видно, что симпатіи автора на сторонѣ интеллигенціи; прогрессъ русской жизни онъ видитъ въ быстромъ развитіи образованія народныхъ массъ, въ которомъ иниціатива должна принадлежать образованнымъ классамъ.

Константинъ Константиновичъ Арсеньевъ.

А. родился 24 января 1837 года, уроженецъ Петербурга, получилъ образованіе въ училищѣ правовѣдѣнія, по окончаніи курса въ которомъ поступилъ на службу въ министерство юстиціи, былъ затѣмъ присяжнымъ повѣреннымъ, товарищемъ оберъ-прокурора гражд. кассац. департамента сената, членомъ консультаціи при минист. юстиціи. Историческія статьи, помѣщенныя въ *Русскомъ Вѣстникѣ* (1858—60 г.), послужили началомъ его литературной дѣятельности. Къ этому же времени относится его сотрудничество по редактированію *Журнала Министерства Юстиціи*. Въ 1862 г. онъ становится сотрудникомъ *Отечественныхъ Записокъ* и въ то же время завѣдуетъ отдѣломъ иностранной политики въ *Спб. Вѣдомостяхъ*. Съ 1882 г.

МИХ. АЛЕКС.
ПРОТОПОПОВЪ.

К. Арсеньевъ

оставляетъ службу и отдается всецѣло литературному труду. Съ 1880 г. онъ ведетъ „внутреннее обозрѣніе“ и „общественную хронику“ въ *Вѣстникѣ Европы*, что продолжается и до настоящаго времени. Въ этомъ же журналѣ А. долго велъ отдѣлъ литературной критики. Къ этому времени его дѣятельности относятся статьи о Гл. Успенскомъ, Достоевскомъ, Щедринѣ, Хвощинской, Гаршинѣ и др., изданныя впослѣдствіи отдѣльной книгой („Критическіе этюды по русской литературѣ“). Наиболѣе цѣнными изъ критическихъ статей являются тѣ, гдѣ авторъ связываетъ разбираемыя произведенія съ развитіемъ общественной жизни, гдѣ онъ болѣе выступаетъ публицистомъ, чѣмъ критикомъ. Какъ публицистъ, А. занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ нашей современной литературѣ. Большимъ вліяніемъ пользуются „внутреннее обозрѣніе“ и „общественная хроника“, которыя онъ ведетъ въ *Вѣстникѣ Европы*. Разбирая факты общественной жизни, А. всегда остается горячимъ, опытнымъ и сильнымъ защитникомъ законности, справедливости и терпимости въ общественныхъ отношеніяхъ.

Александръ Николаевичъ Пыпинъ.

П. родился въ 1833 г., въ Саратовѣ, учился въ саратовской гимназіи, затѣмъ въ казанскомъ и петербургскомъ университетахъ и въ 1853 г. кончилъ въ послѣднемъ курсъ историко-филологическаго факультета. Въ 1857 г. онъ представилъ и защитилъ магистерскую диссертацію подъ заглавіемъ „Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ“. Назначенный въ 1860 г. исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора, П. уже въ ноябрѣ 1861 г. оставилъ каѳедру вмѣстѣ со Стасюлевичемъ, Спасовичемъ, Кавелинымъ и Утинымъ послѣ извѣстной исторіи, разыгравшейся въ петербургскомъ университетѣ. Въ 1871 году Академія Наукъ избрала П—на своимъ членомъ по каѳедрѣ русской исторіи. Но это избраніе не было утверждено. Въ 1897 г. Академія снова почтила П. избраніемъ его въ ординарные академики по отдѣленію русскаго языка и словесности. Съ 1863 г. по 1866 г. П. принималъ очень близкое участіе въ *Современникѣ* и послѣдній годъ существованія журнала состоялъ вмѣстѣ съ Некрасовымъ его отвѣтственнымъ редакторомъ. Съ 1867 г. П. вступилъ въ сотрудники и затѣмъ въ члены редакціи „Вѣстника Европы“, гдѣ продолжаетъ работать и по настоящее время. Съ переходомъ П—на къ журнальной дѣятельности измѣняется и основная тема его историко-литературныхъ изслѣдованій. Онъ переходитъ къ изученію кореннаго переворота въ русской исторіи, произведеннаго петровской реформой, и вступаетъ въ борьбу съ славянофильствомъ. Эта борьба не замедлила придать работамъ П—на извѣстный публицистическій оттѣнокъ. Обличая нашихъ славянофиловъ въ узко-націоналистическомъ стремленіи растворить разнообразные элементы славянскихъ племенъ въ массѣ русскаго народа и отгородить славянскій міръ китайской стѣной отъ европейской цивилизаціи, П. далъ систематическую сводку отдѣльныхъ положеній славянофильской теоріи и

противопоставилъ имъ научно-обоснованную критику. Въ противовѣсъ этому ученію были выдвинуты принципы національной самостоятельности, исторической преемственности общечеловѣческой культуры и историческаго развитія національной стихіи. „Русскій народъ,—говоритъ А. Н. Пыпинъ,—по племенному происхожденію, по христіанству... и по самымъ начаткамъ своей исторіи въ древнемъ періодѣ принадлежалъ къ семьѣ народовъ европейскихъ, а не азіатскихъ. Этими условіями полагалось для него дальнѣйшее развитіе въ томъ же европейскомъ направленіи, на которое указывали и связи стараго русскаго просвѣщенія съ Византіей“... Въ связи съ этими положеніями устанавливался взглядъ на Петра, какъ на „созданіе всей предыдущей исторіи русскаго государства, общества и народа“, и на реформу, какъ на „могущественный факторъ въ развитии національныхъ силъ“ европеизированной Россіи. Изъ сочиненій А. Н. Пыпина, помимо спеціальныхъ изслѣдованій въ области исторіи древней русской письменности, должны быть особенно отмѣчены: „Исторія славянскихъ литературъ“ (въ сотрудничествѣ съ В. Д. Спасовичемъ), „Исторія этнографіи“, „Исторія русской литературы“, „Бѣлинскій, его жизнь и переписка“, „Характеристики литературныхъ мнѣній отъ 20-хъ до 50-хъ годовъ“, „Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I“, „М. Е. Салтыковъ“.

— — — —

Сергѣй Николаевичъ Терпигоревъ (С. Атава).

Т. родился (12 мая 1841 г., † 13 іюня 1895 г.) въ с. Никольскомъ, Тамбовской губ. Наилучшій матеріалъ для его біографіи даютъ его собственныя произведенія, дѣтскія воспоминанія, чрезвычайно ярко и живо рисующія намъ бытъ и нравы тогдашнихъ помѣщиковъ и ихъ отношенія къ народу въ эпоху отживавшаго уже тогда крѣпостного права. Изъ благороднаго пансіона при тамбовской гимназіи, куда его отдали на 18-мъ году, онъ перешелъ на юридическій факультетъ петербургскаго университета, но курса тамъ не окончилъ изъ-за студенческой исторіи. Значеніе Т—ва какъ беллетриста-публициста установилось съ 1880 г., когда начали печататься въ *От. Запискахъ* его очерки дворянскаго „Оскудѣнія“. Въ нихъ Т. явился бытописателемъ пореформеннаго дворянства, тщетно пытавшагося приспособиться къ новымъ порядкамъ и обнаружившаго свою полную несостоятельность. Послѣ этого Т. писалъ во многихъ періодическихъ изданіяхъ воспоминанія изъ времени крѣпостного права, разсказы, воскресные фельетоны и т. п. Но равнаго „Оскудѣнію“ онъ не написалъ ничего; въ этомъ произведеніи, помимо превосходнаго знанія рисуемой среды, онъ обнаружилъ недюжинный изобразительный талантъ, умѣнье схватить характерныя черты переживаемаго обществомъ момента вмѣстѣ съ способностью ярко выдвинуть причины опысываемаго явленія. Въ другихъ своихъ очеркахъ онъ въ лучшемъ случаѣ повторяетъ тему „Оскудѣнія“, а въ худшихъ—сопровождаетъ описаніе мелкаго явленія массою ненужныхъ и неинтересныхъ подробностей. Не лишены этихъ недостатковъ даже наиболѣе интересныя изъ слѣдовавшихъ за „Оскудѣніемъ“ „Потревоженныя Тѣни“.

— — — — —

СЕРГ. НИК. ТЕРПИГОРЕВЪ.

Глѣбъ Ивановичъ Успенскій.

У. (13 окт. 1840 г.) родился въ Тулѣ, въ семьѣ секретаря казенной палаты (отецъ его происходилъ изъ духовнаго званія). Воспитывался У. сначала въ тульской гимназіи, потомъ въ черниговской. По окончаніи курса онъ поступилъ сначала въ петербургскій университетъ, затѣмъ перешелъ въ московскій; въ 1863 г. вышелъ изъ университета, не окончивъ курса. Лишившись вскорѣ отца, очутился въ самомъ тяжеломъ матеріальномъ положеніи. Въ 1866 г. появляется въ печати его первое крупное произведеніе „Нравы Растеряевой улицы“, создавшее ему литературную извѣстность. Въ 1871 г. выходитъ романъ „Разореніе“. Въ томъ же году У. уѣзжаетъ за границу. Въ концѣ 70-хъ годовъ онъ получаетъ мѣсто въ крестьянской ссудо-сберегательной кассѣ въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ Самарской губ., и результатомъ его знакомства съ крестьянами являются очерки „Изъ деревенскаго дневника“. Въ 1881 г. наблюденіе надъ бытомъ деревни въ Новгородской губ. даетъ ему матеріалъ для главнаго произведенія „Власть земли“. Изъ послѣдующихъ произведеній выдѣляются „Письма съ дороги“: въ нихъ отъ деревни У. переходитъ къ описанію новыхъ общественныхъ группъ, сформировавшихся въ пореформенный періодъ.—Заявивши себя на первыхъ порахъ литературной дѣятельности талантливымъ бытописателемъ жизни заводскихъ рабочихъ и мелкаго провинціальнаго мѣщанства и чиновничества („Нравы Растеряевой улицы“), У. сосредоточиваетъ затѣмъ вниманіе на типахъ разночинцевъ - прогрессистовъ (Михаилъ Ивановичъ, Надя, Ваня). Въ одномъ изъ очерковъ, объединенныхъ подъ именемъ „Волей - неволей“, онъ старается выяснить всю соціальную и психологическую исторію развитія этихъ типовъ. Драма разночинской пореформенной интеллигенціи, по его мнѣнію, вызвана условіями, коренившимися въ порядкахъ крѣпостнической культуры. Крѣпостная обстановка дѣйствовала угнетающимъ и принижающимъ образомъ на разночинцевъ, зависѣвшихъ отъ помѣщика, заставляя ихъ на каждомъ шагу совершать сдѣлки съ совѣстью, предательски поступать со всѣми окружающими. Въ результатѣ ненормальныхъ соціальныхъ отношеній получилось поколѣніе людей, которые были „всѣ несчастны, бѣшены, злы, подлы, измучены, всѣ виноваты, всѣ придавлены“. Личность разночинца оказалась до того приниженной и ожесточенной, что онъ самъ потерялъ возможность относиться по-человѣчески даже къ самому себѣ и собственнымъ страданіямъ. Поэтому онъ стремится отрѣшиться отъ самого себя, забыть собственные „мелочные интересы“, думаетъ объ ***общемъ*** страданіи, отдыхаетъ на книгахъ, трактующихъ о цифрахъ и абстрактныхъ теоріяхъ, вѣритъ въ идеи, въ могущество печатнаго слова, любитъ народъ и страдаетъ душевно за него. Но любовь къ народу могла быть въ немъ сильна только до тѣхъ поръ, пока она носила абстрактный платоническій характеръ. При первомъ же ознакомленіи съ народомъ на реальной почвѣ („Изъ деревенскаго дневника“) разно-

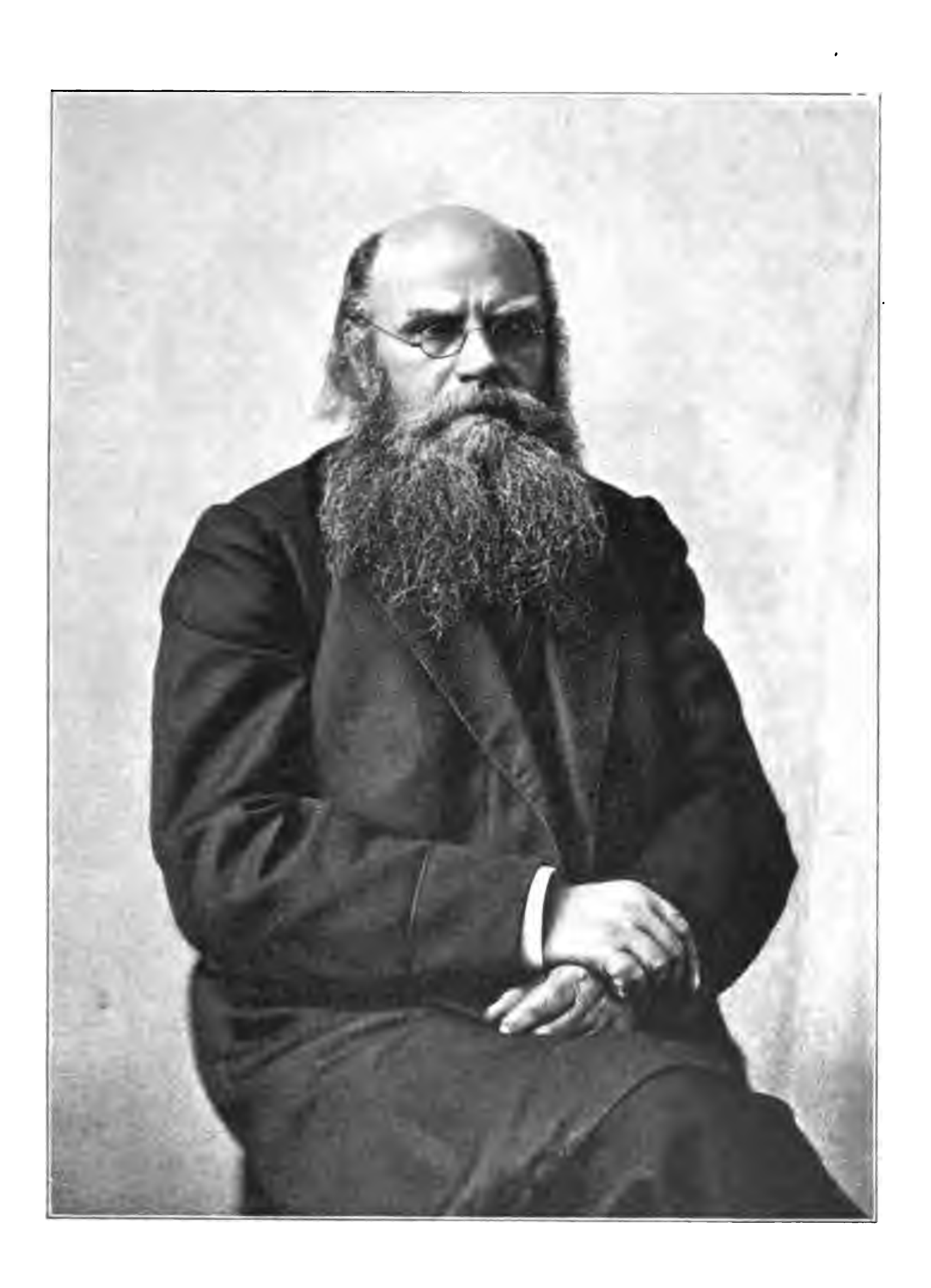
чинца постигло глубокое разочарованіе: „мелочные интересы“, которыми живутъ крестьяне, выступили передъ нимъ на первый планъ; всѣ его альтруистическія побужденія оказались неосуществимыми на дѣлѣ; онъ понялъ, что между народомъ и интеллигенціей нѣтъ ничего общаго, и всякая попытка слиться съ народомъ кончается взаимнымъ недовѣріемъ; при внимательномъ разсмотрѣніи обнаружилось, что надежды, возлагаемыя имъ на общинный бытъ и круговую поруку,—праздныя мечты: рядъ вопіющихъ примѣровъ наглядно доказалъ У—му, что при общинныхъ порядкахъ каждая крестьянская семья представляетъ изъ себя „уединенный островъ“, на которомъ идетъ ужасная борьба за существованіе. Но произнеся отповѣдь народническимъ утопіямъ на страницахъ „Деревенскаго дневника“, во „Власти земли“, У. становится страстнымъ апологетомъ крестьянской жизни и крестьянскаго труда, начинаетъ видѣть въ крестьянинѣ недосягаемый идеалъ для интеллигента: только земледѣльческій трудъ, только связь человѣка съ землей можетъ сдѣлать человѣка *цѣльнымъ*. Всѣ правовыя и семейныя нормы, весь моральный и умственный горизонтъ крестьянина, обусловленные поземельными отношеніями, отличаются необыкновенной стройностью и поэтической гармоніей. Правда, земля часто диктуетъ крестьянину слишкомъ тяжкія условія, дѣлаетъ изъ его жизни „существованіе зоологическое“, но это существованіе все-таки неизмѣримо выше своей цѣльностью и жизненной полнотой существованія интеллигента; жертвы городской культуры и денежнаго хозяйства (выводы, сдѣланные во „Власти земли“, повторены и развиты въ отдѣльныхъ подробностяхъ въ очеркахъ „Изъ разговоровъ съ пріятелями“, „Трудами рукъ своихъ“). Создавши себѣ подобный идеалъ, У. производитъ отрицательный анализъ роста капиталистической Россіи въ „Письмахъ съ дороги“, стараясь доказать, что по сравненію съ западно-европейской буржуазіей наши „буржуи“—есть своего рода скачокъ исторіи, что ихъ появленіе не вытекаетъ органически изъ хода предыдущей исторіи. Такимъ образомъ, произведенія У—аго важны, съ одной стороны, какъ историко-соціальный матеріалъ для оцѣнки драмы разночинской пореформенной интеллигенціи, а съ другой—какъ моментъ кризиса народнической теоріи, въ которой эта теорія получаетъ оригинально философское обоснованіе и одновременно признается утопичность мечтаній объ общинѣ и круговой порукѣ. Объясняя весь строй деревни и все міросозерцаніе крестьянина съ экономической точки зрѣнія и вообще придавая экономическому фактору громадное значеніе въ судьбахъ человѣчества, У. является до извѣстной степени предтечей теоретиковъ экономическаго пониманія исторіи.

ГЛ. ИВ. УСПЕНСКІЙ.

Henryk Sienkiewicz

Николай Николаевичъ Златовратскій.

Сынъ чиновника, связаннаго происхожденіемъ и родствомъ съ сельскимъ духовенствомъ, З. родился (4 декабря 1845 г.) во Владимірѣ. Учился во владимірской гимназіи, недолгое время былъ вольнослушателемъ въ московскомъ университетѣ, потомъ студентомъ петербургскаго техническаго института, но курса не кончилъ, такъ какъ тяжелыя матеріальныя условія заставляли его тратить все время на добываніе средствъ къ жизни. Сдѣлавшись случайно корректоромъ въ *Сынѣ Отечества*, З. сталъ пробовать свои силы въ литературѣ, помѣстивъ первое свое произведеніе въ *Искрѣ* 16 ноября 1867 г. Съ этихъ поръ начинается долгая литературная дѣятельность, окрашенная вполнѣ опредѣленными идеями и симпатіями,—дѣятельность, которая главнымъ образомъ была посвящена описанію деревни и ея „устоевъ". З. выступилъ на литературное поприще въ то время, когда деревенская жизнь испытала рѣзкій переломъ вслѣдствіе отмѣны крѣпостного права. Наѣзжая отъ времени до времени къ роднымъ въ деревню, онъ рано имѣлъ возможность познакомиться съ ея строемъ, съ ея различными представителями и съ тѣми перемѣнами, которыя внесла въ деревенскую жизнь новая реформа. Уже въ самымъ первыхъ литературныхъ опытахъ сказалась основная черта авторскихъ наблюденій надъ деревней: стремленіе къ правдѣ и справедливости было главнымъ свойствомъ тѣхъ представителей деревни, которыхъ онъ выводилъ. Это стремленіе жило въ его крестьянахъ-„присяжныхъ", въ различныхъ членахъ водовозной „артели", но всего полнѣе сказалось въ дѣйствующихъ лицахъ болѣе поздняго произведенія „Устои". Каждый разъ, какъ житель деревни, „радѣтель" о введеніи въ жизнь началъ правды и справедливости, вступалъ въ столкновеніе съ городскимъ жителемъ, онъ испытывалъ болѣзненное впечатлѣніе, душевному равновѣсію наносился ударъ, начиналась тяжелая, мучительная внутренняя борьба, въ которой „устои" крестьянскаго міровоззрѣнія или оставались побѣдителями и влекли вновь ихъ носителя въ деревню или опрокидывались, и личный разсчетъ смѣнялъ былые помыслы о всеобщемъ благополучіи. Городъ и деревня представляли изъ себя два нравственныхъ полюса; въ то время какъ у городского жителя „мірского разума" не было, обитатель деревни всегда чувствовалъ необходимость помнить о мірѣ и стоять за мірскіе интересы. Какія обстоятельства породили эти чувства и стремленія, З. не разсматриваетъ. Онъ беретъ деревню такъ, какъ она уже сложилась, и въ этомъ сложившемся строѣ отмѣчаетъ въ качествѣ главныхъ свойствъ „вѣковые устои любовнаго и сердечнаго общежитія". Деревня, нетронутая городомъ, постоянно боится оказать кому-нибудь несправедливость, боится „грѣха" и нарушенія начала любовнаго общежитія. Даже лица, непоставленныя въ прямыя отношенія къ владѣнію землей, испытываютъ на себѣ облагораживающее вліяніе деревни. Таковъ, напримѣръ, въ „Устояхъ" сынъ бывшаго двороваго, Филаретушка, видящій сны о наступленіи порядковъ, каковымъ „согласно желанію мірскому и справедливости надлежитъ быть". По опредѣленію З—го Филаретушка былъ „романтикъ", но въ качествѣ таковаго онъ только сильнѣе чувствовалъ и ярче воспроизводилъ упованія, которыми жила авторская де-

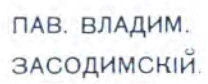
ревня. Городъ, не имѣющій мірского разума, стремится внести въ деревенскую жизнь вмѣсто сердечныхъ отношеній „умственность" и личное достоинство. Устои, на которыхъ покоился прежній крестьянскій міръ, не разрушаются въ сердцахъ обывателей, но гармонія былыхъ отношеній уничтожается, „нравственная сила, пережившая тысячелѣтіе", уступаетъ напору новыхъ, навѣянныхъ городами стремленій. Въ такомъ видѣ изображается авторомъ послѣреформенный переломъ въ жизни деревни. Противоположеніе, существующее между нравственными идеалами деревни и города, не исчезаетъ, когда въ качествѣ представителей послѣдняго выступаютъ люди интеллигентные и расположенные къ народу. Между некультурнымъ носителемъ народныхъ устоевъ и интеллигентомъ, обладающимъ самыми лучшими намѣреніями, авторъ не колеблется въ выборѣ, отдавая во всѣхъ отношеніяхъ преимущество первому. Цѣлый рядъ разсказовъ и повѣстей отъ членовъ „благороднаго семейства", которое просвѣщало Петра въ „Устояхъ" до „Золотыхъ сердецъ" и представителя интеллигенціи въ „Мечтателяхъ" доказываетъ отрицательное отношеніе автора къ роли интеллигентовъ въ качествѣ учителей народа. Вездѣ З. выступаетъ народникомъ quand-même.

Павелъ Владиміровичъ Засодимскій (Вологдинъ).

З. (1 ноября 1843 г.) родился въ небогатой дворянской семьѣ въ Великомъ Устюгѣ, Вологодской губ., дѣтство провелъ въ деревнѣ и небольшомъ городкѣ Никольскѣ; въ 1856 г. былъ отданъ въ вологодскую гимназію, въ 1863 г. поступаетъ вольнослушателемъ на юридическій факультетъ с.-петербургскаго университета, откуда выходитъ въ 1865 г. по недостатку средствъ. Въ 1872 г. попадаетъ учителемъ въ сельскую школу, но оставляетъ ее въ самомъ непродолжительномъ времени, послѣ чего посвящаетъ себя всецѣло литературному труду.—Въ „Хроникѣ села Смурина" З. нарисовалъ картину обособленія деревенской жизни отъ дворянства и ея самостоятельнаго экономическаго развитія. Относясь съ безусловнымъ отрицаніемъ къ сельской буржуазіи и консервативному дворянству, З. выводитъ типы идеалистовъ, мечтающихъ о поднятіи деревни посредствомъ артелей, артельныхъ кассъ и школъ. Отстаивая исключительно интересы обездоленныхъ, авторъ съ грустью отмѣчаетъ безплодность всѣхъ народническихъ начинаній при существующихъ экономическихъ отношеніяхъ, предоставляя своимъ дѣятелямъ изъ интеллигенціи лишь поприще случайной временной помощи и устнаго распространенія просвѣтительныхъ идей („Степныя тайны", „Поградамъ и весямъ"). Помимо этихъ крупныхъ произведеній З. написалъ много другихъ, участвуя, между прочимъ, какъ сотрудникъ, въ дѣтскихъ журналахъ.

Николай Ивановичъ Наумовъ.

Н. (16 мая 1838 г.) родился въ Тобольскѣ. Отецъ его служилъ сначала прокуроромъ въ Омскѣ, затѣмъ совѣтникомъ томскаго губернскаго управле-

ПАВ. ВЛАДИМ.
ЗАСОДИМСКІЙ.

НИК. ИВ.
НАУМОВЪ

нія. Рано лишившись матери, Н. росъ одинокимъ, мечтательнымъ ребенкомъ, промѣнявшимъ дѣтскія игры на чтеніе. Отданный въ томскую гимназію, онъ изъ-за бѣдственнаго экономическаго положенія своего отца, вышедшаго въ то время въ отставку, принужденъ былъ оставить гимназію и поступилъ на военную службу юнкеромъ. Увлекшись идеями реформенной эпохи, Н. отправился въ Петербургъ и посѣщалъ въ качествѣ вольнослушателя университетъ. Въ 1861 г. при закрытіи университета онъ былъ арестованъ за участіе въ безпорядкахъ; затѣмъ до 1864 г. онъ велъ жизнь литератора-пролетарія, а въ 1864 г., рѣшившись устроиться болѣе обезпеченно, уѣхалъ на родину и получилъ въ Маріинскѣ мѣсто непремѣннаго члена по крестьянскимъ дѣламъ. Н.— бытописатель сибирскаго крестьянства, и благодаря тому, что Сибирь не знала крѣпостного права, онъ имѣлъ возможность одинъ изъ первыхъ въ своихъ произведеніяхъ обрисовать крестьянство, какъ самостоятельную общественную группу, внѣ ея связи съ дворянствомъ, а также съ бюрократіей. Наравнѣ съ Златовратскимъ, Гл. Успенскимъ и Засодимскимъ Н. анализируетъ ***внутренній строй*** деревенскаго общества: его крупнѣйшія произведенія („Паутина“, „Крестьянскіе выборы“)—это par excellence эпопея кулачества. Вскрытіе всѣхъ способовъ, которыми кулачество окутываетъ сельское общество, приводитъ Н. къ тому пессимистическому выводу, что какъ борьба цѣлаго общества съ кулачествомъ („Куда ни кинь—все клинъ“), такъ и протестъ одинокихъ идеалистовъ - крестьянъ („Умалишенный“, „Зажора“) кончаются ничѣмъ. Но рисуя деревню независимой отъ дворянства и бюрократіи, Н. отмѣчаетъ ея зависимость отъ промышленнаго капитала—отъ пріисковъ, заводовъ и т. д. Въ рядѣ повѣстей Н. изобразилъ также бытъ пріисковыхъ рабочихъ, ссыльныхъ поселенцевъ, инородцевъ и переселенцевъ.

Николай Михайловичъ Астыревъ.

А. (16 ноября 1857 г., † 3 іюня 1894 г.) родился въ городѣ Тихвинѣ, Новгородской г. Окончивъ курсъ въ московскомъ реальномъ училищѣ, онъ поступилъ въ институтъ путей сообщенія, гдѣ пробылъ лишь 1½ года. Желаніе ближе узнать крестьянскую среду побудило его поселиться въ деревнѣ; въ 1881 г. онъ поступилъ писаремъ въ одну изъ волостей Воронежской губ. Три года пробылъ онъ писаремъ, затѣмъ занимался въ статистическомъ бюро моск. губ. земства, а съ 1888 года стоялъ во главѣ иркутскаго статист. бюро. А. писалъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ этнографическія и статистическія замѣтки, но извѣстность ему дали очерки, выпущенные подъ заглавіемъ „Въ волостныхъ писаряхъ“. Заботливое отношеніе къ нуждамъ народа, заставившее А—ва поступить волостнымъ писаремъ, не мѣшаетъ автору отмѣчать въ очеркахъ и темныя стороны народной жизни. Народничество А—ва далеко отъ идеализаціи деревни.

Николай Елпидифоровичъ Петропавловскій (Каронинъ).

П. (1857 г., † 12-го мая 1892 г.) родился въ Самарской губерніи въ духовной семьѣ. Его образованіе въ духовной семинаріи по различнымъ причинамъ не могло быть окончено, и П. рано познакомился съ тяжелыми условіями жизни, подорвавшими и безъ того слабое здоровье его. Изъ Тобольской губерніи, куда онъ былъ сосланъ, П. переѣхалъ въ Саратовъ, гдѣ и умеръ отъ чахотки. Литературнымъ занятіямъ П. отдался рано: уже въ 1879 г. появилось въ *Отечественныхъ Запискахъ* его первое беллетристическое произведеніе „Безгласный", изображавшее мужика въ качествѣ земскаго гласнаго. Послѣдующія произведенія также избирали предметомъ описанія народную жизнь, и только въ сравнительно позднихъ разсказахъ и повѣстяхъ П. касается городской жизни и быта интеллигентовъ. Въ качествѣ писателя-народника П. изслѣдуетъ психологію пореформеннаго крестьянина, направляя свой анализъ на особенно сильно бѣдствующіе и страдающіе элементы деревни. Описываемые имъ обитатели деревни сбиты съ толку новизной условій своей жизни; въ большинствѣ случаевъ они не могутъ понять совершающихся передъ ними событій, не могутъ опредѣлить собственнаго мѣста посреди другихъ людей, не знаютъ ни смысла своего существованія, ни причинъ тѣхъ или иныхъ напастей. Въ то же время каждый изъ описываемыхъ персонажей обладаетъ своей излюбленной идеей, не имѣющей ничего общаго съ тѣми условіями, въ которыхъ владѣльцу идеи приходится существовать. Несоотвѣтствіе послѣдней съ дѣйствительностью влечетъ за собой ударъ, за которымъ слѣдуетъ полупомѣшанное состояніе дѣйствующаго лица. Таковы разсказы: „Ученикъ", „Фантастическіе замыслы Миная", „Вольный человѣкъ", „Двѣ десятины", „Солома" и др. Нѣсколько иною рисуется деревня въ разсказѣ „Мой міръ", гдѣ „расщепленный на двѣ половины", безсильный и „близкій къ умопомѣшательству" интеллигентъ находитъ успокоеніе въ деревнѣ. Въ другихъ разсказахъ изъ интеллигентной и городской рабочей жизни авторъ описываетъ тотъ же типъ, который онъ наблюдалъ въ деревнѣ,—типъ человѣка, задавшагося неисполнимой мыслью и жестоко наказаннаго судьбой. Таковы разсказы: „Сочиненіе Чернова", „Pergetuum mobile", „Борская колонія", „Учитель жизни". Единственнымъ отличіемъ послѣднихъ двухъ произведеній отъ разсказовъ изъ народнаго быта является отношеніе автора къ „идеѣ" героевъ: деревенскимъ мечтаніямъ и идеямъ авторъ сочувствуетъ, сокровенныя мысли интеллигентовъ не находятъ въ немъ одобренія. Одинъ изъ послѣднихъ разсказовъ П—аго—„Бабочкинъ"—выводитъ такъ часто повторявшійся потомъ типъ человѣка, потерявшаго „вѣру" и вкусъ къ жизни.

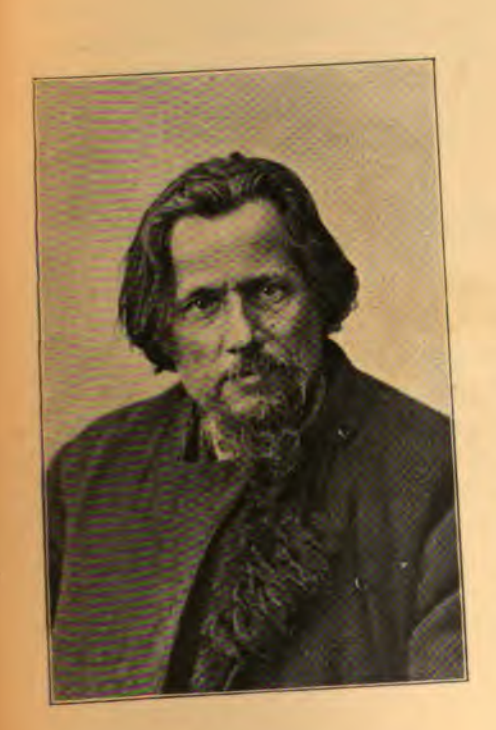
НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ АСТЫРЕВЪ.

НИК. ЕЛПИДИФОР. ПЕТРОПАВЛОВСКІЙ.

И. Суриковъ

Спир. Дрожжинъ

Иванъ Захаровичъ Суриковъ.

С. (25 марта 1841 г., † 25 августа 1880 г.) родился въ деревнѣ Новоселовѣ, Галичскаго уѣзда, Ярославской губ., въ крестьянской семьѣ. Раннее дѣтство провелъ въ деревнѣ. На восьмомъ году переѣхалъ въ Москву. Образованіе С. получилъ самое скудное, внѣ школы. Съ отроческихъ лѣтъ С. принужденъ былъ заниматься торговлей, сначала въ лавкѣ отца, потомъ открывши свою собственную (торговалъ желѣзомъ и углемъ). Торговля шла плохо, и былъ даже моментъ въ жизни С., когда онъ остался буквально безъ хлѣба и пытался пристроиться рабочимъ въ типографіи. Умеръ отъ чахотки, явившейся въ результатѣ тяжелой борьбы за существованіе. С—а часто считаютъ простымъ подражателемъ Кольцова и Никитина; но при сходствѣ отдѣльныхъ мотивовъ, поэзія С—а отличается отъ поэзіи послѣднихъ особенностями, обусловленными средой, ее породившей. Въ то время какъ Кольцовъ и Никитинъ—провинціальные поэты, С.—поэтъ столичной нужды, болѣе обостренныхъ формъ борьбы за существованіе. На ряду съ героями Кольцова и Никитина, у С. фигурируетъ уже рабочій пролетаріатъ („Работники", „Горе"). На ряду съ жалобами на безпросвѣтную тьму и нужду, мы встрѣчаемся у С—а съ пароксизмами такого отчаянія, какого нѣтъ ни у Кольцова, ни у Никитина („На мосту", „У могилы матери"). Съ другой стороны, мы видимъ у С—а подъемъ гражданскихъ чувствъ: объ этомъ свидѣтельствуютъ его эпическія произведенія („Богатырская жена", „Васильки").

Спиридонъ Дмитріевичъ Дрожжинъ.

Д. родился въ 1848 г. въ одной деревнѣ Тверской губ. Грамотѣ учился у сельскаго дьячка. Съ 12-тилѣтняго возраста жилъ въ Петербургѣ, гдѣ служилъ сначала мальчикомъ въ трактирѣ, потомъ приказчикомъ въ табачномъ магазинѣ. Въ концѣ 80-хъ годовъ онъ снова поселился въ деревнѣ и занялся хлѣбопашествомъ. Поэзія Д—а это поэзія крестьянина, познакомившагося съ жизнью городского пролетаріата, но только отчасти, и не порвавшаго связей съ „землей". Поэтому, давши нѣсколько образцовъ новаго литературнаго „жанра", образцовъ пролетаріатской пѣсни („Пѣсни рабочихъ"), Д. большинство своихъ стихотвореній посвящаетъ вопросамъ крестьянскаго труда и часто доходитъ до идеализаціи сельскаго быта. Съ внѣшней стороны онъ является продолжателемъ литературныхъ традицій, завѣщанныхъ Кольцовымъ, Никитинымъ и Шевченко.

Александръ Николаевичъ Островскій.

О. (31 марта 1823 г., † 2 іюня 1886 г.) родился въ Москвѣ въ семьѣ чиновника, занимавшагося веденіемъ юридическихъ дѣлъ московскаго купечества. Знакомство съ кліентами отца послужило основаніемъ къ дальнѣйшему ознакомленію О—го съ тѣмъ классомъ, изображенію котораго были посвящены его лучшія произведенія. Учился О. въ гимназіи, потомъ на юридическомъ факультетѣ московскаго университета, но, не окончивъ курса въ послѣднемъ, поступилъ на службу въ судъ. Уже въ первые годы своего служенія О. сталъ пробовать силы въ драматургіи; первый опытъ его „Картины семейнаго счастья" былъ напечатанъ въ 1847 г.; затѣмъ послѣдовала написанная въ сотрудничествѣ съ Горевымъ комедія „Банкротъ", названная потомъ по цензурнымъ условіямъ „Свои люди—сочтемся". Пьеса, изображавшая мрачныя стороны купеческой жизни, привлекла къ молодому драматургу вниманіе общества, но въ то же время вызвала гоненія на автора, котораго отдали подъ надзоръ полиціи. Одобреніе, которое встрѣчалъ О. среди сотрудниковъ *Москвитянина*, въ особенности сближеніе съ такъ назыв. „молодой редакціей" послѣдняго помогли О—му разобраться въ своихъ воззрѣніяхъ на основныя черты изучавшагося имъ быта, на свойства русскаго народа и того, что называлъ А. Григорьевъ „чистой русской душой". Актеръ П. М. Садовскій, будущій государственный контролеръ Т. И. Филипповъ, А. Григорьевъ были наиболѣе восторженными почитателями и единомышленниками О—го. Раздѣлявшаяся всѣмъ кружкомъ идеализація нѣкоторыхъ особенностей русской души отразилась и въ произведеніяхъ О—го. Поставленныя на сцену пьесы послѣдняго имѣли большой успѣхъ съ перваго же своего появленія, но автору ихъ пришлось пользоваться лишь очень небольшой частью доставлявшихся ими матеріальныхъ выгодъ; онъ много и долго бѣдствовалъ, и только въ послѣдніе годы сборъ отъ представленія его пьесъ въ провинціи сдѣлалъ положеніе О—го болѣе обезпеченнымъ. Въ 1885 г. онъ получилъ мѣсто начальника репертуара въ москов. Императорскомъ театрѣ. Но разстроенное здоровье не позволило О—му долго работать на этомъ поприщѣ, и менѣе, чѣмъ черезъ годъ послѣ назначенія на должность начальника репертуара, онъ умеръ. О. началъ свою литературную дѣятельность пьесами и сценами изъ купеческаго міра, захватывавшими въ то же время и міръ мелкаго чиновничества въ его отношеніяхъ къ купечеству. Дореформенное замоскворѣцкое купечество со всѣми особенностями его быта, съ его характерами и типами нашло въ О—омъ своего лучшаго изобразителя. Созданное историческими условіями, вышедшее изъ класса, не пользовавшагося правами и угнетеннаго, не сознававшее своего общественнаго значенія и какъ бы помимо своей воли дѣйствовавшее въ традиціонно-узкихъ рамкахъ, оно сохранило на себѣ въ произведеніяхъ О—го отпечатокъ пассивности и безволія. Изображаетъ ли О. мрачныя стороны купеческаго быта: самодурство главы семейства, безправіе подвластныхъ ему дѣтей, приказчиковъ и молодцовъ, болѣзненный испугъ женщинъ, или, наоборотъ, идеализируетъ проявленія „чисто русской души", — онъ почти ни-

А. Н. ОСТРОВСКІЙ.

когда не выводитъ сильныхъ волей, активныхъ и отличающихся ясностью жизненнаго пути людей. Пассивны и лишены опредѣленной цѣли его самодуры, не дающіе дышать другимъ; не распоряжаются обстоятельствами, а только пользуются тѣмъ, что плохо лежитъ, мошенники въ родѣ Подхалюзина въ лучшей пьесѣ О—го „Свои люди—сочтемся"; не имѣютъ никакой воли и только увлекаются судьбой даже лучшія женщины, представляющія для данной среды „лучъ свѣта въ темномъ царствѣ". Это въ полномъ смыслѣ слова только „продуктъ" историческихъ условій, среда безъ личностей, гдѣ сегодняшній безправный и смиренный „молодецъ" можетъ завтра превратиться въ жестокаго самодура, а грозный глава семьи можетъ униженно кланяться передъ чиновниками, чувствуя свое полное безправіе и духовную „темноту". Сознаніе личности проникаетъ въ эту среду уже позднѣе, подъ вліяніемъ увеличивающагося общественнаго значенія класса. Активные типы изображены авторомъ въ Ерастѣ и въ Вѣрѣ Филипповнѣ („Сердце не камень" 1880 г.). Здѣсь и приказчикъ и безправная прежде купеческая жена сознаютъ уже въ себѣ личность и завоевываютъ свое право на счастье, которое въ былыя времена (напр., „Бѣдность не порокъ") зависѣло отъ каприза самодура, одинаково способнаго поступить согласно своему нраву или поддаться добродѣтельнымъ внушеніямъ великодушнаго пропоицы. По мѣрѣ того какъ общественное значеніе изображаемаго класса возрастало, онъ противопоставлялся отжившимъ, дряблымъ представителямъ барства. Напр., въ „Бѣшеныхъ деньгахъ" купецъ Васильковъ, которому симпатизируетъ авторъ, на дѣлѣ доказываетъ, какою негодностью, ненужностью и безличіемъ отличаются фигурирующія въ пьесѣ представители первенствовавшаго прежде класса. На самомъ дѣлѣ и Васильковъ не представляетъ изъ себя положительнаго героя: это идеализированный типъ желѣзнодорожнаго подрядчика, который подобно своимъ отцамъ изъ „темнаго царства" умѣетъ наживать деньги, но побѣждаетъ онъ въ жизни не благодаря сознанію своей общественной роли и дѣйствительной энергіи, а лишь вслѣдствіе исключительной дряблости окружающихъ его людей (совершенно такъ же, какъ побѣждаетъ глупаго Бальзаминова грубый дядюшка Неуѣдовъ). Но во всякомъ случаѣ отъ прежнихъ Китъ-Китычей его отдѣляетъ цѣлая полоса общественнаго развитія, и въ сопоставленіи съ прошлыми пьесами О—го („Свои люди — сочтемся", „Бѣдность не порокъ", „Тяжелые дни" и др.) комедія „Бѣшеныя деньги" указываетъ на путь, пройденный русской буржуазіей въ пореформенный періодъ, такъ же какъ на разложеніе барства. Отрицательныя стороны послѣдняго выведены во многихъ другихъ пьесахъ („Безприданница", „Волки и овцы" и др.). И здѣсь авторъ рисуетъ пассивныя натуры, которыя смотря по обстоятельствамъ могутъ сдѣлаться волками или овцами (только смутно очерченный Безпутовъ представляетъ призракъ силы). Здѣсь, съ одной стороны, ненависть къ труду, отсутствіе воли и выдержки, съ другой—чрезмѣрные аппетиты создаютъ низменные характеры, унизительное положеніе, существованіе паразита. Только Глумовъ, потомокъ того же класса, ясно видитъ путь, которымъ надо итти, и соотвѣтственно своимъ планамъ играетъ людьми. Чиновничья среда также нашла свое изображеніе во многихъ

пьесахъ О—го („Доходное мѣсто“, „Свои собаки грызутся“, „Праздничный сонъ до обѣда“ и др.). Чиновники-взяточники и протестующіе противъ „доходности“ мѣстъ молодые идеалисты — одинаково пассивныя натуры, неспособныя повелѣвать обстоятельствами, но подчиняющіяся имъ. Такимъ образомъ, во всемъ литературномъ наслѣдіи О—го, кромѣ неподражаемо изображенныхъ бытовыхъ сторонъ жизни различныхъ классовъ, выводится пассивность русской натуры, являющаяся результатомъ историческихъ условій. Кромѣ бытовыхъ пьесъ, О—кимъ написаны историческія хроники: „Козьма Захарьичъ Мининъ „Сухорукъ“, „Дмитрій Самозванецъ“, „Тушино“ и др., драматическія сказки: „Снѣгурочка“, „Воевода“.

Иванъ Θедоровичъ Горбуновъ.

Г. (1831 г., † 24 декабря 1895 г.) родился въ семьѣ двороваго человѣка при Копнинской фабрикѣ (Московской губерніи). Учился въ Москвѣ, въ училищѣ при Набилковской богадѣльнѣ, потомъ въ гимназіи, гдѣ курса не окончилъ. Сойдясь еще очень молодымъ человѣкомъ съ молодой редакціей *Москвитянина*, Г. вскорѣ сдѣлался извѣстенъ въ литературныхъ московскихъ и петербургскихъ кругахъ, какъ талантливый разсказчикъ сценъ изъ быта фабричныхъ. Эта извѣстность помогла ему поступить на сцену петербургскаго казеннаго театра, гдѣ въ теченіе долгихъ лѣтъ онъ исполнялъ бытовыя роли. Г. занимаетъ въ русской литературѣ особенное мѣсто по формѣ своихъ произведеній. Это по большей части короткія юмористическія сценки, содержаніемъ которыхъ является далеко не всегда веселая дѣйствительность. Главный матеріалъ для своихъ разсказовъ Г. черпалъ изъ жизни городского населенія. Фабричный людъ, ремесленники, мѣщанство въ ихъ отношеніяхъ къ полицейской власти, къ суду, къ „начальству“ вообще, купечество съ ихъ обычаями и нравами, духовенство, дореформенные порядки и современная жизнь—нашли отраженіе въ этихъ короткихъ сценахъ, проникнутыхъ въ большинствѣ случаевъ очень добродушнымъ юморомъ. Взятые въ отдѣльности разсказы Г — ва оставляютъ впечатлѣніе легкой насмѣшки надъ невѣжествомъ и глупостью однихъ, беззастѣнчивостью и самодурствомъ другихъ, но вся совокупность этихъ сценъ (какъ объ этомъ можетъ судить читатель изъ статьи А. Θ. Кони, приводящей содержаніе большинства разсказовъ Г—ва) рисуетъ очень грустную и тяжелую картину человѣческихъ отношеній. Общественные взгляды Г—ва, которые опредѣляются его отношеніями къ редакціи *Москвитянина*, нашли въ его произведеніяхъ лишь очень слабое отраженіе.

Николай Александровичъ Лейкинъ.

Л. родился зимой 1841 г. въ Петербургѣ, въ купеческой семьѣ, учился въ реформатскомъ училищѣ, занимался по выходѣ изъ училища коммерче-

ИВ. ѲЕД.
ГОРБУНОВЪ.

Н. Лейкинъ.

скими дѣлами отца, былъ приказчикомъ, служилъ въ страховомъ обществѣ, игралъ нѣкоторое время на сценѣ. Уже съ очень молодыхъ лѣтъ Л. началъ писать, помѣщая свои произведенія въ *Русскомъ Мірѣ*, *Петербургскомъ Вѣстникѣ*, *Искрѣ*, *Современникѣ* и очень много въ *Петербургской Газетѣ*. Въ первое время своей литературной дѣятельности Л. изображалъ жестокіе нравы темнаго царства, разсказывая, наприм., въ „Христовой невѣстѣ" печальную судьбу жертвы этихъ нравовъ. Затѣмъ онъ все болѣе и болѣе склоняется къ внѣшнему комизму и въ теченіе сорокалѣтней дѣятельности создаетъ свой особенный литературный жанръ: онъ осмѣиваетъ комическую внѣшность той среды и тѣхъ явленій, которыя дѣйствительно заслуживаютъ осмѣянія и осужденія, но не за одну внѣшность. Темныя стороны купечества, приказчичьяго міра и другихъ столь знакомыхъ автору сферъ бичуются Л—ымъ лишь постольку, поскольку онѣ представляютъ матеріалъ для смѣшныхъ словечекъ и внѣшняго грубоватаго комизма. „Наши забавники", „Шуты гороховые", „Апраксинцы", „Биржевые артельщики", „Саврасы безъ узды" (названія нѣкоторыхъ произведеній Л—а) даютъ ему нескончаемый матеріалъ для смѣха.

Аполлонъ Александровичъ Григорьевъ.

Г. (1822 г., † 25 сент. 1864 г.) родился въ Москвѣ въ семьѣ чиновника изъ дворянъ. Воспитывался дома, затѣмъ поступилъ въ московскій университетъ. По окончаніи курса на юридическомъ факультетѣ, служилъ въ университетской канцеляріи; послѣ неудачнаго романа переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ нѣкоторое время состоялъ чиновникомъ въ управѣ благочинія и въ сенатѣ. Въ срединѣ 40-хъ годовъ Г. начинаетъ заниматься журнальной работой, пишетъ стихотворенія, много переводитъ; въ то же время ведетъ безпорядочный образъ жизни и сильно пьетъ. Въ 1847 г. возвращается въ Москву, получаетъ мѣсто преподавателя I-й гимназіи. Съ 1850 г. принимаетъ близкое участіе въ молодой редакціи *Москвитянина*. По прекращеніи *Москвитянина* участвуетъ въ журналахъ: *Русская Бесѣда*, *Русское Слово*, *Время*, *Якорь* и *Эпоха*. Умираетъ отъ запоя. Г. — типичнѣйшій и талантливѣйшій теоретикъ - „почвенникъ". Полагая въ основу своей теоріи защиту національности „коренного русскаго міросозерцанія, юмористическаго безъ боязни, прямого безъ увлеченія", „смышленаго, здороваго ума, соединеннаго съ добротой", онъ ополчается, какъ противъ всѣхъ „наносныхъ" плодовъ западной культуры, такъ и противъ всѣхъ „хищническихъ и офиціальныхъ" началъ русской жизни. Онъ критикуетъ аристократизмъ, какъ явленіе, занесенное къ намъ изъ Франціи и Англіи, отрицательно относится къ мѣщанству, гоняющемуся за аристократіей, съ его фальшивымъ сантиментализмомъ, роднящимъ его съ нѣмецкимъ бюргерствомъ; онъ ненавидитъ бюрократію за ея офиціальныя отношенія къ „земщинѣ"; онъ критикуетъ славянофильство, доходящее до идеализаціи темныхъ сторонъ древней Руси. Онъ

одинаково протестуетъ, какъ противъ культа личности, культа байронизма, находя безплоднымъ одно только отрицательное отношеніе къ дѣйствительности, не согрѣтое положительными идеалами, такъ и противъ „сантиментальнаго“ натурализма, этого „голоса за простое и доброе, поднявшагося противъ ложнаго и хищническаго“, цѣннаго, правда, своимъ отрицаніемъ лжи и хищничества, но ставящаго своей положительной цѣлью апологію „застоя, моральнаго мѣщанства“. Отрицаніямъ въ духѣ байронизма и романтизма. Г. противопоставляетъ требованіе отрицанія во имя нравственнаго долга, специализаціи на какомъ-нибудь серьезномъ трудѣ во имя „принципа сердца и вѣрованія“ грубому апоѳеозу „обыденныхъ, условныхъ воззрѣній“—равновѣсіе идей дѣйствительности въ душѣ художника, искусству, провозглашающему застой,—искусство, исповѣдующее національное развитіе. Свои критико-литературные взгляды, изложенные въ статьяхъ „О комедіяхъ Островскаго“, „О правдѣ и искренности въ искусствѣ“, „Тургеневъ и его литературная дѣятельность“, „Парадоксы органической критики“, Г. называетъ органической теоріей; исходя изъ принциповъ исторической критики, онъ признаетъ односторонность исключительно исторической оцѣнки литературныхъ и общественныхъ явленій: историческая работа не можетъ способствовать нашей нравственности, нашему „цѣльному совершенству“, „душа развиваться не можетъ“. Ставши такимъ образомъ на точку зрѣнія нравственности и національности, Г. прослѣживаетъ въ исторіи русской литературы XIX в. исторію пробужденія національнаго сознанія, которое ясно формулировалось въ Пушкинѣ, Грибоѣдовѣ, Гоголѣ, отчасти Бѣлинскомъ и главнымъ образомъ въ Островскомъ. Особенное значеніе онъ придаетъ элементу комизма, который представляетъ, по его мнѣнію, наиболѣе пригодное орудіе для борьбы съ застоемъ и аномаліями дѣйствительности.

Николай Николаевичъ Страховъ.

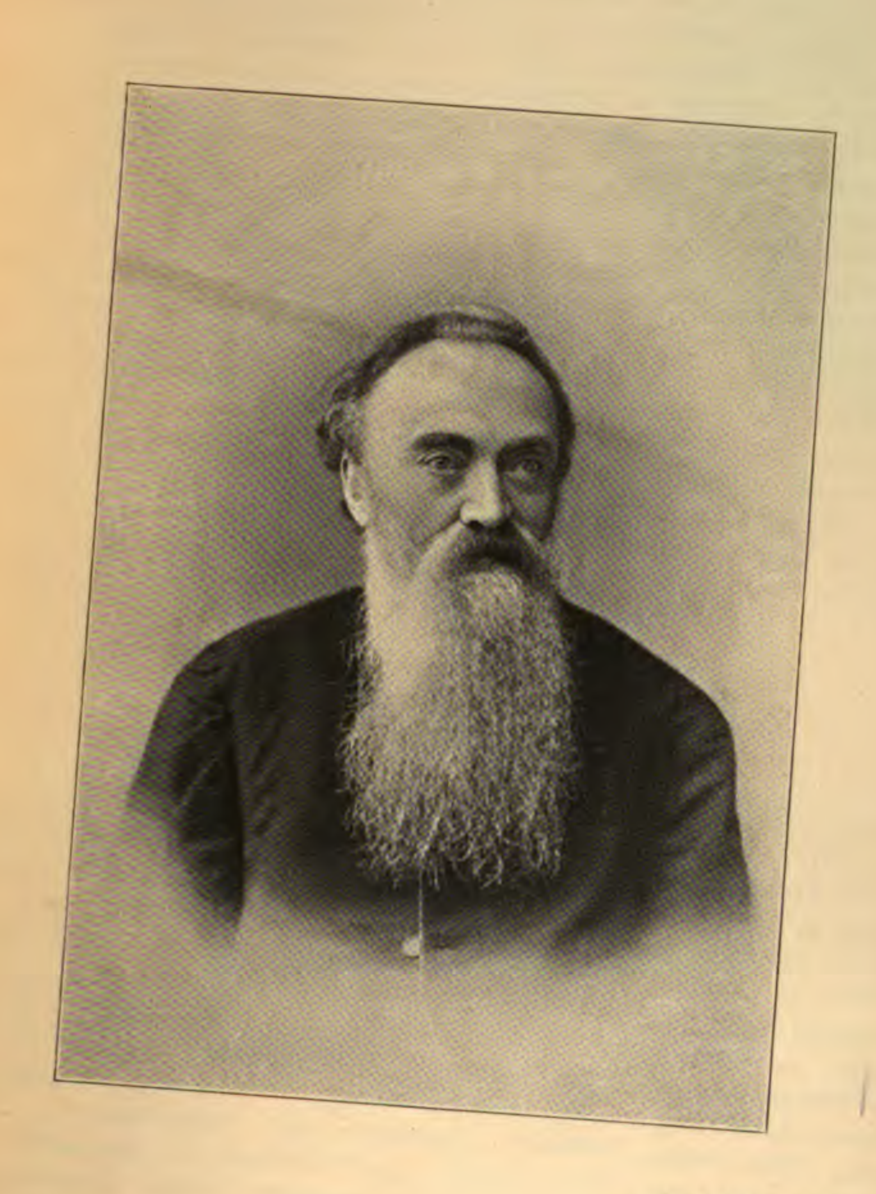
Н. Н. (1828 г., † 24 января 1896 г.) получилъ образованіе въ костромской семинаріи, въ петербургскомъ университетѣ и петербургскомъ педагогическомъ институтѣ. По окончаніи курса занимался педагогическою дѣятельностью. Въ половинѣ 60-хъ годовъ онъ бросилъ педагогику и съ тѣхъ поръ, до конца жизни, посвятилъ себя литературной работѣ. С. — ученикъ А. Григорьева и Данилевскаго, послѣдователь теоріи почвенниковъ (въ первомъ періодѣ своей литературной дѣятельности) и теоріи „культурно-историческихъ типовъ“ и „панславизма“. Какъ къ той, такъ и другой теоріямъ онъ не сдѣлалъ никакихъ существенныхъ дополненій, являясь по преимуществу натурой боевой, публицистомъ, апологетомъ чужихъ мнѣній. Такова, напр., его горячая апологія обоихъ главныхъ сочиненій Данилевскаго противъ нападокъ какъ богослововъ въ родѣ В. Соловьева, такъ и дарвинистовъ (Тимирязевъ). Особенную извѣстность онъ пріобрѣлъ своей критикой западной цивилизаціи, изложенной въ рядѣ статей,

АППОЛ. ГРИГОРЬЕВЪ

А Григорьевъ

Н. Н. СТРАХОВЪ.

объединенныхъ подъ общимъ заглавіемъ „Борьба съ Западомъ“; въ нихъ С. пытается доказать, что вся западная культура завершилась пропастью „нигилизма“ и „матеріализма“, что, съ одной стороны, западная буржуазія, съ другой стороны, западный пролетаріатъ одинаково живутъ лишь жаждой матеріальныхъ благъ, что пессимизмъ, безвѣріе, безъидейность—типичные показатели западнаго „разложенія“. Какъ литературный критикъ, С. рѣзко порицаетъ стремленія новѣйшихъ историковъ литературы объяснять произведенія великихъ писателей изъ „развитія идей“ и законовъ „подражанія“: протестуя, вслѣдъ за Данилевскимъ, противъ *эволюціонной* теоріи вообще, онъ заявляетъ, что „каждое явленіе имѣетъ *одинаковый, общій* корень съ другими, ему однородными, и развивается изъ *общихъ* ихъ законовъ, а не коренится одно явленіе въ другомъ, и не составляетъ одно явленіе новаго фазиса, зависящаго отъ фазиса предыдущаго“. „Каждаго поэта надо объяснять изъ *свойствъ его народа* и изъ современныхъ ему событій этого народа“. Въ томъ или другомъ писателѣ раскрываются лишь тѣ или иныя свойства, вѣчно присущія этому народу. Однимъ словомъ, къ литературѣ нельзя примѣнять генетическій методъ; по мнѣнію С., писатели лишь типы, возращенные неизмѣнно одной и той же средой. Изъ отдѣльныхъ писателей особенно подробно С. разбиралъ произведенія Льва Толстого и Тургенева. Какъ философъ, С.— большой поклонникъ Гегеля. Его главнѣйшія произведенія: „Борьба съ Западомъ“, „Критическія замѣтки объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ“, „Изъ исторіи литературнаго нигилизма“, „Міръ, какъ цѣлое“.

Өедоръ Михайловичъ Достоевскій.

Д. (30 окт. 1821 г., † 28 янв. 1881 г.) родился въ Москвѣ въ зданіи Маріинской больницы, въ семьѣ лѣкаря; до 11-тилѣтняго возраста вращался исключительно въ тѣсной больничной обстановкѣ подъ присмотромъ своего суроваго отца. Въ 1834 г. Д. поступаетъ въ пансіонъ Чермака, а на 16-мъ году, послѣ смерти матери, въ петербургское инженерное училище. Зачисленный на службу при С.-Петербургской инженерной командѣ, Д. черезъ годъ выходитъ въ отставку, желая жить однимъ литературнымъ трудомъ. Повѣсть „Бѣдные люди“, напечатанная въ *Отеч. Зап.* въ 1845 г., доставила ему громкую извѣстность, а до 1849 г. въ *Отеч. Зап.* появились: „Двойникъ“, „Прохарчинъ“, „Слабое сердце“, „Чужая жена“, „Ревнивый мужъ“, „Честный воръ“, „Елка и свадьба“, „Хозяйка“, „Бѣлыя ночи“, „Неточка Незванова“. Въ ночь на 23 апр. 1849 г. Д. былъ арестованъ по дѣлу Петрашевцевъ, сидѣлъ 8 мѣсяцевъ въ Петропавловской крѣпости, потомъ былъ приговоренъ къ 4 годамъ каторги и 4 годамъ солдатской службы. Въ 1860 г. онъ получаетъ право жительства въ Петербургѣ, гдѣ съ 1861 г. начинаетъ вмѣстѣ со своимъ братомъ издавать журналъ *Время* и помѣщаетъ въ немъ: „Униженные и оскорбленные“ и „Записки изъ Мертваго дома“,

Послѣ запрещенія журнала *Время*, онъ издаетъ *Эпоху*, не имѣвшую никакого успѣха. Въ 1861 г. въ *Русскомъ Вѣстникѣ* появляются „Преступленіе и Наказаніе“ и „Игрокъ“. Женившись вторично, Д. на четыре года покидаетъ Россію, присылая изъ-за границы свои романы: „Идіотъ“, „Бѣсы“ и повѣсть „Вѣчный мужъ“. Во все это время Д. находится въ состояніи хроническаго безденежья. По пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ въ 1873 г. становится редакторомъ журнала *Гражданинъ*, а съ 1876 г. издаетъ *Дневникъ писателя*. Въ 1879—80 г. выходитъ его романъ „Братья Карамазовы“. Д. всю жизнь, послѣ пребыванія на каторгѣ, страдалъ эпилепсіей. Умеръ въ Петербургѣ. Д.—проповѣдникъ нравственнаго возрожденія человѣка, исключительно разрабатывавшій вопросы личной морали. Представители всѣхъ классовъ уравниваются передъ общимъ закономъ преслѣдованія личныхъ добродѣтелей: и въ обитателяхъ Мертваго Дома, и въ княжескихъ отпрыскахъ („Идіотъ“), и въ мелкихъ чиновникахъ („Бѣдные люди“ и др.) мы видимъ тотъ же культъ личности, благородной въ своихъ порывахъ. Чѣмъ больше страданія, тѣмъ больше человѣчности — вотъ девизъ автора. Не даромъ онъ исключительное вниманіе обращаетъ на психически разстроенныхъ людей и на всякіе изъ ряда выходящіе эпизоды, въ которыхъ дѣйствующія лица всегда вынуждены сбросить съ себя будничную мораль и дѣйствовать подъ вліяніемъ сильнаго чувства. Прослѣживая эволюцію міросозерцанія Д—аго, мы видимъ, что оно мѣнялось съ годами. Петрашевецъ, послѣдователь идей Бѣлинскаго, подъ конецъ жизни выступаетъ редакторомъ реакціонныхъ органовъ *Гражданинъ* и *Дневникъ писателя*; всѣ его симпатіи клонятся на сторону такъ наз. почвенниковъ. Проповѣдуя необходимость проникновенія общества народнымъ началомъ, Д. въ сущности не интересуется народомъ, и нигдѣ у него читатель не найдетъ характеристики деревенской жизни. Всякій, выступающій съ критикой существующаго порядка, карается имъ, какъ отступникъ отъ народа, но въ то же время Д. требуетъ сліянія интеллигенціи съ народомъ во имя общаго равенства на почвѣ христіанской любви. Любовь движетъ міромъ и переустройство соціальныхъ отношеній достигается только путёмъ поднятія нравственнаго уровня отдѣльныхъ лицъ; смиреніе и крѣпость, какъ противовѣсъ хищничеству,—таковы орудія угнетаемыхъ. Первоклассный художественный талантъ Д—аго проводитъ читателя черезъ рядъ напряженныхъ душевныхъ движеній и до невѣроятія нервныхъ сценъ, гдѣ сталкиваются страсти, мелкія побужденія, благородные порывы, гдѣ больше всего и яснѣе всего выступаетъ человѣческое страданіе.

Федоръ Достоевскій

А. Ѳ. ПИСЕМСКІЙ.

Алексѣй Ѳеофилактовичъ Писемскій.

П. родился (10 марта 1820 г., † 21 янв. 1881 г.) въ усадьбѣ Раменье, Чухломскаго уѣзда, Костромской губ., происходилъ изъ обѣднѣвшей дворянской семьи. 14-ти лѣтъ П. поступаетъ въ костромскую гимназію, а въ 1840 г. переходитъ въ московскій университетъ; несмотря на усиленный литературный подъемъ сороковыхъ годовъ, П. остается въ сторонѣ отъ общественнаго движенія, увлекаясь всецѣло театромъ. Въ 1844 г. онъ поступаетъ на службу въ костромскую палату государственныхъ имуществъ, переѣзжаетъ потомъ въ Петербургъ, ведетъ нѣкоторое время жизнь литературнаго пролетарія, которую мѣняетъ на мѣсто чиновника главнаго управленія удѣловъ. Первые же его разсказы „Нина“ (1848 г.) и „Тюфякъ“ (1850 г.) обращаютъ на него вниманіе. Пріобрѣтя себѣ литературную славу напечатаннымъ въ 1858 г. романомъ „Тысяча душъ“, П. начинаетъ редактировать *Библіотеку для чтенія*. Фельетоны за подписью „Никиты Безрылова“ и романъ „Взбаламученное море“ возбудили противъ П—аго литературу того времени. Его популярность падаетъ все болѣе и болѣе, хотя въ печати появляются его новые большіе романы: „Люди сороковыхъ годовъ“, „Въ водоворотѣ“, „Мѣщане“, „Масоны“. — Въ лицѣ П. литература имѣетъ крупнаго художника-реалиста, который не находитъ въ общественной жизни ни одного положительнаго типа, ни одного положительнаго направленія. Разойдясь рѣзко во взглядахъ съ бюрократическимъ чиновничествомъ, разлагающимся землевладѣльческимъ дворянствомъ и нарождающейся буржуазіей, онъ въ то же время осмѣиваетъ литературное движеніе сороковыхъ годовъ, славянофильство и западничество, равно какъ и дѣятелей эпохи реформъ. Ни въ одномъ его произведеній не проскальзываетъ и тѣни вѣры въ какой-нибудь идеалъ. Раскрывая передъ читателемъ соціальныя язвы своего времени, особенно рельефно подчеркивая темныя стороны во всякомъ явленіи, онъ съ нѣкоторой долей симпатіи относится къ неуклонному преслѣдованію требованій долга, вытекающихъ изъ существующаго порядка вещей. Энергичный администраторъ Калиновичъ („Тысяча душъ“), деспотически распоряжающійся подвластными ему лицами, безъ пощады карающій преступниковъ закона, окруженъ ореоломъ даровитаго человѣка именно въ моментъ достиженія имъ наибольшей власти. Придавая значеніе простотѣ и непосредственности, П. всякую заимствованную теорію выставляетъ въ смѣхотворномъ практическомъ приложеніи, а потому въ его романахъ здравый житейскій умъ, не затронутый книжнымъ образованіемъ, выгодно оттѣняется на фонѣ красивыхъ фразъ. По отношенію къ народной жизни онъ проводитъ тѣ же взгляды, въ немногихъ произведеніяхъ („Горькая судьбина“, „Питерщикъ“, „Батька“, „Плотничья артель“) безпристрастно рисуя неприглядность обстановки, но не указывая читателю никакого выхода изъ подавляющей атмосферы; даже къ крѣпостному праву онъ не обнаруживаетъ чувства возмущенія, сохраняя холодный тонъ историческаго повѣствователя.

Михаилъ Никифоровичъ Катковъ.

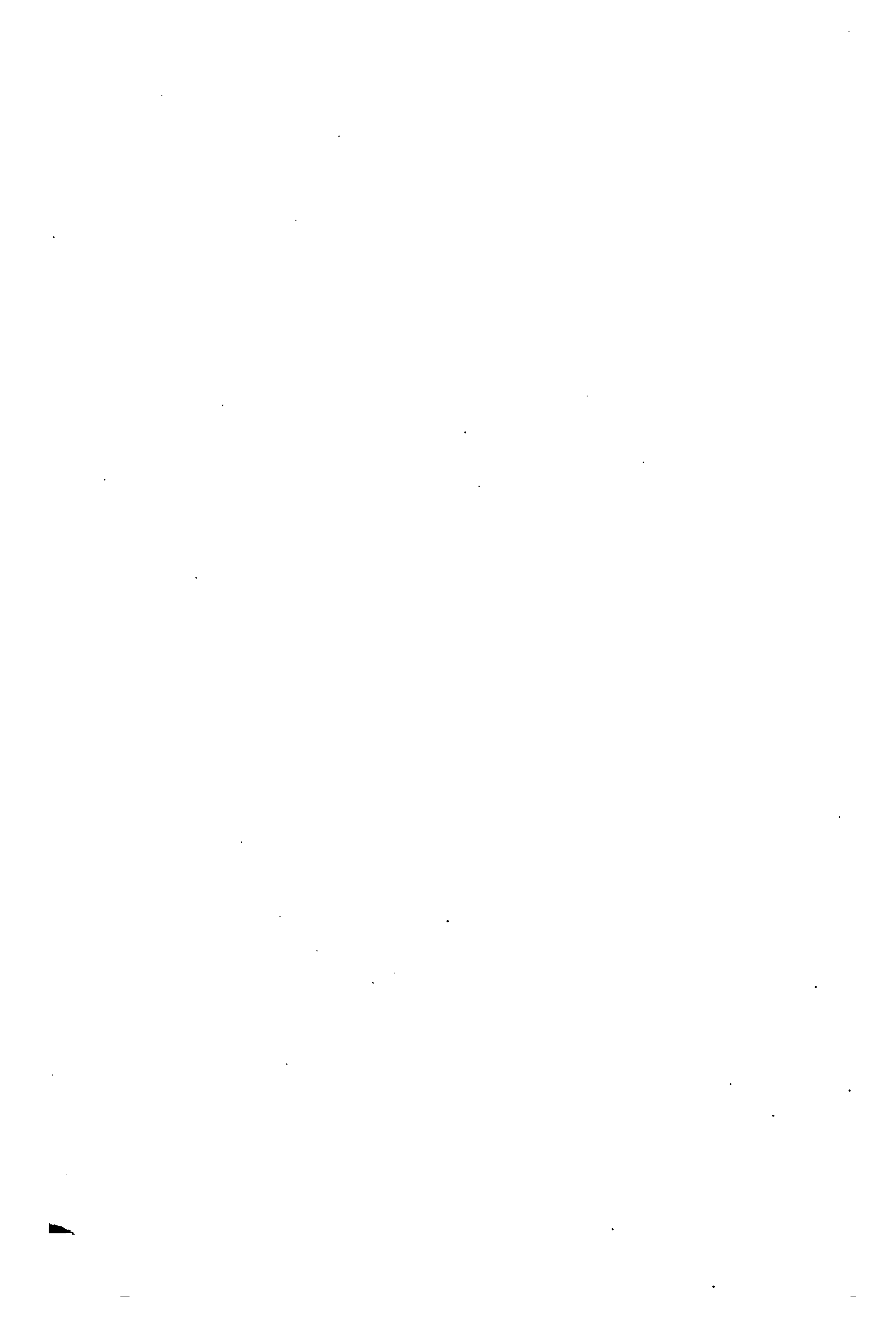
К. (1818 г., † 20 іюня 1887 г.), сынъ мелкаго чиновника, родился въ Москвѣ; тамъ же учился въ гимназіи и въ университетѣ. Вскорѣ послѣ окончанія университетскаго курса уѣхалъ за границу, гдѣ занимался философіей, слушалъ Шеллинга и другихъ профессоровъ. Съ 1845 по 1851 г. состоялъ адъюнктомъ по каѳедрѣ философіи. Въ 1851 г. сдѣлался редакторомъ *Московскихъ Вѣдомостей* и вмѣстѣ чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ народнаго просвѣщенія. Съ 1856 г. сталъ издавать *Рус. Вѣстникъ*, продолжая это издательство до самой смерти. Начало самостоятельной умственной жизни К—а рѣзко отличается отъ ея конца. Близкій знакомый Герцена, Бѣлинскаго, Тургенева и кружка ихъ друзей, К. раздѣлялъ ихъ воззрѣнія, былъ западникомъ, сторонникомъ свободы печати и т. д. Нѣкоторыя измѣненія въ его отношеніяхъ къ прежнимъ друзьямъ произошли уже по возвращеніи изъ-за границы, когда, по выраженію Головачевой-Панаевой, онъ потерялъ обычныя манеры „студента-бурша" и сталъ вести болѣе уединенный образъ жизни. Въ первый періодъ литературной дѣятельности К. однако оставался вѣренъ былымъ своимъ воззрѣніямъ, выступая сторонникомъ западно-европейскихъ порядковъ. Событія 1863 года измѣнили К—а и выдвинули его какъ публициста. Горячая кампанія, которую онъ велъ по поводу польскаго возстанія, нашла опору въ мѣрахъ, предпринимавшихся правительствомъ, и въ мнѣніи большинства русскаго общества. Успѣхъ этого періода его литературной дѣятельности создалъ К—у исключительное положеніе въ ряду публицистовъ того времени. И въ собственномъ мнѣніи, и въ глазахъ многихъ его послѣдователей онъ сдѣлался своего рода законодателемъ общественныхъ воззрѣній и руководителемъ правительственныхъ дѣйствій. Съ этого времени литературная физіономія его мѣняется; онъ становится врагомъ тѣхъ убѣжденій, которыя высказывались имъ прежде; со страстью нападаетъ онъ на лицъ, которыя продолжаютъ раздѣлять его вчерашнія воззрѣнія. Стремленіе къ возврату къ дореформеннымъ порядкамъ все сильнѣе и сильнѣе проглядываетъ въ послѣдніе годы его дѣятельности.

ОРЕСТЪ ѲЕДОРОВИЧЪ МИЛЛЕРЪ.

М. (4 августа 1833 г., † 1 іюня 1889 г.) родился въ городѣ Гапсалѣ. Окончивъ курсъ на историко-филологическомъ факультетѣ с.-петербургскаго университета, М. защитилъ дессертацію на степень магистра па тему „О нравственной стихіи въ поэзіи на основаніи историческихъ данныхъ". Диссертація вызвала рѣзкій отзывъ Добролюбова; этотъ отзывъ надолго сдѣлалъ имя М—ра непопулярнымъ. Уже много времени послѣ того какъ М. сдѣлался профессоромъ петербургскаго университета, ему удалось заслужить своимъ заботливымъ отношеніемъ къ студентамъ ихъ любовь. Въ 1870 г. была напечатана М—ромъ докторская диссертація „Илья Муромецъ и богатырство Кіевское", а черезъ нѣсколько лѣтъ вышли отдѣльнымъ изданіемъ этюды его о русскихъ писателяхъ послѣ Гоголя. Впослѣдствіи эти этюды выдержали много изданій. Отчасти въ своей диссертаціи, отчасти въ другихъ статьяхъ М. защищаетъ славянофильскія воззрѣнія, повторяя главнымъ образомъ то, что до него еще было сказано болѣе сильными и яркими представителями славянофильства.

ВИКТ. ПЕТР.
КЛЮШНИКОВЪ.

БОЛЕСЛАВЪ
МАРКЕВИЧЪ.

Викторъ Петровичъ Клюшниковъ.

К. (10 марта 1831 г., † 7 ноября 1892 г.) родился въ Смоленской губ., въ дворянской семьѣ, учился въ московской гимназіи и на естественномъ факультетѣ московскаго университета, долгое время служилъ въ Сенатѣ, былъ педагогомъ, а затѣмъ всецѣло литераторомъ. Въ качествѣ романиста и публициста участвовалъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ, Зарѣ, Нивѣ* (которой былъ редакторомъ), *Московскихъ Вѣдомостяхъ* и др. Извѣстенъ главнымъ образомъ своимъ обличительнымъ романомъ „Марево“; предметомъ обличенія были люди шестидесятыхъ годовъ, описанные такими чертами, что и романъ, и его авторъ Писаревъ въ очень рѣзкой статьѣ называлъ даже: „съ позволенія сказать романъ „Марево“, съ позволенія сказать г. Клюшниковъ“. „Марево“ было однимъ изъ первыхъ романовъ, положившихъ начало цѣлой серіи обличительныхъ романовъ.

Болеславъ Михайловичъ Маркевичъ.

М. (1822 г., † 18 ноября 1884 г.) родился въ Волынской губерніи. Получивъ образованіе въ одесскомъ лицеѣ на юридическомъ отдѣленіи, онъ поступилъ сначала въ министерство государственныхъ имуществъ. Переходя потомъ изъ одного министерства въ другое, каждый разъ съ повышеніемъ, Маркевичъ составлялъ постепенно блестящую карьеру и дослужился бы вѣроятно до большихъ чиновъ, если бы не обнаружилось слишкомъ очевидное взяточничество его въ одномъ громкомъ дѣлѣ. Уволенный со службы, онъ отдался литературѣ, гдѣ, впрочемъ, выступалъ и раньше съ рѣзкими обвиненіями противъ извѣстной части общества и печати въ „матеріалистическихъ мерзостяхъ“ и въ безчестномъ отношеніи къ печатному слову. Онъ сотрудничалъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* и въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, фабрикуя въ большомъ количествѣ романы, гдѣ нерѣдко обливались грязью дѣйствительныя лица, описанныя настолько ясно, что ихъ легко было узнать. Таковы были романы: „Четверть вѣка назадъ“, „Переломъ“, „Бездна“, „Забытый вопросъ“ и др.

Николай Семеновичъ Лѣсковъ (М. Стебницкій).

Л. (4 февр. 1831 г., † 21 февр. 1895 г.) сынъ чиновника, родился въ Орловской губ., получилъ воспитаніе у родственниковъ въ богатой дворянской семьѣ, а затѣмъ въ орловской гимназіи. Семейныя обстоятельства, принудившія Л—ва уже съ 17-ти лѣтъ сдѣлаться канцелярскимъ служителемъ, не позволили ему окончить гимназическаго курса. Своимъ знакомствомъ съ русской жизнью Л. обязанъ частымъ разъѣздамъ сначала въ качествѣ секретаря рекрутскаго присутствія, потомъ на частной службѣ у управляющаго имѣніями гр. Перовскаго. Нѣкоторый успѣхъ въ литературѣ побудилъ Л—а въ 50-хъ годахъ уѣхать въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ статьей о петербургскихъ пожарахъ навлекъ на себя непріязнь молодежи и извѣстной части печати. Невѣрное истолкованіе статьи озлобило Лѣскова. Оба романа обличаютъ радикальныя и либеральныя тенденціи въ обществѣ. Въ 1864 г. появляется его романъ „Некуда", въ 1870—71 г. — „На ножахъ". Во вторую половину жизни Л. мѣняется; мало-по-малу репутація его возстановляется въ глазахъ нѣкоторой части его прежнихъ противниковъ. Для характеристики этого писателя съ положительной стороны надо брать тѣ его произведенія, гдѣ онъ выводитъ типы маленькихъ людей, преслѣдующихъ культурныя задачи въ ограниченной области (свящ. Туберозовъ въ „Соборянахъ", Анна Михайловна въ ром. „Обойденные", Марія Норкъ—въ ром. „Островитяне", кн. Протозанова—въ „Захудаломъ родѣ" и др.). Громадное значеніе придавалъ онъ искренней вѣрѣ, являющейся стимуломъ для дѣятельной любви къ ближнему, и съ этой точки зрѣнія подвергалъ критикѣ духовенство и его отношеніе къ мірянамъ. Провинціальное чиновничество съ его полнымъ непониманіемъ требованій культуры описывается Л—ымъ съ безпощадной ироніей; среди народной массы, которой онъ касается, главнымъ образомъ, при разборѣ религіознаго міросозерцанія, онъ видитъ невѣжество, искупающееся до нѣкоторой степени, по его мнѣнію, религіозностью народа. Изображенія Л—а ярки, языкъ своеобразенъ и силенъ; основной особенностью его таланта является юморъ, нерѣдко злобный, никогда не добродушный, всегда оригинальный, хотя въ большинствѣ случаевъ и лишенный чувства мѣры.

Н. С. ЛѢСКОВЪ.

ВСЕВОЛОДЪ ВЛАДИМІРОВИЧЪ КРЕСТОВСКІЙ.

К. (1840 г., † 1895 г.) родился въ дворянскомъ помѣстьѣ, Кіевской губ. Окончивъ курсъ въ I петербургской гимназіи, онъ поступилъ на филологическій факультетъ петербургскаго университета, но, увлекшись литературной дѣятельностью, вскорѣ вышелъ изъ университета. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ поступилъ юнкеромъ въ уланскій полкъ и долгое время оставался на военной службѣ. Среди многочисленныхъ произведеній К—аго первое мѣсто занимаетъ романъ „Петербургскія трущобы", въ свое время пользовавшійся большой извѣстностью. Романъ противопоставляетъ существованіе трущобъ блеску великосвѣтскихъ салоновъ. Онъ изобилуетъ вымыслами и мелодраматическими ужасами, но наряду съ этимъ въ немъ есть и реальныя картины жизни притоновъ. Въ свое время ходили упорные слухи, будто эти картины принадлежатъ Помяловскому, который, живя въ силу извѣстныхъ обстоятельствъ въ этихъ притонахъ, записывалъ свои наблюденія. Записки эти послѣ его смерти будто бы и составили матеріалъ для „Петербургскихъ трущобъ", съ которыми К., по образу своей жизни, не имѣлъ возможности ознакомиться. Кромѣ упомянутаго произведенія, К. написано нѣсколько романовъ, въ которыхъ обличаются шестидесятники, поляки, евреи; таковы: „Панургово стадо", „Двѣ силы", „Тьма египетская". Ему же принадлежатъ многочисленные очерки военнаго быта. Въ послѣдніе годы жизни онъ состоялъ редакторомъ *Варшавскаго Дневника*.

Павелъ Ивановичъ Мельниковъ (Андрей Печерскій).

М. (22 октября 1819 г., † 1883 г.) родился въ Нижнемъ-Новгородѣ отъ бѣдныхъ родителей. Рано окончивъ гимназію, онъ поступилъ въ казанскій университетъ, при которомъ былъ оставленъ по окончаніи курса для полученія каѳедры славянскихъ нарѣчій. Но по различнымъ обстоятельствамъ профессуры М. не получилъ и поступилъ учителемъ въ пермскую гимназію. Будучи учителемъ, М. часто предпринималъ поѣздки по Уралу, изучая бытъ населенія и знакомя читателей съ результатами своихъ изученій въ очеркахъ обличительнаго характера. Еще болѣе расширился кругъ наблюденій М—а надъ бытомъ народа и въ особенности раскольниковъ, когда онъ сдѣлался чиновникомъ особыхъ порученій при нижегородскомъ губернаторѣ. Производя слѣдствія по дѣламъ раскольниковъ, имѣя въ рукахъ ихъ книги, приходя въ близкое соприкосновеніе съ ихъ жизнью и порядками, М. имѣлъ возможность близко ознакомиться съ ихъ бытомъ, съ различными типами, выросшими на почвѣ своеобразныхъ человѣческихъ отношеній. Плодомъ этого ознакомленія были многочисленные повѣсти и романы, изъ которыхъ наибольшую извѣстность пріобрѣли два большихъ романа: „Въ лѣсахъ“ и „На горахъ“ (второй служитъ продолженіемъ перваго). М. участвовалъ во многихъ періодическихъ изданіяхъ то въ качествѣ сотрудника (*Московскія Вѣдомости, Русскій Вѣстникъ, Сѣверная Почта* и др.), то въ качествѣ издателя (*Русскій Дневникъ*) или редактора (*Нижег. Губ. Вѣдомости*). Среди многочисленныхъ русскихъ художниковъ-этнографовъ М. занимаетъ одно изъ самыхъ выдающихся мѣстъ. Изображаемый имъ міръ представляетъ интересъ въ его описаніи не только своею внѣшнею своеобразностью, но и психологіей отдѣльныхъ лицъ: купцовъ-раскольниковъ, инокинь, послушницъ, многочисленныхъ типовъ, вертящихся около раскольничьихъ монастырей и такъ или иначе приспособляющихъ свою жизнь къ мѣстнымъ условіямъ. Темныя стороны этого быта не дѣлаютъ изъ жизни „въ лѣсахъ“ темнаго царства, такъ какъ въ описаніи М—а гнетъ семейный, гнетъ раскольничьяго скита, тяжелая монастырская дисциплина представляютъ нѣкоторую привлекательность силы, будетъ ли это сила традиціи (у богатаго купца Потапа Максимовича), сила страсти (Настя), сила подвига и самоотреченія (Манеѳа) и т. д. На ряду съ этими цѣльными и сильными натурами рисуются другія, ловящія рыбу въ мутной водѣ и, несмотря на свое духовное ничтожество, одолѣвающія сильныхъ. Но вмѣстѣ съ индивидуальной психологіей М. не описываетъ массовой психологіи, которая необходима для пониманія такого явленія, какъ расколъ. Вслѣдствіе этого его изображеніе раскольничьяго міра, несмотря на большія достоинства, одностороннее, неполно и не всегда вѣрно.

А. ПЕЧЕРСКІЙ.

Павелъ Мельниковъ

Василій Григорьевичъ Авсѣенко.

А. (5 января 1842 г.) происходитъ изъ дворянской семьи. По окончаніи курса въ кіевскомъ университетѣ читалъ лекціи новой исторіи, но затѣмъ отдался литературной дѣятельности, участвуя въ *Кіевлянинѣ*, *Русскомъ Вѣстникѣ*, *Зарѣ*, *Московскихъ Вѣдомостяхъ* и друг. періодическихъ изданіяхъ. Литературная дѣятельность А. опредѣляется характеромъ тѣхъ изданій, въ которыхъ онъ работалъ. Какъ критикъ, онъ сводитъ къ нулю значеніе всѣхъ беллетристовъ противоположнаго ему по убѣжденіямъ лагеря. Беллетристическія произведенія его помѣщались главнымъ образомъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. („Млечный путь", „Скрежетъ зубовный", „Буря").

Василій Петровичъ Авенаріусъ.

А., сынъ лютеранскаго пастора, родился 28 сентября 1839 г. въ Царскомъ Селѣ, учился въ церковной школѣ, въ петербургской гимназіи и въ петербургскомъ университетѣ, гдѣ окончилъ курсъ по естественному отдѣленію физико-математическаго факультета. По окончаніи курса изучалъ въ качествѣ химика свеклосахарное производство, затѣмъ поступилъ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ, перешелъ въ мин. нар. просвѣщенія, затѣмъ въ канцелярію по учрежденіямъ Императрицы Маріи; съ 1899 года предсѣдательствуетъ въ учебномъ комитетѣ. Первые литер. опыты относятся къ 1855 году, когда автору было 16 лѣтъ; они заключались исключительно въ стихахъ русскихъ и нѣмецкихъ. Первая большая повѣсть „Современная идиллія" напечатана въ *Отеч. Зап.* 1865 г. (ред. Краевскаго и Дудышкина), а продолженіе ея въ 1867 году въ журналѣ *Всемірный Трудъ* подъ заглавіемъ „Повѣтріе". Вслѣдъ за этимъ произведеніемъ, создавшимъ А—су громкую извѣстность, послѣдовали менѣе замѣтные романы и повѣсти („Первый романъ", „Послѣдніе дни обвинителя", „Необыкновенная исторія о воскресшемъ помпейцѣ", „Три вѣнца" и др.). Въ 70-хъ годахъ А. сталъ заниматься главнымъ образомъ дѣтской литературой, послѣ того какъ Фребелевское общество дало ему въ 1879 г. премію за „Сказку о пчелѣ мохнаткѣ", а въ 1880 г. за разсказъ „Что комната говоритъ". Литературная дѣятельность А—са распадается на два періода: какъ дѣтскій писатель, онъ пользуется въ настоящее время вполнѣ заслуженною извѣстностью; какъ писатель для взрослыхъ, онъ весь въ далекомъ прошломъ. Его повѣсть „Повѣтріе", заставившая въ свое время такъ много говорить о себѣ, относится къ тому же роду произведеній, какъ „Марево" Клюшникова, „На ножахъ" Лѣскова, „Панургово стадо" Крестовскаго и нѣкоторые романы Маркевича. Она обличаетъ „матеріалистовъ", видитъ въ ихъ дѣяніяхъ одно гнусное стремленіе къ разврату и довольно откровенно изображаетъ послѣдній. Вмѣстѣ съ повѣстью „Современная идиллія", „Повѣтріе" издано отдѣльно подъ названіемъ „Бродящія силы".

Дмитрій Васильевичъ Аверкіевъ.

А. (30 сентября 1836 г.) уроженецъ города Екатеринодара, происходитъ изъ купеческой семьи; образованіе получилъ въ коммерческомъ училищѣ, а дальнѣйшее—на естественномъ факультетѣ петербургскаго университета. Имъ написано большое количество историческихъ драмъ, главнымъ образомъ сдѣлавшихъ извѣстными его имя, много повѣстей, критическихъ и полемическихъ статей. Большинство драматическихъ произведеній взяты изъ русской старины, таковы: „Мамаево побоище", „Фролъ Скабѣевъ", „Каширская старина" и др.; немногія пьесы черпаютъ сюжетъ изъ иностранной исторіи, такова, напр., пьеса „Теофано". Въ своихъ драматическихъ произведеніяхъ А. выступаетъ приверженцемъ русской старины, а въ полемическихъ статьяхъ, кромѣ того, рѣзкимъ противникомъ идей 60-хъ годовъ.

Александръ Васильевичъ Сухово-Кобылинъ.

С.-К. происходитъ изъ старинной дворянской семьи. Извѣстность его, какъ писателя, началась съ появленіемъ комедіи „Свадьба Кречинскаго". Какъ въ этой, такъ и въ другихъ пьесахъ С.-К. оплакиваетъ исчезновеніе „тихой, мирной" помѣщичьей старины; эта старина, создающая такія „простыя и непосредственныя натуры", какія С.-К. идеализировалъ въ образахъ Муромскаго и его дочери („Свадьба Кречинскаго", „Дѣло"), исчезаетъ, по мнѣнію С.-К., въ силу чисто внѣшнихъ причинъ: помѣщичье хозяйство падаетъ вмѣстѣ съ торжествомъ городской, по преимуществу бюрократической цивилизаціи; русскую землю „чиновники облегли"; русскую землю „съѣла бюрократія". „Въ старину мы (помѣщики) жили въ палатахъ, приказные въ комнатахъ, нынѣ мы живемъ въ комнатахъ, приказные въ палатахъ". Скорбь объ утраченныхъ „палатахъ" вдохновляетъ С.-К. на пропитанную ядомъ, громоносную сатиру противъ „кропивнаго сѣмени". Исторія поглощенія одного дворянскаго хозяйства чиновниками и составляетъ содержаніе его драматической трилогіи. Наиболѣе яркая часть трилогіи „Дѣло" даетъ галлерею реалистически обрисованныхъ типовъ петербургскихъ бюрократовъ, начиная съ высшихъ начальниковъ и кончая мелкими канцеляристами.

ДМИТР. ВАС.
АВЕРКІЕВЪ.

АЛЕКС. ВАС.
СУХОВО-КОБЫЛИНЪ.

ЛУКА НИКОЛАЕВИЧЪ АНТРОПОВЪ.

А. († 14 сентября 1884 года) образованіе получилъ на юридическомъ факультетѣ петербургскаго университета. По окончаніи курса А. поступилъ на службу, занималъ обезпечивающее его мѣсто въ Западномъ краѣ во время управленія этимъ краемъ Муравьева. При одномъ изъ преемниковъ послѣдняго былъ исключенъ со службы за обличительную корреспонденцію, указывавшую на послабленія, дѣлаемыя полякамъ со стороны новаго управителя края. Послѣ исключенія со службы терпѣлъ крайнюю нужду. Своею извѣстностью А. обязанъ пятиактной комедіи „Блуждающіе огни", которая и до сихъ поръ продолжаетъ быть одной изъ любимыхъ пьесъ провинціальнаго репертуара. Пьеса изображаетъ драму въ сердечной жизни прежняго свѣтскаго льва, а потомъ мелкаго литературнаго труженика; борьба между долгомъ и сердечными влеченіями приводитъ къ гибели героя. Сценичность служитъ главной причиной успѣха пьесы. Кромѣ этой комедіи, А—вымъ написаны нѣсколько пьесъ, почти совершенно забытыхъ теперь („Ванька Ключникъ", „Гордое сердце" и др.).

ЛЕВЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ МЕЙ.

М. (13-го февр. 1822 г., † 16 мая 1862 г.) родился въ Москвѣ въ семьѣ офицера (изъ обрусѣвшихъ нѣмцевъ). Учился въ московскомъ дворянскомъ институтѣ и царскосельскомъ лицеѣ. Въ 1841 г. зачислился на службу въ канцелярію московскаго генералъ-губернатора, былъ нѣкоторое время инспекторомъ 2-й московской гимназіи, затѣмъ, переѣхавши въ Петербургъ, опредѣлился въ археографическую комиссію, но жилъ, главнымъ образомъ, литературнымъ трудомъ, терпя большую нужду и злоупотребляя спиртными напитками; послѣднее и было ближайшею причиной его смерти. М. извѣстенъ какъ лирикъ, драматургъ и переводчикъ. Поклонникъ всего національнаго, членъ молодой редакціи *Москвитянина*, онъ въ своихъ лирическихъ произведеніяхъ старается приблизиться къ народной поэзіи какъ языкомъ (его языкъ дѣйствительно отличается богатствомъ народныхъ выраженій и образовъ), такъ и выборомъ сюжетовъ и мотивовъ, ограничиваясь преимущественной сферой народныхъ повѣрій („Оборотень“, „Лѣшій“, „Русалка“), религіозныхъ легендъ („Спаситель“) и лирикой любви. Вездѣ—и особенно въ описаніи чувства любви—М. является художникомъ реалистомъ, сосредоточивая все свое вниманіе на пластическихъ образахъ. Другая сторона его поэзіи—любовь къ историческимъ сюжетамъ, за которыми М. обращается какъ къ русской старинѣ (историческія драмы: „Царская невѣста“, „Псковитянка“—идеализація древне-княжеской, вѣчевой Руси), такъ и къ жизни древне-римской (драма „Сервилія“), древне-еврейской (подражанія Библіи) и др. М. переводилъ Анакреона, Гейне, Беранже и Шиллера.

Графъ Алексѣй Константиновичъ Толстой.

Т. (24 авг. 1817 г., † 28 сент. 1875 г.) родился въ Петербургѣ, шести мѣсяцевъ былъ увезенъ въ Малороссію, гдѣ провелъ все свое дѣтство. 9-ти лѣтъ онъ былъ представленъ ко Двору и попалъ въ воскресное общество дѣтей при Цесаревичѣ. Затѣмъ на слѣдующій годъ Т. съ родителями отправился за границу. 17-ти лѣтъ Т. выдержалъ выпускной экзаменъ при московскомъ университетѣ и прикомандировался къ русскому посольству во Франкфуртѣ-на-Майнѣ. Онъ участвовалъ въ Крымской кампаніи, а по выходѣ въ отставку занималъ должность егермейстера Двора. По своимъ теоретическимъ воззрѣніямъ Т. является поборникомъ теоріи искусства для искусства (стих.: „Ив. Аксакову", „Противъ теченія", „Порой веселой мая..." и др.); но этому понятію о поэзіи онъ постоянно измѣнялъ, проводя въ стихотвореніяхъ свои политическія убѣжденія и гражданскія стремленія. Свои общественные идеалы Т. находитъ въ патріархальномъ строѣ древней Руси; онъ талантливо подражаетъ русскому народному слогу, передавая въ своихъ былинахъ и народныхъ пѣсняхъ минувшія событія тономъ народнаго разсказчика. Съ особенною любовью онъ останавливается на богатыряхъ князя Владиміра и вообще на кіевскомъ періодѣ русской исторіи („Алеша Поповичъ", „Илья Муромецъ", „Змѣй Тугаринъ" и др.). Но наиболѣе подробно Т. разбираетъ эпоху борьбы самодержавія съ боярствомъ, относящуюся къ XVI вѣку—къ царствованію Іоанна IV, Θеод. Іоан. и Бориса Годунова; ей посвящены „Трилогія", романъ „Кн. Серебряный", пѣсни „Василій Шибановъ", „Михайло Рѣпнинъ". Къ главной фигурѣ первой пьесы своей „Трилогіи" Т. относится отрицательно, негодуя на то, что могло существовать такое общество, которое смотрѣло на это лицо безъ негодованія. Народъ дѣйствуетъ въ его произведеніяхъ или какъ пассивная масса въ рукахъ своихъ притѣснителей или какъ протестующее разбойничество; при этомъ типы заимствованы изъ былинъ и народныхъ пѣсенъ. Къ современнымъ прогрессивнымъ теченіямъ, къ народничеству Т. относится крайне отрицательно (Потокъ-Богатырь).

Гр. Алексѣй Толстой.

ЮЛІЯ ВАЛЕРІАНОВНА ЖАДОВСКАЯ.

Ю. Жадовская.

Ж. (1824 г., † 1883 г.) родилась въ селѣ Субботинѣ, Любимовскаго уѣзда, Ярославской губ., въ семьѣ виднаго губернскаго чиновника. Воспитаніе она получила сначала дома, затѣмъ въ одномъ костромскомъ пансіонѣ. Полюбивъ одного изъ учителей, Ж. не могла выйти за него замужъ вслѣдствіе нежеланія отца видѣть ее за „семинаристомъ“. Выйдя изъ пансіона, Ж. начала заниматься литературой. Ея отецъ, узнавши объ этихъ занятіяхъ, предоставилъ ей возможность посѣтить Москву и Петербургъ, гдѣ Ж. познакомилась со многими литературными корифеями; особенное впечатлѣніе на нее произвели славянофилы. Въ 1860 г., съ цѣлью избавиться отъ опеки отца, Ж. вышла замужъ за старика доктора Севена. Умерла въ своемъ имѣніи, въ Буевскомъ уѣздѣ, Костромской губ. Неудачный романъ, опека отца, душная атмосфера провинціальной жизни, болѣзненность поэтессы,—вотъ та почва, на которой расцвѣлъ ея пессимистическій субъективизмъ. Въ наиболѣе типическихъ своихъ стихотвореніяхъ поэтесса говоритъ о жаждѣ любви и участія, объ исканіи „родной души“, о „покорности судьбѣ“, о „порывахъ къ роптанью“. Рѣже мы встрѣчаемся съ гражданскими мотивами реформенной эпохи („И. Аксакову“, „Среди бездушныхъ и ничтожныхъ“, „Н. Щербинѣ“, „Говорятъ, придетъ пора“ и пр.) и съ симпатіями къ крестьянству („Грустная картина“, „Нива“). „Въ произведеніяхъ моихъ нѣтъ современности“, говоритъ она въ одномъ письмѣ къ экон. Шилю; она занята главнымъ образомъ „рѣшеніемъ вопросовъ внутренней жизни“. Даже корень всѣхъ золъ современности она видитъ въ томъ, что душа современнаго человѣка „не *настроена* ни къ чему великому и прекрасному“. Изъ-за подобнаго субъективизма, какъ стихотворенія, такъ и романы Ж—ой („Въ сторонѣ отъ большой дороги“, „Женская исторія“, „Отсталая“) были очень мало оцѣнены современниками.

АЛЕКС. НИК.
АПУХТИНЪ.

АННА ПАВЛ.
БАРЫКОВА.

Алексѣй Николаевичъ Апухтинъ.

А. (15 ноября 1840 г., † 17 сент. 1893 г.) родился въ г. Болховѣ, Орловской губ., происходилъ изъ стариннаго боярскаго рода, воспитывался сначала подъ наблюденіемъ матери, затѣмъ былъ опредѣленъ въ училище правовѣдѣнія. Ко времени пребыванія въ училищѣ относятся его первые стихотворные опыты, напечатанные въ *Русскомъ Инвалидѣ*. Блестяще окончивъ курсъ, онъ поступилъ въ департаментъ министерства юстиціи, гдѣ и состоялъ на службѣ до 1862 г., когда, разочаровавшись въ господствовавшихъ вѣяніяхъ эпохи, онъ простился со столицей и уѣхалъ къ себѣ въ деревню. Но въ 1864 г. онъ вновь показывается на петербургскомъ горизонтѣ, зачисляется въ министерство внутреннихъ дѣлъ и проводитъ остальную жизнь почти безвыѣздно въ Петербургѣ, избѣгая сближенія съ литературнымъ обществомъ. А. принадлежитъ къ числу поэтовъ дворянъ консервативнаго лагеря; его идеалы въ прошломъ, въ вѣкѣ Екатерины, который ему представляется расцвѣтомъ дворянства. Къ новому времени, къ новому обществу онъ относится отрицательно; скорбитъ о разрушеніи старой земледѣльческой Руси ея современнымъ экономическимъ ростомъ („Проселокъ“). Ограничивши кругъ своихъ наблюденій главнымъ образомъ салонной культурой, онъ характеризуетъ жизнь современнаго общества, какъ смѣну „сходовъ монотонныхъ, циническихъ пировъ, раутовъ, игриво похоронныхъ, и скучныхъ пикниковъ“. Среди этого общества онъ чувствуетъ себя больнымъ, усталымъ, бурей жизни смятымъ, жалуясь на то, что въ немъ самомъ нѣтъ ни теплаго чувства вѣры и нѣтъ силы для безвѣрія. Однимъ словомъ, это—поэтъ, повторившій напѣвы поэзіи Баратынскаго, Тютчева, Фета. Кромѣ поэтическихъ произведеній, онъ написалъ три прозаическія („Архивъ графини Д**“, „Дневникъ Павлика Дольскаго“, „Между смертью и жизнью“).

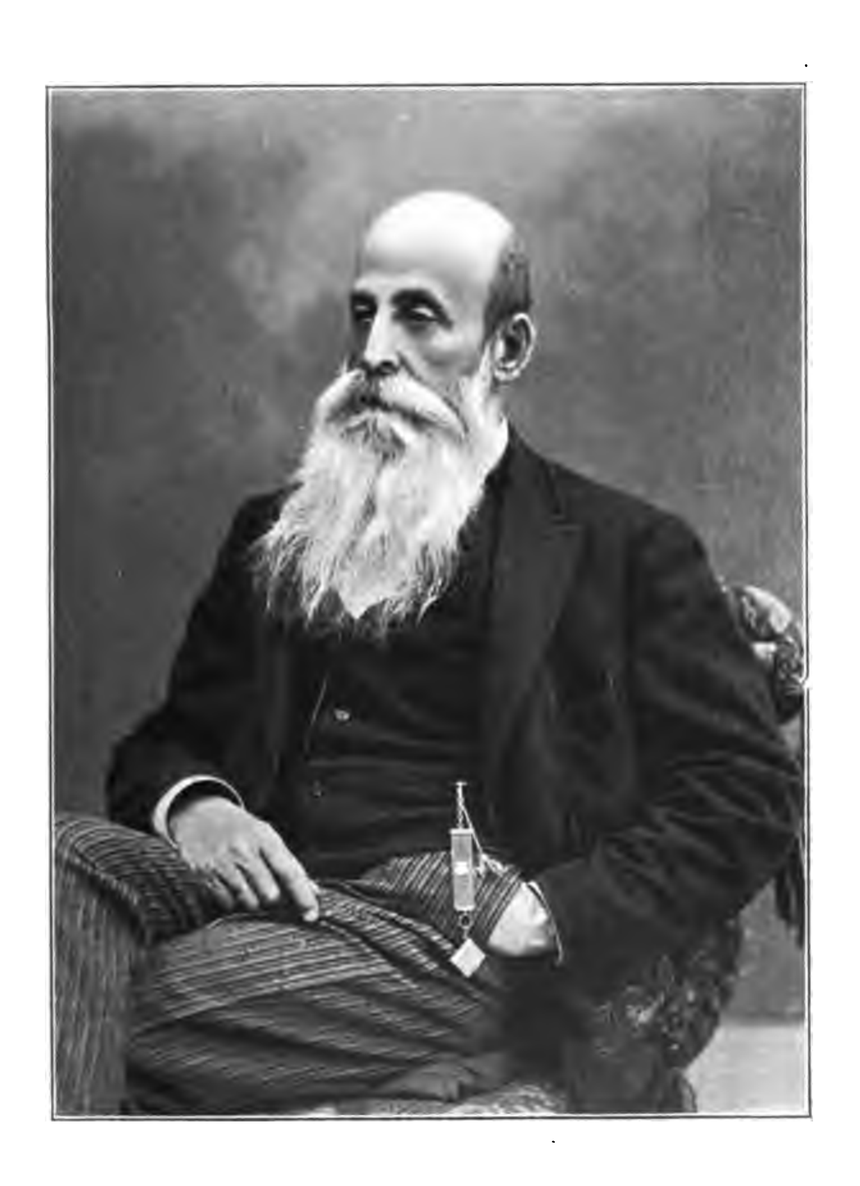
Анна Павловна Барыкова.

Б. (22 декабря 1839 г., † 31 мая 1893 г.) родилась въ Петербургѣ, въ дворянской семьѣ Каменскихъ (и отецъ и мать занимались литературой), воспитывалась въ петербургскомъ Екатерининскомъ институтѣ, гдѣ уже пробовала писать стихи (сатиры на классныхъ дамъ, хвалебная ода начальницѣ и т. п.). Была два раза замужемъ (по первому мужу Карлинская, по второму Барыкова). Расцвѣтъ поэтической дѣятельности Б—вой относится къ семи-

десятымъ и началу восьмидесятыхъ годовъ; она писала въ *Отеч. Запискахъ, Дѣлѣ, Русскомъ Богатствѣ, Родникѣ, Сѣвер. Вѣстникѣ* и др. журналахъ. Большинство стихотвореній Б—вой изображаетъ жизнь обездоленныхъ членовъ общества. „Чужое горе“ (заглавіе одного изъ ея стихотвореній) составляетъ главную тему ея произведеній; Б. находитъ его въ крестьянской „хатѣ“, гдѣ „горе, работа, страданье, болѣзни, невѣжество, мракъ и молчаніе“; въ скучномъ салонѣ старой капризной барыни, гдѣ за пяльцами умираетъ приживалка; въ углу подвала, гдѣ рожаетъ незаконнаго ребенка жертва „салоннаго шута“; среди нищихъ, юродивыхъ, падшихъ и т. п. На ряду съ этими Б. писала стихи, обличающіе пошлость и жестокосердіе не знающихъ горя людей („Милостыня“, „Въ альбомъ счастливицѣ“). Б—вой принадлежитъ много стихотворныхъ переводовъ изъ Копне, Ришпена, Гюго, Шамисса, Беранже, Шелли, Теннисона и др. Прозаическія произведенія („Доброе дѣло“, „Грибы“) мало замѣтны.

Петръ Исаевичъ Вейнбергъ.

В. родился въ 1830 г. въ Николаевѣ, учился въ одесской гимназіи, ришельевскомъ лицеѣ и харьковскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету; читалъ лекціи по исторіи всеобщей литературы въ варшавскомъ и петербургскомъ университетахъ, сотрудничалъ во многихъ періодическихъ изданіяхъ, помѣщая стихотворенія оригинальныя, а въ большинствѣ случаевъ переводныя. Собственные поэтическіе опыты В—а (подписывавшагося въ началѣ своей литературной дѣятельности „Гейне изъ Тамбова“) не были особенно замѣтны; но какъ переводчикъ знаменитыхъ иностранныхъ авторовъ, онъ занимаетъ видное мѣсто въ нашей литературѣ. Ему принадлежитъ переводъ многихъ пьесъ Шекспира, Байрона, Гуцкова, Лессинга и др. Въ послѣдніе годы вышло подъ его редакціей и въ значительной степени въ его переводѣ новое изданіе сочиненій Гейне.

П. И. ВЕЙНБЕРГЪ.

НИК. ИВ. КОСТОМАРОВЪ.

Николай Ивановичъ Костомаровъ.

К. (4 мая 1817 г., † 7 апрѣля 1885 г.) родился въ Воронежской губ. отъ отца-помѣщика (убитаго впослѣдствіи собственными крестьянами за жестокость) и матери-крестьянки. Окончивъ курсъ въ воронежской гимназіи и въ харьковскомъ университетѣ, К. поступилъ было въ военную службу, но скоро вышелъ въ отставку и занялся изученіемъ малороссійской народности. Тогда же онъ началъ свою литературную дѣятельность на малороссійскомъ языкѣ, напечатавъ сборникъ малороссійскихъ стихотвореній: „Вѣтка“, „Украинскія баллады“, трагедію „Переяславска нічь“ и нѣсколько переводовъ изъ „Еврейскихъ мелодій“ Байрона. Представивъ диссертацію „Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи“, К. занялъ каѳедру русской исторіи въ кіевскомъ университетѣ, гдѣ имѣлъ огромный успѣхъ между студентами. Близкое участіе К—ва въ такъ наз. Кирилло-Меѳодіевскомъ Обществѣ, отличавшемся украинофильскими тенденціями и особыми взглядами на соединеніе славянскихъ національностей въ общемъ федеративномъ устройствѣ, вызвало арестъ К—ва и его ссылку въ Саратовъ. Съ 1859 г. К. читалъ лекціи въ с.-петербургскомъ университетѣ, но въ 1862 г. принужденъ былъ прекратить чтеніе и не возобновлялъ его уже до самой смерти. Какъ историкъ, К. главнымъ образомъ стоялъ за изученіе народной жизни, за ознакомленіе съ духомъ и расовыми особенностями каждаго племени. Результаты его историческихъ трудовъ не всегда соотвѣтствовали его историческимъ взглядамъ, но они дали толчокъ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ народной исторіи, и въ этомъ заключается главная заслуга К—ва, какъ историка. Какъ романистъ, К. главнымъ образомъ пользовался тѣми историческими матеріалами, которые добывалъ для научныхъ работъ. Еще 20-ти лѣтъ онъ написалъ драму „Савва Чалый“, взятую имъ изъ излюбленныхъ малороссійскихъ преданій. Занимаясь эпохой Стеньки Разина, К. задумалъ написать повѣсть „Сынъ“. Наибольшею извѣстностью у любителей историческихъ романовъ пользовался его романъ „Кудеяръ“; его дѣйствіе относится къ эпохѣ перелома во внутренней жизни Грознаго передъ смертью Анастасіи. Фабула и интересъ событій играютъ здѣсь главную роль; историческая правда часто замѣняется авторскою фантазіей; въ психологическомъ анализѣ дѣйствующихъ лицъ нерѣдко видна та же фантазія автора.

Даніилъ Лукичъ Мордовцевъ.

М. родился (1830 г.) въ землѣ Войска Донского. Окончивъ курсъ въ петербургскомъ университетѣ, онъ долго служилъ по министерству внутреннихъ дѣлъ и путей сообщенія. М. рано принялся за изученіе русской и малорусской исторіи и скоро пріобрѣлъ извѣстность, какъ историческими очерками, такъ и многочисленными романами. „Гайдамачина", „Самозванцы и понизовая вольница", „Паденіе Польши" и др. очерки были результатомъ его историческихъ работъ. Вмѣстѣ съ этимъ М. выступилъ и въ качествѣ беллетриста. Романъ „Знаменія времени", пытавшійся затронуть надвигающіеся вопросы, пользовался одно время большой извѣстностью. Народническія симпатіи той эпохи, въ которую былъ написанъ романъ, нашли въ послѣднемъ свое отраженіе; всѣ герои романа—народники, частью учащіеся у народа, частью учащіе его, устраивающіе деревенскія колоніи, общины и т. п. Но, пропитанный сочувствіемъ къ народу, романъ не давалъ отраженія идей своего времени: общественныя воззрѣнія героевъ или смутны или отсталы. Панславистскія тенденціи автора излагаются въ образѣ горячечныхъ видѣній одного изъ болѣзненныхъ героевъ романа. Послѣдующими беллетристическими произведеніями автора дѣйствіе переносится въ отдаленныя эпохи; сюда относятся: „Идеалисты и романисты", романъ изъ временъ Петра I, „Лжедмитрій", „Двѣнадцатый годъ" и многіе другіе. Къ обычнымъ свойствамъ „авантюрныхъ" историческихъ романовъ прибавляется въ большинствѣ беллетр. произведеній М—ва вдохновенный тонъ. М. выступалъ также въ качествѣ публициста.

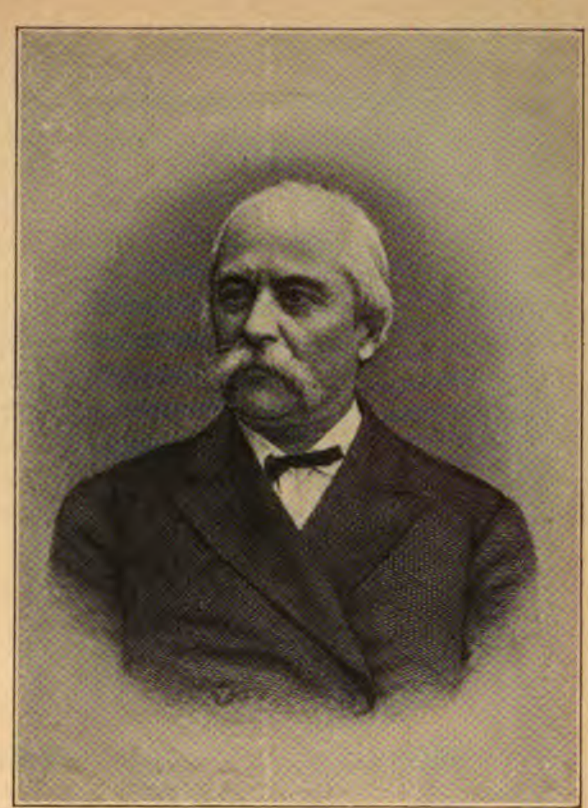
Григорій Петровичъ Данилевскій.

Д. (14 апр. 1829 г., † 6 дек. 1890 г.) родился въ селѣ Даниловкѣ, Изюмскаго уѣзда, Харьковской губерніи, въ богатой дворянской семьѣ. Образованіе онъ получилъ въ университетскомъ пансіонѣ въ Москвѣ и затѣмъ въ петербургскомъ университетѣ. Въ 1849 г. былъ привлеченъ по дѣлу Петрашевскаго и нѣсколько мѣсяцевъ сидѣлъ въ Петропавловской крѣпости. Въ 1850—57 г. служилъ при мин. Нар. Пр., получая неоднократныя командировки въ архивы южныхъ монастырей, въ Финляндію, Крымъ, Харьковскую, Полтавскую и др. губерніи; въ 1856 г. былъ командированъ для изученія южныхъ окраинъ. Съ 1857 г. онъ поселяется въ своемъ имѣніи, при чемъ занимаетъ различныя общественныя должности: гласнаго, члена управы и др. Въ 1868 г. Д. дѣлается помощникомъ главнаго редактора *Правительственнаго Вѣстника*, а съ 1881 г.—главнымъ редакторомъ; въ это же время онъ состоитъ членомъ

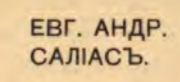

Д. Л. МОРДОВЦЕВЪ.

ГР. ПЕТР.
ДАНИЛЕВСКІЙ.

ЕВГ. АНДР.
САЛІАСЪ.

совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати. Умираетъ въ Петербургѣ.— Д.—одинъ изъ представителей русскихъ историческихъ романистовъ. Непосредственное знакомство съ югомъ, благодаря служебнымъ командировкамъ, даетъ матеріалъ для его лучшихъ произведеній, для исторической трилогіи: „Бѣглые въ Новороссіи" (1862 г.), „Воля или бѣглые воротились" (1863 г.), „Новыя мѣста" (1867 г.). Анализируя экономическое развитіе вновь заселяемыхъ степей юга, авторъ даетъ картину перехода отъ крѣпостного состоянія къ вольно-наемному труду и описываетъ незаконную эксплоатацію бѣглыхъ крѣпостныхъ изъ Россіи. Громадныя спекуляціи, выростающія на почвѣ гигантскихъ неразработанныхъ естественныхъ богатствъ, борьба капиталовъ, быстрыя банкротства—обрисованы авторомъ съ особенной живостью. „Новый человѣкъ", продуктъ послѣдняго фазиса даннаго экономическаго развитія, является незамѣтнымъ труженикомъ съ культурными задачами. Историческіе романы, которые по большей части относятся къ 18-му вѣку („Потемкинъ на Дунаѣ", „Мировичъ", „Черный годъ"), болѣе или менѣе правдиво воспроизводятъ картину нравовъ того времени.

Гр. Евгеній Андреевичъ Саліасъ-де-Турнемиръ.

Сынъ писательницы Евгеніи Туръ, С. род. въ 1841 г., получилъ блестящее домашнее образованіе. Писать началъ рано, но извѣстность его началась послѣ того, какъ былъ напечатанъ романъ „Пугачевцы". Послѣ этого гр. С—омъ было написано много историческихъ романовъ: „Поэтъ Державинъ", „Братья Орловы", „Бригадирская внучка" и др. Послѣдній изъ большихъ романовъ „Экзотики" посвященъ описанію быта великосвѣтскихъ иностранцевъ, преимущественно русскихъ, въ Парижѣ. Несомнѣнно лучшимъ изъ всѣхъ этихъ произведеній остается романъ „Пугачевцы", гдѣ къ занимательной фабулѣ и живому изложенію прибавляется стремленіе автора затронуть психологію какъ отдѣльныхъ дѣйствующихъ лицъ, такъ и толпы. Романъ, впрочемъ, не чуждъ и обычныхъ недостатковъ, свойственныхъ большинству историческихъ романовъ: склонности жертвовать художественной правдой ради занимательности событій, любви къ кричащимъ сценамъ и т. п.

Сергѣй Васильевичъ Максимовъ.

М. (1831 г.), сынъ почтмейстера, родился въ посадѣ Парфентьевкѣ, Кологривскаго уѣзда, Костромской губерніи. Побывавъ въ московскомъ университетѣ и въ медико-хирургической академіи, М. уже на 23 году жизни началъ литературную дѣятельность бытовыми народными очерками, печатавшимися въ *Библіотекѣ для Чтенія*. Въ 1855 г. онъ предпринималъ путешествіе пѣшкомъ по нѣкоторымъ губерніямъ Россіи: Владимірской, Нижегородской, Вятской. Полученныя впечатлѣнія были имъ описаны въ цѣломъ рядѣ народныхъ очерковъ, которые впослѣдствіи составили книгу — „Лѣсная глушь". М. участвовалъ потомъ въ цѣломъ рядѣ экспедицій, имѣвшихъ цѣлью изслѣдованіе окраинъ. „Годы на Сѣверѣ", „На Востокъ", „Сибирь и Каторга" и другіе очерки были результатомъ этихъ экспедицій. Для народа написано имъ нѣсколько этнографическихъ очерковъ („О русской землѣ", „Дремучіе лѣса" и другіе). Въ своихъ разсказахъ М. является, главнымъ образомъ, собирателемъ этнографическихъ чертъ и бытовыхъ особенностей населенія, не давая изображаемымъ особенностямъ соотвѣтственнаго освѣщенія.

Николай Николаевичъ Каразинъ.

К. родился въ 1842 г., въ старинной дворянской семьѣ, долгое время служилъ офицеромъ въ Туркестанскомъ военномъ округѣ. Литературной дѣятельности отдался по выходѣ въ отставку въ 1871 году. Изъ многочисленныхъ его беллетристическихъ произведеній наиболѣе замѣтны большіе романы изъ средне-азіатской жизни, печатавшіеся въ *Дѣлѣ* („На далекихъ окраинахъ", „Погоня за наживой" и др.). Въ этихъ романахъ авторъ описываетъ міръ аферистовъ, предпринимателей, любителей легкой наживы, двинувшихся въ Ташкентъ и въ другія русскія средне-азіатскія владѣнія въ надеждѣ разбогатѣть. Купцы русскіе, польскіе, туземные, инженеры изображаются авторомъ въ моментъ постоянной лихорадочной борьбы другъ съ другомъ; они измышляютъ всевозможные законные и незаконные способы для того, чтобы уничтожить конкурентовъ и захватить въ свои руки богатства новооткрывшагося края. Общая вѣрная мысль облечена авторомъ въ слишкомъ картинную и кричащую форму: здѣсь и нападенія разбойниковъ, и разговоры, и запутанныя любовныя приключенія и т. п. К. вмѣстѣ съ тѣмъ очень плодовитый и талантливый живописецъ.

СЕРГ. ВАС.
МАКСИМОВЪ.

НИК. НИК.
КАРАЗИНЪ.

ВАСИЛІЙ ИВАНОВ. НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО.

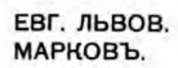
Н.-Д. родился въ 1848 г., въ Тифлисѣ, отъ отца малоросса и матери армянки. Раннее дѣтство будущій писатель провелъ также на Кавказѣ, въ походной обстановкѣ, въ горахъ Дагестана; учился въ Москвѣ, въ Александровскомъ кадетскомъ корпусѣ. Въ началѣ 1870 годовъ, побывавъ на берегахъ Бѣлаго моря, Н.-Д. напечаталъ рядъ очерковъ, рисующихъ жизнь и людей Мурмана, Норвегіи и Лапландіи. Наибольшее вниманіе изъ этихъ очерковъ обратили на себя „Соловки", описывающіе своеобразную промышленно-монастырскую жизнь отдаленнаго скита. Въ 1877 году Н.-Д. отправился на театръ войны горнымъ корреспондентомъ, затѣмъ побывалъ во всѣхъ странахъ Европы и нѣкоторыхъ другихъ частей свѣта, перекочевывая изъ Испаніи въ Марокко, изъ Италіи въ Алжиръ и т. д. Свои богатыя путевыя впечатлѣнія онъ передалъ въ длинной серіи очерковъ, дающихъ фантастическія бытовыя картинки и колоритныя описанія природы. Интереснымъ разсказчикомъ Н.-Д. остается въ своихъ многочисленныхъ романахъ (которыхъ имъ издано до 80 томовъ). Большинство изъ нихъ интересны по фабулѣ, но пылкость авторскаго воображенія нерѣдко придаетъ разсказываемымъ событіямъ несоотвѣственные размѣры. Гуманныя чувства руководятъ авторомъ какъ въ романахъ, такъ въ особенности въ разсказахъ: „Сказки дѣйствительности", „Святочные разсказы". Изъ романовъ назовемъ: „Кулисы", „Цари биржи", „Краденое счастье", „На пути къ счастью" и др.

Петръ Дмитріевичъ Боборыкинъ.

Б. родился (15 августа 1836 г.) въ состоятельной дворянской семьѣ въ Н.-Новгородѣ, учился въ нижегородской гимназіи, потомъ въ казанскомъ университетѣ на юридическомъ факультетѣ; не окончивъ здѣсь курса, перешелъ на математическій факультетъ дерптскаго университета, гдѣ также курса не окончилъ, и принялся за изученіе медицины въ томъ же университетѣ. Но и курсъ медицинскаго факультета не былъ имъ оконченъ и Б. занялся литературой. Въ 1860 г. была написана комедія „Однодворецъ", за которой быстро послѣдовали другіе литературные опыты. Сдѣлавъ очень неудачную попытку съ издательствомъ журнала *Библіотека для Чтенія*, Б. переѣхалъ за границу и много писалъ для того, чтобы литературнымъ заработкомъ уплатить долги. Онъ выступилъ въ качествѣ романиста, новеллиста, драматурга, критика, фельетониста, корреспондента и т. д. Заграничныя поѣздки продолжались потомъ въ теченіе всей литературной дѣятельности Б—на. Въ теченіе своей долгой литературной дѣятельности Б. успѣлъ высказать свои теоретическіе взгляды на значеніе и цѣли искусства. Эти взгляды находятся въ странномъ противорѣчіи съ беллетристическими работами писателя. Выступая въ теоріи защитникомъ чистаго искусства, Б. въ своей беллетристической дѣятельности стремится отразить новыя общественныя теченія, прислушиваясь ко всякимъ измѣненіямъ, происходящимъ въ обществѣ, и записывая ихъ съ точностью добросовѣстнаго репортера. Въ своихъ многочисленныхъ романахъ онъ успѣлъ записать множество такихъ измѣненій, мимолетныхъ и неважныхъ на ряду съ имѣющими дѣйствительно важное значеніе. Все, о чемъ говорила публицистика, немедленно находило отраженіе въ его романахъ, и такимъ образомъ черезъ серію его беллетристическихъ произведеній прошли вопросы о растущей роли капитала и новыхъ тенденціяхъ купца („Китай-городъ", „Перевалъ", „Василій Теркинъ"), объ уменьшающемся интересѣ къ общественнымъ вопросамъ („На ущербѣ"), объ „эволюціи" общества послѣ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ, („Перевалъ"), о спорѣ между фабрикой и деревней („Тяга"), о голодѣ, о марксистахъ и всякаго рода „дѣльцахъ", о „бѣлоподкладочникахъ", о томъ или иномъ типѣ „подвижничества", описанномъ въ газетахъ, и т. д. По справедливому замѣчанію критиковъ, какъ нападающихъ на романиста, такъ и защищающихъ его, неумѣнье или нежеланье отличать важное отъ неважнаго составляетъ главный недостатокъ романовъ Б—на: туалетныя моды описываются имъ съ неменьшими, если не большими, подробностями и серьезностью, чѣмъ измѣненія въ общественномъ настроеніи. Вслѣдствіе этого и крупныя явленія производятъ впечатлѣніе мимолетнаго, наскоро записаннаго репортеромъ факта. Романы Б—на въ послѣдніе годы появляются главнымъ образомъ въ *Вѣстникѣ Европы*, но вмѣстѣ съ этимъ авторъ помѣщаетъ много повѣстей и разсказовъ въ другихъ изданіяхъ. Въ 1900 году вышелъ первый томъ его обширнаго историко-литературнаго труда объ эволюціи европейскаго романа въ XIX столѣтіи. Сорокалѣтній юбилей его дѣятельности праздновался въ Москвѣ и въ Петербургѣ въ октябрѣ 1900 г.

П. Д. БОБОРЫКИНЪ.

ЕВГ. ЛЬВОВ.
МАРКОВЪ.

Н. Вагнер

Евгеній Львовичъ Марковъ.

М. родился (1835 г.) въ состоятельной помѣщичьей семьѣ, Щигровскаго уѣзда, Курской губ. Окончивъ курсъ въ харьковскомъ университетѣ по естественному факультету и посвятивъ 2 года заграничному путешествію, М. по возвращеніи въ Россію избралъ для своей дѣятельности педагогическое поприще. Онъ былъ послѣдовательно учителемъ, инспекторомъ и директоромъ гимназіи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Въ 70-хъ годахъ онъ служилъ по выборамъ, былъ предсѣдателемъ щигровской уѣздной земской управы, участвовалъ въ началѣ 80-хъ годовъ въ комиссіи „свѣдущихъ людей", служилъ затѣмъ въ дворянскомъ и крестьянскомъ банкахъ и много путешествовалъ какъ въ Россіи, такъ и за границей. Въ его литературной дѣятельности эти путешествія играли довольно видную роль, такъ какъ своими путевыми впечатлѣніями М. дѣлился съ читателями, и нѣкоторые изъ его путевыхъ очерковъ (наприм., „Очерки Крыма") пользовались въ свое время извѣстностью. Извѣстностью пользовался М. и какъ публицистъ, выступившій со статьями, отмѣчавшими нѣкоторыя отрицательныя черты въ русской общественной жизни. Таковы были, наприм., его статьи, указывавшія на темныя стороны въ адвокатской дѣятельности („Софисты XIX вѣка"). Какъ литературный критикъ, М. защищалъ теорію чистаго искусства, но его собственная беллестристическая дѣятельность (какъ это замѣчается у большинства нашихъ теоретическихъ защитниковъ „искусства для искусства") стоитъ въ противорѣчіи съ его теоретическими взглядами. Наиболѣе извѣстные его романы: „Черноземныя поля", „На берегу моря" и др., проводятъ общественныя идеи автора, его сентиментально-барскій взглядъ на отношенія интеллигенціи къ народу и сентиментально-буржуазныя воззрѣнія на долгъ, на отношенія половъ, на традиціонную мораль и др. Наиболѣе живо написанное беллетристическое произведеніе „Барчуки" даетъ нѣсколько бойкихъ сценокъ дѣтской жизни, но недостаточно ярко рисуетъ описываемую среду.

Николай Петровичъ Вагнеръ (Котъ-Мурлыка).

В. родился въ 1829 г. въ семьѣ профессора въ Казани, учился въ казанской гимназіи и въ казанскомъ университетѣ на естественномъ отдѣленіи физико-математич. факультета. Написалъ много цѣнныхъ работъ по зоологіи, долгое время читалъ лекціи въ казанскомъ университетѣ, а съ 1871 г. былъ переведенъ профессоромъ въ Петербургъ. Въ литературѣ В. извѣстенъ главнымъ образомъ какъ авторъ многочисленныхъ сказокъ „Кота-Мурлыки". Большинство изъ нихъ проникнуто общимъ гуманнымъ направленіемъ и написано въ нѣсколько приподнятомъ тонѣ. Лишь небольшая часть сказокъ и повѣстей Кота-Мурлыки носитъ отпечатокъ авторскаго стремленія къ изслѣдованію области безсознательнаго; это стремленіе сказывается въ запутанности содержанія и туманности формы.

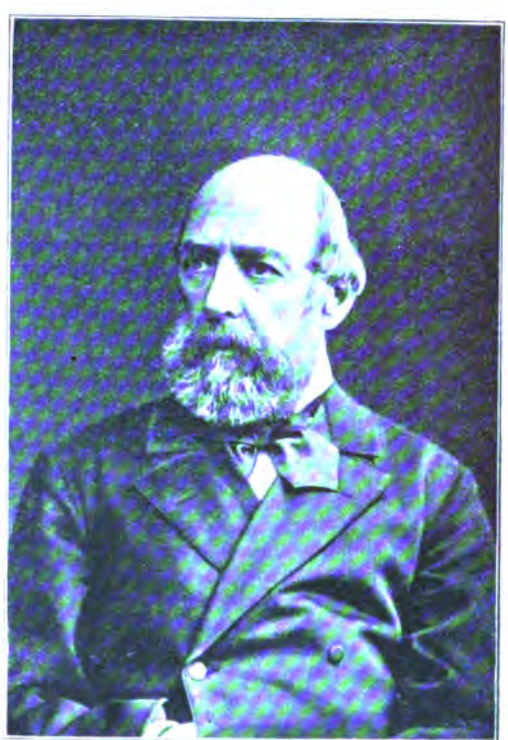
Александръ Ивановичъ Пальмъ.

П. (1822 (1823?)—1885) происходилъ изъ дворянской семьи, служилъ въ одномъ изъ гвардейскихъ полковъ, пока обвиненіе въ близкомъ участіи въ дѣлѣ Петрашевцевъ не привело его въ тюрьму. Освобожденный изъ крѣпости въ виду отсутствія какихъ бы то ни было доказательствъ его участія въ бесѣдахъ Петрашевскаго, П. былъ переведенъ въ армію и находился подъ опалой въ теченіе многихъ лѣтъ. Послѣ севастопольской кампаніи онъ перешелъ на гражданскую службу, былъ осужденъ за растрату во время службы въ контрольной палатѣ, потомъ получилъ вновь прежнія права. На литературное поприще П. выступилъ разсказами и стихотвореніями еще до возбужденія дѣла противъ Петрашевскаго. Въ своихъ произведеніяхъ онъ преимущественно изображаетъ ту среду, которая нашла свое описаніе у Тургенева, Гончарова и др. корифеевъ дворянской литературы. П. продолжаетъ изслѣдовать измѣненія барства и въ пореформенную эпоху. Романъ „Петербургская саранча", напр., вмѣстѣ съ міромъ аферистовъ, крупныхъ мошенниковъ, игроковъ, выводитъ рыхлаго барина, просвѣщеннаго мецената, полнаго эстетической утонченности и хорошихъ чувствъ, но неспособнаго ни къ какому хорошему практическому дѣйствію. Въ противоположность этому барину разночинецъ (лишь смутно очерченный въ романѣ) дѣлаетъ дѣла, спасаетъ и воскрешаетъ погибающую, указываетъ ей жизненный путь и самъ, не задумываясь, ведетъ ее этимъ путемъ. Такой же неспособный ни къ чему жизненному, но благородный въ побужденіяхъ баринъ изображенъ въ повѣсти „Пропащіе годы". Наиболѣе извѣстная пьеса П—а „Старый баринъ" изображаетъ типъ стараго дворянина, не умѣющаго приспособиться къ новымъ условіямъ.

Илья Александровичъ Саловъ.

С. родился въ Пензѣ, въ дворянской семьѣ (6 апрѣля 1834 года), обучался въ пензенской гимназіи, но курса не кончилъ. Былъ мировымъ судьей со дня открытія этого института и по день его закрытія, затѣмъ земскимъ начальникомъ. Многія изъ этихъ произведеній представляютъ изъ себя записки охотника, гдѣ виды природы, впечатлѣнія, полученныя при ходьбѣ по болоту или по лѣсу, перемѣшиваются съ наблюденіями надъ человѣческими отношеніями въ деревнѣ. Послѣднія мало-по-малу получаютъ преобладаніе, и передъ читателемъ вырисовываются картинки изъ помѣщичьей и крестьянской жизни во времена молодости автора, т.-е. въ крѣпостную пору или въ болѣе поздніяя времена, въ пореформенную эпоху. Разложеніе дворянства, деревенское кулачество, ростъ послѣдняго—таковы наиболѣе частыя темы, затрогиваемыя въ повѣстяхъ и разсказахъ С—а. Авторъ обладаетъ большой способностью окружать изображаемыя имъ мрачныя явленія деревенской жизни картинами мягкой и живописной природы; отъ этого большинство его произведеній не производитъ того удручающаго впечатлѣнія, которое могли бы вызвать его

АЛЕКС. ИВ.
ПАЛЬМЪ.

ВСЕВОЛОДЪ МИХ.
ГАРШИНЪ.

В. Гаршинъ

сюжеты при иномъ освѣщеніи. Фабула его разсказовъ въ большинствѣ случаевъ интересна, языкъ живъ и не баналенъ, отношеніе автора къ жизни въ высшей степени гуманно, темы нерѣдко серьезны и важны, но С. лишенъ способности изображать типичныя фигуры, собирать не единичныя, но общія черты, воплощать въ своихъ герояхъ время, среду, общественный классъ и т. п. Изъ многочисленныхъ разсказовъ и повѣстей С—а нѣкоторые (наприм., „Ольшанскій молодой баринъ") передѣланы для сцены.

Всеволодъ Михайловичъ Гаршинъ.

Г. (2 февраля 1855 г., † 19 марта 1888 г.) родился въ дворянской семьѣ Екатеринославской губ. Девяти лѣтъ онъ поступилъ въ петербургскую гимназію, а по окончаніи ея въ горный институтъ. Здѣсь Г—ну не удалось кончить курса, такъ какъ по объявленіи турецкой войны онъ поступилъ вольноопредѣляющимся въ дѣйствующую армію. Мотивы этого поступка нашли потомъ отраженіе въ разсказѣ „Трусъ", герой котораго, съ одной стороны, ненавидитъ войну, съ другой—считаетъ нечестнымъ оставаться въ безопасности въ то время, какъ гибнутъ другіе. Раненый въ ногу въ сраженіи подъ Аясляромъ, Г. взялъ отставку и вскорѣ послѣ этого помѣстилъ въ *Отеч. Запискахъ* разсказъ „Четыре дня". Разсказъ обратилъ на себя общее вниманіе: Тургеневъ сразу призналъ въ Гаршинѣ несомнѣнный оригинальный талантъ. Г. всегда мечталъ о литературѣ и, ободренный успѣхомъ, посвятилъ себя ей. Онъ немного успѣлъ написать—всего 17 разсказовъ,—но каждый его разсказъ является плодомъ сильнаго чувства и серьезнаго труда. На его разсказахъ лежитъ отпечатокъ тѣхъ сомнѣній, которыя его мучали и въ которыхъ отражались заботы, волновавшія современное Г—ну поколѣніе. Сознаніе своей отвѣтственности за чужія страданія и обязательность дѣятельной любви („Художники", „Красный цвѣтокъ"), стремленіе къ самопожертвованію, хотя бы только для того, чтобы раздѣлить чужія страданія („Трусъ"), мысль о необходимости борьбы со зломъ и въ то же время увѣренность въ безплодности этой борьбы („Attalea princeps"),—вотъ источники сомнѣній автора и мотивы его произведеній. Въ послѣднихъ выразилась та заботливость о народѣ и тѣ идеи объ отвѣтственности передъ нимъ интеллигенціи, которыя характеризовали собой семидесятые годы. Въ нихъ выразилось также начинающееся разочарованіе въ возможности облегчить усиліями интеллигенціи страданія народа. Въ произведеніяхъ Г—на сомнѣніе въ правильности избираемаго пути звучало доминирующей нотой, и вотъ почему большинство его разсказовъ производитъ болѣзненное впечатлѣніе. Написанныя съ большимъ талантомъ и рѣдкой искренностью, разсказы Г—на надолго пережили своего автора. Къ глубокой скорби, зависѣвшей отъ неразрѣшенныхъ сомнѣній, у Г—на присоединялась еще нѣсколько разъ возвращавшаяся психическая болѣзнь, признаки которой начались еще въ 7-мъ классѣ гимназіи. Во время одного изъ припадковъ этой болѣзни онъ бросился внизъ съ лѣстницы 4-го этажа и умеръ черезъ нѣсколько дней.

Андрей Осиповичъ Новодворскій (Осиповичъ).

Н. (1853 г., † 2 апр. 1882 г.) родился въ Липовецкомъ уѣздѣ, Кіевской губ., происходилъ изъ мелко шляхетскаго рода. Отецъ его служилъ смотрителемъ провіантскаго магазина и получалъ такое ничтожное содержаніе, что уже съ дѣтства Н—му пришлось узнать суровую нужду и голодъ. Учился Н. въ немировской гимназіи. Еще будучи гимназистомъ, онъ потерялъ отца и принужденъ былъ матеріально поддерживать свою мать и сестеръ (съ 13-тилѣтняго возраста онъ занялся репетиторствомъ). По окончаніи гимназическаго курса въ 1870 г., онъ слушалъ лекціи на математическомъ факультетѣ кіевскаго университета; изъ Кіева, затѣмъ, переѣхалъ въ Петербургъ. Увлеченный передовыми вѣяніями эпохи, стараясь разорвать всѣ связи съ привилегированнымъ классомъ, Н. не могъ сколько-нибудь сносно устроить себя въ матеріальномъ отношеніи и все время кое-какъ перебивался частными уроками (подъ вліяніемъ безвыходности своего положенія онъ доходилъ даже до мысли о самоубійствѣ). Въ 1877 г. появилась въ *Отечественныхъ Запискахъ* его повѣсть „Эпизодъ изъ жизни ни павы, ни вороны". За этой повѣстью быстро слѣдовали одно за другимъ произведенія: „Карьера", „Тетушка", „Сувениръ", „Романъ", „Мечтатели", „Исторія", „Наканунѣ ликвидаціи". Въ 1878—80 гг. Н. дважды заболѣваетъ тифомъ; въ 1881 г. у него появляются явные признаки чахотки; въ январѣ 1882 г. онъ ѣдетъ на средства литературнаго фонда въ Ниццу, гдѣ и умираетъ отъ чахотки въ казенной больницѣ.—Н.—яркій и блестящій представитель той части интеллигентнаго пролетаріата 70-хъ годовъ, которая рѣшительно протестовала противъ „буржуазно - дворянской" культуры и шла навстрѣчу трудящимся массамъ. Въ повѣстяхъ Н—аго описывается трагедія этого пролетаріата. Его героямъ за свои „идеалы" приходится не только терпѣть пораженія со стороны офиціальныхъ „столповъ" общества („Сувениръ"), не только встрѣчать предательство со стороны лицъ наиболѣе близкихъ и дорогихъ („Романъ", „Мечтатели"), не только погибать жертвами матеріальныхъ лишеній (судьба Марьи Андреевны въ „Карьерѣ"), но, подъ давленіемъ гнетущихъ обстоятельствъ, разочаровываться въ собственныхъ силахъ. „Сжиганіе кораблей", т.-е. отреченіе отъ личнаго счастья и отъ семьи тяжело обходится героямъ Н—аго: лучшія страницы его повѣстей посвящены именно анализу внутренней борьбы героевъ, борьбы между чувствомъ общественнаго долга и „жаждой покоя и супружеской жизни", чувствами, унаслѣдованными отъ дворянско-буржуазной культуры. Изъ этой внутренней борьбы герои выходятъ изломанными людьми, которыми владѣетъ „скверное чувство одиночества, отчужденности, непутности". Эти люди представляютъ собою типъ „ни павы, ни вороны", типъ „кающагося дворянина", не способнаго ни къ какой продуктивной работѣ („Ни пава, ни ворона", „Карьера"). Но не надъ однимъ современнымъ ему поколѣніемъ Н. произноситъ безотрадный приговоръ, онъ идетъ далѣе и развѣнчиваетъ всѣхъ безъ исключенія передовыхъ интеллигентовъ, обрисованныхъ классиками русской литературы XIX ст.: всѣ Рудины, Базаровы, Инсаровы— въ глазахъ Н—аго не болѣе, какъ безплодныя явленія жалкой, основанной на рабствѣ культуры („Ни пава, ни ворона").

НОВОДВОРСКІЙ
(ОСИПОВИЧЪ).

А. Плещеев

Алексѣй Николаевичъ Плещеевъ.

П. (22-го ноября 1825 года, † 26-го сентября 1893 года) родился въ Костромѣ, происходилъ изъ старинной дворянской фамиліи, дѣтство провелъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. 13-ти лѣтъ онъ поступилъ въ Петербургскую школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ, а въ 1843 году — въ университетъ, изъ котораго вышелъ до окончанія курса, побуждаемый желаніемъ исключительно посвятить себя литературной дѣятельности. Дѣйствительно, въ *Отеч. Зап.* и другихъ органахъ печати въ это время появляются его первые стихотворные опыты. Въ 1849 году онъ былъ арестованъ по дѣлу Петрашевцевъ, сосланъ рядовымъ въ Оренбургскій край, гдѣ и провелъ семь лѣтъ на военной службѣ, участвуя даже въ военныхъ дѣйствіяхъ, и годъ — на гражданской службѣ въ Оренбургской пограничной комиссіи. По окончаніи срока ссылки онъ возвращается въ столицы: сначала въ Москву, а затѣмъ и въ Петербургъ въ 1872 г. Въ Петербургѣ онъ нѣкоторое время служитъ въ государственномъ контролѣ, но главныя свои силы отдаетъ литературѣ, войдя въ составъ редакціи *Отеч. Зап.* и затѣмъ *Сѣвернаго Вѣстника*. Во всѣхъ либеральныхъ журналахъ появляются постоянно его произведенія, пользующіяся большой симпатіей публики. Болѣзнь заставила его послѣдніе годы жизни провести за границей—въ Ниццѣ и Парижѣ; въ этомъ послѣднемъ городѣ онъ и умеръ отъ апоплектическаго удара.—П. составилъ себѣ литературную извѣстность главнымъ образомъ своими стихотворными произведеніями, хотя далеко не стоитъ на ряду съ первоклассными поэтами. Начиная съ его юношескихъ стихотвореній „Впередъ—безъ страха и сомнѣній“ и „Тосты“: за науку, юношество и искусство, вплоть до стихотвореній послѣднихъ лѣтъ, — вездѣ звучитъ призывъ къ борьбѣ во имя отвлеченныхъ идеаловъ истины и справедливости. Даже въ произведеніяхъ, относящихся къ періоду реформъ шестидесятыхъ годовъ, читатель не найдетъ какихъ-либо указаній на ту борьбу общественныхъ классовъ, которая характеризовала данную эпоху: онъ стоитъ на той же почвѣ внѣклассовой человѣчности. Правда, съ годами пессимистическая нотка чаще просвѣчиваетъ въ его произведеніяхъ („Много злыхъ и глупыхъ шутокъ, жизнь, играла ты со мной“..., „О если бъ знали вы, друзья моей весны...“ и др.), но она не обращаетъ его взоровъ на анализъ реальныхъ общественныхъ отношеній. Филантропъ въ глубинѣ души, онъ глубоко любитъ дѣтей, посвящая имъ теплыя прочувствованныя стихотворенія („Бабушка и внучекъ“, „Изъ жизни“... и др.). Въ своихъ прозаическихъ произведеніяхъ („Пашинцевъ“, „Будневъ“, „Отецъ и дочь“ и др.), представляющихъ, впрочемъ, мало интереса въ литературномъ отношеніи, П. остается вѣренъ своему гуманному отношенію къ человѣку вообще. Выбирая для своихъ повѣстей жизнь мелкаго трудящагося люда, онъ слегка очерчиваетъ типы интеллигентовъ, энтузіастовъ высшей справедливости. Глубоко грустный фактъ паденія его героевъ обыкновенно служитъ естественнымъ обвинительнымъ приговоромъ окружающей обстановкѣ. Кромѣ оригинальныхъ произведеній, у П. есть много переводовъ изъ: Гете, Гейне, Ленау, Теннисона, Байрона, Мура, Леопарди, Гюго и др.

С. Надсонъ

Семенъ Яковлевичъ Надсонъ.

Н. (14 дек. 1862 г., † 19 янв. 1887 г.) родился въ Петербургѣ. Отецъ его былъ еврейскаго происхожденія; мать происходила изъ русской дворянской семьи. Рано лишившись отца, онъ провелъ дѣтство отчасти въ Кіевѣ, гдѣ мать его занимала мѣсто учительницы въ одномъ частномъ домѣ, отчасти въ Петербургѣ. Образованіе получилъ сначала въ классической гимназіи, затѣмъ въ военной и въ Павловскомъ военномъ училищѣ; по окончаніи курса въ послѣднемъ былъ произведенъ въ офицеры. Въ 1884 г. онъ оставляетъ военную службу и работаетъ въ качествѣ секретаря въ редакціи *Недѣли;* разстроенное здоровье заставило его оставить Петербургъ, жить одно время за границей, потомъ на югѣ Россіи. Умеръ въ Ялтѣ; похороненъ въ Петербургѣ, на Волковомъ кладбищѣ. Н. является представителемъ идей и настроеній того поколѣнія 80-хъ годовъ, которое пришло на смѣну разночинцамъ-народникамъ. Воспитанный въ условіяхъ исключительно городской культуры, не имѣя (въ противоположность народникамъ) ни малѣйшаго соприкосновенія съ деревней и только подъ конецъ жизни убѣдившись въ томъ, „что свѣта въ окошкѣ можно искать въ Россіи и внѣ Петербурга“, и выразивши сожалѣніе, что болѣзнь мѣшаетъ ему поближе познакомиться съ крестьянскою жизнью, Н. отразилъ въ своей лирикѣ главнѣйшіе мотивы разочарованій и надеждъ, навѣянныхъ торжествомъ пореформенной буржуазной цивилизаціи. Въ одномъ стихотвореніи онъ рѣшительно заявляетъ, что поэзія „умерла въ природѣ“, что теперь мѣсто поэзіи „въ стѣнахъ кипучихъ городовъ, въ трудѣ за лампою ночною“. И защищая интересы этого труда (преимущественно труда интеллигентнаго), Н. становится въ рѣзкій антагонизмъ съ міромъ „наживы и торгашей“, съ „дѣтьми тупого довольства и сна“, при чемъ особенно нападаетъ онъ на фарисейскую игру буржуазіи трескучими и надутыми фразами. Н., съ одной стороны, любитъ останавливаться на мечтахъ о грядущемъ царствѣ любви, вѣритъ, что это царство непремѣнно настанетъ само собою, когда весь міръ „захлебнется въ крови“, высоко цѣнитъ свое поэтическое призваніе, преклоняется передъ силою анализирующей мысли, но, съ другой стороны, часто впадаетъ въ горькое раздумье относительно того, можно ли будетъ примириться съ грядущимъ всемірнымъ счастьемъ, не будетъ ли это счастье равносильно „позорному застою“; онъ разочаровывается въ анализирующей мысли, такъ какъ она разрушаетъ наше счастье, разочаровывается въ любви, въ самомъ себѣ („я — пигмей“), съ глубокимъ пессимизмомъ замѣчаетъ, что человѣческая жизнь подвержена одному закону — „закону мгновенья“ и отказывается опредѣлить ея смыслъ и цѣль („Жизнь“).

Михаилъ Ниловичъ Альбовъ.

А. (8 ноября 1851 г.) родился въ Петербургѣ, въ семьѣ діакона. Образованіе онъ получилъ въ гимназіи и университетѣ. Писать А. началъ очень рано, но первой вещью, обратившей на него вниманіе читателей, была повѣсть „День итога", — психологическій этюдъ одинокаго человѣка, окончившаго самоубійствомъ. За этой повѣстью послѣдовали другія произведенія съ тѣмъ же болѣзненно-психологическимъ анализомъ: „До пристани", „Какъ горѣли дрова" и др. Позднѣе А—вымъ написаны повѣсти, рисующія бытъ петербургскаго мѣщанства и мелкаго духовенства („Ряса", „Невѣдомая улица"). Между произведеніями перваго періода и позднѣйшими повѣстями замѣтна очень большая разница въ настроеніи. Вліяніе Достоевскаго сказывается во всѣхъ разсказахъ и повѣстяхъ перваго періода; въ особенности оно замѣтно въ первомъ этюдѣ „День итога", обратившемъ главное вниманіе читателей на автора: настроеніе, манера, склонность къ трактованію психіатрическихъ сюжетовъ обязаны своимъ происхожденіемъ Достоевскому. Но А. заимствовалъ у послѣдняго главнымъ образомъ болѣзненную часть его творчества и потому его душевный анализъ отличается крайней неопредѣленностью. Можно предполагать какія угодно причины мрака, подавляющаго душу героя въ „Днѣ итога"; можно искать и находить въ героѣ тѣ страданія, о которыхъ не говорилъ авторъ и которыя были не чужды читателямъ того времени. Эта неопредѣленность во многомъ способствовала временному успѣху „Дня итога". Несмотря на желаніе нѣкоторой части критики видѣть въ героѣ этой повѣсти типичнаго представителя 70-хъ годовъ, именно отсутствіе типичныхъ чертъ и было причиной того, что повѣсть не долго удержалась въ памяти читателей. Бытовыя произведенія А—ва рисуютъ бытъ мѣщанства и мелкаго духовенства со всѣми ихъ заботами и треволненіями, небольшими радостями и большими невзгодами. Юмористическія произведенія, въ которыхъ авторъ пробовалъ свои силы въ сотрудничествѣ съ Баранцевичемъ, мало удачны. Лучшимъ изъ нихъ, хотя и чрезвычайно растянутымъ, является „Юбилей".

Казимиръ Станиславовичъ Баранцевичъ.

Б. (22 мая 1851 г.) родился въ Петербургѣ отъ отца поляка и матери француженки. По семейнымъ обстоятельствамъ гимназическаго курса не могъ кончить. Послѣ смерти отца, при которомъ семья жила довольно безбѣдно, Б—у пришлось испытывать нужду, долго искать заработка и вращаться среди бѣдныхъ и задавленныхъ нуждой слоевъ петербургскаго населенія. Его литературная дѣятельность началась съ передѣлки для сцены „Князя Серебрянаго" А. Толстого; но произведенія, бывшія результатомъ личнаго опыта автора, появились уже много позднѣе. Это были по большой части мелкіе очерки и разсказы, передававшіе наблюденія автора надъ жизнью загнанныхъ нуждой и заботами людей столицы. Въ цѣломъ рядѣ разска-

МИХ. НИЛОВ.
АЛЬБОВЪ.

КАЗ. СТАНИСЛ.
БАРАНЦЕВИЧЪ

СЕМ. ГР.
ФРУГЪ.

ГРИГ. АЛЕКС.
МАЧТЕТЪ.

зовъ онъ рисуетъ дряблыхъ и безвольныхъ людей, чувствующихъ на себѣ гнетъ мелочной однообразной жизни; мелкое мѣщанство, захудалое дворянство и бѣдное чиновничество наполняютъ его жанровыя миніатюры. У него есть и большіе повѣсти и романы: „Раба", гдѣ описывается женская преданность, „Чужакъ", изображающій моментъ восторженнаго отношенія интеллигенціи къ народу, „Борцы", длинная повѣсть, пытающаяся олицетворить общественныя отношенія въ образѣ борцовъ на садовой эстрадѣ и публики лѣтнихъ садовъ; идеализація деревни и противопоставленіе ея городу въ видѣ лѣчебницы отъ ранъ, наносимыхъ городской жизнью, заканчиваетъ романъ „Борцы". Б. пробовалъ свои силы и въ юмористическомъ родѣ.

Семенъ Григорьевичъ Фругъ.

Ф. родился (1860 г.) въ еврейской земледѣльческой колоніи въ Херсонскомъ уѣздѣ, гдѣ, подобно другимъ поселянамъ колоніи, семья его занималась хлѣбопашествомъ. Не получивъ образованія въ учебныхъ заведеніяхъ и будучи обязанъ своимъ развитіемъ собственной энергіи и впечатлѣніямъ среды, Ф. навсегда сохранилъ на себѣ отпечатокъ этихъ впечатлѣній. Онъ поетъ о страданіяхъ и горѣ еврейскаго народа, питая въ то же время глубокое сочувствіе къ труду хлѣбопашца. Содержаніемъ его стихотвореній обусловливается грустный тонъ поэзіи Ф—а, а любовью къ природѣ и сельской жизни подсказываются ему мечты о томъ времени, когда „пѣсня пахаря на волѣ отрадой свѣтлой зазвучитъ". Вышедшія въ отдѣльномъ изданіи произведенія его кромѣ лирическихъ стихотвореній заключаютъ сказанія, легенды и поэмы изъ древне-еврейской жизни.

Григорій Александровичъ Мачтетъ.

М. родился въ 1852 г. въ семьѣ судебнаго чиновника, въ Луцкѣ, учился въ немировской и каменецъ-подольской гимназіяхъ, но окончанію курса помѣшало обвиненіе М—та въ политической неблагонадежности. Выдержавъ экзаменъ на уѣзднаго учителя, онъ нѣкоторое время занимался педагогической дѣятельностью въ провинціи. Въ 1872 г. М. уѣхалъ въ Америку; вернувшись оттуда черезъ нѣсколько лѣтъ, онъ побывалъ въ качествѣ административно-ссыльнаго въ Архангельской губ. и въ Сибири. Затѣмъ переѣхалъ въ центральную Россію, жилъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ, отдаваясь литературной дѣятельности. Въ половинѣ 90-хъ годовъ переѣхалъ въ Волынскую губернію, занявъ мѣсто въ министерствѣ финансовъ по винной монополіи. Сибирь, Малороссія, Америка составляютъ главную внѣшнюю обстановку разсказовъ М—та. Но раздѣленные большимъ пространствомъ герои его соединены между собою внутренней связью: всѣ они представляютъ разновидности двухъ человѣческихъ типовъ—альтруиста и эгоиста. Вездѣ, во всѣхъ видѣнныхъ авторомъ странахъ, среди культурныхъ и примитивныхъ людей, М. прежде всего

различаетъ эти два типа, изображая самыя крайнія проявленія, съ одной стороны, любви къ людямъ, съ другой — заботы о собственномъ благополучіи. Восторженное отношеніе автора къ людямъ, „полагающимъ душу свою за други своя“, накладываетъ печать на тонъ авторскихъ повѣствованій, всегда нѣсколько приподнятый, а мѣстами даже вдохновенный. Одно изъ лучшихъ произведеній „Вторая правда“ разсказываетъ, какъ деревенскій парень, „высокій, стройный, съ блѣднымъ правильнымъ лицомъ“, жертвуетъ собой, принимая на себя преступленіе міра; его геройская ложь выше формальной правды открывшаго преступленіе доктора. Очеркъ „Въ тундрѣ и въ тайгѣ“ выводитъ бродягу, храбраго, находчиваго, сильнаго, цѣною собственныхъ лишеній и страданій спасающаго чужую женщину (онъ узнаетъ о своемъ родствѣ съ нею уже послѣ). Въ сказкѣ „Заклятый казакъ“ приговоренный къ смерти казакъ молитъ не о себѣ, а о спасеніи погибающей родины. Въ разсказѣ „Жидъ“ гимназистъ жертвуетъ всей своей блестящей ученической карьерой для спасенія класса и т. д. Въ противоположность этимъ героямъ выводятся люди, не имѣющіе никакого другого чувства, кромѣ заботы о собственномъ благополучіи: это—трусы, негодяи, лакеи. Приличный и лакействующій негодяй выводится въ длинной повѣсти „И одинъ въ полѣ воинъ“ въ противоположность фигурирующимъ тутъ же героямъ-протестантамъ, ставящимъ общее дѣло выше собственнаго счастья. Такой же лакей и трусъ-бродяга рисуется въ упомянутомъ уже разсказѣ „Въ тундрѣ и въ тайгѣ“ (Яшка) и т. д. Интересы общества и „міра“ для автора стоятъ на первомъ планѣ; самъ „міръ“ и толпа рисуются не съ темныхъ сторонъ, а въ минуты восторженно добраго отношенія къ людямъ. Въ разсказѣ „Два міра“ крестьянскій міръ своимъ добрымъ дѣломъ воскрешаетъ душу вора. Въ томъ - же разсказѣ цѣлый городъ американскихъ гражданъ приходитъ въ восторженно-стремительное настроеніе для подъема духа неизвѣстныхъ имъ иностранцевъ. Въ разсказѣ „Мірское дѣло“ міръ, убившій вора, покупаетъ его вдовѣ корову для прокорма младенца и т. д. Фабула разсказовъ М—та по большей части занимательна.

Александръ Ивановичъ Эртель.

Э. (7 іюля 1855 г.) родился въ Задонскомъ уѣздѣ, Воронежской губ. Отецъ его былъ управляющій имѣніями. Образованіе Э. получилъ домашнее. Съ дѣтства онъ постепенно пріучился къ веденію сельскаго хозяйства, а съ 18-тилѣтняго возраста уже занялъ самостоятельную должность въ одномъ крупномъ тамбовскомъ имѣніи. Въ 1879 г. онъ переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ устроился завѣдующимъ одной библіотекой и вращался въ передовыхъ интеллигентныхъ кружкахъ. Въ 1880 году онъ по болѣзни долженъ былъ покинуть столицу и уѣхать на родину. Въ 188$^3/_4$ г. онъ снова проживалъ въ Петербургѣ. На этотъ разъ пребываніе въ столицѣ завершилось арестомъ и административной высылкой въ Тверь, гдѣ Э. прожилъ, за кратковременными отлучками, до 1889 г. Въ 1889 г. онъ заарендовалъ подъ Воронс-

жемъ небольшое имѣніе; въ 1892 г. принималъ большое участіе въ помощи голодающимъ крестьянамъ, въ 1896 г. состоялъ управляющимъ одного крупнаго тамбовскаго имѣнія. На литературное поприще Э. выступилъ съ 1878 г. Изъ его произведеній слѣдуетъ отмѣтить: „Записки степняка" (1880—3 г.), „Волхонская барышня", „Двѣ пары", „Гарденинъ", „Смѣна", „Карьера Струкова" (1895 г.). — Обнаруживая симпатіи къ народничеству, Э. подробнѣе другихъ народниковъ анализировалъ отношеніе къ крестьянству различныхъ слоевъ „оффиціальной" дворянской и бюрократической интеллигенціи, начиная съ крупныхъ банковыхъ чиновниковъ и кончая представителями университетской науки. Сама „оффиціальная" интеллигенція подвергается осужденію Э—ля, съ одной стороны, за узость своего матеріальнаго міросозерцанія, а съ другой — за полнѣйшую безпочвенность, за отсутствіе прочно установившихся идеаловъ. Протестъ противъ узко-матеріальнаго міросозерцанія вообще составляетъ одну изъ самыхъ характерныхъ чертъ Э—ля. Что касается крестьянъ, то ихъ Э. цѣнитъ всего болѣе, какъ носителей цѣльной, самодовлѣющей, не поддающейся внутреннему разложенію культуры.

Владиміръ Галактіоновичъ Короленко.

К. родился 15 мая 1853 г. въ Житомірѣ, происходилъ по отцу изъ стариннаго казацкаго рода, а по матери — изъ польскаго дворянства. Дѣтство провелъ въ Волынской губ. На его нравственное развитіе сильное вліяніе оказалъ отецъ, отличавшійся безупречной честностью. Учился К. въ ровенскомъ реальномъ училищѣ. Окончивши курсъ въ этомъ училищѣ въ 1870 г. и поступивши затѣмъ въ петербургскій технологическій институтъ, К. очутился въ тяжеломъ матеріальномъ положеніи (отецъ его умеръ еще когда К. учился въ Ровнахъ). Въ 1872 г. онъ перешелъ стипендіатомъ въ петровско-разумовскую академію, но курса въ ней не кончилъ, будучи уволенъ изъ нея за участіе въ одной студенческой демонстраціи. Послѣ этого онъ переѣзжаетъ въ Петербургъ и живетъ тамъ, занимаясь корректурной работой. Арестованный въ концѣ 70-хъ годовъ, онъ подвергается ссылкѣ на нѣсколько лѣтъ въ Вятскую губ., а изъ послѣдней въ 1881 г. переводится въ Якутскую область. Только въ срединѣ 80-хъ годовъ онъ получаетъ разрѣшеніе вернуться въ Европейскую Россію и поселяется въ Нижнемъ-Новгородѣ. Въ 1894 г. онъ совершаетъ путешествіе въ Америку (на Колумбійскую выставку). Въ срединѣ 90-хъ годовъ ему было позволено жить въ столицахъ. Въ 1895 г. онъ становится однимъ изъ оффиціальныхъ издателей, а въ 1900 г. — однимъ изъ редакторовъ *Русскаго Богатства.* На литературное поприще К. выступилъ еще въ концѣ 70-хъ годовъ съ повѣстью „Эпизоды изъ жизни искателя", характеризующей автора какъ убѣжденнаго сторонника прогрессивныхъ вѣяній этой эпохи. Затѣмъ лишь въ 1885 г. появился „Сонъ Макара", сразу создавшій К. громкое литературное имя. Затѣмъ слѣдовали: „Въ дурномъ об-

ществѣ", „Лѣсъ шумитъ," рядъ очерковъ изъ сибирской жизни („Въ подслѣдственномъ отдѣленіи", „Очерки сибирскаго туриста", „Соколинецъ"), психологическій этюдъ „Слѣпой музыкантъ" (1887 г.), рядъ очерковъ изъ приволжскаго быта („За иконой", „Рѣка играетъ", „На солнечномъ затменіи", „Въ голодный годъ", „Прохоръ и студенты"), фантазія „Тѣни", малороссійская сказка „Судный день" и „Безъ языка"—разсказъ, навѣянный путешествіемъ К. въ Америку, „Въ пасмурный день", „Необходимость", „Маруся". Помимо беллетристики К., особенно со средины 90-хъ годовъ, усиленно занимается публицистикой. Въ мартѣ 1900 г. К. избранъ въ почетные члены Академіи Наукъ по разряду изящной словесности. — Какъ по времени созданія своихъ лучшихъ характернѣйшихъ произведеній, такъ и по основнымъ посылкамъ своего міросозерцанія К. принадлежитъ эпохѣ конца 70-хъ и первой половины 80-хъ годовъ. Воспитанный на принципахъ альтруистическихъ и народолюбческихъ 70-хъ годовъ, онъ является продолжателемъ соціальнаго романа, завѣщаннаго „народниками и разночинцами". Но его симпатіи къ народу далеки отъ симпатіи многихъ изъ его предшественниковъ, смотрѣвшихъ на народъ „сквозь призму интеллигентно-народническаго идеализма" (въ „Слѣпомъ музыкантѣ" онъ явно выражаетъ свое отрицательное отношеніе къ подобному идеализму). Теоретически онъ заявляетъ себя сторонникомъ изученія экономическихъ условій, какъ пути къ познанію народной жизни. Но въ своихъ беллетристическихъ произведеніяхъ онъ не слѣдуетъ этому теоретическому требованію. Напротивъ, онъ анализируетъ преимущественно *идеалистическія* проявленія народной жизни: рисуетъ различныхъ представителей народа, моменты ихъ нравственнаго и религіознаго подвижничества (Яшка въ „Подслѣдственномъ отдѣленіи"), въ моментъ ихъ эстетическаго экстаза (Іоахимъ въ „Слѣпомъ музыкантѣ"), въ моменты, когда они поднимаются до сознанія всей неправды своего положенія и приниженности своего *человѣческаго* существованія. Однимъ словомъ, К. изображаетъ не столько соціальную и экономическую борьбу за существованіе, сколько борьбу за личность; взглядъ на каждую личность, какъ на священное выраженіе міровой, „таинственной" жизни—другая особенность міровозрѣнія К—ка, столь характерная для первой половины 80-хъ годовъ, для эпохи возрожденія субъективизма. Эта особенность кореннымъ образомъ реформируетъ соціальный романъ: у К. соціально-политическій элементъ этого романа начинаетъ дополняться элементомъ психологическимъ. Въ результатѣ получается новый художественный жанръ, произведенія въ родѣ „Слѣпого музыканта", гдѣ гармонически сочетаются оба элемента. Субъективизмъ К—ка облекается въ форму лиризма (этимъ лиризмомъ К. отчасти обязанъ своему малорусско-польскому происхожденію) и возрождаетъ для литературы нѣкоторыя чувства, почти совершенно игнорировавшіяся литературой 60-хъ — 70-хъ годовъ: напр., музыкальныя эмоціи, чувство природы, психологическія ощущенія, свойственныя дѣтскому возрасту.

———

В Г. КОРОЛЕНКО.

Д. Н. МАМИНЪ-СИБИРЯКЪ.

Дмитрій Наркисовичъ Маминъ (Сибирякъ).

М. родился (1852 г.) на Уралѣ въ Висимо-Шайтанскомъ заводѣ, въ семьѣ священника. Окончивъ курсъ въ пермской семинаріи, онъ поступилъ въ медико-хирургич. академію, перешелъ потомъ въ петербургскій университетъ на юридическій факультетъ, но курса не окончилъ. Первыми произведеніями, обратившими вниманіе читателей на М—на, были очерки изъ хорошо извѣстной автору уральской жизни. Изображеніе нравовъ уральскаго населенія и своеобразной жизни этого края заняло въ произведеніяхъ М—на главное мѣсто; ему посвящены многочисленные романы: „Жилка“, „Горное гнѣздо“, „Три конца“, „Хлѣбъ“ и др., разсказы и очерки, рисующіе какъ прежнюю жизнь западно-сибирскаго края, такъ и новыя условія въ жизни окраинъ. Но кромѣ произведеній, имѣющихъ вмѣстѣ съ художественнымъ этнографическій и мѣстный интересъ, М. писалъ романы и разсказы изъ петербургской жизни, изъ быта интеллигенціи, прежнихъ студентовъ, міра художниковъ, финансистовъ, романы, рисующіе картину общественной жизни, также какъ посвященные изображенію семейныхъ отношеній („Черты изъ жизни Пепко“, „Падающія звѣзды“, „Tussilago farfara“ и т. д.). Вмѣстѣ съ этимъ М. принадлежитъ много дѣтскихъ разсказовъ („Аленушкины сказки“ и др.). Въ произведеніяхъ, мѣсто дѣйствія которыхъ отнесено къ окраинамъ, этнографическій элементъ играетъ видную, но не всегда самую важную роль. Своеобразныя бытовыя отношенія, „жестокіе нравы“ прошлаго времени, типы, возможные исключительно въ данной средѣ и при данныхъ обстоятельствахъ, представляютъ несомнѣнный интересъ въ этихъ произведеніяхъ, но еще большее значеніе имѣетъ та атмосфера хищничества и борьбы изъ-за наживы, которая изображается авторомъ. Пробужденіе хищническихъ инстинктовъ обусловливается новыми перспективами, которыя открываются для дѣйствующихъ лицъ или вслѣдствіе возможности обогатиться раскопкой золотоносной жилки („Золото“) или вслѣдствіе проникновенія новыхъ капиталовъ и новыхъ формъ эксплоатаціи края („Хлѣбъ“ и др.). Старыя патріархальныя формы обогащенія и неправды замѣняются другими, вносящими въ сравнительно спокойное прежде болото жизни лихорадочную суету и безпокойное стремленіе къ наживѣ. Въ этой борьбѣ узко-эгоистическихъ интересовъ гибнутъ, конечно, слабые, стоящіе на дорогѣ сильныхъ, гибнетъ старое передъ потокомъ новаго, но и сильные и новые, захваченные возбужденнымъ ими же водоворотомъ, не всегда остаются цѣлыми, и процессъ стремленія къ наживѣ характеризуется разложеніемъ или ломкой старыхъ формъ, неслышной гибелью всего слабаго и шумнымъ крушеніемъ сильныхъ. Выживаютъ лишь немногіе, и эти немногіе ведутъ дальше дѣло хищеній, постоянной борьбы, лихорадочнаго стремленія къ наживѣ. Таковъ процессъ, съ большимъ талантомъ описываемый М—ымъ во многихъ произведеніяхъ изъ уральской жизни. Этнографическій элементъ (какъ въ историческихъ романахъ дальняя эпоха) даетъ только большій про-

сторъ для изображенія широкой картины, но, конечно, важность и значеніе уральскихъ романовъ и разсказовъ М—на не ограничивается той мѣстностью и той средой, которыя затронуты ими. Психологическіе типы, не смотря на все ихъ разнообразіе, повторяются во многихъ романахъ: такъ, напр., очень часто повторяется у М—на типъ богача со всѣми признаками вырожденія, типъ фатальной женщины, вносящей гибель всюду, куда она проникаетъ, и т. п.

Л. Мельшинъ.

М. родился 22 октября 1860 года въ небогатой дворянской семьѣ (въ Валдайскомъ у., Новгородской губ.). Въ 1878 г. онъ окончилъ курсъ новгородской классической гимназіи, поступилъ въ петербургскій университетъ на историко-филологическій факультетъ, гдѣ и получилъ, въ 1882 г., званіе кандидата русской словесности. Литературную дѣятельность началъ печатаніемъ стиховъ въ журналахъ *Дѣло, Слово, Отеч. Записки, Вѣстникъ Европы, Устои* и др., но съ 1884 г. въ теченіе двѣнадцати лѣтъ не появлялся въ печати. Долговременное пребываніе въ Забайкальской области дало М—ну возможность близко познакомиться съ бытомъ ссыльныхъ и каторжныхъ и передать эти наблюденія въ рядѣ очерковъ, которые, подъ общимъ заглавіемъ „Въ мірѣ отверженныхъ", были напечатаны въ 95—98 гг. въ журналѣ *Русское Богатство*; редакціей того же журнала очерки выпущены были и отдѣльнымъ изданіемъ (въ 2 т.). Съ 1895 г. возобновилось также печатаніе въ журналахъ стиховъ, за подписью П. Я. Они вышли въ настоящее время третьимъ изданіемъ и въ прошломъ году удостоены Академіей Наукъ почетнаго отзыва.— Время отъ времени М. помѣщаетъ въ *Р. Б.* и критическія статьи подъ псевдонимомъ Гриневича. Послѣ „Записокъ изъ мертваго дома" очерки М—на „Въ мірѣ отверженныхъ" представляютъ первое художественное изображеніе каторжной жизни. Картины арестантскаго быта соединяются здѣсь съ тонкимъ психологическимъ анализомъ и глубоко человѣчнымъ отношеніемъ къ „отверженнымъ". Авторъ нисколько не идеализируетъ описываемой среды, не приписываетъ изображаемымъ типамъ исключительныхъ, неопредѣленныхъ стремленій, повлекшихъ за собой своеобразный протестъ противъ установленной морали (какъ это представляется въ нѣкоторыхъ другихъ изображеніяхъ воровского и босяцкаго міра). Арестанты М—на не герои и въ то же время не прирожденные преступники; въ большинствѣ случаевъ это люди, испорченные жизненными условіями и также, въ большинствѣ случаевъ, способные къ исправленію при другихъ обстоятельствахъ (лишь немногіе представляютъ исключеніе). Наиболѣе художественной и трогательной представляется въ книгѣ М—на глава, посвященная характеристикѣ татарченка, попавшаго въ каторгу по недоразумѣнію. Менѣе удачны тѣ главы, въ которыхъ изображаются интеллигентные арестанты. Талантливые стихи П. Я. носятъ на себѣ отпечатокъ тѣхъ идей и стремленій, которыя находили особенный откликъ въ 70-хъ годахъ.

Л. Мельшин

К. М. СТАНЮКОВИЧЪ.

Константинъ Михайловичъ Станюковичъ.

С. (17 марта 1844 г.), сынъ адмирала, родился въ Севастополѣ, воспитывался въ морскомъ корпусѣ, шестнадцати лѣтъ былъ отправленъ на три года въ кругосвѣтное плаваніе. Вернувшись изъ экспедиціи, С. вышелъ въ отставку и поступилъ въ качествѣ народнаго учителя въ село Чаадаево, Владимірской губ. Поработавъ на педагогическомъ поприщѣ одинъ годъ, С. всецѣло отдался литературѣ. Первые его опыты были напечатаны въ *Морскомъ Сборникѣ*. Затѣмъ онъ сталъ помѣщать свои разсказы въ другихъ періодическихъ изданіяхъ. Въ журналѣ *Дѣло*, въ которомъ онъ былъ постояннымъ сотрудникомъ, нѣкоторое время соредакторомъ, а впослѣдствіи и собственникомъ, были помѣщены три наиболѣе крупныхъ романа С—ча: „Безъ исхода", „Два брата" и „Омутъ". Всѣ они проникнуты яркой тенденціозностью, которая въ эпоху, когда они писались, привлекала къ романамъ вниманіе читателей. Въ 80-хъ годахъ обстоятельства вызвали временное переселеніе С—ча въ Сибирь; по возвращеніи оттуда С. началъ серію морскихъ разсказовъ, гдѣ онъ является художникомъ-жанристомъ, съ любовью рисующимъ типы моряковъ и бытовыя картины ихъ своеобразной жизни. Вмѣстѣ съ цѣлой галлереей живыхъ портретовъ и людей самыхъ различныхъ темпераментовъ, такъ или иначе сложившихся подъ вліяніемъ морской службы, передъ читателемъ рисуются картины „жестокихъ нравовъ" прошедшаго и ярко выдѣляется сочувствіе автора къ обиженнымъ. Съ первыхъ шаговъ своей литературной дѣятельности С. удѣлялъ вниманіе и общественному фельетону. Въ своихъ „Картинкахъ общественной жизни", въ „Письмахъ знатныхъ иностранцевъ" и др. фельетонныхъ очеркахъ онъ постоянно клеймилъ различныя проявленія неправды въ русской жизни. Въ послѣднемъ періодѣ своего писательства С. снова вернулся къ большимъ по размѣру романамъ. Но, довольно ярко отражая въ себѣ новѣйшія наслоенія русской жизни, эти произведенія уже не имѣютъ тѣхъ художественныхъ достоинствъ, какими отличались его „Морскіе разсказы"; въ нихъ нерѣдко съ фотографической точностью описаны дѣйствительныя лица, и все произведеніе принимаетъ видъ направленнаго противъ этихъ лицъ памфлета. Таковъ, напримѣръ, одинъ изъ послѣднихъ романовъ С—ча „Жрецы", надѣлавшій много шума отнюдь не въ силу своихъ литературныхъ достоинствъ.

Игнатій Николаевичъ Потапенко.

Едва ли не самый плодовитый изъ всѣхъ современныхъ русскихъ писателей, П. (въ декабрѣ 1856 г.) родился въ селѣ Ѳедоровкѣ, Херсонской губ. Мать его — крестьянка - малоросска, отецъ сначала служилъ въ уланскихъ офицерахъ, а затѣмъ перешелъ въ духовное званіе. Воспитаніе П. получилъ въ семинаріи, по окончаніи которой поступилъ сначала въ новороссійскій университетъ, а потомъ въ с.-петербургскую консерваторію по классу пѣнія. Литературная извѣстность П. начинается съ 1890 г., когда въ *Вѣстникѣ Европы* была напечатана его повѣсть „На дѣйствительной службѣ", въ которой изображенъ типъ идеальнаго сельскаго священника, одушевленнаго стремленіемъ принести своей паствѣ возможно больше пользы. Мало извѣстный бытъ, оригинальный замыселъ и бодрый взглядъ на дѣйствительность искупали нѣкоторую искусственность разсказа и привлекли къ молодому писателю вниманіе читателей. Въ послѣдующихъ произведеніяхъ, изъ которыхъ безспорно наиболѣе художественнымъ, талантливымъ и трогательнымъ былъ разсказъ „Шестеро", П. продолжалъ изображать бытъ духовнаго сословія. Затѣмъ онъ перешелъ къ разсказамъ и повѣстямъ изъ быта другихъ общественныхъ классовъ, сотрудничая чуть ли не во всѣхъ столичныхъ педагогическихъ изданіяхъ и обнаруживая необычайную для русскаго писателя плодовитость. Впрочемъ, въ обратномъ отношеніи съ плодовитостью стоятъ литературныя достоинства его послѣднихъ произведеній. П. не поддается тому унылому настроенію, которымъ характеризуются произведенія другихъ писателей одного съ нимъ поколѣнія. Его герои бодро и ясно смотрятъ на жизнь, математически точно взвѣшивая всѣ шансы pro и contra своего жизненнаго успѣха. Самъ авторъ обнаруживаетъ юморъ иногда неподдѣльный, по большей же части искусственный. Въ послѣднихъ своихъ произведеніяхъ П. слѣдитъ за нарождающимися общественными теченіями, обнаруживая при этомъ поверхностность наблюденія, неизбѣжную при подобной плодовитости. П. пробовалъ свои силы и въ драматургіи; имъ написано нѣсколько театральныхъ пьесъ. Въ послѣдніе годы онъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ *Новаго Времени,* а потомъ *Россіи.*

Антонъ Павловичъ Чеховъ.

Ч., сынъ бывшаго крѣпостного крестьянина, родился (17 января 1860 г.) въ Таганрогѣ, получилъ образованіе въ таганрогской гимназіи и на медицинскомъ факультетѣ московскаго университета. Онъ писалъ мелкіе юмо-

И. Н. ПОТАПЕНКО.

АНТ. ПАВЛ. ЧЕХОВЪ.

ристическіе разсказы въ каррикатурныхъ журналахъ еще во времена студенчества. Часть этихъ разсказовъ вышла потомъ въ отдѣльномъ изданіи подъ псевдонимомъ Чехонте; нѣкоторые изъ вышедшихъ въ этомъ томѣ разсказовъ вмѣстѣ съ другими вышли потомъ подъ настоящимъ именемъ автора („Пестрые разсказы"); наконецъ, недавно первыя юмористическія вещицы автора собраны Марксомъ въ отдѣльной книгѣ, составляющей 1-й томъ полнаго собранія сочиненій Ч—ва. Уже эти разсказы обратили вниманіе читателей на автора. По окончаніи медицинскаго образованія Ч. отдался литературѣ; въ теченіе полутора десятка лѣтъ появились многочисленные разсказы, очерки и повѣсти, доставившіе ему обширную извѣстность и видное мѣсто въ русской литературѣ. Между разсказами перваго періода литературной дѣятельности Ч—ва и произведеніями второго существуетъ рѣзкая разница въ настроеніи: беззаботное, веселое и находящее въ жизни матеріалъ для смѣха, оно становится мрачнымъ и подавленнымъ во второмъ. Содержаніемъ большинства разсказовъ является человѣческая пошлость, которая въ первомъ періодѣ дѣятельности смѣшитъ писателя, а потомъ заставляетъ его страдать. Причины обоихъ настроеній кроются, однако, въ тѣхъ же самыхъ условіяхъ. И въ выборѣ темъ и въ отношеніи къ нимъ автора отразилось вліяніе того безвременья, когда началась сознательная жизнь Ч—ва. Усталость послѣ той интенсивной жизни, которою жило предыдущее поколѣніе, богатое общественными интересами и дѣятельнымъ стремленіемъ къ проведенію въ жизнь своихъ соціальныхъ идеаловъ, отразилась во времена зеленой молодости Ч—ва безпечнымъ отношеніемъ къ вопросамъ нравственности и справедливости, а во времена сравнительной зрѣлости таланта—подавленностью и уныніемъ. Большинство героевъ Ч—ва лишены того „огонька", который свѣтилъ бы имъ вдали и къ которому они могли бы стремиться. Изнывая въ жизненной пошлости, они поражаются въ человѣческихъ отношеніяхъ полной безсмысленностью всего совершающагося: безсмысленно дѣятельное стремленіе къ добру, потому что „черезъ 200 лѣтъ люди насъ не вспомнятъ" (слова Астрова въ „Дядѣ Ванѣ"); безсмысленно зло, потому что оно вредитъ однимъ, а другимъ не приноситъ никакой пользы („Въ оврагѣ"); безсмысленно равнодушіе, потому что его удѣлъ такъ же, какъ удѣлъ протестантовъ, сдѣлаться жертвой зла (участь д-ра въ „Палатѣ № 6"). Въ длинной серіи разсказовъ и очерковъ Ч—ва несчастны всѣ: и жертвы, и обидчики, и возстающіе противъ зла, и безразлично относящіеся къ нему. Апатія, болѣзненная раздражительность, неврастенія — таковы неизбѣжныя свойства большинства персонажей, которые, вмѣстѣ съ типичными особенностями своего класса и среды, сохраняютъ общія черты унынія и болѣзненнаго сознанія въ безсмысленности человѣческаго страданія. Черты унынія носитъ на себѣ и природа, описанная въ очеркѣ „Степь". Какъ въ этомъ очеркѣ, такъ и въ большинствѣ другихъ разсказовъ манера автора остается одинаковой: отрывочныя описанія, небольшія сцены быстро смѣняются, оставляя общее впечатлѣніе мучительнаго однообразія жизни, основанной на безысходности человѣческаго страданія.

Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ.

С., сынъ извѣстнаго историка (1853 г. † 31-го іюля 1900 г.), образованіе получилъ въ московскомъ университетѣ на филологическомъ факультетѣ; слушалъ также лекціи въ духовной академіи. Въ 1874 г. защищалъ при петербургскомъ университетѣ магистерскую диссертацію: „Кризисъ западной философіи противъ позитивистовъ"; въ 1875—77 гг. занималъ при московскомъ университетѣ каѳедру философіи. Въ началѣ 80-хъ годовъ С. читалъ лекціи на высшихъ женскихъ курсахъ въ Петербургѣ. Въ 1880 г. защищалъ докторскую диссертацію: „Критика отвлеченныхъ началъ". Въ 1881 г. послѣ одной публичной рѣчи онъ былъ принужденъ отказаться навсегда отъ профессорской дѣятельности и занимался съ тѣхъ поръ исключительно литературой и философіей. Въ 1899 г. онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ Академіи Наукъ по разряду изящной словесности. С. выступилъ въ 70-хъ годахъ какъ одинъ изъ представителей метафизической реакціи противъ матеріализма и позитивизма предыдущаго десятилѣтія. Его метафизическая система сложилась подъ вліяніемъ, съ одной стороны, системъ нѣмецкихъ идеалистовъ (особенно Гегеля и Шелинга), а съ другой стороны — ученія различныхъ богослововъ; отъ русскихъ метафизиковъ 40-хъ годовъ она отличается преобладаніемъ въ ней нравственнаго элемента. Нравственно-религіозный характеръ окрашиваетъ и историческое міровоззрѣніе С—ва. Во взглядахъ на исторію онъ очень близокъ къ славянофиламъ; расходясь съ послѣдними въ нѣкоторыхъ существенныхъ пунктахъ, напр., протестуя противъ культа общины, противъ крайностей національизма, С. соглашается съ ними, что „русскій народъ теократиченъ по призванію и по обязанности", что ему предназначена великая историческая миссія: своимъ историческимъ развитіемъ русскій народъ олицетворяетъ великій идеалъ могущественной государственной власти въ лицѣ русскаго царя; другой великій историческій идеалъ—идеалъ могущественнаго первосвященника осуществляется католическимъ Западомъ; гармоническое сочетаніе въ одно цѣлое этихъ двухъ идеаловъ должно завершить собою ходъ развитія человѣчества. Но С. извѣстенъ среди большой публики преимущественно не какъ метафизикъ-богословъ, а какъ публицистъ, защитникъ свободы вѣроисповѣданія, антинаціонализма. Въ сферѣ изящной словесности С. проявилъ свою дѣятельность какъ лирическій поэтъ, какъ новеллистъ, какъ литературный критикъ. Лирическія стихотворенія С—ва отличаются рефлективнымъ характеромъ, нѣкоторыя — символичностью и тщательною отдѣлкой формы. Въ критическихъ статьяхъ С. разбираетъ исключительно поэтовъ (статьи о Тютчевѣ, Ал. Толстомъ, Пушкинѣ), при чемъ разбираетъ ихъ не съ исторической, эволюціонной или соціальной точекъ зрѣнія, а съ точки зрѣнія ихъ абсолютнаго внутренняго содержанія: такъ, Ал. Толстой представляется борцомъ за какую-то отвлеченную общечеловѣческую красоту, а Тютчевъ—пѣвцомъ таинственныхъ темныхъ силъ, лежащихъ въ основѣ мірозданія.

ВЛАД. СОЛОВЬЕВЪ.

С. А. ВЕНГЕРОВЪ.

Семенъ Аѳанасьевичъ Венгеровъ.

В. родился 5-го апрѣля 1855 г. въ Лубнахъ. Поступивъ сначала въ медико-хирургическую академію, онъ перешелъ затѣмъ въ с.-петербургскій университетъ; въ 1879 г. получилъ степень кандидата правъ, въ 1880 г.—кандидата историко-филологическаго факультета и тогда же былъ оставленъ при с.-петербургскомъ университетѣ по каѳедрѣ русской литературы; съ 1897—99 г. читалъ лекціи въ с.-петербургскомъ университетѣ въ качествѣ приватъ-доцента. Въ 1875 г. издалъ книгу: „Русская литература въ ея современныхъ представителяхъ. И. С. Тургеневъ". Велъ одно время литературный фельетонъ въ *Новомъ Времени*, писалъ критическія статьи въ *Недѣлѣ* и *Русскомъ Мірѣ*, въ *Словѣ*, *Русской Мысли* и *Вѣстникѣ Европы*. Въ 1882 году редактировалъ журналъ *Устои*; съ 1886 г. составляетъ „Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ" (вышло 5 томовъ). Въ 1897 г. законченъ первый томъ издаваемаго подъ редакціей В—а собранія произведеній русскихъ поэтовъ съ историко-литературными примѣчаніями, подъ заглавіемъ „Русская поэзія". Съ 1900 г. подъ его редакціей выходитъ полное собраніе сочиненій Бѣлинскаго. В.—одинъ изъ наиболѣе видныхъ современныхъ историковъ литературы, библіографовъ и критиковъ. Его „Критико-библіографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ" представляетъ начало капитальнаго труда, отдѣльныя монографіи котораго написаны главнымъ образомъ самимъ редакторомъ. Какъ критикъ В. далекъ отъ публицистической манеры писанія, при которой разбираемый авторъ остается въ тѣни. В. стремится выдѣлить черты авторской индивидуальности; онъ цѣнитъ темпераментъ въ писателѣ, страсть, „горѣнье", объясняя неудачу или успѣхъ писателя отсутствіемъ или присутствіемъ „горѣнья", воодушевляющаго читателей. Отсутствіемъ темперамента объясняется неуспѣхъ, наприм., П. Д. Боборыкина, Анненкова и др. Наоборотъ, „великое сердце" дѣлаетъ безсмертнымъ Бѣлинскаго. В. признаетъ, что, „какъ ни высоко само по себѣ назначеніе искусства, но еще выше выясненіе цѣли и назначенія человѣческаго существованія, и если обстоятельства слагаются такъ, что только путемъ искусства въ общество могутъ проникнуть идеи правды, добра и разумной общественной организаціи, то пусть ужъ лучше пострадаетъ художественная красота, нежели останется въ пренебреженіи красота нравственная". Нѣкоторыя критическія статьи В—ва имѣютъ видъ защитительныхъ рѣчей противъ обвиненій, выставленныхъ критикой по адресу разбираемаго писателя (Боборыкинъ, Лажечниковъ). При этомъ В. не скрываетъ слабыхъ сторонъ защищаемаго писателя, добросовѣстно стараясь выдѣлить общія черты авторской индивидуальности. Большую цѣнность представляетъ предпринятое В—ымъ полное изданіе сочиненій Бѣлинскаго, гдѣ вмѣстѣ со статьями послѣдняго помѣщены извлеченія изъ статей тѣхъ авторовъ, которымъ приписывается вліяніе на великаго критика.

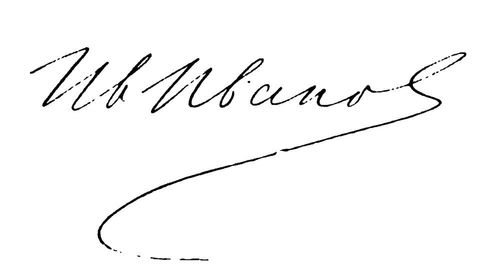
Дмитрій Николаевичъ Овсянико-Куликовскій.

О.-К. родился 23 января 1853 г. въ м. Каховкѣ, Таврической губ., въ дворянской помѣщичьей семьѣ. Учился въ симферопольской гимназіи и въ новороссійскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету. На литературное поприще выступилъ въ 1878 г., въ журналѣ *Слово* (статьи „Культурные піонеры", „Самоубійцы и Нирвана" и др.). Съ 1883 года начинается преподавательская дѣятельность Ов.-К—го при новороссійскомъ университетѣ по каѳедрѣ сравнительнаго языковѣдѣнія и санскрита. Къ этому времени относится изданіе двухъ ученыхъ трудовъ по религіи и миѳологіи индусовъ эпохи Ведъ. Въ 1887—1888 академическомъ году состоялъ профессоромъ въ казанскомъ университетѣ, а съ 1888 г. занимаетъ соотвѣтственную каѳедру въ харьковскомъ университетѣ. Литературная дѣятельность Ов.-К—го въ періодъ съ половины 80-хъ годовъ и до конца 90-хъ выразилась (кромѣ статей въ провинціальныхъ газетахъ) въ рядѣ литературно-критическихъ этюдовъ о Тургеневѣ и Толстомъ (въ *Сѣверномъ Вѣстникѣ* 1894—1896 гг.), о Гейне, Пушкинѣ, Гете (въ *Жизни* 1898—1899 гг.) и въ нѣкоторыхъ другихъ работахъ. Статьи эти были переизданы отдѣльными книгами подъ заглавіемъ „Этюды о творчествѣ И. С. Тургенева" и „Л. Н. Толстой, какъ художникъ". Отличительная особенность литературно-критическихъ работъ Ов.-К—го—это стремленіе обосновать критику произведеній писателей-художниковъ на изученіи самаго процесса творчества, на раскрытіи тѣхъ путей или пріемовъ художественнаго мышленія, которыми характеризуется дѣятельность даннаго писателя и которые вытекаютъ изъ особенностей его ума, таланта и самой натуры. Съ этой именно точки зрѣнія и предложено Ов.-К—мъ различеніе художниковъ *объективныхъ,* которыхъ творчество основано преимущественно на *наблюденіи* (Пушкинъ, Тургеневъ), съ одной стороны, и *субъективныхъ*, съ другой, которыхъ творчество основано преимущественно на *самонаблюденіи* (Л. Н. Толстой). Будучи принципіальнымъ противникомъ метафизической теоріи творчества, опирающейся на понятіи „красоты", Ов.-К—ій разсматриваетъ художественное творчество, какъ особый видъ мышленія, характеризующійся *индуктивнымъ* пошибомъ и психологически сродственный научному. Въ критическомъ изученіи писателей-художниковъ видное мѣсто занимаетъ то, что можно назвать „теоріей художественнаго познаванія" или изслѣдованіемъ методовъ, путемъ которыхъ поэты претворяютъ свои впечатлѣнія въ художественные образы. Подобно тому, какъ въ наукѣ различается *наблюденіе въ собственномъ* смыслѣ и *опытъ*, такъ и въ искусствѣ должно различать, съ одной стороны, образы, построенные на наблюденіи (или на самонаблюденіи) и воспроизводящіе дѣйствительность съ большею или меньшею полнотою; съ другой же—образы, основанные на искусственномъ подборѣ извѣстныхъ чертъ, что, по мнѣнію О.-К—аго, соотвѣтствуетъ *опыту* въ наукѣ.

ДМИТР. НИКОЛАЕВ.
ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКІЙ

Д. Овсянико-Куликовскій

Иванъ Ивановичъ Ивановъ.

И. родился 22 сент. 1862 г. въ городѣ Бѣломъ, Смоленской губ. Первоначальное образованіе получилъ подъ руководствомъ матери; учился въ бѣльскомъ уѣздномъ училищѣ, бѣльской прогимназіи и вяземской гимназіи. Въ 1882 г. поступилъ на историко-филол. факультетъ московскаго университета. По окончаніи курса въ послѣднемъ былъ оставленъ при каѳедрѣ всеобщей исторіи. На литературное поприще онъ выступилъ въ 1888 г. „историко-культурными“ статьями, напечатанными въ журн. *Россія*. Затѣмъ принималъ участіе въ *Артистѣ* (гдѣ велъ отдѣлъ театральной критики), въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, *Мірѣ Божіемъ, Русской Мысли*, *Сѣверномъ Вѣстникѣ* и проч. Съ 1893 г. началъ читать лекціи въ университетѣ по „культурной“ исторіи XVIII и XIX вв. (читалъ также лекціи на коллективныхъ и педагогическихъ курсахъ). Въ 1895 г. защитилъ магистерскую диссертацію „Политическая роль французскаго театра въ связи съ философіей XVIII вѣка“. Какъ литературный критикъ И. является апологетомъ субъективизма, очень далекаго однако отъ того субъективизма, представителемъ котораго является Н. Михайловскій: субъективизмъ И—ва не болѣе какъ апологія свободы личности, продиктованная исключительно непосредственнымъ чувствомъ, а не строго научными, соціологическими соображеніями. Это настроеніе, весьма характерное для эпохи конца 80-хъ и начала 90-хъ годовъ, есть своего рода возвращеніе къ романтическому субъективизму. Съ романтизмомъ И—ва роднитъ также его культъ общечеловѣческихъ идеаловъ, культъ художественнаго творчества, культъ стихійной политической свободы. Литературная программа И—ва является несомнѣнной реакціей противъ строго публицистической критики предшествовавшей эпохи. Изъ многочисленныхъ работъ И—ва, кромѣ вышеупомянутыхъ диссертацій, отмѣтимъ изданныя отдѣльными книгами: „Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ“ (1896), „Писемскій“ (1897), „Люди и факты западной культуры“, „Исторія русской критики“ (2 тома, 1898 и 1900), „Изъ западной культуры“, „Правда и поэзія міровой любви“ (В. Г. Короленко), біографіи Шекспира и Островскаго (въ серіи біографической библіотеки, изданной Павленковымъ).

Викторъ Александровичъ Гольцевъ.

Г. родился въ 1850 г., учился въ тульской гимназіи и въ московскомъ университетѣ. Въ 1879 г. былъ назначенъ доцентомъ новороссійскаго университета, по каѳедрѣ энциклопедіи права, въ 1881 г. — доцентомъ московскаго университета. Въ 1882 г. подалъ въ отставку. Сотрудничалъ во многихъ передовыхъ періодическихъ изданіяхъ. Съ 1885 г. принимаетъ участіе въ редактированіи *Русской Мысли*. Въ своихъ публицистическихъ статьяхъ онъ является убѣжденнымъ сторонникомъ гуманности и народнаго образованія. Въ качествѣ литературнаго критика и теоретика искусства Г. выступилъ

въ началѣ 80-хъ годовъ съ протестомъ, съ одной стороны, противъ отношенія писателей 50—60-хъ годовъ къ эстетикѣ и противъ исключительно историческаго направленія литературной критики—съ другой стороны. Крайнія нападки на изящное, имѣвшія мѣсто въ 50—60 годахъ, по мнѣнію Г—ва, „содѣйствовали усиленію въ русскомъ обществѣ грубости и пошлости". Историческая критика заблуждалась, игнорируя какъ психологическія основанія художественнаго творчества, такъ и тотъ фактъ, что „въ вѣчномъ развитіи человѣчества нѣкоторыя индивидуальныя способности не подлежатъ этому вѣчному развитію". Въ противоположность теоретикамъ 60-хъ годовъ Г. признаетъ великое благотворное значеніе „прекраснаго" и допускаетъ, вопреки ученію *реализма*, что „поэзія имѣетъ полное право не задаваться дидактическими цѣлями и изображать не однихъ только простыхъ людей и не одни только протесты". Другими словами, онъ признаетъ право на существованіе и за произведеніями объективнаго, чистаго искусства. Находясь такимъ образомъ въ оппозиціи съ предшествовавшей критикой, Г. усвоилъ тѣмъ не менѣе ея ученіе о значеніи общественнаго элемента для художественныхъ произведеній: „художественное произведеніе, при равныхъ другихъ условіяхъ, тѣмъ выше, чѣмъ болѣе общественныхъ элементовъ входитъ въ него".

Арсеній Ивановичъ Введенскій.

В. родился въ 1814 г., учился въ петербургскомъ университетѣ, служитъ въ государственномъ контролѣ; сотрудничалъ въ нѣсколькихъ періодическихъ изданіяхъ: въ *Русской Правдѣ*, *Русскихъ Вѣдомостяхъ, Вѣстн. Европы, Нов. Времени* и *Нивѣ*. Отдѣльно его критическія статьи вышли подъ названіемъ: „Общественное самосознаніе въ русской литературѣ". Въ нихъ разбираются произведенія корифеевъ русской литературы: Пушкина, Лермонтова, Грибоѣдова и др. Направленіе этихъ статей неопредѣленно-гуманное, безъ яснаго критическаго метода и ясныхъ общественныхъ взглядовъ.

Анатолій Ѳедоровичъ Кони.

К. родился 23 янв. 1844 г. въ Петербургѣ, образованіе получилъ въ учил. св. Анны, во 2-ой петербургской гимназіи, въ петербургскомъ унив. (естеств. факульт.) и московскомъ унив. (юридич. факульт.). По окончаніи курса на юридическомъ факул. онъ нѣкоторое время готовился къ ученой дѣятельности, но затѣмъ избралъ судебную карьеру; пройдя постепенно различныя должности по прокуратурѣ, онъ достигъ высшихъ судебныхъ постовъ въ судебныхъ палатахъ и въ сенатѣ. Въ 1900 г. онъ избранъ почетнымъ членомъ Академіи Наукъ по разряду изящной словесности. Криминалистъ по своей спеціальности, К. нѣсколько разъ дебютировалъ на поприщѣ литературной критики: „Достоевскій, какъ криминалистъ", „В. Одоевскій" (1893 г.),

ВИКТ. АЛЕКС.
ГОЛЬЦЕВЪ.

АРС. ИВАН.
ВВЕДЕНСКІЙ.

А. Кони.

А. ВОЛЫНСКІЙ.

„И. Горбуновъ“ (1898 г.), „Нравственный обликъ Пушкина“. Въ этихъ статьяхъ онъ оцѣниваетъ писателей постольку, поскольку ихъ дѣятельность отвѣчаетъ принципамъ законной прогрессивности, принципамъ филантропической нравственности и принципамъ уваженія къ человѣческой личности и къ душевной свободѣ. Пристрастіе къ бытовому элементу, вѣра въ „простого русскаго человѣка“, въ „русскій народъ“, симпатіи его къ „почвенникамъ“— освѣщаютъ другую сторону его міровоззрѣнія и позволяютъ установить генетическую связь между нимъ и почвенниками. Въ своихъ статьяхъ о Горбуновѣ и Одоевскомъ К.—отдаленный потомокъ молодой редакціи *Москвитянина*, но потомокъ, пошедшій „влѣво“, эмансипировавшійся подъ вліяніемъ вѣяній реформенной эпохи.

Акимъ Львовичъ Флексеръ (Волынскій).

В. родился въ 1864 г., учился въ житомірской гимназіи, оттуда поступилъ въ петербургскій университетъ на юридическій факультетъ. На литературное поприще выступилъ еще будучи гимназистомъ, принявъ участіе въ русско-еврейскихъ органахъ *Разсвѣтъ*, *Русск. Еврей*, *Восходъ*. Къ университетскимъ годамъ относится его первая большая работа „Теологико-политическое ученіе Спинозы“. По окончаніи университетскаго курса сотрудничалъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Затѣмъ В. перешелъ въ *Сѣверный Вѣстникъ*, сдѣлался его ближайшимъ сотрудникомъ и содѣйствовалъ перемѣнѣ направленія журнала въ сторону увлеченія эстетическими тенденціями. Въ 1896 г. критическія статьи В—аго были изданы отдѣльной книгой „Русскіе критики“, въ 1899 г. вышла его книга „Борьба за идеализмъ“, въ 1900 г.—„Леонардо да-Винчи“. В. заявляетъ себя сторонникомъ философскаго метода въ литературной критикѣ, сторонникомъ „идеализма въ его чисто евангельскомъ выраженіи, безъ малѣйшаго оттѣнка какой бы то ни было догматики“. Этотъ „философскій идеализмъ“, исходя изъ отрицанія раціонализма, позитивизма и матеріализма, сводится, главнымъ образомъ, къ анализу высшихъ духовныхъ, *религіозныхъ*, на половину *безсознательныхъ* психическихъ явленій. Признавая недостаточнымъ раціоналистическое объясненіе художественныхъ произведеній, потому что, по его убѣжденію, „все русское искусство является продуктомъ безсознательнаго творчества“, В. рѣзко нападаетъ на критику 60-хъ и 70-хъ годовъ, какъ на явленіе, страдающее узкимъ догматизмомъ. Съ особенной непріязнью онъ относится къ Чернышевскому. Отъ консерваторовъ В—аго отдѣляетъ отсутствіе націоналистической вражды. Съ другой стороны, „борьба за идеализмъ“ заставляетъ его протестовать противъ „матеріалистическаго“, „языческаго“, „греческаго“ пониманія жизни, которое составляетъ profession de foi многихъ декадентовъ и символистовъ.

Николай Максимовичъ Виленкинъ (Минскій).

В. родился въ 1855 г. въ м. Глубокомъ, Виленской губ., образованіе получилъ въ минской гимназіи и с.-петербургскомъ университетѣ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1879 г. по юридическому факультету. Начавъ свою поэтическую карьеру воспѣваніемъ общественныхъ идеаловъ своей эпохи, В. скоро однако измѣнилъ строй своей лиры, сбросивъ, какъ онъ выражается въ одномъ стихотвореніи, „цѣпи“ общественности и рѣшивъ, что „на вѣсахъ судьбы“ красота вѣситъ больше, чѣмъ „добро и честь и долгъ“. Въ послѣднее время поэтъ принадлежалъ къ тому литературному кружку, который группировался около журнала *Сѣверный Вѣстникъ*, старавшагося открыть русскому обществу далекія перспективы „новой красоты“. Въ первыхъ произведеніяхъ В—а, изъ которыхъ лучшими остаются „Бѣлыя ночи“, „Пѣснь о родинѣ“, „Засуха“ и др., звучали нотки призыва къ высокому общественному служенію; теперь поэтъ ищетъ тонкихъ, неуловимыхъ нюансовъ въ индивидуальномъ настроеніи эстетически чуткаго и „дерзновенно смѣлаго“ человѣка. Стихъ В—на силенъ, выраженія отличаются образностью. Своей поэтической дѣятельности В. стремится придать философскій характеръ, нерѣдко трактуя объ основныхъ вопросахъ жизни и придавая своимъ разсужденіямъ возвышенную форму. Такою же искусственно философскою туманностью отмѣчается прозаическая трагедія „Альма“, форма которой заимствована у Ибсена и Меттерлинка. В. перевелъ „Иліаду“. Перу В—на принадлежитъ также прозаическое сочиненіе „При свѣтѣ совѣсти“, книга, въ которой онъ пытался обосновать свои разнообразныя психическія настроенія и примирить идейныя противорѣчія своей поэзіи.

Константинъ Михайловичъ Фофановъ.

Ф. родился въ Петербургѣ 18 мая 1862 года въ купеческой семьѣ, образованіе получилъ въ частныхъ пансіонахъ. Дебютировалъ въ литературѣ въ 1881 году стихотвореніемъ, появившимся безъ полной подписи автора. Съ 1882 г. онъ уже сталъ печататься за собственною подписью и съ тѣхъ поръ посвятилъ себя исключительно литературной дѣятельности. Сборники стихотвореній Ф—ва вышли въ 1887 г. и въ 1889 г. Изъ числа представителей новѣйшей поэзіи, не признающей гражданскихъ и соціальныхъ мотивовъ, Ф. выдѣляется своею оригинальностью. Въ то время, какъ нѣкоторые изъ современныхъ поэтовъ находятся подъ сильнымъ вліяніемъ западноевропейской литературы, Ф. еще въ срединѣ 80-хъ годовъ выступилъ самобытнымъ психологомъ исключительныхъ, глубоко субъективныхъ настроеній, вызванныхъ сознаніемъ собственнаго *безсилія*, сознаніемъ своего душевнаго *паденія*, страхомъ и тоскою за будущее, сожалѣніемъ о прошломъ, муками раскаянія и отчаянія и т. д. Эти настроенія разрѣшаются у поэта стремленіемъ къ нирваническому покою „иного“, не здѣшняго, райскаго „міра“. Подобные мотивы характеризуютъ поэзію Ф—ва, какъ поэзію, отражающую болѣзненныя крайности субъективизма 80-хъ годовъ.

Н. Минскій.

К. Фофановъ

ДМ. СЕРГ.
МЕРЕЖКОВСКІЙ.

КОНСТ. ДМ.
БАЛЬМОНТЪ.

Дмитрій Сергѣевичъ Мережковскій.

М. родился въ 1866 г. въ семьѣ чиновника дворцоваго вѣдомства. Еще будучи студентомъ историко-филологическаго факультета петербургскаго университета, М. помѣщалъ свои стихотворенія въ журналахъ. Въ 1888 г. появляется первый сборникъ его стихотвореній; затѣмъ слѣдуютъ сборники: „Символы" (1892 г.) и „Новыя стихотворенія". Съ начала 90-хъ годовъ М. занялся переводами съ греческаго языка: перевелъ нѣсколько трагедій Эсхила, Софокла и Еврипида и пастораль „Дафнисъ и Хлоя". Въ то же время М. писалъ критическія статьи, собранныя потомъ въ книгѣ „Вѣчные спутники". Въ 1896 г. онъ издалъ книгу „О причинахъ упадка современной русской литературы". Со средины 90-хъ годовъ М. выступаетъ также въ качествѣ романиста (романы: „Отверженный" „Воскресшіе боги"); кромѣ того имъ написана повѣсть „Микель-Анджело". Въ произведеніяхъ М—аго поэзія „общечеловѣческихъ" стремленій и „вѣчныхъ" общечеловѣческихъ идеаловъ, которая въ 80-хъ годахъ смѣнила собою гражданскую и народническую поэзію, переживаетъ крупную эволюцію: отдавши нѣкоторую дань мотивамъ, вдохновлявшимъ Надсона и Андреевскаго, М. затѣмъ рѣшительно устраняетъ изъ поэтическаго обихода соціально-гражданскіе элементы и ограничивается исключительно сферой чисто субъективныхъ мотивовъ и эстетическихъ эмоцій. М. протестуетъ противъ буржуазной культуры, противъ „суетной и кочевой" жизни „безобразныхъ гигантскихъ городовъ". Чувствуя себя совершенно чуждымъ этой культурѣ, М. проповѣдуетъ глубокую ненависть къ буржуазной толпѣ и, въ качествѣ положительнаго идеала, выставляетъ идеалъ самодовлѣющей, цѣльной человѣческой личности, стоящей по ту сторону добра и зла, другими словами—выставляетъ идеалъ „сверхчеловѣка" Ницше. Помимо проповѣди подобнаго субъективизма, для міросозерцанія М—аго характерна его апологія натурализма, одухотвореннаго мистицизмомъ, реализма, одухотвореннаго идеализмомъ, эллинскаго начала, наполненнаго началомъ христіанскимъ. Въ своихъ прозаическихъ произведеніяхъ М. постоянно старается прослѣдить на тѣхъ или другихъ эпохахъ, на тѣхъ или другихъ литературныхъ феноменахъ борьбу этихъ двухъ началъ, борьбу „Голгоѳы" съ „Олимпомъ".

Константинъ Дмитріевичъ Бальмонтъ.

Б. родился 3 іюня 1867 г. въ имѣніи своего отца, въ деревнѣ Гумнищи, Шуйскаго уѣзда, Владимірской губ. Отецъ его былъ земскій дѣятель. Дѣтство до 10 лѣтъ Б. провелъ въ деревнѣ, затѣмъ поступилъ въ шуйскую классическую гимназію. Изъ 7-го класса гимназіи Б. былъ исключенъ по обвиненію въ политическомъ преступленіи; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ему было позволено продолжать ученіе во владимірской гимназіи. Въ 1886 г. Б. поступилъ въ московскій университетъ на юридическій факультетъ. Въ слѣдующемъ году, во время студенческихъ безпорядковъ, онъ былъ арестованъ, высланъ на родину, но черезъ годъ снова принятъ. Сильное нервное разстройство заставило его бросить университетскія занятія. Вскорѣ Б. поступаетъ въ ярославскій лицей, опять заболѣваетъ и навсегда бросаетъ университетскую науку. Стихи Б. началъ писать съ девятилѣтняго возраста. Первыя стихотворенія были напечатаны въ *Живописномъ Обозрѣніи*. Въ 1890 г. онъ издалъ полный сборникъ оригинальныхъ стихотвореній; затѣмъ слѣдовали сборники: „Подъ сѣвернымъ небомъ“, „Въ безбрежности“, „Тишина“, „Горящія зданія“, переводы изъ Шелли, Гофмана, Ибсена, Эдгара По, Гете, Марло, Гауптмана и др. Какъ лирическій поэтъ, Б., въ первыхъ двухъ своихъ сборникахъ, явился поэтомъ общеромантическаго направленія, поэтомъ разочарованнаго индивидуализма, романтическаго культа любви, романтическаго протеста противъ буржуазной среды, романтическихъ религіозныхъ порывовъ. Въ дальнѣйшихъ сборникахъ онъ подпадаетъ вліянію Бодлера и французскихъ символистовъ, становится пѣвцомъ полутѣней, призраковъ, неясныхъ шороховъ, едва уловимыхъ душевныхъ настроеній съ одной стороны, пѣвцомъ болотъ, гадовъ, могильныхъ цвѣтовъ, кошмаровъ—съ другой стороны. Какъ выразитель пассивныхъ, неясныхъ, вѣчно колеблющихся настроеній, Б. не имѣетъ себѣ соперниковъ среди современныхъ русскихъ поэтовъ; немногіе изъ нихъ могутъ поспорить съ нимъ граціей и музыкальностью стиха. Изъ переводовъ особенно хороши переводы изъ Шелли.

З ГИППІУСЪ.

Любовь Яковлевна Гуревичъ.

Г. родилась въ Петербургѣ (20 октября 1864 г.), училась въ гимназіи кн. Оболенской и окончила словесное отдѣленіе высшихъ женскихъ курсовъ. Въ 1889 г. выпустила въ свѣтъ отдѣльной книгой свой переводъ съ латинскаго „Переписка Б. Спинозы". Въ 1891 г. сдѣлалась издательницей журнала *Сѣверный Вѣстникъ*, прекратившаго свое существованіе въ 1898 г. Написала разсказы: „Шурочка", „Порученіе", „Тоска", „Странная исторія" и романъ „Плоскогорье". Руководительница журнала, бывшаго главнымъ органомъ символистовъ, ницшеанцевъ и эстетовъ, Г. усвоила себѣ нѣкоторые взгляды модныхъ эстетически-отвлеченныхъ теорій. Но, несмотря на это, она является зоркой наблюдательницей современной русской жизни. Въ беллетристическомъ произведеніи „Плоскогорье" она описала „трагедію ничтожныхъ людей", трагедію интеллигентовъ эпохи безвременья (конца 80-хъ годовъ). Дѣйствующія лица романа не мирятся съ „мѣщанской грошевой обезпеченностью" и съ пустотой аристократической жизни; они мечтаютъ о „высшемъ смыслѣ" бытія, но не могутъ возвыситься до героизма, ощущая душевную пустоту. Это все неудачники, раздраженные, больные, гибнущіе въ мелкой эгоистической борьбѣ.

Зинаида Николаевна Мережковская (Гиппіусъ).

М. (родилась въ 1867 г.) происходитъ изъ шведской семьи. На литературное поприще выступила въ началѣ 90-хъ годовъ; сотрудничала во многихъ журналахъ (начиная съ *Вѣстника Европы* и кончая *Сѣвернымъ Вѣстникомъ*). Въ 1896 г. она выпустила первый сборникъ разсказовъ и стихотвореній „Новые люди", въ 1898 г.—второй сборникъ „Зеркала". Г.—самая яркая представительница декадентско-символической новеллы въ Россіи. Въ своихъ наиболѣе характерныхъ произведеніяхъ („Зеркала", „Луна") она по преимуществу передаетъ мотивы и настроенія бельгійскаго поэта Роденбаха, подражая послѣднему даже въ мелочахъ. Какъ у Роденбаха, такъ и у Гиппіусъ, мы встрѣчаемъ своеобразный аристократическій культъ „одиночества", доходящій до обожанія *одинокой воды въ каналахъ*, одинокой луны, всего замкнутаго и всего *молчащаго*; вслѣдъ за Роденбахомъ ея герои постоянно жалуются на „боль оскорбленій", вызываемую малѣйшимъ столкновеніемъ съ буржуазной толпой, постоянно жаждутъ абсолютной Нирваны, исповѣдываютъ мистическую философію „отраженій". Временами, особенно въ своихъ стихотвореніяхъ, Г. провозглашаетъ ницшеанскую мораль эгоизма. Вообще ея повѣсти посвящены разрѣшенію вопросовъ индивидуальнаго счастья; соціальные вопросы игнорируются Г., несмотря на то, что она зачастую выбираетъ своихъ героевъ изъ обездоленныхъ классовъ; замѣчательно, что ея герои никогда не страдаютъ отъ неудовлетворительности своего экономическаго положенія. Болѣе самостоятельна Г. въ описаніи быта домовой прислуги.

М. Лохвицкая

МИРРА АЛЕКСАНДРОВНА ЛОХВИЦКАЯ.

Л., дочь криминалиста А. В. Лохвицкаго, родилась въ Петербургѣ, окончила курсъ въ московскомъ Александровскомъ институтѣ. Первыя стихотворенія относятся къ 1887 году; съ 1889 года Л. состояла сотрудницей журнала *Сѣверъ*, помѣщая свои стихотворенія также въ *Живописномъ Обозрѣніи*, *Художникѣ*, *Наблюдателѣ*, *Всемірной Иллюстраціи*, *Сѣв. Вѣстникѣ*, *Недѣлѣ* и др. изданіяхъ. Въ 1896 г. вышелъ первый сборникъ стихотвореній Л—ой, удостоенный пушкинской преміи; за нимъ послѣдовали второй и третій. Большая часть красиво написанныхъ стихотвореній Л — ой носитъ яркій эротическій характеръ; почти вездѣ выражается жажда „знойныхъ наслажденій во тьмѣ потушенныхъ свѣчей“ и слышатся призывы къ „возлюбленному“.

Викторъ Петровичъ Буренинъ.

Б., сынъ художника, родился въ 1841 г. въ Москвѣ, воспитывался въ московскомъ Дворцовомъ Архитектурномъ училищѣ. Еще будучи ученикомъ этого училища, писалъ шуточныя стихотворенія, а по окончаніи курса сталъ сотрудничать въ юмористическомъ журналѣ *Искра* и въ приложеніи къ *Современнику — Свисткѣ*; занимался кромѣ того переводомъ иностранныхъ поэтовъ: Барбье, Томаса Гуда, Альфреда де-Виньи, Байрона, Гюго, Мюссе и т. п. Эти переводы такъ же, какъ оригинальныя произведенія, какъ сатиры и пародіи помѣщались въ 60-хъ и въ началѣ 70-хъ годовъ, кромѣ упомянутыхъ журналовъ, еще въ *Вѣстникѣ Европы*, въ *Отечественныхъ Запискахъ* и въ нѣкоторыхъ другихъ изданіяхъ. Въ качествѣ критика Б. выступилъ въ *Петербургскихъ Вѣд.*, гдѣ помѣщалъ фельетоны въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, но къ концу семидесятыхъ годовъ перенесъ дѣятельность въ *Новое Время*, гдѣ продолжаетъ сотрудничать и до сихъ поръ. Литературная дѣятельность Б—на объемлетъ такимъ образомъ и поэзію и критику, но рѣзкой границы между этими двумя родами дѣятельности у него нѣтъ: и въ стихотвореніяхъ Б—на всего болѣе замѣтны пародіи, и въ критическихъ статьяхъ пародія въ стихахъ или въ прозѣ является наиболѣе любимымъ его оружіемъ. Въ первый періодъ дѣятельности Б—на его насмѣшка направлялась на такія явленія, какъ милитаризмъ („Графъ Шенгаузенскій“, „Прусская каска“, „Торжество побѣдителей“), на педагогическое мракобѣсіе такъ называемыхъ охранителей („Педефилъ и Педемахъ“) и т. п. Но долголѣтняя критическая дѣятельность его въ *Новомъ Времени* характеризуется главнымъ образомъ нападками на нерусское происхожденіе разбираемыхъ писателей, высмѣиваніемъ этого происхожденія, намеками на ихъ частную жизнь (см., напр., долгія преслѣдованія Б—нинымъ умирающаго Надсона) и тому подобными пріемами.

І. І. ЯСИНСКІЙ.

Іеронимъ Іеронимовичъ Ясинскій (Максимъ Бѣлинскій).

Харьковецъ по рожденію, Я. (18 апр. 1850 г.) получилъ образованіе въ черниговской гимназіи, по окончаніи которой поступилъ на естественный факультетъ кіевскаго университета, но курса не кончилъ и съ 1870 г. всецѣло отдался литературѣ. Первый разсказъ въ *Словѣ* „На чистоту", подписанный псевдонимомъ „Максимъ Бѣлинскій", привлекъ къ автору общее вниманіе (за этотъ разсказъ журналъ получилъ предостереженіе). Слѣдующія произведенія (напр., помѣщенная въ *Отечест. Запискахъ* повѣсть „Божья искра") касались движенія, которое въ то время интересовало всѣхъ. Въ общемъ эти произведенія отвѣчали альтруистическимъ тенденціямъ тогдашней молодежи. Но вскорѣ творчество Я—аго приняло другое направленіе. Избравши образцомъ натуралистическій французскій романъ, Я. заимствовалъ у французскихъ натуралистовъ самыя дурныя стороны ихъ творчества: склонность къ описанію чувственныхъ сценъ и протоколизмъ въ изображеніи. Подражательный объективизмъ Я—аго однако далеко не всегда выдержанъ и въ описаніяхъ нерѣдко проявляется раздраженіе автора противъ тѣхъ направленій и идей, которымъ онъ выражалъ сочувствіе въ прежнихъ произведеніяхъ. Я. отличается большой плодовитостью; романы и повѣсти второго періода его дѣятельности помѣщались въ *Наблюдателѣ*, *Русскомъ Вѣстникѣ*, *Сѣверномъ Вѣстникѣ* (послѣд. редакціи). Въ послѣдніе годы Я. редактируетъ *Биржевыя Вѣд.* и журналъ *Ежемѣсячныя Сочиненія*.

Иванъ Леонтьевичъ Леонтьевъ (Ив. Щегловъ).

Л. родился 6 января 1855 г. въ Петербургѣ, учился въ военной гимназіи и въ военномъ Павловскомъ училищѣ. Произведенный въ 1874 году въ офицеры, Л. служилъ въ 1877 году въ кавказской дѣйствующей арміи, гдѣ ему пришлось участвовать въ двухъ сраженіяхъ. Въ 1883 году онъ вышелъ въ отставку и съ тѣхъ поръ отдался исключительно литературной работѣ. Первое произведеніе Л—ва („Первое сраженіе"), появившееся въ 1881 году, было навѣяно впечатлѣніями, полученными въ кавказской арміи; и по темѣ и по разработкѣ оно заинтересовало критику и читателей. Послѣдующія произведенія носили совершенно иной характеръ. Нѣкоторыя изъ нихъ затрогивали психологическія темы, изображая страданія человѣка среди низкаго, не понимающаго его общества; при этомъ самъ выдающійся изъ среды человѣкъ,

несмотря на симпатіи автора, оказывался настолько духовно ограниченнымъ, а окружающіе его люди изображались такими грубо карикатурными чертами, что ни психологическаго ни бытового интереса эти произведенія представить не могли („Гордіевъ узелъ“, „Убыль души“ и др.). Вообще склонность къ карикатурѣ является основной чертой многихъ повѣстей, очерковъ и драматическихъ произведеній Л—ва („Дачный мужъ“, „Въ горахъ Кавказа“, „Около истины“, „Господа театралы“ и т. д.). Нѣкоторыя изъ этихъ произведеній, какъ говоритъ самъ авторъ въ предисловіи къ повѣсти „Около истины“, возбудили со стороны критики обвиненіе автора „въ личности, въ ренегатствѣ, въ доносѣ“. Л—вымъ написано въ теченіе двадцатилѣтней литературной дѣятельности около сотни разсказовъ, повѣстей и очерковъ, до тридцати театральныхъ пьесъ, книга о народномъ театрѣ и нѣсколько литературныхъ характеристикъ.

Князь Дмитрій Петровичъ Голицынъ (Муравлинъ).

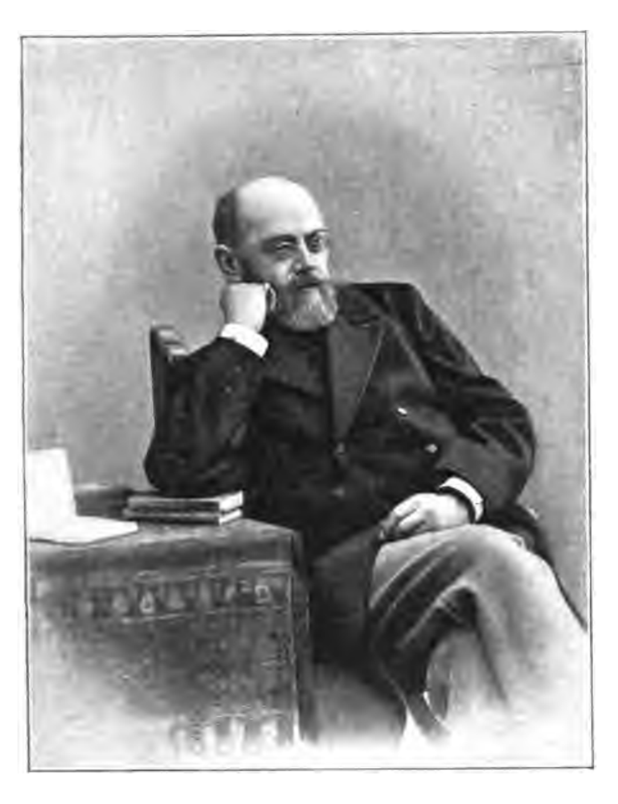
Кн. Г. родился 6 декабря 1860 г. въ Висбаденѣ, воспитывался въ Александровскомъ лицеѣ, по окончаніи курса въ которомъ поступилъ на государственную службу. Въ настоящее время состоитъ помощникомъ статсъ-секретаря государственнаго совѣта. Въ своихъ многочисленныхъ романахъ, повѣстяхъ и драматическихъ произведеніяхъ кн. Г. изображаетъ кругъ мелкихъ и крупныхъ столичныхъ чиновниковъ, разорившихся аристократовъ, причемъ изображенія эти имѣютъ въ виду не столько бытовую сторону, сколько душевныя движенія дѣйствующихъ лицъ. Такъ, въ романѣ „Мракъ“, персонажи котораго принадлежатъ къ мелкому и отчасти къ крупному чиновничеству, описывается низость однихъ дѣйствующихъ лицъ, пошлость другихъ и бездѣлье третьихъ; въ романѣ „Рубли“ проводится не совсѣмъ новый тезисъ о силѣ денегъ, которыя губятъ однихъ, возвышаютъ другихъ, дѣлаютъ подлецами третьихъ. Въ повѣсти „Князья“ разсказывается о безполезномъ самопожертвованіи и о торжествѣ пошлости надъ благородствомъ. Характеры не отличаются сложностью; среди дѣйствующихъ лицъ не мало попадается злодѣевъ, сумасшедшихъ („Мракъ“); нерѣдко темой для разсказа является адюльтеръ („Женихъ“, „Недоразумѣніе“, „Золотая рыбка“ и др.).

Иванъ Щегловъ

Кн. Д. Голицынъ-Муравлинъ

К. Случевскій

КОНСТАНТ. КОНСТАНТИНОВ. СЛУЧЕВСКІЙ.

С. родился 26 іюля 1837 г. въ Петербургѣ, образованіе получилъ въ 1-мъ С.-Петербургскомъ кадетскомъ корпусѣ. Въ началѣ 60-хъ годовъ онъ отправился за границу, гдѣ изучалъ философію (Гейдельбергскимъ университетомъ былъ удостоенъ званія доктора философіи). По возвращеніи въ Россію поступилъ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Съ 1891 г. состоитъ редакторомъ *Правительственнаго Вѣстника.* С. выступилъ на литературное поприще въ концѣ 50-хъ годовъ. Въ своихъ критическихъ статьяхъ, нападающихъ на Прудона, Чернышевскаго и Плещеева (1866—68 гг.), онъ негодуетъ на „небрежность, валкость, несостоятельность“ русскаго развитія, называетъ передовые элементы современнаго ему общества „чахлой, болѣзненной, колючей порослью“, осуждаетъ „шестидесятниковъ“ за „нравственное юродство“, за непочтительное отношеніе къ традиціямъ прошлаго, за увлеченіе естественными науками, за неумѣнье сочетать выводы этихъ наукъ съ нравственностью, за отрицательное отношеніе къ эстетикѣ. Въ своихъ стихотвореніяхъ С. старается тщательно сглаживать всѣ противорѣчія общественной жизни и борьбы за существованіе, рисуетъ идиллію крестьянскаго труда, вдохновляется патріотическими настроеніями („Видѣніе подъ Плевной“); не чужды ему также и любовные мотивы („Принесите изъ ближнихъ садовъ“ и др.).

АЛЕКС. АНТ. ПОТѢХИНЪ.

Алексѣй Антиповичъ Потѣхинъ *).

П. родился (1 іюля 1829 года) въ Кинешмѣ; получилъ образованіе въ Демидовскомъ лицеѣ; по окончаніи курса поступилъ въ военную службу, но вскорѣ вышелъ въ отставку. Одно время служилъ при петербургскихъ Императорскихъ театрахъ завѣдующимъ репертуарной частью. На литературное поприще выступилъ въ *Современникѣ* 1852 г. сценами изъ провинціальнаго быта. Съ тѣхъ поръ онъ писалъ въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ романы, повѣсти, комедіи и драмы изъ народнаго, чиновничьяго, старопомѣщичьяго и мелко-купеческаго быта. Въ 1900 г. П. избранъ почетнымъ членомъ Академіи Наукъ по разряду изящной словесности. Многія изъ произведеній П—на имѣли въ свое время большой успѣхъ; особенной извѣстностью пользуются его пьесы изъ народнаго быта. Одна изъ первыхъ комедій П—на „Мишура" долгое время не появлялась на сценѣ вслѣдствіе лежавшаго на ней цензурнаго запрещенія. Въ этой комедіи П. выводилъ типъ негодяя-чиновника, считающаго себя безукоризненно честнымъ только потому, что онъ не беретъ взятокъ. Недостатокъ *смѣха*, указанный еще Добролюбовымъ, въ этой комедіи, остался навсегда свойствомъ комедій и повѣстей П—на. Вслѣдствіе этого авторъ часто драматизируетъ то, что требуетъ осмѣянія; отъ этого-то зависитъ нерѣдко грубоватость сценъ, характеровъ и цѣлыхъ произведеній. Въ повѣстяхъ, романахъ и пьесахъ изъ народнаго быта П. нерѣдко указываетъ развращающее вліяніе города и фабрики на деревню, выражая симпатіи къ семейственной и строго-нравственной крестьянской жизни. Изъ комедій и драмъ, написанныхъ П—ымъ, укажемъ еще: „Отрѣзанный ломоть", „Чужое добро въ прокъ не идетъ", „Судъ людской—не Божій" и др.

Петръ Петровичъ Гнѣдичъ.

Г., сынъ инженера путей сообщенія, родился въ 1855 г. въ Петербургѣ, учился въ петербургской гимназіи и въ академіи художествъ, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1879 году. Беллетристическая дѣятельность Г—ча началась съ 1877 года, когда онъ, будучи студентомъ академіи, сталъ помѣщать свои повѣсти и разсказы въ періодическихъ изданіяхъ. Въ теченіе 23-лѣтней литературной дѣятельности Г. участвовалъ въ *Недѣлѣ, Сѣверномъ Вѣстникѣ, Русскомъ*

*) Вслѣдствіе чисто техническихъ затрудненій біографія и портретъ П—на помѣщаются не тамъ, гдѣ это первоначально предполагалось.

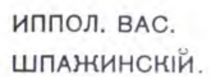
Вѣстникѣ, Артистѣ, Нивѣ, Новомъ Времени и другихъ журналахъ и газетахъ. Въ 1881 г. написалъ комедію „На хуторахъ" и съ тѣхъ поръ сталъ много писать для сцены. Издалъ въ 1885 г. „Исторію искусства съ древнѣйшихъ временъ"; въ 1896 г. вышло новое значительно распространенное изданіе того же труда. Въ 1888—1889 г. Г. редактировалъ журналъ *Сѣверъ*, въ 1890 г. основалъ „Иллюстрированный ежегодникъ Импер. театровъ", перешедшій потомъ въ собственность министерства двора. Кромѣ нѣсколькихъ сборниковъ, разсказовъ и повѣстей отдѣльно изданы романы: „Китайскія тѣни", „Ноша міра сего", „Туманы". Въ наиболѣе крупныхъ по размѣрамъ произведеніяхъ Г—ча интрига вертится около поисковъ героини за жизненной цѣлью, стоящей внѣ шаблонныхъ путей (Катя въ романѣ „Китайскія тѣни", жена профессора въ романѣ „Туманы", героиня пьесы „Завѣщаніе" и др.). Попутно и болѣе или менѣе безсистемно изображаются отдѣльныя, въ большинствѣ случаевъ уродливыя, явленія столичной жизни, независимо отъ того, насколько они характерны для послѣдней: спиритизмъ, оккультизмъ, крикливыя рекламы періодическихъ изданій, пріобрѣтенныхъ непричастными къ литературѣ лицами, вздорные проекты вздорныхъ людей, попытки благодѣтельствовать народъ нелѣпымъ подборомъ книжекъ, ученая сухость профессоровъ, глупыя сцены на похоронахъ извѣстнаго писателя и т. д. Все это имѣетъ видъ слабо связанныхъ между собой общей расплывчатой фабулой репортерскихъ отмѣтокъ.

Ипполитъ Васильевичъ Шпажинскій.

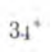
Ш. происходитъ изъ дворянъ Воронежской губ., учился въ воронежск. кадетскомъ корпусѣ и въ москов. Александровскомъ военномъ училищѣ; служилъ нѣкоторое время офицеромъ. На литературное поприще выступилъ въ 1876 г. съ драмою „Вопросъ жизни", поставленной на сценѣ моск. Артистическаго кружка. Затѣмъ послѣдовали многочисленныя комедіи и драмы, изъ которыхъ наибольшимъ успѣхомъ пользовались: „Маіорша", „Фофанъ", „Кручина", „Въ старые годы", „Темная сила", „Двѣ судьбы" и др. Въ большинствѣ пьесъ авторъ разбираетъ психологическія темы: пробужденіе ненависти въ покинутой женщинѣ и благодѣтельное вліяніе истинной любви („Въ старые годы"), мученіе невольнаго преступника („Предѣлъ"), фатальное значеніе фатальнаго характера („Темная сила") и т. п. На ряду съ этимъ Ш. нерѣдко стремится изобразить и среду, въ которой развиваются данные характеры: дореформенную помѣщичью жизнь („Въ старые годы"), жизнь современной городской бѣдноты и нравы благотворительныхъ круговъ („Двѣ судьбы") и т. п.

П. Гнѣдичъ

ИППОЛ. ВАС.
ШПАЖИНСКІЙ.

ПЕТРЪ МИХ.
НЕВѢЖИНЪ.

ВИКТ. АЛЕКС.
КРЫЛОВЪ.

Петръ Михайловичъ Невѣжинъ.

Н. родился 27 іюля 1841 г. въ Смоленскѣ, въ дворянской семьѣ; учился въ московскомъ кадетскомъ корпусѣ. Впервыэ выступилъ въ печати въ 1881 г. въ *Русскомъ Вѣстникѣ* съ очеркомъ изъ военнаго быта „Въ отдѣлѣ". Съ тѣхъ поръ Н. писалъ беллетристическія произведенія (романы: „Страховая премія", „Знаменитость", „Приманка", „Озлобленные"; повѣсти: „Лучшій исходъ", „Промчавшаяся невзгода" и др.), общественные фельетоны, корреспонденціи, но всего болѣе посвящалъ времени драматургіи. Драматическія произведенія его стали появляться также съ 1881 г., многія изъ нихъ ставились на казенной и частныхъ сценахъ („На зыбкой почвѣ", „Старое по новому", „Друзья дѣтства", „Бѣдокурка", „Компаньоны", „Сестра Нина" и др.). Наибольшимъ успѣхомъ пользовалась пьеса „Вторая молодость". Какъ драматургъ, Н. занимается главнымъ образомъ разборомъ психологическихъ темъ; его интересуютъ, напр., пробужденіе любви въ начинавшемъ старѣть сердцѣ, душевная драма, переживаемая человѣкомъ, считавшимъ себя выше „людского суда" и внезапно открывшимъ слабыя стороны своего поведенія („Непогрѣшимый"), угрызенія совѣсти въ невольномъ убійцѣ („Выше судьбы") и другіе моменты душевной жизни.

Викторъ Александровичъ Крыловъ.

К. родился въ Москвѣ (29 января 1838 г.) въ семьѣ стряпчаго, происходившаго изъ духовнаго званія; учился сначала въ одной изъ московскихъ гимназій, а потомъ въ петербургскомъ инженерномъ училищѣ и въ инженерной академіи. По окончаніи курса въ послѣдней служилъ нѣкоторое время преподавателемъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, затѣмъ отдался литературѣ. Въ современной русской драматургіи К. занимаетъ видное мѣсто, какъ создатель очень большого количества пьесъ съ заимствованнымъ сюжетомъ, пьесъ, передѣланныхъ изъ иностранныхъ, а иногда и русскихъ образцовъ, приспособленныхъ для сцены. Ему принадлежатъ также многочисленныя оригинальныя веселыя комедіи („Къ мировому", „По духовному завѣщанію", „Въ осадномъ положеніи", „Шалость", „Городъ упраздняется" и многія другія) и болѣе серьезныя пьесы, захватывающія бытъ разнообразныхъ слоевъ общества: „Змѣй Горынычъ"—картина земской дѣятельности и борьбы партій земцевъ; „Въ духѣ времени"—стремленіе къ легкой наживѣ путемъ аферы и обмана на законномъ основаніи; „Горе—злосчастье"—драма изъ жизни канцелярскихъ чиновниковъ; „Противъ теченія"—драма изъ крѣпостного быта; „Не ко двору"—изъ жизни учительницы въ гимназіи, и др. Въ половинѣ 60-хъ годовъ имъ была выпущена книга „Столбы", обличающая эксплоатацію крестьянскаго невѣжества въ первое время послѣ эмансипаціи. К—ву принадлежитъ прекрасный стихотворный переводъ „Натана Мудраго" Лессинга.

Евтихій Павловичъ Карповъ.

К. родился въ г. Карачевѣ, Орловской губерніи, 25 октября 1857 г. Образованіе получилъ въ Константиновскомъ межевомъ институтѣ. Въ печати К. выступилъ впервые въ 1879 г. съ разсказомъ „Ополченецъ“, помѣщеннымъ въ журналѣ *Свѣтъ*. Затѣмъ литературнымъ жанромъ его сдѣлалась главнымъ образомъ „народная драма“, т.-е. драма изъ народнаго быта. Изъ этихъ пьесъ „Тяжкая доля“, „Житье привольное“ и „Мірская вдова“ удостоены историко-филологическимъ факультетомъ новороссійскаго университета преміи Г. И. Вучины. Кромѣ драмъ, К—вымъ написано нѣсколько повѣстей. Съ 1892 г. К. служилъ режиссеромъ въ разныхъ театрахъ. — Въ нѣкоторыхъ своихъ пьесахъ К. раздѣляетъ ультра-народническіе взгляды. Такъ, деревенскій „міръ“ у него рисуется съ самыхъ свѣтлыхъ сторонъ. Въ драмѣ „Мірская вдова“ крестьянская толпа, какъ одинъ человѣкъ, встаетъ на защиту попранной невинности противъ сильныхъ и вліятельныхъ людей. Въ драмѣ „Тяжкая доля“, написанной на тему Некрасовскаго стихотворенія „Въ дорогѣ“, крестьянскій судъ, разбирая дѣло между „барышней“, вышедшей замужъ за мужика, и мужемъ ея, рѣшаетъ, что такъ какъ мужъ „не умѣлъ ее по крестьянству пріобвычить, такъ и пенять ему не на кого“ и должны они „добровольно... онъ въ одну сторону, она въ другую“. Драма „Житье привольное“, подобно народнымъ произведеніямъ А. Потѣхина, изображаетъ развращающее вліяніе фабрики на деревенскихъ жителей. „Рабочая слободка“, рисующая бытъ рабочихъ механическаго завода, въ описаніи жизни рабочихъ и отношеній между различными слоями заводскаго населенія дальше изображенія любовныхъ связей между мастерами и женами рабочихъ не идетъ. Языкъ „народныхъ драмъ“ лишенъ оригинальности; знаніе народной жизни отсутствуетъ.

Князь Александръ Ивановичъ Сумбатовъ.

С. родился 4-го сентября 1857 года въ Одоевскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи. Окончивъ тифлисскую классическую гимназію, онъ въ 1877 г. поступилъ на юридическій факультетъ спб. университета и по окончаніи его—въ Императорскій московскій Малый театръ подъ псевдонимомъ Южина. Первыя драматическія вещи С—ва — „Громоотводы“, „Дочь вѣка“ и „Листья шелестятъ“ — написаны имъ еще въ университетѣ. Слѣдующія пьесы—„Сергѣй Шатиловъ“, „Мужъ знаменитости“, „Царь Іоаннъ IV“, „Арказановы“ и „Цѣпи“ (1883—1888 гг.) были, кромѣ первой, играны на казенныхъ сценахъ Москвы и Петербурга. Съ 1895 года появились пьесы: „Старый закалъ“, „Джентльменъ“ и „Закатъ“. Первыя пьесы кн. С—а разрабатываютъ главнымъ образомъ психологическіе сюжеты; послѣднія двѣ („Джентльменъ“, „Закатъ“) пытаются изобразить всезахватывающее купечество и „оскудѣніе“ дворянства.

Евт. Карпов.

АЛЕКС. ИВ.
СУМБАТОВЪ.

ВЛАДИМІРЪ ИВАНОВ. НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО.

Н.-Д. родился въ 1859 г. въ Тифлисѣ, учился въ тифлисской гимназіи и на математическомъ факультетѣ московскаго университета. На литературное поприще выступилъ еще во время студенчества, былъ близкимъ сотрудникомъ газеты *Русскій Курьеръ* и даже одно время редактировалъ эту газету. Въ 1882 году поставилъ на сценѣ Малаго театра свою пьесу „Шиповникъ", затѣмъ послѣдовали пьесы—„Наши американцы",„Темный боръ", „Послѣдняя воля", „Новое дѣло", „Золото", „Цѣна жизни"; романы и повѣсти — „Мгла", „Старый домъ", „Губернаторская ревизія" и др. Въ 1890 г. Н.-Д. приглашенъ преподавателемъ, а потомъ завѣдующимъ драматическими классами Филармоническаго училища. Въ настоящее время состоитъ директоромъ-распорядителемъ и завѣдующимъ репертуаромъ Художественно-общедоступнаго театра. Въ лучшихъ пьесахъ Н.-Д. изображеніе быта соединяется съ довольно сложными психологическими темами. Такъ, въ „Цѣнѣ жизни" изображается современное образованное купечество, но вмѣстѣ съ тѣмъ анализируется душевное состояніе женщины, пришедшей къ пессимистическимъ жизненнымъ выводамъ и готовой къ самоубійству; сила состраданія и дѣятельной любви мужа спасаетъ пессимистку отъ самоубійства. Въ повѣсти „Губернаторская ревизія" также бытовой элементъ соединяется съ подробнымъ анализомъ души благороднаго земскаго начальника, слабыя силы котораго гибнутъ въ борьбѣ съ обстоятельствами; дѣло кончается самоубійствомъ. „Драма за сценой" изображаетъ міръ провинціальныхъ актеровъ.

Викентій Викентьевичъ Смидовичъ (В. Вересаевъ).

С. родился въ Тулѣ (4 янв. 1867 г.) въ семьѣ врача. Первоначальное образованіе получилъ въ тульской гимназіи, откуда поступилъ на историко-филологическій факультетъ петербургскаго университета. По окончаніи курса въ 1888 г. онъ перешелъ на медицинскій факультетъ юрьевскаго университета, гдѣ получилъ званіе врача въ 1894 г. Литературныя занятія его начались рано, при чемъ С. пробовалъ свои силы въ стихотворной области; первые свои поэтическіе опыты онъ помѣстилъ въ *Модномъ Свѣтѣ,* первые его разсказы напечатаны во *Всемірной Иллюстраціи* и *Недѣлѣ*. Литературную извѣстность С. пріобрѣлъ съ появленіемъ повѣсти „Безъ дороги“ (напечатана въ 1895 г. въ *Русскомъ Богатствѣ*). Затѣмъ онъ принималъ участіе въ *Новомъ Словѣ*, въ *Началѣ*, въ *Жизни*.—Лучшія произведенія С. представляютъ изъ себя художественный анализъ того перелома, который пережила передовая интеллигенція въ первой половинѣ 90-хъ годовъ и который завершился зарожденіемъ марксизма. С. останавливается подробно на моментѣ разочарованія въ народническихъ идеалахъ, постигшаго извѣстную часть интеллигенціи, и на первомъ рѣзкомъ столкновеніи правовѣрныхъ народниковъ съ марксистами. Одновременно съ обрисовкой культурнаго перелома интеллигенціи С. обрисовываетъ и пробужденіе сознанія въ средѣ трудящихся массъ („Конецъ Андрея Ивановича“).

Евгеній Николаевичъ Чириковъ.

Ч. родился въ Казани (24-го іюля 1864 г.), происходитъ изъ дворянъ Симбирской губ. Въ Казани же онъ учился въ классической гимназіи и затѣмъ поступилъ въ университетъ, сначала на юридическій факультетъ, откуда перешелъ на естественное отдѣленіе математическаго факультета. Университетскаго курса не кончилъ, будучи уволенъ въ 1887 г. изъ-за одной студенческой исторіи. Писать началъ еще студентомъ въ *Волжскомъ Вѣстникѣ* (1887 г.) и до 1893 г. работалъ въ провинціальныхъ газетахъ. Въ журналахъ Ч. началъ печататься съ 1893 г., когда появились его первые очерки и разсказы въ *Русскомъ Богатствѣ*. Съ тѣхъ поръ Ч. принималъ участіе въ *Мірѣ Божьемъ, Новомъ Словѣ, Жизни* (въ *Жизни* ведетъ ежемѣсячно провинціальный отдѣлъ).—На ряду съ В. Вересаевымъ Ч. въ своихъ наиболѣе характерныхъ произведеніяхъ описываетъ переломъ, происшедшій въ русской интеллигенціи въ 90-хъ годахъ. По его мнѣнію, народники и культурники представляютъ изъ себя безпомощныхъ инвалидовъ, переживающихъ моментъ отчаянія и обреченныхъ на полную гибель („Инвалиды“, „Въ отставку“). Но, въ свою очередь, и новые передовые интиллигенты не свободны отъ сомнѣній и колебаній: въ повѣсти „Чужестранцы“ описана трагическая судьба передовой мо-

В Вересаевъ

АЛЕКС. АЛЕКС.
ТИХОНОВЪ.

ВАС. МИХ.
МИХЕЕВЪ.

лодежи, терпящей рядъ неудачъ въ провинціальной глуши; одни изъ этихъ интеллигентовъ, разочарованные, бѣгутъ пытать счастія въ иныхъ мѣстахъ, другіе кончаютъ самоубійствомъ. Вообще интеллигенты, въ глазахъ Ч., „бездомные, безродные люди", не имѣющіе подъ ногами никакой твердой почвы и лишенные вѣры въ возможность своего активнаго вмѣшательства въ судьбы исторіи. Помимо этихъ темъ, Ч. написалъ рядъ разсказовъ изъ провинціальной жизни. Особенностью его художественныхъ произведеній является иронія, мѣстами грубоватая.

Алексѣй Алексѣевичъ Тихоновъ (Луговой).

Сынъ винокуреннаго заводчика и лѣсопромышленника, Л. родился (19-го февраля 1853 г.) въ Варнавинѣ, Костромской губерніи, получилъ очень хорошее домашнее образованіе, учился въ гимназіи, былъ въ петербургскомъ технологическомъ институтѣ, курса котораго не кончилъ, долгое время занимался коммерческими дѣлами, для которыхъ много путешествовалъ по Россіи и за границей. На литературное поприще Л. выступилъ въ 1886 г. съ разсказомъ „Не судилъ Богъ", помѣщеннымъ въ *Вѣстникѣ Европы*. Его лучшее произведеніе—„Pollice verso", очерки, изображающіе жестокость толпы, которая свергаетъ своихъ вчерашнихъ кумировъ. Далекіе отъ простоты, очерки тѣмъ не менѣе привлекаютъ читателя серьезностью темы и разнообразіемъ тѣхъ условій, среди которыхъ авторъ разсматриваетъ отношеніе толпы къ прежнимъ любимцамъ. Л—вымъ напечатано много беллетристическихъ и драматическихъ произведеній, вышедшихъ въ 4-хъ большихъ томахъ. Ни одно изъ нихъ однако не имѣло успѣха, равнаго очеркамъ „Pollice verso".

Василій Михайловичъ Михеевъ.

М. родился въ 1859 г. въ Иркутскѣ, впервые выступилъ въ печати въ 1884 г. (въ *Восточномъ Обозрѣніи*). Въ томъ же году вышелъ сборникъ его стихотвореній „Пѣсни о Сибири". Въ 1894 г. М. издалъ романъ „Золотыя розсыпи", сборникъ разсказовъ—„Художники", „Въ семьѣ и внѣ семьи", въ 1898 г.—повѣсть „Отрокъ-мученикъ". Онъ сотрудничалъ въ *Артистѣ, Русскомъ Богатствѣ, Мірѣ Божьемъ, Нивѣ* и др. журналахъ. Кромѣ повѣстей и романовъ писалъ драмы („Арсеній Гуровъ", „Ложные итоги", „Весенняя дума", „Гете въ Страсбургѣ"). Написалъ также рядъ этюдовъ о русскихъ художникахъ.—М. воспитанъ двумя литературными школами: въ „Пѣсняхъ о Сибири" онъ вдохновляется чисто народническими мотивами, воспѣваетъ „страданія" низшихъ слоевъ общества, бурлаковъ и шахтеровъ, крестьянъ-инородцевъ; начиная съ „Художниковъ", онъ подпадаетъ подъ вліяніе Гаршинской школы, сосредоточиваетъ свое вниманіе на „разъѣденной мыслью", „истомленной нервами" интеллигенціи 80-хъ годовъ, колеблющейся между

альтруистическими подвигами и „жаждой успокоиться“ на эгоистическомъ культѣ „красоты“, „жизнерадостности“, „полнотѣ ощущеній“. Лучшій изъ его разсказовъ „Черепъ Іорика“ вскрываетъ тѣ органическія причины, которыя способствовали зарожденію эстетическихъ, индивидуалистическихъ и мистическихъ настроеній, получившихъ такое широкое распространеніе среди извѣстной части интеллигенціи второй половины 90-хъ годовъ.

Валеріанъ Яковлевичъ Ивченко (Свѣтловъ).

С. родился въ Петербургѣ 29 октября 1860 года, воспитывался въ 3-й петербургской военной гимназіи и Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ, гдѣ кончилъ курсъ въ 1880 г. Служилъ въ кавказской арміи, вышелъ въ отставку въ 1893 г. С. началъ литературную дѣятельность въ 1887 г. „Очерками станичной жизни“; помѣщалъ свои произведенія въ *Русск. Мысли*, *Жизни*, *Недѣлѣ*, *Нов. Словѣ*, *Артистѣ*, *Нов. Времени* и др. изданіяхъ. Беллетристическія произведенія С—ва, вышедшія отдѣльнымъ изданіемъ,—„Новеллы“, „На травкѣ“, „Золоченая борода“, „Жрецы“, „Бѣлые цвѣты“, „Уголокъ Колхиды“ и др.—отчасти изображаютъ бытъ разныхъ общественныхъ слоевъ, отчасти знакомятъ съ довольно смутной психологіей дѣйствующихъ лицъ.

Николай Ивановичъ Тимковскій.

Т. (15 апр. 1863 г.) воспитывался въ 1-ой московской классической гимназіи. По окончаніи курса поступилъ въ московскій университетъ на историко-филологическій факультетъ. Кончивши кандидатомъ по словесному отдѣленію, онъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ готовился къ магистерскому экзамену по философіи. Съ 1891 г. занялся литературною дѣятельностью: писалъ драматическія произведенія („Два лагеря“, „Шашки“, „Гувернантка“, „Защитникъ“, „Въ борьбѣ за жизнь“) и разсказы (сотрудничалъ въ *Русской Мысли*, *Сѣверномъ Вѣстникѣ*, *Артистѣ*, *Русскомъ Богатствѣ*); писалъ также стихотворенія и статьи по вопросамъ о воспитаніи, о народномъ образованіи, о народномъ театрѣ. Т. въ своихъ произведеніяхъ рисуетъ преимущественно драмы изъ жизни среднихъ интеллигентовъ—учителей, цеховыхъ ученыхъ, инженеровъ. Драмы эти—или борьба за кусокъ хлѣба („Мѣсто“), или столкновеніе честныхъ бѣдняковъ съ черствыми и расчетливыми богачами и бюрократами („Старая гувернантка“, „Два лагеря“), или протестъ противъ рутиннаго образованія („Сергѣй Шумовъ“) и рутины отвлеченной науки („Приватъ-доцентъ“). Міросозерцаніе, лежащее въ основѣ разсказовъ,—обще-гуманное. Лучшій изъ разсказовъ „Сергѣй Шумовъ“ характеризуетъ современное классическое образованіе.

В. СВѢТЛОВЪ.

Н. Тимковскій

П. Сергѣенко.

Ф. Нефедовъ.

Петръ Алексѣевичъ Сергѣенко.

С. родился 10-го іюля 1854 года въ мѣстечкѣ Ивановкѣ, Екатериносл. губерніи. Выступилъ въ печати въ 1879 году сначала какъ авторъ юмористическихъ произведеній, подъ разными псевдонимами, затѣмъ—какъ фельетонистъ въ провинціальныхъ и столичныхъ изданіяхъ. Съ 1894 года напечаталъ рядъ беллетристическихъ произведеній въ петербургскихъ и московскихъ журналахъ. Отдѣльными изданіями вышли: „Безъ якоря" (сборникъ разсказовъ), „Дэзи" (романъ), „Богиня Діана" (романъ), „Герои", „Сестра милосердія", „Хитрецъ" (разсказы). Въ наиболѣе замѣтныхъ своихъ произведеніяхъ С. изображаетъ людей „безъ якоря", безъ опредѣленныхъ нравственныхъ устоевъ, принимающихъ за признакъ утонченной натуры свое смутное стремленіе къ безмятежному порханію („Богиня Діана"), или откровенно порывающихъ съ какими бы то ни было нравственными требованіями („Самистъ"). С—ку принадлежитъ книга „Какъ живетъ и работаетъ Л. Н. Толстой".

Филиппъ Діомидовичъ Нефедовъ *).

Н. родился въ 1847 г., образованіе получилъ въ Московскомъ университетѣ на юридическомъ факультетѣ. На литературное поприще выступилъ въ 1859 г., но настоящей беллетристической дѣятельностью занялся лишь съ конца 60-хъ годовъ. Въ 1871 г., по порученію редакціи *Русскихъ Вѣдомостей*, изслѣдовалъ фабричный бытъ Владимірской губ. Съ конца того же года, во время Политехнической выставки въ Москвѣ, принималъ дѣятельное участіе по устройству образцовой школы, народной читальни, народнаго театра. Въ 1874 г. былъ командированъ Общ. Ест., Антр. и Этн. для этнографическихъ изысканій въ поволжскихъ губерніяхъ. Этой командировкой открывается рядъ многочисленныхъ этнографическихъ и археологическихъ экскурсій, совершенныхъ и до сихъ поръ совершаемыхъ Н—ымъ въ различныя мѣста Россіи. Въ 1879—81 гг. участвовалъ въ редактированіи газеты *Русскій Курьеръ*.—Н.—представитель крайняго народничества, протестующій противъ малѣйшаго, даже временнаго отчужденія крестьянъ отъ земли и деревни, противъ ухода ихъ въ городъ на фабрики, даже противъ занятія ихъ извознымъ промысломъ: въ своихъ типичнѣйшихъ разсказахъ („Степанъ Дубковъ", „Чудесникъ Варнава") онъ непремѣнно рисуетъ рознь фабричныхъ и деревенскихъ, тенденціозно выставляя первыхъ въ видѣ пропоицъ и разбойниковъ, а вторыхъ надѣляя всевозможными нравственными качествами. Фабрика, по мнѣнію Н., ничего не даетъ человѣку, она только развращаетъ его, награждаетъ его болѣзнями. Крестьяне, побывавшіе на фабрикѣ, всегда возвращаются у Н—ва домой съ горькимъ раскаяніемъ. Положительный идеалъ Н. — это идиллія средне-обезпеченнаго, патріархальнаго въ семейномъ отношеніи крестьянства.

*) Біографія и портретъ Н—ва по техническимъ затрудненіямъ помѣщены не тамъ, гдѣ слѣдуетъ.

Александръ Васильевичъ Кругловъ.

К. родился въ Великомъ Устюгѣ, Вологодской губерніи, 5 іюня 1853 г., въ семьѣ смотрителя народныхъ училищъ; учился въ вологодской гимназіи, давалъ потомъ частные уроки, пока не опредѣлился на службу чиновникомъ особыхъ порученій при вологодской казенной палатѣ. К. дебютировалъ въ литературѣ сатирическимъ очеркомъ „Роковое слово“ (*Искра*, 1871 г.), писалъ потомъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ романы, повѣсти, разсказы и стихотворенія. Отдѣльно изданы: „Живыя души“, „Губернскія сказки“ (изображеніе провинціальныхъ нравовъ со стороны ихъ некультурности), „Господа крестьяне“ (описаніе пореформенной деревни), „Старь и новь“, „Любовь и истина“ (стихотворенія на религіозныя темы), „Немудреное счастье“, „Господа земцы“ и друг.

Сергѣй Яковлевичъ Елпатьевскій.

Е., сынъ священника, родился 22 октября 1854 года въ Александровскомъ уѣздѣ, Владимірской губ. Образованіе получилъ въ виѳанской семинаріи и въ московскомъ университетѣ, гдѣ и кончилъ курсъ врачомъ въ 1878 г. Служилъ земскимъ врачомъ въ Рязанской губ., откуда былъ высланъ сначала въ Уфимскую губ., потомъ въ Восточную Сибирь, гдѣ прожилъ 3 года. Съ 1887 г. по 1896 г. жилъ въ Нижн.-Новгородѣ, служа городскимъ врачомъ. Разсказы Е—каго изображаютъ типы и нравы ссыльныхъ въ Сибири и арестантовъ. Сибирскіе босяки, „жиганы“, описываются имъ какъ несчастные, загубленные острогомъ и ссылкой люди. Въ „Уголовныхъ дворянахъ“ онъ отмѣчаетъ запоздалыя черты „барства, вступившаго въ жизнь съ огромными аппетитами и огромными имѣніями заложенными и перезаложенными“. Въ арестантахъ онъ главнымъ образомъ отмѣчаетъ „жажду воли“. Кромѣ сибирскихъ разсказовъ Е—кимъ написано нѣсколько путевыхъ очерковъ.

АЛЕКС. ВАС.
КРУГЛОВЪ.

СЕРГ. ЯКОВЛЕВ.
ЕЛПАТЬЕВСКІЙ.

Ив. Бунинъ

СЕРГ. НИК.
ФИЛИППОВЪ.

Иванъ Алексѣевичъ Бунинъ.

Б. родился 10 октября 1870 г. въ Воронежѣ въ дворянской семьѣ, учился въ елецкой гимназіи. Стихотворенія Б—на стали появляться въ печати въ 1887 году въ иллюстрированныхъ изданіяхъ, затѣмъ въ *Недѣлѣ, Сѣвер. Вѣстн., Вѣстн. Европы, Мірѣ Божіемъ* и др. изданіяхъ. Разсказы Б—на, печатавшіеся въ *Рус. Богатствѣ, Мірѣ Божьемъ, Нов. Словѣ,* изданы отдѣльной книжкой („На край свѣта"). Стихотворенія Б—на въ значительной части посвящены описанію природы и производимаго ею впечатлѣнія. Разсказы (преимущественно изъ деревенской жизни) изображаютъ тяжелое чувство разстающихся съ родиной переселенцевъ („На край свѣта"), разочарованія сельскаго учителя, рискнувшаго войти въ чуждый ему міръ деревенскихъ аристократовъ („Тарантелла"), помѣщичью жизнь и т. п.

Сергѣй Никитичъ Филипповъ.

Ф. родился въ 1863 году; писать началъ въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ (первый разсказъ „Не отъ міра сего" напечатанъ въ моск. журналѣ *Россія* въ 1883 г.), сотрудничалъ въ *Русской Мысли, Русск. Вѣдомостяхъ, Артистѣ*, помѣщая беллетристическія произведенія и путевые очерки. Отдѣльно изданы: „Сирень", „Подъ лѣтнимъ небомъ", „По Крыму", „Поволжье" и др. Въ своихъ разсказахъ Ф. разсматриваетъ психологическіе сюжеты, измѣненія настроенія и т. п.

Николай Дмитріевичъ Телешовъ.

Т. родился въ 1867 году въ купеческой семьѣ. Первыя стихотворенія Т—ва появились въ журналѣ *Радуга* въ 1884 году. Съ девяностыхъ годовъ помѣщалъ разсказы и повѣсти въ журналахъ *Артистъ, Міръ Божій, Жизнь* и др. Отдѣльными изданіями вышли: „На тройкахъ", „За Уралъ", „Повѣсти и разсказы", „Маленькій романъ". Послѣднее произведеніе избираетъ психологическую тему: постепенное пробужденіе любви къ дѣтямъ въ человѣкѣ, привыкшемъ къ комфорту и свободѣ холостой жизни.

Софья Ивановна Смирнова.

С. родилась въ 1852 г. въ Москвѣ, училась во второй московской гимназіи; окончивъ курсъ, безвыѣздно прожила восемь лѣтъ въ деревнѣ, откуда посылала свои беллетристическія произведенія въ столичныя изданія. Съ 1871 г. стала сотрудничать въ *Отеч. Запискахъ*, гдѣ помѣстила романы: „Огонекъ", „Соль земли", „Попечитель учебнаго округа", „Сила характера", „У пристани". Переселившись въ Петербургъ, писала одно время воскресные фельетоны въ *Нов. Времени*. Въ 1877 г. вышла замужъ за артиста Импер. театровъ Сазонова, послѣ чего оставила постоянную газетную работу. Писала потомъ въ *Сѣв. Вѣстникѣ* (повѣсти „Химера" и „Въ огонь и въ воду"). Въ послѣдніе годы писала для сцены (пьесы „Муравейникъ" и „Девятый валъ" были поставлены въ Импер. театрахъ). Изъ немногочисленныхъ, но объемистыхъ произведеній автора наибольшей извѣстностью пользовались первые три романа, въ которыхъ къ довольно искусно развитой любовной интригѣ не менѣе искусно присоединялся небольшой интересъ къ общественнымъ вопросамъ. „Огонекъ" изображалъ тщетную борьбу молодой дѣвицы за осуществленіе идеи полезной для ближнихъ; героиня даже рѣшила покончить самоубійствомъ при неудачѣ своихъ плановъ, но въ дѣйствительности виною трагическаго конца было любовное недоразумѣніе. Въ романѣ „Соль земли" главный герой стремится къ устройству артелей, кредитныхъ и производительныхъ товариществъ среди крестьянъ, но весь интересъ сосредоточивается опять-таки на долгомъ любовномъ недоразумѣніи между нимъ и любящей его замужней женщиной. „Попечитель учебнаго округа" описываетъ студенческую и профессорскую среду, „вѣянія" среди молодежи, но все это—отдаленная, смутная обстановка для любовныхъ недоразумѣній между однимъ профессоромъ, дочерью ректора и попеч. учеб. округа. Духовная независимость женщины, довольно рѣзко провозглашавшаяся въ „Огонькѣ", становится значительно слабѣе въ романѣ „Соль земли" и переходитъ въ полную подчиненность и безсиліе въ послѣднемъ изъ трехъ указанныхъ романовъ.

Лидія Ивановна Веселитская (Микуличъ).

В. (1857 г.) происходитъ изъ дворянской семьи герцеговинскаго происхожденія. Воспитывалась въ Павловскомъ институтѣ, затѣмъ была слушательницей педагогическихъ курсовъ. На литературное поприще В. выступила сначала съ разсказами для дѣтей, а въ 1883 г. съ повѣстью „Мимочка—невѣста"; далѣе слѣдовали: „Мимочка на водахъ" (1891 г.), „Мимочка отравилась" (1893 г.) и „Зарницы" (1894 г.).—В.—талантливая представительница того психологическаго, нравственнаго романа, который смѣнилъ въ 80-хъ годахъ соціальный романъ „семидесятниковъ". Въ своихъ повѣстяхъ она обрисовываетъ средній кругъ аристократическаго общества, людей съ большими

Н. Телешов

С. Смирнова

ЛИДІЯ ИВ.
МИКУЛИЧЪ.

Ольга Шапиръ

деньгами и немалыми претензіями. Изъ типовъ, представляющихъ это общество, она сосредоточиваетъ свое вниманіе на двухъ. Первый типъ (Мимочка) — обычный для этого общества типъ дѣвушки, пустой, нетронутой никакими культурными вѣяніями, не задумывающейся ни надъ какими „проклятыми" вопросами жизни, стремящейся лишь къ удовлетворенію эгоистическихъ желаній. Наташа въ „Зарницахъ" по своимъ узко-эгоистическимъ интересамъ— типъ весьма близкій къ Мимочкѣ, но она болѣе склонна къ рефлексіи, болѣе критически относится къ своей средѣ; ея идеалъ—„глубокая и сильная душа"—находится за предѣлами этой среды. Художественныя достоинства произведеній В—ой—тонкій юморъ, тонкій психологическій анализъ и оригинальная красота описаній природы.

Ольга Андреевна Шапиръ.

Ш., урожденная Кислякова, родилась въ г. Ораніенбаумѣ, образованіе получила въ петербургской Александровской женской гимназіи. Писать Ш. начала еще задолго до того, какъ первыя ея произведенія появились въ печати. Первый разсказъ на тему о фиктивныхъ бракахъ былъ написанъ ею въ 1872 году, но напечатанъ не былъ. Первой появившейся въ печати вещью былъ разсказъ „На порогѣ жизни", помѣщенный въ *книжкахъ Недѣли* 1879 г. За нимъ послѣдовали: повѣсть „На разныхъ языкахъ" (*Слово*) и романъ „Одна изъ многихъ" (*Отеч. Зап.*). Съ этихъ поръ Ш. печаталась во многихъ періодическихъ изданіяхъ, столичныхъ и провинціальныхъ. Кромѣ указанныхъ произведеній, ею написаны четыре большихъ романа: „Антиподы" (*Отеч. Зап.*), „Безъ любви" (*Вѣстн. Европы*), „Миражи" (*Вѣстн. Европы*), „Любовь" (*Сѣв. Вѣстн.*), повѣсти: „Бабье лѣто", „Записки мужа", „Авдотьины дочки" и др. Ш. принадлежатъ двѣ драмы: „Два таланта" и „Глухая стѣна", поставленныя на казенныхъ сценахъ. Въ большинствѣ своихъ произведеній Ш. изображаетъ разницу между любовью или между воззрѣніями на любовь женщины и мужчины. Въ то время, какъ первая любитъ, не справляясь съ мнѣніями окружающихъ людей, находя въ своей страсти и оправданіе и полную жизнь, второй сухъ, педантиченъ и выше любви ставитъ общественное мнѣніе и приличія: (Особенно рѣзко эта мысль подчеркивается въ повѣсти „Ея сіятельство"). Женщина можетъ пасть и очень низко пасть, но ея паденіе обусловливается страстностью натуры, которой тѣсно въ обычныхъ рамкахъ; та же сила, которая повела къ паденію, могла бы высоко поднять ее, если бы этому не препятствовали, съ одной стороны, сухой педантизмъ и безсердечіе мужчины, съ другой—чувственность послѣдняго („Не повѣрили"). Даже въ томъ случаѣ, если сердцемъ мужчины овладѣваетъ сильная страсть, она показываетъ, насколько узка натура обладателя, неспособнаго подняться до духовной высоты женщины; эта страсть близка къ ненависти и ведетъ къ преступленію („Глухая стѣна"). Носительницей истинной любви является женщина.

Елена Ивановна Апрѣлева (Е. Ардовъ).

А.—дочь генералъ-лейтенанта Бларамберга, родилась 24 февраля 1846 г. въ Оренбургѣ (отецъ — французъ, мать—гречанка); среднее образованіе получила дома, выдержала экзаменъ при петербургскомъ университетѣ на званіе домашней учительницы, а затѣмъ полтора года слушала лекціи на философскомъ факультетѣ женевскаго университета. Долгое время жила за границей и на разныхъ окраинахъ Россіи (въ Крыму, въ Самаркандѣ). Беллетристическая дѣятельность началась въ половинѣ 70-хъ годовъ. Изъ романовъ, повѣстей и очерковъ А—ой наиболѣе замѣтны: „Безъ вины виноватые", „Руфина Каздоева", „Выдающаяся женщина", крымскіе эскизы, средне-азіатскіе очерки. Въ произведеніяхъ, не имѣющихъ мѣстнаго, окраиннаго колорита, авторъ останавливается главнымъ образомъ на изображеніи отрицательныхъ типовъ, благородная или блестящая внѣшность которыхъ скрываетъ подъ собой мелкій эгоизмъ („Безъ вины виноватые"), чувственные аппетиты и жестокость („Выдающаяся женщина"). Въ романѣ „Руфина Каздоева" изображается одна изъ формъ общественной дѣятельности, въ которыя выливались стремленія шестидесятниковъ. Крымскіе и средне-азіатскіе очерки даютъ цѣлый рядъ мѣстныхъ типовъ и картинъ мѣстной жизни.

Ольга Николаевна Чюмина.

Ч. родилась въ Новгородѣ 26 декабря 1864 г. въ семьѣ военнаго; получила домашнее воспитаніе. Первое ея стихотвореніе было помѣщено въ газетѣ *Свѣтъ* въ 1882 г. Затѣмъ послѣдовали другія переводныя и оригинальныя стихотворенія, печатавшіяся въ изданіяхъ: *Русь*, *Живоп. Обозрѣніе*, *Нов. Время*, *Художникъ*, *Вѣстн. Европы* и др. Переводныя и непереводныя пьесы ея—„Искушеніе", „Жена Сократа", „Мечта", „Въ сѣтяхъ", „Угасшая искра"—были поставлены на Александринскомъ театрѣ. Изъ двухъ книжекъ стихотвореній вторая, вышедшая въ 1898 году, удостоена почетнаго отзыва Академіи Наукъ.

ЕЛЕНА ИВ.
АПРѢЛЕВА.

Е. Ардовъ

О. Н. ЧЮМИНА.

МАРІЯ ВСЕВОЛОД.
КРЕСТОВСКАЯ.

А. Шабельская.

Марія Всеволодовна Крестовская.

К—ая, дочь автора „Петербургскихъ трущобъ", родилась въ 1862 г. Первыя работы ея были напечатаны въ *Русскомъ Вѣстникѣ* во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ („Уголки театральнаго міра", „Раннія грозы"); затѣмъ она помѣщала свои произведенія въ *Вѣстникѣ Европы* („Артистка", „Сынъ"), въ *Русской Мысли* („Вопль") и др. изданіяхъ. Главныя произведенія посвящены изображенію внутренняго міра женщины и ея чувствъ къ мужчинѣ. Въ романѣ „Артистка" объектомъ авторскаго анализа является пылкая артистическая натура, не знающая условностей и сливающая свои сердечныя влеченія съ художественными стремленіями; въ противовѣсъ ей изображается сухая и дѣловитая фигура дѣятельнаго чиновника, любовника артистки. Невозможность найти въ этой любви отвѣтъ на свои художественные запросы составляетъ драму „артистки". Въ повѣсти „Вопль" причиной душевнаго страданія изображенныхъ женщинъ является „власть денегъ", превращающая чистыя души въ хаосъ противорѣчивыхъ побужденій, вносящая развратъ и гибель. Въ повѣсти „Сынъ", написанной на тему, эксплоатировавшуюся не разъ французскими новеллистами, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является не женщина; старикъ, имѣющій единственную отраду въ сынѣ и въ памяти объ умершей женѣ, внезапно открываетъ давнишнюю измѣну послѣдней; плодомъ этой измѣны и былъ тотъ, кого старикъ считалъ своимъ сыномъ.

Александра Станиславовна Монтвидъ (Шабельская).

М. родилась въ 1845 г. въ Изюмскомъ уѣздѣ, Харьковской губерніи, въ дворянской семьѣ литовскаго происхожденія; окончила образованіе въ харьковскомъ институтѣ. На литературное поприще М. выступила въ 1881 г. съ большимъ романомъ „Горе побѣжденнымъ", помѣщеннымъ въ журналѣ *Дѣло*. Романъ описывалъ жизнь провинціальнаго города и борьбу партій въ немъ, съ явными намеками на дѣйствительныхъ лицъ этого города. Романъ „Три теченія" былъ напечатанъ въ *Сѣверномъ Вѣстникѣ* въ 1888 г. „Друзья"— романъ, помѣщенный въ *Руск. Богатствѣ* въ 1894 г., изображалъ вѣянія, охватившія русское общество въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ. Демоническіе характеры однихъ лицъ, резонерство другихъ, ангельская чистота третьихъ составляютъ особенности этого романа. Въ томъ же году М. помѣстила въ *Русск. Мысли* повѣсть „Магистръ и Фрося". „Наброски карандашомъ" разновременно печатались въ *Отеч. Запискахъ, Русск. Мысли, Сѣверн. Вѣстникѣ, Русск. Богатствѣ*.

Рашель Мироновна Хинъ.

Х. родилась въ 1863 г. въ м. Горки, Могилевской г., училась въ Москвѣ. Въ своихъ разсказахъ Х. сосредоточиваетъ вниманіе на выясненіи пустоты и фальши аристократической салонной культуры, пошлости буржуазной среды — среды модныхъ адвокатовъ и модныхъ докторовъ. Симпатіи Х. принадлежатъ рѣшительно всѣмъ протестующимъ противъ этой пустоты и пошлости. Герои ея протестуютъ какъ во имя нравственнаго убѣжденія, такъ и въ силу своего подчиненнаго, пролетаріатскаго положенія. Наиболѣе оригинальными слѣдуетъ признать тѣ изъ ея произведеній, въ которыхъ Х. беретъ сюжеты изъ быта евреевъ-интеллигентовъ, напр., разсказъ „Мечтатель“, гдѣ выводится типъ „піонера“ пробужденія идейныхъ стремленій среди еврейской массы.

Александра Александровна Виницкая.

В—ая родилась въ 1847 г. въ дворянской семьѣ, въ Москвѣ. Первое литературное произведеніе ея, обратившее на себя вниманіе читателей, было напечатано въ *Отеч. Запискахъ.* Оно служило отраженіемъ не столько тѣхъ идей, сколько тѣхъ чувствъ, которыя какъ бы носились въ воздухѣ 70-хъ годовъ; въ повѣсти изображалась молодая дѣвушка, живущая во враждебной всему новому обстановкѣ и безсознательно для себя проникающаяся симпатіями къ этому новому. Въ послѣдующихъ произведеніяхъ В—ая не рѣдко вдается въ запутанный психологическій анализъ, избирая случайные или экстраординарные сюжеты. Кромѣ перваго лучшаго произведенія, ея перу принадлежатъ: „Наша Наташа“, „Старые знакомые“, „Судьба“, „Бобровая шапка“ и др.

Анастасія Алексѣевна Вербицкая.

В. родилась 10 февраля 1861 г. въ Воронежѣ, въ семьѣ полковника Зяблова, воспитывалась въ московскомъ Елизаветинскомъ институтѣ. Литературная дѣятельность началась въ 1887 г., когда въ *Русской Мысли* была напечатана первая повѣсть „Разладъ“. Печаталась потомъ въ *Русскомъ Богатствѣ, Мірѣ Божіемъ, Жизни, Рус. Вѣдомостяхъ, Сѣв. Курьерѣ.* („Пробужденіе“, „Объясненіе“, „Освободилась“, „Одна“, „Преступленіе Марьи Ивановны“, „Вовочка“ и др.). Двѣ пьесы В—ой „Миражи“ и „Семейство Волгиныхъ“ были поставлены на сценѣ московскаго Малаго театра. Въ отдѣльномъ изданіи вышли: „Сны жизни“, „Первая ласточка“. Въ основѣ большинства произведеній В—ой лежитъ защита правъ женщины въ семьѣ и обществѣ.

Р. М. ХИНЪ.

АЛЕКС. АЛЕКС.
ВИНИЦКАЯ.

АНАСТ. АЛЕКС. ВЕРБИЦКАЯ.

В. І. Дмитріева

Валентина Іоновна Дмитріева.

Д. родилась 28 апр. 1859 г. въ слободѣ Ворониной, Балашовскаго уѣзда, Саратовской губ., въ крестьянской семьѣ. Дѣтство до 4-хъ лѣтъ провела въ деревнѣ. Рано выучилась грамотѣ, пристрастилась къ „книгѣ" и сочинительству (сочиняла стихи въ подражаніе Пушкину); самоучкой приготовилась къ гимназіи и сдала экзаменъ въ 4-й классъ. По окончаніи гимназическаго курса (въ Тамбовѣ), заняла мѣсто сельской учительницы (въ Балашовскомъ уѣздѣ). Принужденная оставить это мѣсто вслѣдствіе крупныхъ непріятностей, въ 1878 г. она уѣхала въ Петербургъ и поступила на врачебные курсы. Въ 1880 г. она выступила на литературное поприще съ разсказомъ „По душѣ, да не по разуму", помѣщеннымъ въ журналѣ *Мысль*. Окончивъ врачебные курсы въ 1885 г., она жила сначала въ деревнѣ „на вольной практикѣ", потомъ въ Москвѣ служила при Голицынской больницѣ; затѣмъ по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ должна была переселиться въ Тверь, гдѣ и пробыла около 4 лѣтъ. Въ 1892 г. занималась врачебной практикой на эпидеміи холеры и дифтерита. Въ настоящее время состоитъ врачомъ при одной частной петербургской женской гимназіи. Принимала участіе въ *Дѣлѣ, Русскомъ Богатствѣ, Русской Мысли, Сѣверномъ Вѣстникѣ, Мірѣ Божьемъ, Вѣстникѣ Европы* и друг. періодическихъ изданіяхъ.—Для своихъ произведеній Д. беретъ сюжеты главнымъ образомъ изъ жизни деревни и изъ жизни передовой интеллигенціи. Въ обрисовкѣ деревенской жизни у Д—вой проглядываютъ несомнѣнно народническія симпатіи: симпатіи къ земледѣльческому труду и простотѣ нравственнаго облика крестьянина. Но въ то же время Д. не успокаивается на безмятежныхъ идилліяхъ Златовратскаго. Она рисуетъ великорусскую деревню въ моментъ ея экономическаго разрушенія, отмѣчаетъ тенденцію сельскаго населенія бѣжать изъ своихъ родныхъ гнѣздъ (преимущественно въ городъ), отмѣчаетъ пробужденіе сознанія въ крестьянской средѣ, заставляющее деревенскаго обывателя взглянуть критически на земледѣльческіе „устои" и почувствовать стремленіе къ иной, болѣе совершенной культурѣ („Въ разныя стороны"). Изъ типовъ интеллигентовъ особенно рельефно Д. обрисовываетъ типы радикаловъ 60—70 годовъ. Въ общемъ взглядѣ ея на судьбу русской интеллигенціи проникнутъ глубокимъ пессимизмомъ: слѣды этого пессимизма можно найти въ ея раннихъ произведеніяхъ (напр., „Въ тихомъ омутѣ"); этотъ же пессимизмъ заставляетъ писательницу признать въ одномъ изъ послѣднихъ романовъ, что русскіе интеллигенты—это романтики, которые никакого дѣла просто дѣлать не умѣютъ, а непремѣнно въ приподнятомъ тонѣ и при бенгальскомъ освѣщеніи, романтики, жизнь которыхъ проходитъ „безъ радости побѣды, безъ счастія любви, въ разладѣ со всѣмъ окружающимъ и съ самимъ собою... а впереди все та же степь, и надо итти..." („Подъ солнцемъ юга").

Татьяна Львовна Щепкина-Куперникъ.

Щ.-К. родилась 12 января 1874 г. въ Москвѣ, образованіе получила въ кіевской гимназіи, которую окончила въ 1891 г. На литературное поприще выступила 12 лѣтъ отъ роду (дебютировала стихотвореніемъ, посвященнымъ памяти ея прадѣда, артиста М. С. Щепкина, и напечатаннымъ въ „Кіевскомъ Словѣ"). Въ 1892 г. была поставлена на сцену московскаго Малаго театра ея первая пьеса „Лѣтняя картинка". Съ тѣхъ поръ Щ.-К. занимается литературной дѣятельностью, выступая то въ качествѣ новеллистки, то въ качествѣ драматурга. Сотрудничала въ *Русской Мысли, Русскихъ Вѣдомостяхъ, Недѣлѣ, Артистѣ, Сѣверномъ Курьерѣ* и др. журн. и газет. Въ своихъ повѣстяхъ и разсказахъ Щ.-К. является выразительницею общегуманнаго, *филантропическаго* направленія. Ея симпатіи принадлежатъ рѣшительно всѣмъ страдающимъ, такъ или иначе обездоленнымъ представителямъ различныхъ общественныхъ группъ и различныхъ профессій. Какъ разочаровавшіеся въ любви, переживающіе тяжелый внутренній кризисъ, такъ и потерпѣвшіе экономическое крушеніе составляютъ въ ея глазахъ однородную, общую массу: въ характернѣйшихъ произведеніяхъ Щ.-К. разрабатывается обыкновенно тема о сліяніи нравственно-страдающихъ буржуа или интеллигентовъ съ обездоленнымъ народомъ, тема о познаніи первыми „одиночества" среди офиціальнаго, свѣтскаго общества, о познаніи ничтожества „личнаго горя" и о пробужденіи любви къ „новому, неизвѣстному міру". Большинство героевъ Щ.-К.—женщины, и потому ея филантропія граничитъ съ *феминизмомъ*. Кромѣ самостоятельныхъ произведеній Щ.-К. переводила пьесы Ростана, Марселла, Ришпена, Виктора Гюго. Стихотворенія Щ.-К. собраны въ сборникѣ „Изъ женскихъ писемъ".

Капитолина Валеріановна Назарьева.

Н. (урожд. Манкошева, р. 6 октября 1847 г. † 14 декабря 1900 г.) происходитъ изъ новгородскаго дворянскаго рода. Образованіе получила домашнее. Нѣкоторое время занималась преподаваніемъ въ сельской школѣ. На литературное поприще она выступила въ 1879 г.; участвовала въ различнѣйшихъ періодическихъ изданіяхъ, начиная съ *Дѣла* и *Русскаго Богатства* и кончая *Наблюдателемъ* и *Волгаремъ*. Писала романы и разсказы, драмы, публицистическія статьи (въ *Сынѣ Отечества* подъ псевдонимомъ Н. Левина). Романы Н—вой—типъ сантиментально салонныхъ романовъ, разсчитанныхъ на средній кругъ читателей и нерѣдко сбивающихся на романы уголовные (наприм., „Скорбный путь"). Изъ числа прочихъ безчисленныхъ произведеній это рода романы Н—вой выдѣляются большею идейностью: лучшіе изъ ея героевъ любятъ разсуждать о нуждахъ народа; положительный идеалъ рисуется Н—вой въ видѣ помѣщичье-народнической идилліи,—въ видѣ счастья влюбленной помѣщичьей парочки, живущей въ деревнѣ и распространяющей „довольство" среди крестьянской массы.

ТАТЬЯНА ЛЬВОВНА
ЩЕПКИНА-КУПЕРНИКЪ.

Алексѣй Максимовичъ Пѣшковъ (М. Горькій).

П. родился 14 марта 1868 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ въ семьѣ красильщика. Послѣ смерти отца и матери былъ на 9-мъ году отданъ въ услуженіе въ магазинъ обуви. Съ этихъ поръ начинаются его переходы отъ одного ремесла къ другому, бѣгства отъ хозяевъ и чтеніе урывками самыхъ разнообразныхъ книгъ. Изъ магазина обуви онъ бѣжитъ, поступаетъ въ ученики къ чертежнику, вновь бѣжитъ, учится въ иконостасной мастерской, затѣмъ поступаетъ въ науку къ повару на пароходѣ, къ садовнику и т. д. Послѣ долгихъ странствованій онъ на 15-мъ году начинаетъ серьезно учиться, готовясь къ поступленію въ учебное заведеніе въ Казани. Но попытка поступить въ учебное заведеніе оказалась безуспѣшной, и П. вновь мѣняетъ одно занятіе на другое: дѣлается булочникомъ, потомъ продавцомъ кваса, занимается поденной работой на пристаняхъ, близко сходясь съ босяками и пристанскими рабочими. Послѣ долгихъ мытарствъ онъ поступаетъ письмоводителемъ къ присяжному повѣренному въ Н.-Новгородѣ. Послѣдній сильно повліялъ на образованіе П—ва. Еще болѣе повліяло на П—ва знакомство съ В. Г. Короленкомъ, который облегчилъ первые шаги начинающаго писателя на литературномъ поприщѣ. Первый разсказъ, съ которымъ выступилъ П., былъ „Макаръ Чудра“, напечатанный въ газетѣ *Кавказъ*. Затѣмъ П. сотрудничалъ во многихъ провинціальныхъ изданіяхъ, пока разсказъ „Челкашъ“, напечатанный въ *Русскомъ Богатствѣ*, не обратилъ на него вниманія читателей. За этимъ разсказомъ, взятымъ изъ босяцкой жизни, послѣдовали другія произведенія, касавшіяся той же среды („Мальва“, „Бывшіе люди“, „Коноваловъ“ и др.). Въ послѣдующихъ своихъ произведеніяхъ П. изображалъ и другіе слои населенія—купечество, интеллигенцію, но значеніе его въ современной литературѣ пока опредѣляется только очерками изъ босяцкаго міра. Въ этомъ мірѣ оборванныхъ, пьяныхъ, по внѣшности грубыхъ и нерѣдко отталкивающихъ типовъ, П. различаетъ большую нравственную силу, направленіе которой противоположно тому, что признается обычной моралью. Полной опредѣленности во взглядахъ босяковъ П—ва нѣтъ, но протестъ противъ общественныхъ несправедливостей соединяется у нихъ съ стремленіемъ къ освобожденію личности отъ всякихъ условностей общепринятой морали. Культъ сильной личности характеризуетъ собой вообще произведенія П—ва, дѣлая изъ него новаго романтика. Въ босяцкомъ мірѣ онъ и находитъ эту силу, и нерѣдко противопоставляетъ ея свободныя стремленія условно-мизерной жизни и узко-житейскимъ побужденіямъ буржуазнаго общества. Таковъ, наприм., босякъ

МГорький

Челкашъ, романтически сильная и свободная личность котораго противопоставляется ничтожеству домовитаго крестьянина-буржуя. Таковъ Сережка, пьяный и разнузданный босякъ въ разсказѣ „Мальва", рѣзко отличающійся силою своего свободнаго стремленія отъ двухъ представителей крестьянскаго міра. Такова Мальва, фатальная женщина босяцкаго міра, неопредѣленные порывы которой не терпятъ никакихъ узъ и которая признаетъ только власть собственнаго влеченія. Таковы нѣкоторые изъ „Бывшихъ людей". Сильная личность интересуетъ П — ва и въ другихъ слояхъ населенія, и вездѣ этотъ восторгъ передъ силой соединяется съ полупрезрительнымъ взглядомъ на интеллигенцію, руководящуюся въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ шаблонной порядочностью и книжными правилами, а не свободными побужденіями. Большой романъ „Ѳома Гордѣевъ" выводитъ нѣсколько сильныхъ представителей купеческаго міра. Въ повѣсти „Варенька Олесова" этой силой обладаетъ дитя природы изъ помѣщичьяго круга,—дѣвушка, цѣльности которой противопоставляются безсиліе книжнаго человѣка. Въ неоконченныхъ очеркахъ „Мужикъ" интеллигентный герой „мужицкаго" происхожденія отличается непосредственной силой личности и самостоятельнымъ взглядомъ на человѣческія отношенія въ противоположность книжной узости „порядочныхъ" людей. Соотвѣтственно силѣ героевъ, языкъ П—ва отличается силою выраженій, обиліемъ красокъ, иногда вдохновенностью и въ большинствѣ произведеній—оригинальностью.

Алфавитный указатель Галлереи.

:9
14